

Российская академия наук
Институт археологии

Государственный историко-архитектурный и художественный
Владимирско-Суздальский музей-заповедник

**АРХЕОЛОГИЯ
ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ**

**МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО СЕМИНАРА
Выпуск 5**

Москва 2015

УДК 902/903
ББК 63.4
А87

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН

Редакционная коллегия:
Н.А. Макаров, С.В. Шполянский,
М.Е. Родина, И.Е. Зайцева

Составитель:
С.В. Шполянский

Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара / отв. ред. Н.А. Макаров; сост. С.В. Шполянский, М.: ИА РАН, 2015. – Вып. 5. – 288 с.

*Издание подготовлено в рамках работ по научной теме
«Новые источники по археологии Северо-Восточной Руси»*

Авторы признательны
генеральному директору Владимиро-Суздальского музея-заповедника
С.В. Мельниковой
за организационную поддержку научного семинара
«Археология Владимиро-Суздальской земли»

ISBN 978-5-94375-187-5

© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии
Российской академии наук, 2015
© Государственный историко-архитектурный и
художественный Владимиро-Суздальский
музей-заповедник, 2015
© Авторы статей, 2015

Н.А. Макаров

А.С. УВАРОВ И НАЧАЛО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

А.С. Уваров вошел в историю археологии как основатель Московского археологического общества, инициатор проведения археологических съездов, организатор и идеолог археологической науки, объединивший ее различные хронологические разделы. Его собственные научные изыскания отчасти оказались в тени грандиозной работы по налаживанию археологических исследований в России. Принято считать, что в его богатом научном наследии наибольшую ценность представляют труды по археологии каменного века и античности. Между тем полевые работы А.С. Уварова на памятниках Северо-Восточной Руси, предпринятые в 1851–1854 гг., по сути дела положили начало ее археологическому изучению и дали мощный импульс для исследования средневековых курганных могильников на Русской равнине. Речь идет о раскопках «владимирских курганов», в ходе которых на территории Владимирской и Ярославской губерний за четыре сезона было раскопано 7729 курганных насыпей в 163 «местностях» (Уваров, 1872, С. 2).

Материалы «владимирских курганов» (это название, не использовавшееся А.С. Уваровым, было введено в оборот А.А. Спицыным для обозначения большого массива могильников – от Владимира до Ростова Великого), как и подготовленный на их основе научный труд «Меряне и их быт по курганным раскопкам» (Уваров, 1871, 1872), никогда не выпадали из поля зрения археологов, но оценки их научного значения пересматривались. История раскопок известна большинству специалистов благодаря публикации части архивных материалов – официальной переписки, докладов и рапортов, составленных в течение первых двух лет работ (Материалы..., 1910, С. 23–76), и статье А.А. Спицына «Владимирские курганы» (1905), в которой коротко изложены основные сведения о ходе работ, их организации и полученных материалах, взятые преимущественно из пространной монографии А.С. Уварова и служебной переписки. Общее отношение к «суздальскому проекту» А.С. Уварова (это название кажется мне более корректным, поскольку первоначальной целью исследований были памятники Суздаля и его окрестностей) определяется несколькими тезисами: признанием научной значимости раскопок, несмотря на несовершенство полевой документации и депаспортизацию коллек-

ций; признанием, что уваровские раскопки в Суздальской земле существенно ограничили перспективы дальнейшего полевого изучения погребальных памятников в этой области; оценкой основного вывода А.С. Уварова о «мерянской» этнической принадлежности «владимирских курганов» как ошибочного; наконец, заключением, что потенциал первичной документации уваровских раскопок до сих пор не использован в полном объеме. Однако, осмысление «суздальского проекта» 1851–1854 гг. предполагает обсуждение более широкого круга вопросов, в том числе общей идеи, лежащей в его основе, обстоятельств и мотивов выбора Суздальской земли для столь широких раскопок, соотношения изначального плана работ и его реальных результатов, подходов А.С. Уварова к анализу и интерпретации суздальских древностей.

Начав в 2001 г. новый цикл полевых работ в Суздальском Ополе, я и мои коллеги из Института археологии и Государственного Исторического музея оказались в ситуации, когда мы постоянно шли по следу А.С. Уварова, не только обращаясь к его публикациям, архивным материалам и полевой документации, но и проводя повторные раскопки в тех точках, где он некогда вел работы. Это позволяет сделать некоторые новые наблюдения об исследовательском почерке ученого, о его отношении к памятникам, о том, как формировалось его видение средневековой Руси.

Напомню коротко основные моменты обсуждения и переоценки научных результатов раскопок «владимирских курганов». Исследование «Меряне и их быт по курганным раскопкам» было впервые издано в трудах Первого Археологического съезда в 1871 г., спустя 17 лет после завершения полевых работ. Хотя в книге приведены выдержки из дневников раскопок 1851–1854 гг., по своему характеру издание не является публикацией материалов полевых исследований. Это монографическое сочинение, посвященное одному из «племен» «Повести временных лет». Археологические древности выступают как важнейший, но не единственный источник для характеристики быта и истории мерян. А.С. Уваров подробно анализирует также письменные свидетельства и топонимические данные. Тем не менее «Меряне» – первый в отечественной историографии опыт опоры на археологические данные при освещении истории и этнографического облика средневековых народов. Появление книги дало мощный толчок для новых курганых раскопок в разных пунктах, в том числе Гнездове и Чернигове. Это подтверждается и ссылками на труд А.С. Уварова в публикациях Д.Я. Самоквасова (1878. С. 212, 213) и В.И. Сизова (1902. С. 5, 6). Вплоть до начала XX в. раскопки «владимирских курганов» воспринимались в археологической среде как образцовый проект, в котором материалы больших полевых работ стали прочной основой для фундаментальных научных построений. Радикальная переоценка методического уровня раскопок и обоснованности научных построений А.С. Уварова была дана в 1905 г. А.А. Спицыным, пересмотревшим основной вывод А.С. Уварова о «мерянской принадлежности» раскопанных им курганов и указавшим на несовершенство ведения полевых работ, которые не сопровождались составлением подробной документации и коллекционных описей, что привело, в конечном счете, к депаспортизации коллекции (Спицын, 1905. С. 84–90). Суждения А.А. Спицына, казалось бы, основательно аргументированные, во многом определили отношение к раскопкам А.С. Уварова в советской историографии. Оценка их как дилетантских и антина-

учных, высказанная А.В. Арциховским (1955. С. 8; 1956. С. 8), была принята большинством его младших современников.

«Реабилитация» А.С. Уварова как ответственного и квалифицированного исследователя «владимирских курганов» состоялась лишь в 1980-е годы, когда петербургские и московские археологи – Е.А. Рябинин, М.В. Седова, В.А. Лапшин, А.Е. Леонтьев, К.И. Комаров – обратились к полевой документации раскопок 1851–1854 гг. и обнаружили, что она содержит большой объем разнообразных данных, которые могут быть продуктивно использованы для характеристики погребальных памятников, расселения и этнокультурных процессов (Рябинин, 1979; Леонтьев, Рябинин, 1980; Лапшин, 1985, 1991; Лапшин, Мухина, 1988; Комаров, 1995; Седова, 1997, С. 35–38, 146, 147). Особенно важна статья В.А. Лапшина, специально посвященная полевой методике и документации А.С. Уварова. Благодаря этой работе можно считать доказанным, что А.С. Уваров и его сотрудники вели дневники на месте раскопок (впоследствии они перебеливались, в черновых вариантах сохранились вставки, которые делались позже, после расчистки вещей), в дневниках приведены покурганное описание 7622 комплексов (из 7757 раскопанных), сведения о размерах насыпей, обряде погребения, положении погребального инвентаря. Уровень фиксации в полной мере соответствовал, таким образом, стандартам своего времени (Лапшин, 1991). Следует добавить, что в дневниках А.С. Уварова содержатся сведения о приобретении металлических сит, через которые на раскопках просеивалась земля (Переписка..., 1851–1856). Знакомство с графическими материалами, сопровождавшими полевую документацию 1851 г., которая хранилась в отделе картографии ГИМ и долгое время оставалась вне поля зрения археологов¹, показывает, что А.С. Уваров самым внимательным образом фиксировал топографическое положение памятников.

А.А. Спицын, обращаясь к истории раскопок владимирских курганов, был прав в том, что впервые поставил вопросы об ответственности археолога за сохранение научной информации о памятниках, о том, насколько правомерны и допустимы сплошные раскопки памятников на больших территориях, лишаящие в будущем возможности их дальнейшего изучения. Можно согласиться, что раскопки 1851–1854 гг., «очистившие» владимирскую землю от курганов, создали серьезные препятствия для прояснения целого ряда проблем культурной истории Северо-Восточной Руси. Но из этого не следует, что А.С. Уваров не был подготовлен к раскопкам и недостаточно ответственно относился к своим обязанностям. Он строго следовал методическим правилам, существовавшим в середине XIX столетия, вел работы более квалифицированно, чем большинство его современников.

Суздальский проект А.С. Уварова интересен не только в контексте оценки методического уровня первых больших полевых работ основателя Московского археологического общества. А.С. Уваров шел от теории к практике, от общих научных представлений о средневековой Руси и ее культуре к поиску ее материальных следов. Поэтому проект важен для понимания концептуальных установок славяно-русской археологии в момент ее становления, в контексте изучения исторических идей, которые послужили обоснованием полевых изысканий, их проекции на кон-

¹ Автор признателен А.К. Зайцеву (1939–2009), заведующему отделом картографии ГИМ, обратившему мое внимание на эти материалы.

кретные археологические памятники и их трансформации в процессе соприкосновения с археологическими древностями Ростово-Суздальской земли.

Парадоксально, но уваровский план исследования древностей Суздальской земли первоначально не предполагал раскопок курганных могильников. Это обстоятельство было отмечено А.А. Спицыным. Курганы ни разу не упоминались в докладах, обосновывавших необходимость раскопок в Суздале и его окрестностях, которые А.С. Уваров адресовал министру внутренних дел Л.А. Перовскому, и в записках Л.А. Перовского, подававшихся на высочайшее имя. А.С. Уваров начал полевые работы с раскопок на местах предполагаемых княжеских дворов – в Суздале, в Кремле, вблизи церкви Афанасия и Кирилла (см. цв. вклейку, рис. I) и в Кидекше, которая, как указывает организатор раскопок в рапорте Л.А. Перовскому от 14 июля 1851 г., занимает «первое место по древности своей и важности преданий» (Материалы..., 1910. С. 48). Однако исследование культурного слоя в этих пунктах не дало ярких результатов. В Суздальском кремле, где раскопки велись с 31 мая по 26 июня 1851 г., «от древнего же княжеского жилища сохранились только обгорелые бревна, разрытые на глубине 4-х аршин». В Кидекше раскопки были начаты 2 июля (см. цв. вклейку, рис. II). Здесь, согласно рапорту от 14 июля, «открытие финифтиевых крестов, древних плит с надписями, монет и оружия дало мне надежду на жатву обильную и замечательную для археологии». Однако после месяца работ, которые продолжались с перерывами до 2 августа, А.С. Уваров обнаружил здесь лишь клад монет Михаила Федоровича и архитектурные детали («обломки колонн и баяс древнейшего византийского стиля»), которые он связал с постройкой Юрия Долгорукого. Таким образом, после двух месяцев раскопок, на которые была выделена внушительная по тем временам сумма – 2500 руб., были получены весьма скромные результаты, ни в коей мере не соответствовавшие заявленным в записке императору «богатым открытиям», картине Суздальской земли как области, «прославленной в нашей отечественной истории», нарисованной в первом докладе А.С. Уварова Л.А. Перовскому (Материалы..., 1910. С. 24, 25).

Поэтому еще 16 июля, когда работы в Кидекше не были завершены, А.С. Уваров начал пробные раскопки курганов в окрестностях Суздаля: сначала у с. Михайловского (Михали) при впадении р. Мжара в р. Каменка; затем, 23 июля, на левом берегу р. Нерль напротив с. Новоселки (23 июля); наконец, 3 августа, напротив с. Красное на левом берегу Нерли. Во всех случаях раскопками оказались затронуты курганы с ингумациями XI–XII вв., сопровождавшиеся скромным инвентарем или вовсе не содержавшие находок. Так, в дневниковой записи от 14 августа, документирующей результаты раскопок «Исадских курганов», читаем: «Разрыто 19 курганов и кроме сгнивших костей ничего не найдено, только с одного черепа снят кусочек ... позумента». Однако 20-й курган, раскопанный в тот же день, дал сенсационные находки: в нем было обнаружено ставшее впоследствии знаменитым «Суздальское оплечье» – клад серебряных медальонов, как записано в дневнике, «серебряные вызолоченные вещи» (Дневник ..., 1851. Л. 48об., 49). Эти предметы не имели связи с погребениями, очевидно, клад был зарыт в насыпи более раннего кургана, скорее всего – во время Батыева нашествия. Тем не менее, можно полагать, что именно эта неожиданная находка подпитала интерес к курганам и заставила А.С. Уварова продолжить их исследование. По словам

А.А. Спицына, «эта находка совершенно изменила первоначальный план раскопок и направила их на исследование курганов, которые в начале совсем не были приняты в расчет» (Спицын, 1905. С. 85). В конце августа – начале сентября 1851 г. объектами раскопок оказались, наконец, более ранние погребальные памятники, курганы X–XI вв. у сел Гнездилово и Черниж, содержавшие помимо ингумаций погребения по обряду кремации и значительно более многочисленный и разнообразный погребальный инвентарь. С этого момента программа курганных раскопок стала давать яркие и в значительной степени прогнозируемые результаты.

И спустя два с половиной месяца после раскопок первых курганных насыпей, в рапорте А.С. Уварова от 4 октября она впервые получила теоретическое обоснование. «Местности, прославившиеся в древние исторические времена, всегда покрыты многочисленными курганами. То же самое встречается в окрестностях Суздаля. Раскапывая эти могилы, мы можем ясно и наглядно изследовать историю древнейшего населения этого княжества. Сравнивая между собою все находимые памятники и изучая подробно всякую открытую вещь, можно дойти до точного почти определения времени, в которое насыпаны были эти курганы и каким именно народом» (Материалы..., 1910. С. 49). За оставшееся время в конце лета и осенью 1851 г. (работы завершились 29 сентября) было раскопано 730 курганов в 22 пунктах, что зафиксировано в последнем рапорте от 28 октября (Материалы..., 1910. С. 50). Комментируя впоследствии эти записи, А.А. Спицын отметил, что первоначальный план работ, составлявшийся «с великими надеждами, но совершенно ошпью», был в конце концов совершенно изменен на месте (Спицын, 1905. С. 85).

Для начинающих археологов курганы оказались более притягательными объектами, чем культурный слой поселений, не только потому, что некоторые погребения содержали яркие вещевые находки, неповрежденные украшения и бытовые вещи. А.С. Уваров не избежал ошибок при хронологической атрибуции некоторых могильников: так курганы на Михайловой стороне Суздаля были первоначально определены как памятники «польских войн» (Материалы..., 1910. С. 50). Тем не менее, сам характер курганных могильников делал их более простыми и понятными для интерпретации, чем культурный слой поселений и остатки средневековых построек. А.С. Уваров, используя письменные источники (очевидно, сочинение ключаря суздальского Рождественского собора Анании Федорова (Историческое..., 2012)), правильно локализовал местоположения княжеских дворов, но он не сумел идентифицировать средневековые постройки в культурном слое, «расшифровать» стратиграфию культурных отложений, датировать постройки и сооружения по найденным в них керамике и вещам. «Древние могилы» оказались по своей структуре более простыми и понятными для интерпретации объектами, чем культурный слой и поселенческие комплексы. Поэтому поворот А.С. Уварова в сторону изучения курганов был в определенном смысле оправдан самим состоянием научных знаний и методов полевой археологии. Этот поворот обозначил исследование древнерусских могильников как особое направление археологии, доминировавшее вплоть до начала 1930-х годов.

Но еще интереснее второй поворот в подходах А.С. Уварова к изучению суздальских древностей – поворот в осмыслении этнической принадлежности основной массы археологических памятников Суздальской земли, или, выражаясь

языком археологов той эпохи, «народности» этих памятников. Первоначальной целью раскопок в Суздале и его окрестностях, как следует из доклада А.С. Уварова Л.А. Перовскому от 3 марта 1851 г., было «открытие важных русских древностей», при этом новгородская почва признавалась «ненадежной» для подобных поисков как испытывавшая влияние «чужестранных купцов», содержащая «чужестранные произведения» (Материалы..., 1910. С. 24, 25). Суздальская земля привлекала его прежде всего возможностью прояснить облик средневековой русской культуры в ее чистом виде. Однако уже в конце первого года раскопок в бумагах А.С. Уварова появляется «мерянская тема». Первое упоминание о мере мы находим в рапорте от 4 октября 1851 г. «Из слов Нестора мы узнаем, что первыми обитателями земли Суздальской были два народа: на севере Меря, на юге – Мурома». ... К курганам, насыпанным мерянами, можно отнести могилы, лежащие близ села Гнездилово». В кургане на полях д. Исады, где было найдено суздальское оплечье, «вероятно, похоронен был какой-нибудь мерянский князь, получивший эти бармы от Греческого императора в знак оказанных им услуг» (Материалы..., 1910. С. 49). А.С. Уваров укрепляется в правоте мерянской атрибуции суздальских древностей в течение второго года раскопок. В рапорте от 30 августа 1852 г. мы читаем: «Розыскания древностей в курганах Суздальского уезда довели до полного убеждения, что большая часть из них насыпаны были первыми жителями тех стран, мерянами» (Материалы..., 1910. С. 51). Мерянская принадлежность «владимирских курганов» получила окончательное обоснование в итоговой публикации по материалам раскопок 1851–1854 гг., подготовленной к изданию для Первого Археологического съезда спустя многие годы после завершения работ.

Исходным моментом для мерянской атрибуции «владимирских курганов» для А.С. Уварова, как следует из его сочинения, послужили летописные известия о расселении меря на озерах Неро и Плещеево и топонимические материалы, а также некоторые наблюдения относительно погребального обряда и вещевых находок из курганов. Ход мысли ученого, столь однозначно настаивавшего на мерянской принадлежности средневековых некрополей, часть которых находилась в непосредственной близости от крупнейших городских центров Северо-Восточной Руси XI–XII вв., до конца неясен. А.А. Спицын убедительно показал, что эти выводы недостаточно обоснованы: погребальный обряд владимирских курганов – трупоположения с западной ориентировкой со скудным инвентарем – классический древнерусский обряд, основная часть украшений принадлежит к типам, получившим массовое распространение у восточных славян. А.А. Спицын, однако, был не вполне прав, считая финский элемент в этих курганах незначительным – в курганных группах X–XI вв. в изобилии представлены украшения поволжско-финских типов, которые могли быть распространенными в том числе и в мерянской среде. Но для характеристики идейных установок русской археологии середины XIX в. важнее другое обстоятельство. А.С. Уваров, получивший средства на поиски самобытных русских древностей, ставивший перед собой задачу выявления их облика, изменил свою научную программу и свое видение средневековой Суздальской земли, столкнувшись с памятниками, которые в его глазах имели иной культурный облик. Первоначальный замысел исследования, основанный на патриотической идее выявления архетипа древнерусской культуры, был коренным образом пересмотрен.

Молодой А.С. Уваров действовал как ученый, стремившийся выяснить истину и не связанный идеологическим заказом.

Возвращаясь к вопросу о качестве и методическом уровне раскопок, следует отметить, что А.С. Уваров оказался пионером составления графической документации по древнерусским курганам. Графические материалы, сопровождающие полевую документацию 1851 г., собраны в отдельном альбоме «Суздаль. Планы и карты. 1851–1852»² (ГИМ, отдел картографии. Ф. I гр. № 65397. ТО № 3662). А.А. Спицын считал эту документацию бесследно исчезнувшей: «при сем исполнено было 15 рисунков и 43 плана (которые, кстати сказать, куда-то бесследно исчезли)» (Спицын, 1905. С. 85). «Уваровский альбом» включает карты Суздальского уезда с обозначением мест раскопок, топографические планы сел Кидекша и Абакумлево, где проводились раскопки, и топографические планы курганных групп – всего 44 чертежа, выполненных тушью и акварелью владимирским землемером В. Аляевым по материалам инструментальной съемки, выполнение которой специально отмечено в отчете (Архив ИИМК РАН. Ф. 6. № 165. Л. 56). Тридцать чертежей курганных групп, сделанных В. Аляевым, можно считать первым опытом составления планов курганных могильников Центральной России для археологических отчетов. Они дают достаточно полное представление о ландшафтном положении и конфигурации курганных могильников, о размерах курганных насыпей (см. цв. вклейку, рис. III, IV). Для большинства других областей Европейской России подобная документация появляется лишь в конце XIX в., но и в это время она изготавливалась далеко не во всех случаях. На «Плане поселений, окружающих г. Суздаль, с находящимися при них курганами», точно отмечены все 22 урочища, в которых в 1851 г. проводились раскопки, все они идентифицируются с археологическими объектами, описанными в дневнике. Можно считать, что эти чертежи – определенная компенсация за утрату подлинных памятников, большинство из которых было раскопано «на снос».

При раскопках в Кидекше в 2011 г. мы повторно вскрыли траншеи А.С. Уварова у северной стены церкви Бориса и Глеба. Выяснилось, что это глубокие, почти двухметровые траншеи, доходившие до материка. После новых раскопок стало понятно, почему полевые исследования 1851 г. здесь были столь неудачны. Участок вблизи храма, где велись поиски княжеского двора, был занят большим кладбищем, функционировавшим, судя по находкам крестов-тельников с эмалью, до конца XVIII – начала XIX в. Значительная часть некрополя была полностью перекопана рабочими А.С. Уварова, после чего кости были сложены на дно траншеи. Следы этих раскопок свидетельствуют об удивительной настойчивости поисков и одновременно о весьма бесцеремонном для середины XIX в. поведении археологов на позднем кладбище, приносившемся, по сути дела, в жертву науке (рис. 1).

Известно, что осенью 1851 г. А.С. Уваров проводил в Суздальском Спасо-Евфимиевском монастыре поиски и раскопки усыпальницы князей Пожарских и Хованских. Целью этих работ была идентификация могилы Дмитрия Михайловича Пожарского. 23 февраля 1852 г. специальной комиссией при участии А.С. Уварова,

² Указание на то, что в альбом включены чертежи двух первых лет раскопок во Владимирской губернии, не соответствует действительности – все планы и карты, фиксируют памятники, исследованные в 1851 г., что в большинстве случаев, отмечено на самих чертежах.

Рис. 1. Кидекша. Раскоп Суздальской экспедиции ИА РАН у северного портала церкви Бориса и Глеба. 2011 г. (1, 2). В профиле раскопа видна траншея 1851 г. и остатки переотложенных погребений, задетых раскопками А.С. Уварова

М.П. Погодина, владимирского епископа Иустина и ряда должностных лиц предполагаемая гробница Пожарского была вскрыта. Комиссия сделала заключение, что белокаменный саркофаг без надписи на крышке, содержащий останки мужчины в боярском одеянии, принадлежал князю Дмитрию Михайловичу. Позднее, в 1885 г., над усыпальницей была сооружена часовня-усыпальница по проекту А.М. Горностаева, снесенная в 1933 г. и восстановленная в 2008 г. Усыпальница Пожарских была повторно исследована экспедицией Института археологии в 2008 г. под руководством Л.А. Беляева. Материалы раскопок 1851–1852 гг. и результаты новейших исследований некрополя подробно рассмотрены в монографии Л.А. Беляева (2013). При повторной расчистке усыпальницы выяснилось, что большая часть обнаруженных в 1851 г. гробниц и саркофагов была сохранена А.С. Уваровым в целостности. Они были законсервированы, засыпаны землей таким образом, что участники раскопок 2008 г. смогли повторно исследовать их на своих местах. Крышка саркофага над гробом Пожарского была расколота на две части, трещины оказались аккуратно прикрыты двумя кирпичами (рис. 2). Были ли они положены по инициативе А.С. Уварова или его сотрудников? Можно полагать, что это было сделано не без ведома А.С. Уварова, лично занимавшегося раскопками усыпальницы, вскрытием саркофага и надзором за «приведением места погребения в “первобытное состояние”». В донесении от 16 сентября 1852 г. А.С. Уваров писал, что при установке часовни-памятника гробница может пострадать, «ибо камень, из которого она сделана, не довольно надежен по причине 200-летнего пребывания его в земле» (Беляев, 2013. С. 29).

Наконец, еще один памятник, где археологи идут сегодня по следам А.С. Уварова, – курганный могильник у с. Шекшово, в урочище Половецкая лужа, или Валганы, на небольшой речке Урда, притоке Ирмеса. У с. Шекшово находилась самая большая курганная группа из всех, исследованных А.С. Уваровым в Суздальском Ополе. В 1852 г. здесь было вскрыто 244 погребальные насыпи. В современных ландшафтах, на полях, окружающих с. Шекшово, нет никаких следов курганов, однако место могильника удалось локализовать по находкам вещей из погребений в распашке и данным геофизической съемки местности. За три сезона полевых работ Суздальской экспедицией здесь вскрыта площадь около 1000 м², выявлены остатки 6 курганных насыпей, исследовано 7 погребений по обряду ингумации в грунтовых ямах и остатки погребений по обряду кремации, собрана большая коллекция средневековых вещей (Макаров, Красникова, Зайцева, 2014). К нашему удивлению, на вскрытых в 2012–2013 гг. участках нет остатков курганов со следами старых раскопок и поисковых траншей, очевидно, они оказались не затронуты работами А.С. Уварова. Единственный предполагаемый след раскопок 1852 г. – медная полушка 1850 г., найденная на пашне при сборе средневековых вещей. Вероятно, монета была потеряна рабочими А.С. Уварова.

Таким образом, раскопки А.С. Уварова под Суздалем и Ростовом впервые поставили перед российским обществом и российской наукой острые проблемы соотношения в археологии физического сохранения памятников и исследования их для получения новых исторических знаний, без которых ценность этих памятников не может быть раскрыта. А.С. Уваров еще мало осознавал этот конфликт, который стал обсуждаться в европейской археологической науке значительно поз-

Рис. 2. Усыпальница князей Пожарских-Хованских в Суздальском Спасо-Евфимиевском монастыре. Саркофаг князя Д.М. Пожарского. Раскопки Л.А. Беляева 2008 г.

же, в середине XX в. Сегодня, повторно обращаясь к тем памятникам, на которых вел работы А.С. Уваров, мы видим, что его раскопкам свойствен не только «богатырский размах», но и искусство точно фиксировать древности, стремление сохранить древние объекты там, где это возможно, как в случае с усыпальницей князей Пожарских. В числе дарований А.С. Уварова открывается неожиданная в аристократе интуиция археолога-полевика, быстрая реакция на новые материалы, способность менять первоначальные планы полевых работ, отталкиваясь от новых находок. Грандиозными раскопками владимирских курганов А.С. Уваров, безусловно, превысил разумные объемы исследований, необходимые для научной характеристики средневековых могильников Ростово-Суздальской земли. Но, как это ни парадоксально, составленные им отчетные материалы – едва ли не единственная документация, по которой мы сегодня можем восстановить первоначальный облик этих памятников. Сегодня, когда исторические ландшафты России стремительно меняются, а масштабные охранные раскопки рассматриваются как универсальное средство сохранения археологических древностей на новостройках, эти уроки XIX в. весьма актуальны. Они показывают, сколь значительная часть археологического наследия Северо-Восточной Руси утрачена за прошедшие 160 лет, и накладывают на нас ответственность как за сохранение оставшихся археологических следов средневековья, так и за полноценное научное документирование археологических объектов на новостройках, в тех случаях, когда их физическая сохранность не может быть обеспечена.

Литература

- Арциховский А.В.*, 1955. Основы археологии. М.: Гос. изд-во политической литературы. 280 с.
- Арциховский А.В.*, 1956. Археологическое изучение Новгорода // Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР. С. 7–43. (МИА; № 55).
- Беляев Л.А.*, 2013. Родовая усыпальница князей Хованских и Пожарских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М.: ИА РАН. 264 с.
- Дневник...*, 1851. Дневник археологических исследований, произведенных графом Алексеем Сергеевичем Уваровым в г. Суздале и его окрестностях в течение июня, июля, августа и сентября месяца 1851 г. // ГИМ. Отдел письменных источников. Ф. 17. Оп. 1. Д. 209.
- Историческое...*, 2012. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале Анании Федорова. Владимир: Владимиро-Суздальский музей-заповедник. 303 с.
- Комаров К.И.*, 1995. К истории населения побережья Плещеева озера в X–XIII вв. // Сообщения Ростовского музея. Вып. VIII. Ярославль: Содействие. С. 137–172.
- Лапшин В.А.*, 1985. Население центрального района Ростово-Суздальской земли X–XIII вв. (по археологическим материалам): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л. 18 с.
- Лапшин В.А.*, 1991. О методике раскопок владимирских курганов // Уваровские чтения: тез. докл. 1-й науч. конф. (Муром, 1990 г.). Муром: Муромский историко-художественный музей. С. 7–9.
- Лапшин В.А., Мухина Т.Ф.*, 1988. Раннесредневековый археологический комплекс у с. Васильково под Суздалем // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М.: ИА РАН. С. 132–149.
- Леонтьев А.Е., Рябинин Е.А.*, 1980. Этапы и формы ассимиляции летописной мери // СА. № 2. С. 67–79.
- Макаров Н.А., Красникова А.М., Зайцева И.Е.*, 2014. Средневековый могильник Шекшово в Суздальском Ополе: спустя 160 лет после раскопок А.С.Уварова // КСИА. Вып. 230. С. 219–233.
- Материалы...*, 1910. Материалы к биографии гр. А.С.Уварова // Уваров А.С. Сборник. Т. III: Материалы для биографии и статьи по теоретическим вопросам / Под ред. гр. П.С. Уваровой. М.: Тип. А.И. Мамонтова. С. 1–172.
- Переписка...*, 1851–1856. Переписка, отношения, открытый лист А.С. Уварову, связанные с археологическими работами в Суздале, Суздальском и Юрьевском уездах. Докладная записка министра внутренних дел Л.А. Перовского о важности археологических исследований в Суздале и его окрестностях. Март 1851– май 1856 г. // ГИМ. Отдел письменных источников. Ф. 17. Оп. 1. Д. 208.
- Рябинин Е.А.*, 1979. Владимирские курганы (опыт источниковедческого изучения материалов раскопок 1853 г.) // СА. № 1. С. 228–244.
- Самоквасов Д.Я.*, 1878. Северянские курганы и их значение для истории // Тр. Третьего Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Т. I. Киев. С. 185–224.
- Седова М.В.*, 1997. Суздаль в X–XV вв. М.: Информ.-изд. агентство «Русский мир». 236 с.
- Сизов В.И.*, 1902. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1: Гнездовский могильник близ Смоленска. СПб.: Тип. Главного управления уделов. 136 с. (МАР; № 28).
- Спицын А.А.*, 1905. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. С. 84–172.
- Уваров А.С.*, 1871. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Тр. I Археологического съезда в Москве (1869 г.). Т. II. М.: Синодальная тип. С. 633–847.
- Уваров А.С.*, 1872. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М.: Синодальная тип. 217 с.

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ

С.И. Милованов

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ОСВОЕНИЯ СТОЧНОЙ ЧАСТИ ПЕЧЕРНОГО ГОРОДА ВЛАДИМИРА-НА-КЛЯЗЬМЕ¹

В последние десятилетия в результате проведения обширных археологических исследований в г. Владимире получены материалы, позволяющие пересмотреть сложившиеся представления по топографии города и его истории.

Наиболее значимы из таких работ совместные исследования экспедиции Института археологии РАН и сотрудников Владимирского областного центра археологии, проводившиеся в 2010–2011 гг. Охранные археологические раскопки осуществлялись на территории, где в эпоху средневековья располагались оборонительные укрепления (Ивановский вал), ограничивающие с восточной стороны центральную часть г. Владимира – «Мономахов» или «Печерный» город (рис. 1). В соответствии с письменными и картографическими источниками, укрепления на данном участке в конце XVIII – первой половине XIX в. были срыты. В последующее время данная территория активно застраивалась вплоть до середины XX столетия.

Раскоп имел неправильную геометрическую форму (по контуру будущего здания) общей площадью около 325 м² (рис. 2). Мощность культурных напластований, зафиксированных в раскопе, составила от 4 до 5 м. В результате исследований выделено семь этапов в истории, связанных с освоением данной части города и существованием оборонительных укреплений в эпоху средневековья и Новое время (Милованов, 2013). Данная статья посвящена публикации материалов, связанных с культурными напластованиями, предшествовавшими сооружению фортификаций в данной части города (I и II этапы).

Участок исследования находился на краю коренной террасы, ограниченной с северо-востока оврагом, к настоящему времени засыпанным (современная ул. Осьмого), кромка которого зафиксирована в восточной части раскопа, на глубине 5 м от уровня современной поверхности (рис. 2). Ровная поверхность материка плавно понижается в направлении с юга на север, перепад высот составил

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-31-01212.

около 1 м. Данный уклон объясняется естественным понижением плато в сторону оврага и р. Лыбедь (рис. 1).

Непосредственно на материке залегал слой плотного сильногумусированного суглинки темно-серого цвета максимальной мощностью 18–24 см с небольшим количеством мелких фракций древесного угля. Данный слой фактически не содержит находок, за исключением 58 фрагментов круговых сосудов древнерусского времени, изготовленных из ожелезненной глины с примесью дресвы или песка. На некоторых участках в профилях раскопа прослежена ровная нижняя граница слоя, свидетельствующая о том, что он представляет собой древнюю пашню. При этом на материке следы борозд не прослежены. Данное обстоятельство указывает на не глубокую распашку с использованием легкого пахотного орудия.

На погребенной почве залегали слои, связанные с жилым горизонтом, зафиксированным под первоначальными фортификационными сооружениями. Максимальная мощность слоев достигала 3–4 см. Все объекты, относящиеся к начальному этапу заселения данного участка, сконцентрированы в юго-западной части раскопа. С данным горизонтом связаны две наземные срубные постройки, несколько хозяйственных и столбовых ям (рис. 2).

Рис. 1. План Владимира-на-Клязьме в XII–XIII вв. (по: Воронин, 1961).

I – Мономахов (Печерный) город; II – Новый город; III – Ветчаный город; IV – детищец; 1 – Золотые ворота; 2 – Оринины ворота; 3 – Медные ворота; 4 – Торговые ворота; 5 – Волжские ворота; 6 – Ивановские ворота; 7 – Серебряные ворота; 8 – ворота детищеца; 9 – исследования Ивановского вала в 2010–2011 гг.; 10 – исследования Ивановского вала в 1953 г.

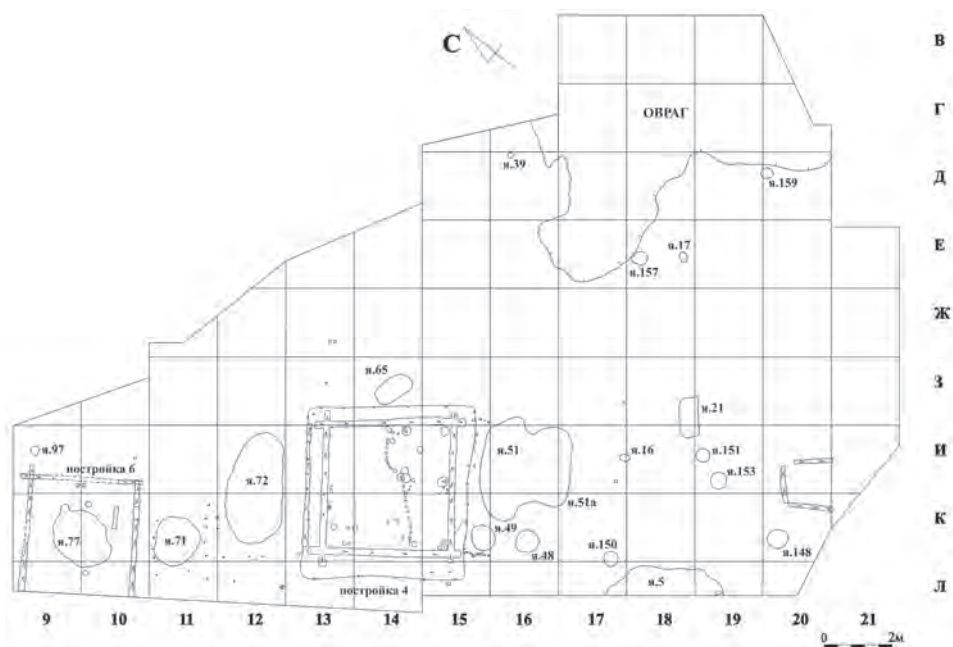

Рис. 2. Исследования Ивановского вала в 2010–2011 гг. Сводный план объектов I жилого горизонта

Центральное место среди них занимает комплекс, образованный наземной срубной постройкой (постройка 4)² и хозяйственными ямами. Постройка имеет очень хорошую сохранность, для памятника с сухим культурным слоем, позволяющая проследить как ее внутреннюю планировку, так и конструктивные особенности.

Нижние венцы сруба и деревянные элементы постройки сохранились в виде пустот или отпечатков в грунте, заполненных древесным тленом. Такая сохранность обусловлена тем, что после прекращения функционирования жилища и его разбора нижние венцы сруба и другие элементы постройки были фактически сразу же перекрыты материковым суглинком, при возведении первых фортификационных сооружений.

Постройка исследована полностью. Она представляет собой однокамерное жилище с печкой (рис. 2, 3). Его размеры по внутреннему периметру составили $3,7 \times 3,6$ м (13,32 м²). Она была возведена на платформе размерами 5×5 м, образованной из плотных суглинков темно-серого и желто-бурого (охристого) цветов. Границы фундаментной площадки выходили за внешние венцы сруба на 50–60 см. Мощность платформы увеличивалась с юго-запада на северо-восток по направле-

² Нумерация объектов дается в соответствии с отчетной документацией: *Милованов С.И.* Отчет о проведении охранных археологических исследований в зоне строительства здания по адресу г. Владимир, ул. Б. Московская, 61 в 2010–2011 гг. (в 4-х томах) // Архив ИА РАН. Р-1. 2012.

нию понижения материка с 13 до 20 см. По внешнему периметру площадки со всех четырех сторон зафиксированы небольшие круглые ямки ных кольев. Расстояние между ндиаметром 3–5 см, заполненные древесным тленом от вбитых в грунт заостренными составляло 0,1–0,9 м. Иногда как с внешней стороны ямок, так и с внутренней прослеживаются полосы древесного тлена. Они свидетельствуют о существовании плетня или какой-то иной деревянной конструкции, ограничивающей по периметру земляную платформу, на которой была возведена постройка.

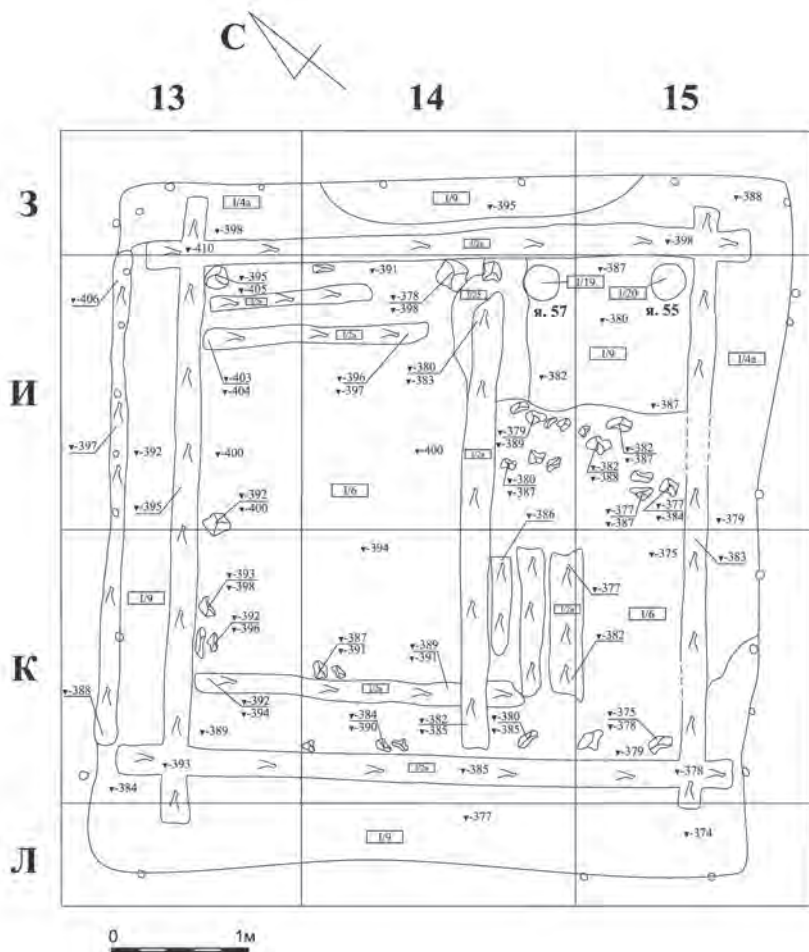

Рис. 3. План постройки 4 на уровне пола.

Обозначение слоев: I/2в – древесный тлен; I/4а – плотный суглинок темно-серого цвета; I/6 – темно-серый суглинок насыщенный древесным углем, мелкими фракциями пещины и древесным тленом; I/9 – плотный желто-бурый (охристый) материковый суглинок; I/19 – суглинок серого цвета; I/20 – суглинок серого цвета с включением пещины; I/25 – обожженная глина

Целью сооружения земляной площадки было создание ровной поверхности для последующего строительства сруба. А конструкция, зафиксированная по периметру площадки, защищала ее от расползания, следовательно и от проседания саму постройку.

Аналогии данной домостроительной традиции на территории Владимира пока не известны. Среди опубликованных материалов раскопок в г. Суздале есть упоминание об одной постройке, возведенной на глиняной подушке. Она датируется автором раскопок концом XIII – началом XIV в. (*Седова, 1997. С. 112, 113*).

Подобная традиция возведения фундаментных земляных площадок, на которых помещались жилища, хорошо известна в Новгороде. Преимущественно каркас фундаментных площадок сооружался исключительно из бревен, которые скреплялись либо рубкой «в обло» или «в замок» (обвязка), либо же не скрепленные в углах бревна (обноски), фиксировались с внешней стороны кольями. Только в одном случае из 50 зафиксированных на Троицком раскопе прослежена фиксация бревен обносок при помощи плетня (*Фараджева, 2009. С. 567*). Традиция сооружения фундаментных площадок в Новгороде наибольшее распространение получила в 30-х годах X – начале XI в., и с середины XII в. исчезла совсем (*Фараджева, 2009. С. 568, 574*).

Сооружение земляных фундаментов широко известно в Киеве среди построек X–XII вв., исследованных на Подоле. В сравнении с новгородскими материалами прослежены более разнообразные приемы сооружения конструкций, удерживающих землю площадок от расползания (*Сагайдак, 2010. С. 534, 535*). Помимо сооружения обвязок из бревен площадки по периметру огораживались досками, установленными на ребро и укрепленными с внешней стороны вертикально вбитыми кольями. Были распространены случаи укрепления площадок по периметру с помощью плетня.

Основываясь на материалах и Киева, и Новгорода, исследователями отмечается, что обустройство земляной платформы проводилось исключительно под жилую постройку, в то время как вспомогательные жилища ставились непосредственно на землю (*Фараджева, 2009. С. 573; Сагайдак, 2010. С. 535*). Данное наблюдение относится и к рассматриваемому сооружению.

В его восточном углу зафиксированы слои разрушенного отопительного сооружения – плотный желто-бурый (охристый) материковый суглинок размерами 1,1 × 1,7 и мощностью до 0,25 м, с камнями, перекрытый желто-бурым (охристым) материковым суглинком, насыщенным печиной и древесным углем, и слоем обожженной глины. После разбора данных слоев было выявлено пять ям от опорных столбов опечка (рис. 3). Четыре ямы образуют в плане квадрат размерами 1 × 1,1 м, пятая яма располагалась в центре квадрата. В период функционирования жилища опечек неоднократно ремонтировался. Об этом свидетельствуют прорезающие друг друга ямы в западном углу конструкции. Удалось проследить, что в качестве опоры использовались не круглые столбы, а треугольные в поперечном сечении плахи, образованные раскалыванием ствола вдоль. С юго-западной стороны от опорных столбов прослежен ряд ям от вбитых колов и плах, образующих полукруг, примыкающий непосредственно к опорным столбам. Возможно это следы дополнительной опоры площадки опечка перед устьем печи.

Зафиксирована интересная деталь организации внутреннего пространства жилища. Оно было разделено перегородкой на две неравные по площади части. Следы перегородки в виде линии, образованной ямками от вбитых колов диаметром 3-4 см, прослежены в направлении от юго-западной стены сруба к внешнему опорному столбу печка, к которому примыкала вплотную. Площадь, возможно, хозяйственной зоны составляла примерно около 2,2 м².

В процессе исследования сруба были расчищены отпечатки нескольких бревен и плах, лежавших на полу. Связывать их с какими-либо конструктивными элементами жилища затруднительно.

В 60 см к юго-востоку от постройки зафиксированы две овальные в плане ямы 51 и 51а, имеющие ту же ориентировку, что и постройка (рис. 2). Ямы разделены материковой стенкой толщиной 20 см. Их размеры – 1,48 × 3 и 1,2 × 2,28, глубина – 0,75 и 0,7 м соответственно. Наблюдения над характером заполнения ям позволяют говорить, что они использовались и были засыпаны одновременно еще в процессе функционирования жилой постройки, так как слой, отложившийся на погребенной почве за пределами жилища, перекрывает слои, образовавшие засыпку ямы.

У восточного и южного углов постройки в длину на 70–80 см прослежены линии ямок от вбитых колов, которые продолжают линию стен сруба и ограничивают овальные ямы с северо-востока и юго-запада. По-видимому, данный комплекс представляет собой огороженную хозяйственную пристройку с ямами и отдельным входом, который маркируют две столбовые ямы 48 и 49 с юго-западной стороны. Расстояние между ними – 60 см. Дополнительное свидетельство существования входа с этой стороны – тот факт, что в обеих хозяйственных ямах на дне со стороны предполагаемого входа зафиксированы материковые ступеньки. Хотя хозяйственные ямы и были засыпаны в период функционирования жилища, пристройка либо не была разобрана до конца, либо она продолжала функционировать, о чем можно судить по тому, что деревянные столбы, возможно от входа, выкопаны одновременно с разбором жилой постройки, а ямы засыпаны суглинком, составлявшим первоначальную насыпь вала. Точные размеры пристройки не установлены, но не менее 3 × 4 м.

Два одновременных аналогичных хозяйственных комплекса, примыкающих к жилищу, прослежены к северо-западу от него. От первого более раннего комплекса зафиксирована линия в длину на 3,9 м, образованная ямками от вбитых колов, примыкавшая к западному углу земляной площадки. Еще одна линия ямок, образующая с первой прямой угол, ориентирована по линии ЮЗ–СВ и прослежена в длину на 1,75 м. В углу, образованном линиями ямок, находилась овальная яма 71 размерами 1,26 × 1,43 и глубиной 0,4 м.

По-видимому, после прекращения функционирования пристройки была сооружена другая, меньшая по размерам. От нее зафиксированы юго-западная и северо-восточная стены в длину на 3,2 и 2,4 м соответственно. Стены так же прослежены в виде линий, образованных ямками от вбитых колов. В пределах ограниченного пространства располагалась овальная в плане яма 72 размерами 1,68 × 3,26 и глубиной 0,83–0,9 м. Ориентирована яма, как и жилая постройка. Наблюдения над стратиграфией заполнения ямы, свидетельствуют, что она перестала использоваться и была засыпана одновременно с прекращением функционирования жилой постройки.

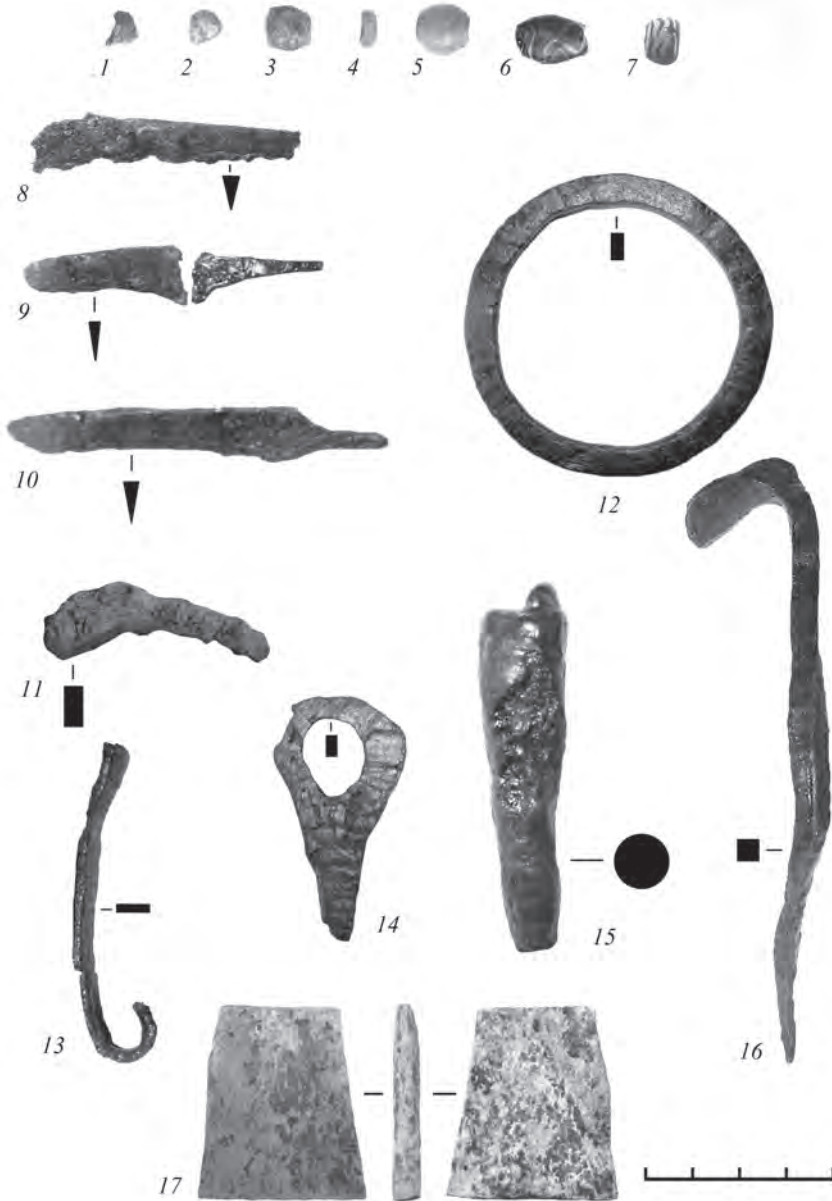

Рис. 4. Индивидуальные находки из жилого горизонта под насыпью Ивановского вала.

1–7 – стеклянные бусы; 8–11 – ножи железные; 12 – кольцо железное; 13 – дужка ведра железная; 14 – пробой железный; 15 – втулка железная; 16 – костьль железный; 17 – заготовка гребня из рога

Описанные выше объекты представляют собой разновременные пристройки с легкими стенами, возможно плетневыми, примыкавшие с обеих сторон к жилищу срубной конструкции.

В 4,8 м к северо-западу от жилища находилась вторая срубная наземная постройка 6, относившаяся к рассматриваемому жилому горизонту. Ее сохранность хуже. Следы бревен нижнего венца сруба прослежены в виде отпечатков в пахотном горизонте на небольшую глубину. Они зафиксированы не по всему периметру, но все же позволяют определить ее размеры. Отметим, что постройка исследована в раскопе не полностью. Это обстоятельство не позволяет утверждать, какой тип сооружения зафиксирован – однокамерный сруб или пятистенки. Исследованные размеры в ширину составили 3,05 м (по внутреннему периметру), максимально прослеженная длина – 3,1 м, таким образом, площадь постройки составляла не менее 9,5 м².

Внутри нее по всей площади прослежен слой плотного материкового суглинка желто-бурого (охристого) цвета мощностью 5–7 см. Он располагался на погребенной почве. Вероятнее всего, этот слой представляет собой остатки глинобитного пола, насыщенного уже после сооружения сруба, о чем свидетельствует тот факт, что он не зафиксирован за пределами отпечатков нижних венцов сруба. Подобные наземные постройки с глинобитными полами без подполий известны на селищах XII–XIII вв. Суздальского Ополья: Вишенки 3 и Кистыш 3 (*Красникова, Федорина, 2008*).

В центральной части постройки исследована яма 77 овальной в плане формы размерами 1,45 × 1,85 м с пологими стенками и глубиной 0,6 м. Она была выкопана спустя какое-то время после сооружения постройки, так как прорезала глинобитный пол. Вопрос, была ли она выкопана во время функционирования постройки или уже после, остается открытым. Возможно она представляла собой небольшое подполье.

Достоверное местоположение отопительного устройства в исследованной части сруба определить не удалось. Отметим, что внутри площади постройки зафиксирован слой темного серо-коричневого суглинка с большим количеством обожженных камней. Этот же слой прослежен в верхнем заполнении ямы. По-видимому, это остатки отопительного сооружения, находившегося в постройке и разобранным после прекращения его функционирования.

С рассматриваемым жилым горизонтом связана яма 5, представляющая собой подполье наземного сооружения. Исследована яма в раскопе не полностью, вследствие чего определить ее форму затруднительно. Максимально зафиксированные размеры с юго-востока на северо-запад составили 3,5 м, с юго-запада на северо-восток – 0,82, глубина – 0,74–0,98. Стенка ямы пологие. В северо-западной части объекта в длину на глубине 0,67 м зафиксирована материковая ступенька. Яма засыпана в момент сооружения оборонительных укреплений.

При рассмотрении объектов, относящихся к начальному этапу освоения данной части города, возникает вопрос – являются ли они жилыми домами разных дворовладений или же представляют собой единый усадебный комплекс. Однозначного ответа дать нельзя, но все же отсутствие следов забора или частокола при такой сохранности культурных остатков и элементов деревянных конструкций, когда удалось зафиксировать даже следы плетня или легких стен из вбитых кольев, заставляет предположить, что это одна усадьба.

Интересен тот факт, что обе постройки и крупные хозяйственные ямы имеют общую ориентировку по линии СВ–ЮЗ. С одной стороны, это может свидетельствовать о подчиненности планировки рельефу, когда все постройки были ориентированы параллельно кромке древнего оврага. Но с другой стороны, они ориентированы и параллельно будущей центральной магистрали Печерного города. По всей видимости, исследованные объекты отражают начало складывания уличной планировки неукрепленного посада, которая впоследствии была довольно органично включена в состав общегородской планировочной системы.

Наблюдения над стратиграфией заполнения ям, сохранностью деревянных конструкций, характером слоя, отложившегося на пахотном горизонте, позволяют говорить, что исследованные в раскопе постройки (усадьба), функционировавшие здесь до начала возведения оборонительных укреплений, не погибли в пожаре, а были разобраны, и фактически сразу же на освободившейся территории началось строительство фортификационных сооружений. В пользу этого свидетельствует следующее:

- отсутствие следов пожара, каких-либо сгоревших конструкций или слоев, насыщенных углями и прослеженных по всей площади раскопа;
- сохранность деревянных конструкций отдельных бревен, возможно слоев щепы, которые лежали на дневной поверхности перед началом возведения оборонительных укреплений. Дерево недолго находилось на открытом пространстве и не успело сгнить, а было законсервировано насыпью вала;
- засыпка некоторых ям происходила тем же грунтом, из которого сооружались укрепления.

Одна из наиболее важных проблем в исследовании начального этапа освоения восточной части Печерного города Владимира-на-Клязьме – определение времени функционирования рассматриваемого жилого горизонта. Всего в ходе работ было собрано 27 индивидуальных находок, из них для определения хронологических рамок может быть привлечено 13 предметов.

Среди них наиболее многочисленную группу составляют стеклянные бусы – 7 экз. Все они изготовлены способом наливки. Битрапециоидные бусы с пропорциями 1:1, выполненные из прозрачного голубого стекла, представлены тремя экземплярами, сохранность двух очень плохая, они полностью расстеклованы (рис. 4, 1–3). Время бытования подобных бусин на северо-западе и северо-востоке Руси определяется исследователями довольно широко в рамках второй четверти XI – третьей четверти XIII в. (Захаров, Кузина, 2008. С. 191, 195).

Навитые зонные (1 экз.) и кольцевидные бусы (1 экз.), изготовленные из прозрачного желтого стекла (рис. 4, 4, 5), по наблюдениям Ю.Л. Щаповой, в основном датируются XII–XIII вв., но зонные желтые бусы бытуют до XIV в. включительно (Щапова, 1956. С. 166–169). В Биляре они в основном распространены в XII – начале XIII в. (Валиулина, 2005. С. 88).

Из раскопок происходят две орнаментированные бусины. Эллипсоидная черная выполнена из слоеного стекла (рис. 4, 6). В новгородских материалах подобные бусины со сплошной инкрустацией, изготовленной из листов слоеного стекла, датируются рубежом XI–XII – серединой XIII в. (Лесман, 1984. Табл. 1). В Болгаре эти бусины бытуют и в золотоордынское время (Полубояринова, 1988. С. 177).

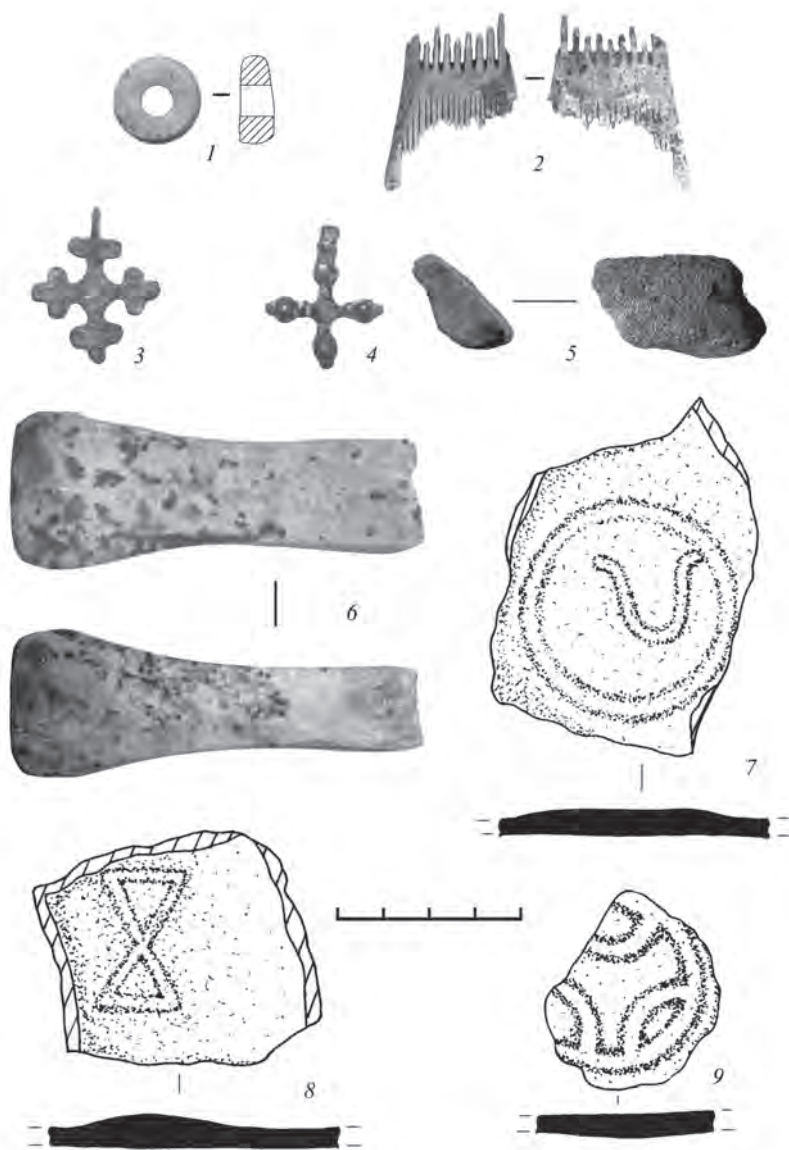

Рис. 5. Индивидуальные находки из жилого горизонта под насыпью Ивановского вала.
1 – пряслице шифрное; 2 – гребень из рога; 3, 4 – нательные крестики из цветного металла; 5 – блюдце глиняное; 6 – оселок сланцевый; 7–9 – донца клейменные глиняные

Последняя бусина, выполненная из черного стекла, относится к типу зонных и орнаментирована накладными линиями белого стекла, образующими многократный зигзаг (рис. 4, 7). Датируются такие бусины XII–XIII вв. (Щапова, 1956. С. 177; Захаров, Кузина, 2008. С. 197).

С рассматриваемым жилым горизонтом связана находка двустороннего постоянного неорнаментированного гребня с частым и редким зубом трапециевидной формы линзовидного сечения, с прямой линией боковой грани (рис. 5, 2). Согласно типологии, разработанной для новгородских древностей, он относится к типу Д, время бытования которого определяется концом X – концом XII в. (Колчин, 1982. С. 164, 165).

К датирующим предметам относятся два нательных креста из цветных металлов. Один – с шаровидным средокрестием и с двумя шариками на концах (большого и малого), образующих пирамидку (рис. 5, 4). Ветви дополнительно украшены перехватом. Такие кресты широко распространены на средневековых памятниках Восточной Европы (Зайцева, 2008. С. 60). Считается, что наибольшее распространение они получили со второй половины XII в. (Беленькая, 1976. С. 93). Подобные кресты известны и в первой половине XIV в. (Колпакова, 2003. С. 70).

Из заполнения ямы 72 происходит плоский крестик с трехчастным завершением ветвей, украшенным циркульным орнаментом и ромбовидным средокрестием (рис. 5, 3). Такие кресты также довольно широко распространены и датируются XII–XIII вв. (Зайцева, 2008. С. 62).

Для установления датировки жилого горизонта можно использовать три клейменных донца. Все они относятся к круговым сосудам, изготовленным из ожелезненной глины с примесью дресвы. Определению хронологии разных клейменных изображений на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси с использованием материалов Владимира и Суздаля посвящено специальное исследование Е.К. Кадиевой (2007). К группе клейм, датирующихся серединой XI – серединой XIII в., относятся клеймо в виде двух простых треугольников, соединенных вершинами (рис. 5, 8), и клеймо в виде окружности (рис. 5, 9) с вписанными в нее тремя дугами (Кадиева, 2007. С. 178, 181). К группе геральдических относится клеймо в виде простой «птички», представляющее собой колоколовидный двузубец без отрога в основании (рис. 5, 7). Подобные клейма, приведенные в каталоге исследовательницы, найдены исключительно во Владимире и Суздале и имеют довольно узкую датировку в пределах второй половины XII – середины XIII в. (Кадиева, 2007. С. 184).

Проанализированная коллекция предметов позволяет датировать комплекс в рамках XII–XIII вв.

Другие индивидуальные находки, связанные с рассматриваемым жилым горизонтом, представлены шиферным пряслицем (рис. 5, 1), каменным оселком (рис. 5, 6), миской глиняной (рис. 5, 5), полным профилем кругового сосуда (рис. 6, 14) и изделиями из железа: четырьмя фрагментами ножей (рис. 4, 8–11), кольцом прямоугольного сечения (рис. 4, 12), втулкой (рис. 4, 15), костылем крепежным (рис. 4, 16), пробоем (рис. 4, 14), фрагментом дужки ведра (рис. 4, 13).

Массовый керамический материал жилого горизонта включает в себя 1492 фрагмента круговых сосудов древнерусского времени (рис. 6). Анализ кера-

Начальный этап освоения восточной части Печерного города Владимира-на-Клязьме

мической коллекции показал, что она находит аналогии в материалах Владимира и раскопках селищ в Суздальском Ополе середины XII–XIII в. (Кадиева, 2003; Федорина, 2008).

Для уточнения времени функционирования рассматриваемого горизонта радиоуглеродным методом датировано два образца угля и древесного тлена, отобранных из разных объектов (таблица). Датировка выполнена в Познаньской радиоуглеродной лаборатории. Суммарный диапазон радиоуглеродных дат – 30-е годы XI – середина XII в. (Poz-54814, 1022–1154 гг. н.э. (1σ); Poz-54815, 1020–1148 гг. н.э. (1σ)).

Сопоставление приведенных выше радиоуглеродных дат, датировок предметов, установленных на основе обращения к аналогиям и результатов изучения керамической коллекции, позволяет определить хронологические рамки жилого горизонта в пределах середины XII в.

Как уже отмечалось выше, в результате исследований было выделено несколько этапов в освоении данной части города. Слои и объекты рассматриваемого I жилого горизонта были перекрыты насыпью первоначальных оборонительных укреплений. Ее максимальная сохранившаяся высота составляла 0,9–1,1 м. Предположительно оборонительные укрепления были скрыты и в дальнейшем данная территория использована под усадебную застройку. Исследованы подполья жилых и хозяйственных построек, одно наземное жилище с печью, линия частокола, ограничивавшая усадьбу (или усадьбы?) со стороны древнего оврага. Обнаружены свидетельства (обломки глиняных тиглей, фрагменты медных котлов, вероятно, использовавшихся в качестве сырья) существования ювелирной мастерской. Постройки и объекты, связанные со II жилым горизонтом, погибли в результате пожара.

Материалы, происходящие из II жилого горизонта, находившегося на первоначальной насыпи вала, подтверждают предложенную дату для культурных напла-

Результаты радиоуглеродного датирования проб, отобранных из жилых горизонтов

	Лабораторный номер	Год	Место отбора пробы	Материал	Возраст по ^{14}C (BP)	Интервалы калиброванного возраста (AD)	
						1σ	2σ
I жилой горизонт	Poz-54814	2013	Постройка 4, кв. 14К, гл.-386, плашка на полу	Древесный тлен	960±50	1022–1154	990–1185
	Poz-54815	2013	Яма 77, гл. -442, сл. I/22	Уголь	975±30	1020–1148	1014–1155
II жилой горизонт	Ле-9263	2011	Кв. 17К, гл.-281, сл. III/10	–“–	870±50	1040–1230	1030–1260
	Ле-9264	2011	Постройка 1, кв. 183, гл.-305/-307	–“–	860±20	1162–1216	1070–1250
	Ле-9265	2011	Постройка 1, кв. 183, гл.-298/-300, плашка	–“–	920±30	1039–1160	1026–1207
	Ле-9266	2011	Яма 8, кв. 183К, гл.-330, сл. III/7	–“–	915±30	1039–1161	1030–1208
	Poz-54813	2013	Кв. 16Ж, гл.-355, III/10	–“–	900±30	1046–1185	1040–1211

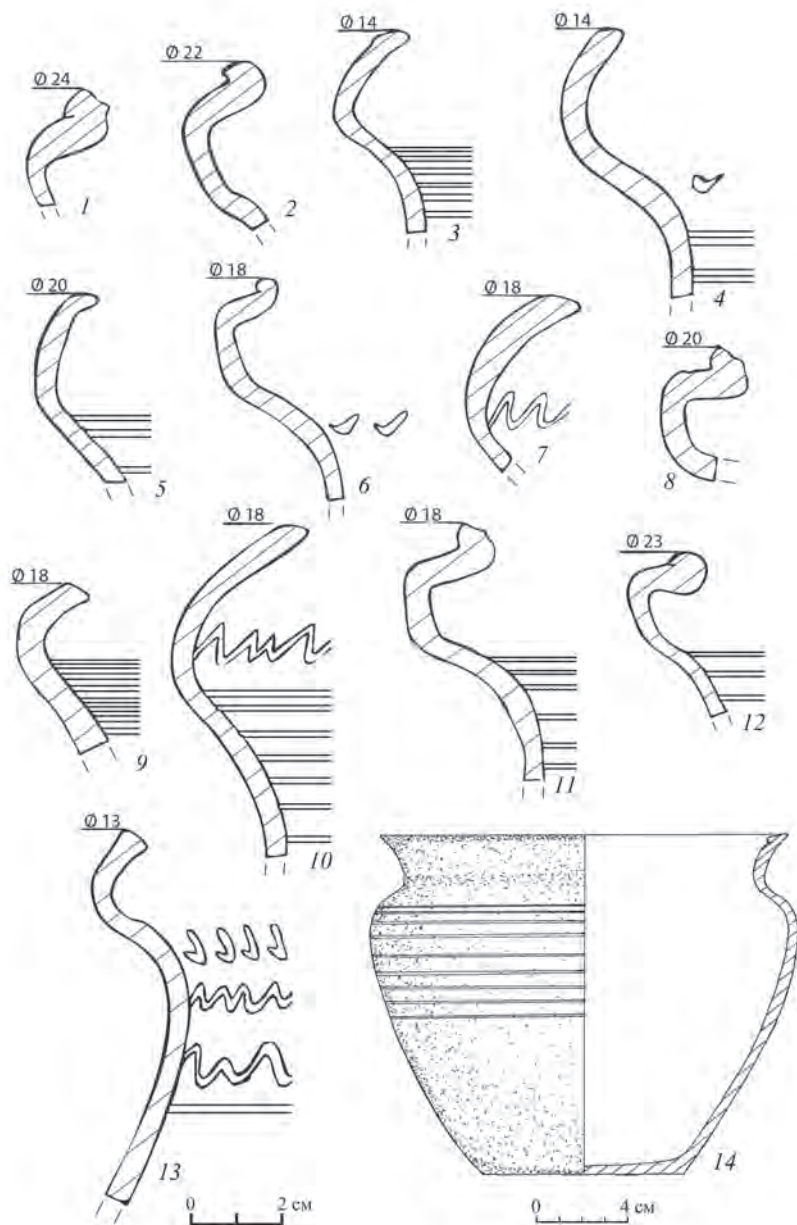

Рис. 6. Массовый керамический материал (1–14) из жилого горизонта под насыпью Ивановского вала

стований, выявленных под оборонительными укреплениями. В процессе разбора объектов и культурных слоев II жилого горизонта собрана представительная вещевая (211 предметов) и керамическая (около 10 тыс. фрагментов) коллекции, которые датируются в рамках второй половины XII–XIII в.

Помимо этого радиоуглеродным методом датировано пять образцов угля, связанных с прослойками пожаров в данном стратиграфическом горизонте (таблица). Суммарный интервал вероятностей полученных дат охватывает период с 1039 по 1230 г. Сопоставление двух датировок, полученных различными методами, позволяет определить функционирование второго жилого горизонта в пределах второй половины XII – первой трети XIII в.

Первые археологические исследования Ивановского вала были проведены в 1953 г. под руководством Н.Н. Воронина. Им был осуществлен разрез сохранившейся части оборонительных укреплений (рис. 1). Участок работ находился в 95 м к северо-западу от раскопа 2010–2011 гг.

При интерпретации полученных результатов исследователями была допущена ошибка: при описании слоев произошло механическое совмещение двух разновременных хронологических горизонтов. Они были определены как культурный слой XI–XII вв., сохранившийся под насыпью вала (*Воронин, Раппопорт, 1953*). Ошибочная интерпретация была обусловлена методикой и организацией работ. Прорезка вала осуществлялась не широкой траншеей (1,5 м) и не на всю глубину, а уступами. Работы были доведены до материка только с напольной и внутренней сторон вала, что не позволило исследователям проследить полную стратиграфию объекта (рис. 7).

При сопоставлении описания культурных слоев, зафиксированных в процессе работ в 1953 г. и результатов исследований 2010–2011 гг., можно говорить, что в 1953 г. с внутренней стороны вала прослежен слой погребенной почвы и лежащий на нем слой I жилого горизонта. А с напольной стороны вала – II жилой горизонт, располагавшийся уже на первоначальной насыпи вала, а не под ней, и погибший в мощном пожаре.

В настоящее время в фондах Владимиро-Суздальского музея-заповедника хранится 13 предметов, происходящих из слоя, на котором был сооружен вал. Они

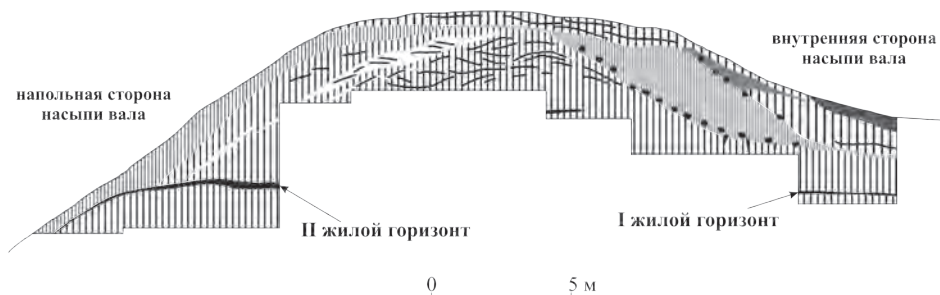

Рис. 7. Поперечный разрез Ивановского вала. Исследования 1953 г. (по: Раппопорт, 1961).

представлены железным ножом, двумя сильно окислившимися предметами из цветного металла, четырьмя фрагментами венчиков и шестью фрагментами стенок круговых сосудов. Вещевой материал не позволяет уточнить хронологическую датировку слоя, определенную нами, но и не противоречит ей. Фрагменты керамики сопоставимы с керамической коллекцией, полученной в 2010–2011 гг. Это сосуды, изготовленные на гончарном круге из ожелезненной глины с примесью песка или дресвы, стенки орнаментированы линейным орнаментом. Венчики относятся к типам, датирующимся XII–XIII вв.

Обращение к результатам исследований 1953 г. позволяет говорить, что до начала возведения оборонительных укреплений в восточной части Печерного города была заселена довольно обширная площадь, по крайней мере, вдоль древнего оврага.

В заключение отметим, что в результате работ 2010–2011 гг. впервые были исследованы материалы, указывающие на существование неукрепленного посада, формирование которого в данной части города произошло в середине XII в. Возможно была заселена не только территория вдоль оврага, но и значительная часть будущего Печерного города. На основе полученных данных можно утверждать, что первые оборонительные укрепления, ограничивавшие Печерный город с востока, возведены в середине – второй половине XII в., а не в начале этого столетия, как считалось ранее. Вполне вероятно, что их сооружение связано с градостроительной деятельностью Андрея Боголюбского (ПСРЛ, 2000. Т. IX. С. 211; 2001. Т. II. С. 582).

Литература

- Беленькая Д.А.*, 1976. Кресты и иконки из курганов Подмосковья // СА. № 4. С. 88–99.
- Валиулина С.И.*, 2005. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань: Казанский гос. ун-т. 278 с.
- Воронин Н.Н.*, 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 1: XII столетие. М.: Изд-во АН СССР. 583 с.
- Воронин Н.Н., Раппопорт П.А.*, 1953. Отчет об археологических разведках во Владимире летом 1953 г. // Архив Государственного историко-архитектурного и художественного Владимиро-Суздальского музея заповедника. № 50.
- Зайцева И.Е.*, 2008. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2: Материальная культура и хронология. М.: Наука. С. 57–142.
- Захаров С.Д., Кузина И.Н.*, 2008. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2: Материальная культура и хронология. М.: Наука. С. 142–215.
- Кадиева Е.К.*, 2003. Керамика из усадьбы г. Владимира конца XII – XIII века: (по материал раскопок 1993–1998 гг. в квартале 22) // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.: Наука. С. 315–339.
- Кадиева Е.К.*, 2007. Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // Археология Подмосковья: мат-лы научного семинара. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 172–197.
- Колтакова Ю.В.*, 2003. Предметы христианского культа в археологической коллекции Псковского музея-заповедника // Археология и история Пскова и Псковской зем-

- ли: мат-лы научных семинаров за 2001–2002 гг. Псков: Изд-во Псков. обл. центра народного творчества. С. 66–73.
- Колчин Б.А.*, 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука. С. 3–137.
- Красникова А.М., Федорина А.Н.*, 2008. Небольшие поселения ближней округи Суздаля (по материалам исследований селищ Вишенки 3 и Кистыш 3) // Тр. II (XVIII) Всерос. археологического съезда в Суздале. Т. II. М.: ИА РАН. С. 347–349.
- Лесман Ю.М.*, 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород: (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.: Изд-во ЛГУ. С. 98–153.
- Милованов С.И.*, 2012. Отчет о проведении охранных археологических исследований в зоне строительства здания по адресу г. Владимир, ул. Б. Московская, 61 в 2010–2011 гг. (в 4-х томах) // Архив ИА РАН. Р-1.
- Милованов С.И.*, 2013. Исследования Ивановского вала Печерного города Владимира-на-Клязьме: стратиграфия и хронология // Новые материалы и методы археологического исследования: мат-лы II Междунар. конф. молодых ученых. М.: ИА РАН. С. 145–150.
- ПСРЛ, 2000. Т. IX: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры. 288 с.
- ПСРЛ, 2001. Т. II: Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры. 938 с.
- Полубояринова М.Д.*, 1988. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука. С. 151–219.
- Раппопорт П.А.*, 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 246 с. (МИА; № 105).
- Сагайдак М.А.*, 2010. Гражданская архитектура Киева X–XII вв. (некоторые аспекты изучения восточнославянского жилища) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: мат-лы Междунар. научной конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Г.Ф. Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). СПб.: Нестор-История. С. 530–546.
- Седова М.В.*, 1997. Суздаль в X–XV веках. М.: Информ.-изд. агентство «Русский мир». 236 с.
- Фараджева Н.Н.*, 2009. Фундаментные конструкции деревянных построек Людина конца средневекового Новгорода // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М.: ЛеопАрт. С. 563–575.
- Федорина А.Н.*, 2008. Керамический комплекс селища Вишенки 3 под Суздалем // Сельская Русь в IX–XVI веках. М.: Наука. С. 299–307.
- Щапова Ю.Л.*, 1956. Стекланные бусы древнего Новгорода // Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. I. М.: Изд-во АН СССР. С. 167–179. (МИА; № 55).

О.В. Зеленцова, И.Н. Кузина

ОПЫТ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ИЗ РАСКОПОК В ПЕЧЕРНОМ ГОРОДЕ ВЛАДИМИРА

Настоящая работа продолжает исследования материалов раскопок в Печерном (Мономаховом) городе Владимира, проводившихся Институтом археологии РАН на участке квартала 13 города по современному административному делению, где за время раскопок было вскрыто около 2500 м². Сплошной площадью исследованы северо-западная (нижняя) часть квартала – вдоль ул. Володарского, и юго-западная (верхняя) – вдоль ул. Подбельского. Два раскопа были разбиты в центральной части. Траншея площадью около 125 м² прошла по самой границе квартала – по ул. Володарского.

Как уже отмечалось ранее, основные напластования на исследуемой территории составили слои Нового времени и современности (Зеленцова, Кузина, 2008. С. 127–129). Культурный слой древнерусского времени сохранился практически только в заполнении ям. Небольшие пятна слоя вне заглубленных в материк объектов сохранились в раскопах по ул. Володарского. Слой XIV–XV вв. на раскопах не выявлен вовсе – этим временем датируются только несколько ям. В результате проведенных исследований удалось выявить планировку этого участка города на протяжении двух хронологических периодов: второй половины XII–XV и XVI–XVII вв. Установлены примерные границы восьми древнерусских усадеб и, как минимум, двух улиц (Зеленцова, Кузина, Милованов, 2011а. С. 111, 118–120).

Помимо археологических на участке работ был проведен комплекс естественно-научных исследований, в том числе радиоуглеродное датирование, с целью проверки и уточнения археологических датировок. Для радиоуглеродного анализа было отобрано 25 образцов из раскопов 2007–2008 гг. (рисунок). Радиоуглеродные пробы получены по грунту (3 пробы), горелому зерну (6 проб), углю (12 проб) и обугленному дереву (4 пробы). Материал всех образцов относится к категории самых надежных для проведения радиоуглеродного датирования (Вагнер, 2006. С. 182, 183).

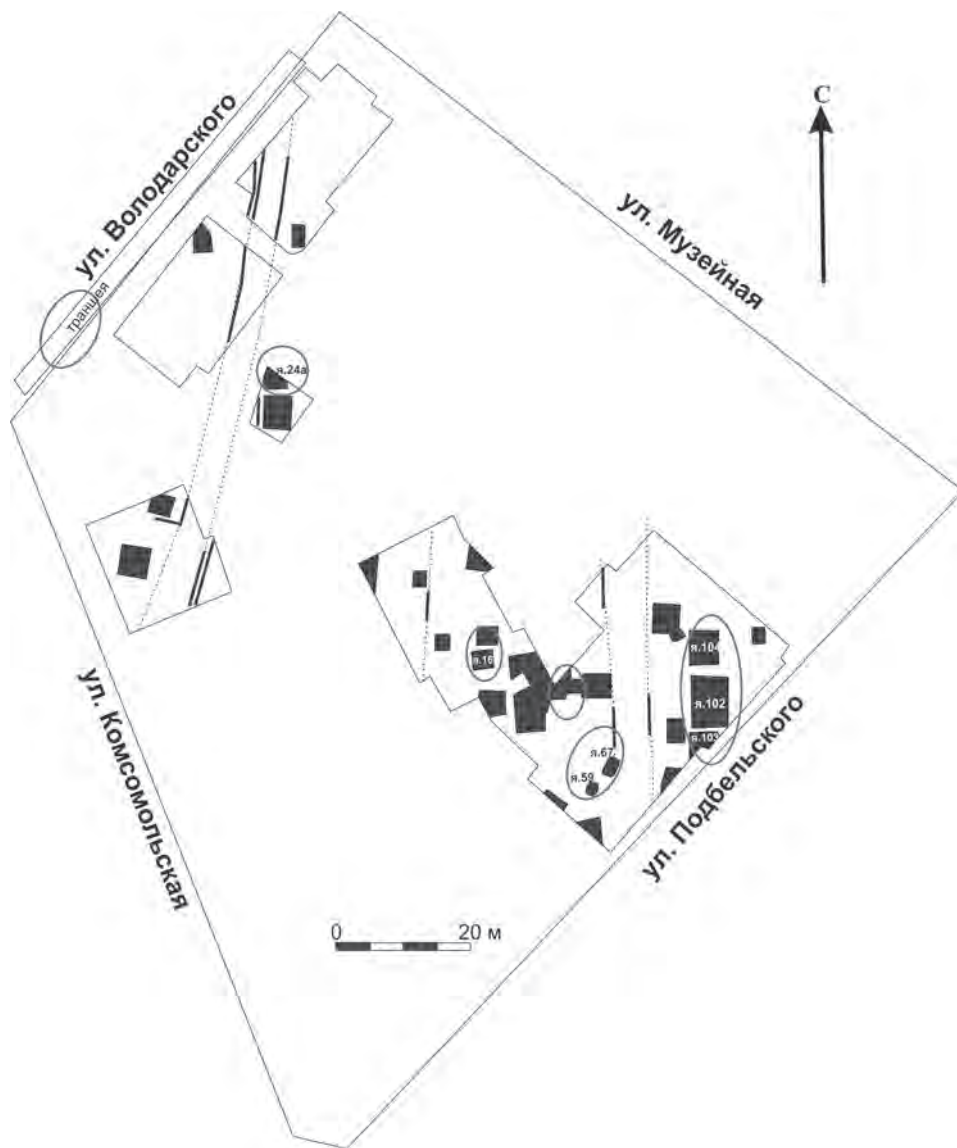

Рис. 1. План раскопов 2007–2008 гг. в квартале 13 г. Владимира с объектами, откуда были отобраны образцы проб

Определение радиоуглеродных дат выполнено в двух лабораториях – в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН и в Киевской радиоуглеродной лаборатории НАНУ. Перекрестное определение не проводилось, но большая часть дат получена в Петербургской лаборатории, в Киеве анализировались только пробы по грунту, происходящие из траншеи, расположенной фактически в пойме р. Лыбедь (три образца). Образцы для радиоуглеродного датирования отбирались в основном из объектов, имеющих достаточно надежную археологическую датировку. По нескольким комплексам нами получены серии образцов. Так, серия, состоящая каждая из четырех дат, получена по ямам 102 и 24а (раскоп 3 по ул. Подбельского, 5, 7, и раскоп 2 по ул. Володарского, 2).

Калибровка полученных радиоуглеродных дат, проведенная с помощью калибровочной программы *OxCal*¹, по сумме вероятностей показывает наиболее возможное время освоения рассматриваемого участка в интересующий нас период и относит его к началу II тыс. (табл. 1).

Полученный массив дат хорошо группируется и коррелирует друг с другом, что может свидетельствовать об их корректности. Необходимо отметить, что за пределы полученного временного диапазона «выходят» только две даты (исключая данные по траншее, полученные по грунту), что будет учитываться в ходе дальнейшего анализа полученных данных.

Для проверки корректности полученных дат проводилась калибровка массива данных по адресному признаку и по типу анализировавшегося образца – углю, древесине, зерну.

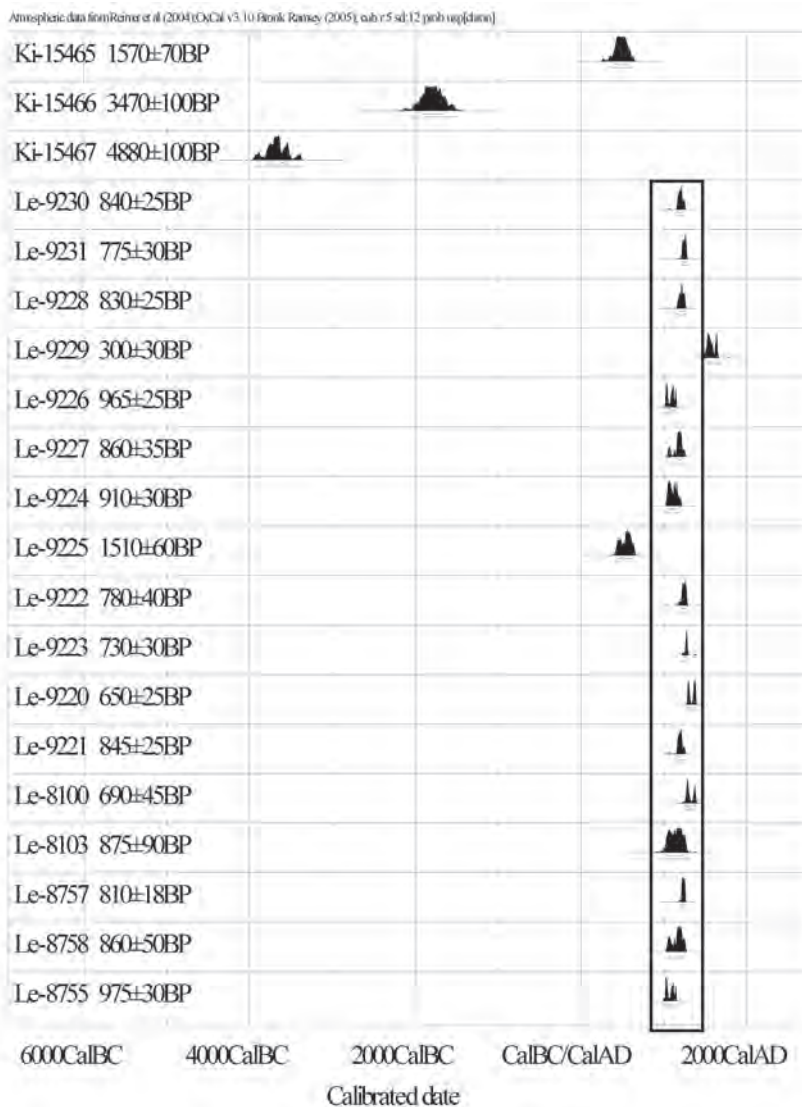
Калибровка радиоуглеродных дат по адресному признаку позволила получить следующие результаты:

- для объектов по ул. Володарского (4 пробы) радиоуглеродные даты указывают на наиболее вероятный хронологический отрезок – вторая половина XII–XIII в.;
- для объектов по ул. Музейная (3 пробы) – на вторую половину XII – первую половину XIII в.;
- для объектов по ул. Подбельского (11 проб) характерен большой хронологический диапазон полученных радиоуглеродных дат – с X по XIII в. Однако, 6 проб с этого участка, корректность которых мы вполне можем установить по археологическому материалу, указывают на наиболее вероятный хронологический отрезок в пределах XII – первой половины XIII в.

Калибровка полученной серии дат по типу анализировавшегося образца проводилась для корректировки полученных данных (табл. 2). Так, калибровка данных, полученных по пробам угля со всех раскопов (ул. Володарского, Музейная, Подбельского), показала наиболее вероятный хронологический диапазон времени отложения образцов – XII – первая половина XIII в. Исключение составляет яма 676, что объясняется сложным археологическим контекстом: уже в процессе разбора она была выделена из другого, более крупного объекта. Предположительно яма датировалась древнерусским временем, но судя по всему, точно определить ее границы не удалось, вероятно, в данном случае можно констатировать некорректность отбора пробы.

¹ Приносим благодарность И.А. Сапрыкиной за консультации при калибровке полученных результатов.

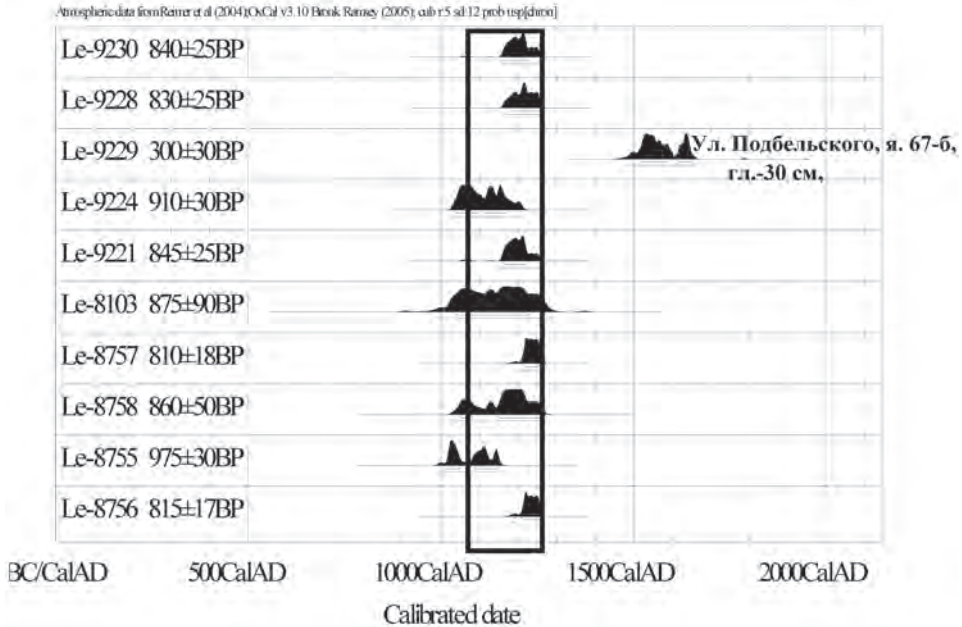
Табл. 1. Сводная таблица калиброванных дат по кварталу 13 г. Владимира.

Калибровка данных по образцам, полученным из обугленной древесины, показала большой временной интервал – от XI до XIII в. (табл. 3).

Калибровка данных по образцам, полученным по горелому зерну, показывает локализацию дат в пределах XII – первой половины XIII в., за исключением дат из ямы 102. Один из образцов (№ 9224) дает дату рубежа V–VI вв., второй из этой же ямы указывает на первую половину – середину XIV в. (№ 9220). Такой разброс данных по зерну, вероятно, можно объяснить наличием в яме горелого янтаря, что

Табл. 2. Калиброванные даты по углю

могло отразиться на чистоте образцов. Корректность полученных данных по зерну в целом подтверждается результатами калибровки дат из ям, расположенных на других участках квартала 13 (табл. 4).

Таким образом, наиболее вероятная дата исследованных объектов, полученная по результатам радиоуглеродного датирования, относится к XII – первой половине XIII в.

Рассмотрим, как полученная радиоуглеродная дата соотносится с датировкой этого участка, полученной на основании археологических методов.

Даты радиоуглеродные и даты археологические. Установление абсолютных дат выявленных объектов по археологическим данным затрудняет плохая сохранность находок из металла, особенно цветного, и стекла. По этой причине в коллекции предметов, происходящих из древнерусских комплексов, практически отсутствуют металлические украшения. Имеющиеся материалы позволяют установить только общие хронологические рамки бытования объектов, – в первую очередь это железные наконечники стрел и фрагменты шпор, украшения из стекла, датированные в целом XII–XIII вв. Из исследуемых объектов происходят многочисленные фрагменты амфор тех типов, которые встречаются на древнерусских памятниках в слоях XII – первой половины XIII в.² (Волков, 1992; Коваль, 2010. С. 157–162). 1130-ми – 1240 г. датируются кольцевидные поддоны стеклянных сосудов (Щанова, 1972. С. 58).

² Это «трапезундские» и «триллийские» амфоры (группы I, II по В.Ю. Ковалю), составляющие от всей совокупности индивидуальных находок на раскопах 2007–2008 гг. около 10% и представленные примерно в равном соотношении, а также несколько фрагментов стенок амфор группы IV (по типологии В.Ю. Ковалю), редко фиксируемые на древнерусских памятниках.

Табл. 3. Калиброванные даты по обугленной древесине

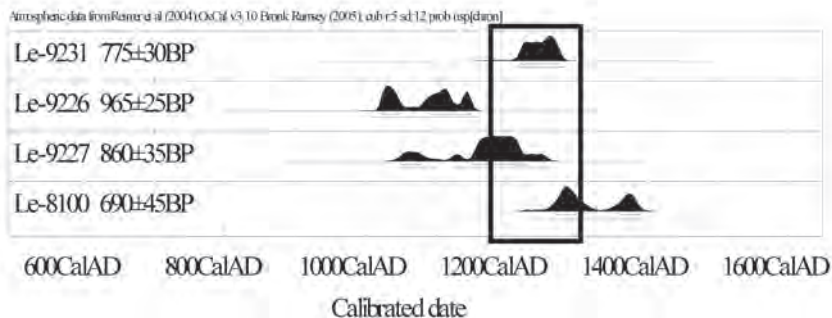
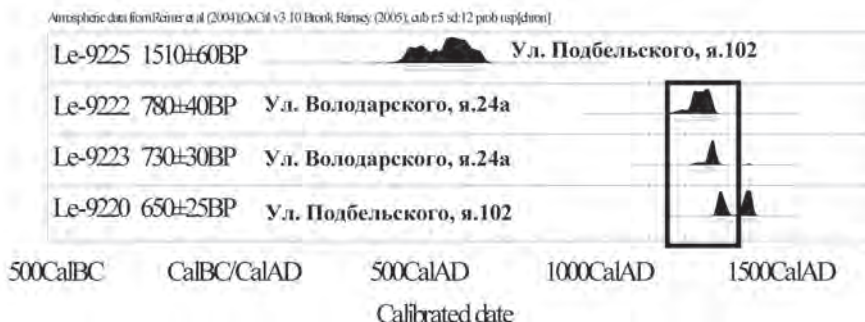

Табл. 4. Калиброванные даты по горелому зерну

Корреляция всех находок указывает на вторую половину XII – первую половину XIII в. В целом эти даты подтверждаются статистикой массового материала – керамической посуды (Майорова, 2011), но сегодняшний уровень изучения владимирской керамики не позволяет различать комплексы второй половины XII и первой половины XIII в. Однако отдельные находки дают возможность сузить эти хронологические рамки до первых четырех десятилетий XIII столетия, о чем будет сказано ниже.

Таким образом, по археологическому материалу древнерусские постройки в квартале 13 г. Владимира датируются второй половиной XII – началом XIII в., что не противоречит результатам радиоуглеродного датирования образцов с этого участка.

Для уточнения датировок отдельных объектов необходимо выполнить более детальное сравнение серий радиоуглеродных и археологических дат.

Раскоп 2 по ул. Володарского, 2. На участке раскопов по ул. Володарского серия дат получена для ямы 24а, которая интерпретируется как подполье жилого усадебного дома, погибшего в пожаре. Скорее всего этот пожар связан со взятием города войсками Батыей зимой 1238 г. Заполнение подпола насыщено углем и золой с

Таблица 5. Радиоуглеродные даты из раскопов в 13 квартале г. Владимира

№	Адрес, объект, глубина залегания	Шифр лаборатории	Материал	Дата ВР	Дата ВС, вероятность 68,2%	Дата АД, вероятность 95,4%
1	Володарского, 2, Я. 24а. -157/194	Ле-8100	Дерево	690±45	1270–1310 1350–1390	1240–1400
2	Володарского, 2, Я. 24а. -137	Ле-8102	Уголь	750±50	1223–1300	1185–1305
3	Володарского, 2, Я. 24а. -157/194	Ле-9222	Зерно	760±40 ВР	1220–1275	1170–1290
4	Володарского, 2, Я. 24а. -137/147	Ле-9223	Зерно	730±30	1260–1290	1220–1300
5	Володарского, 2, Я. 5	Ле-8101	Уголь	760±20	1258–1284	1220–1290
6	Володарского, 2, Я.19. -80/100	Ле-9230	Уголь	840±25	1165–1225	1155–1260
7	Володарского, 2, Я.20. -210/230	Ле-8104	Уголь	860±50	1038–1253	1038–1266
8	Володарского, 2, Я.49. -218/245	Ле-8099	Уголь	795±20	1222–1264	1215–1280
9	Подбельского, 5, 7, Я. 102. -260	Ле-9220	Зерно обгорелое	650±25	1285–1390	1280–1400
10	Подбельского, 5, 7, Я. 102. -195	Ле-9225	Зерно (внутреннее заполнение)	1510±60	430–610	420–650
11	Подбельского, 5, 7, Я. 102. -195	Ле-9226	Дерево (внутреннее заполнение)	965±25	1020–1150	1010–1160
12	Подбельского, 5, 7, Я. 102. -300/310	Ле-8755	Уголь	975±30	1019–1155	999–1159
13	Подбельского, 5, 7, Я. 103. -204	Ле-8756	Уголь	815±17	1218–1256	1191–1275
14	Подбельского, 5, 7, Я. 103. -224	Ле-9224	Уголь	910±30	1040–1170	1030–1210
15	Подбельского, 5, 7, Я.104. - 245	Ле-8757	Уголь	810±18	1220–1258	1194–1276
16	Подбельского, 5, 7, Я. 59. -260	Ле-9221	Уголь	845±25 ВР	1165–1220	1150–1260
17	Подбельского, 5, 7, Я. 59. -185	Ле-8758	Уголь	860±50	1066–1253	1038–1266
18	Подбельского, 5, 7, Я. 59. +15	Ле-9227	Дерево горелое	860±35	1050–1260	1040–1260
19	Подбельского, 5, 7, Я. 69. -30	Ле-9229	Уголь	300±30	1520–1650	1450–1660
20	Музейная, 11 а, Я. 16. -211	Ле-8103	Уголь	875±90	1030–1250	1000–1290
21	Музейная, 11 а, Я. 22. -157/180	Ле-9298	Уголь	830±25	1185–1255	1165–1260
22	Музейная, 11 а, Я. 44. -245	Ле-9231	Дерево обгорелое	775±30	1220–1275	1215–1285
23	Володарского, 6, траншея	Ki-15465	Грунт	1570±70	410–570	340–640
24	Володарского, 6, траншея	Ki-15466	Грунт	3470±100	1920–1680 ВС	2050–3620 ВС
25	Володарского, 6, траншея	Ki-15467	Грунт	4880±100	3790–3620 ВС	3950–3350 ВС

многочисленными оплавленными фрагментами изделий из медного сплава, побывавшими в огне стеклянными браслетами и бусами, обгоревшим сердоликом. Все находки носят следы воздействия огня или высоких температур. Помимо этого среди вещевых находок обнаружено несколько стрел, дополняющих общую картину гибели постройки (Зеленцова, Кузина, 2008. С. 131–134).

Из заполнения ямы 24а проанализировано зерно из двух скоплений, обугленное дерево и уголь (табл. 5, № 1–4). По археологическим данным яма датируется второй половиной XII – 1238 г. Керамический материал не вызывает сомнения в датировании комплекса в целом. К находкам, позволяющим уточнить время функционирования подполья, относится железный наконечник стрелы типа 100. Бытование стрел этого типа ограничивается монгольским нашествием (Медведев, 1966. С. 62). Другие стрелы, найденные рядом с этой, датируются более широко, не заходя, однако, за рамки XIII в.

Три даты, полученные методом радиоуглеродного датирования, легли кучно и отложились суммарно в период, охватывающий конец XII–XIII в. Следует отметить, что все даты имеют достаточно широкий диапазон – от 80 до 110 лет. Тем не менее, археологические даты коррелируются с радиоуглеродными, калибровка которых указывает как на наиболее вероятный хронологический отрезок – XIII в.

Раскоп 1 по ул. Музейной, 11а. Отобранные для исследования три объекта по ул. Музейной индивидуальные находки не содержат, а по керамическому материалу датируются в целом древнерусским временем. Радиоуглеродные даты указывают вторую половину XII – первую половину XIII в. (табл. 5, № 20–22).

Раскоп 3 по ул. Подбельского, 5, 7. Особый интерес для нас представляет хронологическое соотношение трех древнерусских ям – остатков подполий больших усадебных построек, выявленных на раскопе 3 по ул. Подбельского (рисунок; табл. 5, № 9–15). В каждой из них прослеживается по два строительных горизонта. В целом же этот комплекс ям датируется второй половиной XII–XIII в. Центральная яма (№ 102) с находкой янтарного «клада» прекратила существование в 1238 г. (Зеленцова, Кузина, Милованов, 2011б. С. 81). Радиоуглеродные даты, полученные по обугленному дереву и углю, дают относительно раннюю дату широкого диапазона – XI – середина XII в. (табл. 5). Даты, полученные по зерну, «разлетелись» и не могут быть признаны корректными. Не исключено, что на такой разброс дат повлияло соседство в яме янтаря-сырца. Очевидно, что полученные сведения нуждаются в дальнейшем изучении.

Яма 103, судя по керамическому материалу, может датироваться чуть более поздним временем. Из нее получены две радиоуглеродные даты. Они охватывают первую половину XIII в., но вторая дата имеет широкий хронологический диапазон в пределах XI – начала XIII в. (табл. 5, № 14). По керамическому материалу предположительно яма датируется XIII в.³, а весь вещевой материал укладывается в рамки XII–XIII вв. Верхняя дата функционирования этого подпола ограничивается находкой двух фрагментов иранской поливной керамики с люстровой росписью в самом нижнем заполнении ямы. Согласно данным В.Ю. Ковалея, такая керамика бытовала на древнерусских памятниках в последней трети XII – первой четверти XIII в.

³ Вывод сделан на основании преобладания венчиков горшков типа 7 по классификации Е.В. Майоровой (2011. С. 145. Рис. 1).

(Коваль, 2010. С. 190). В этом же слое, практически на материке найден железный чеснок. Их появление в Восточной Европе исследователи связывают со временем Батыева нашествия (Белорыбкин, 2001. С 73 и др.). (Примечательно, что за все время раскопок на городище Старая Рязань не найден ни один чеснок – факт, который, вероятно, можно рассматривать как косвенное подтверждение вывода о времени появления этого вида вооружения на территории Руси.)⁴ Именно из этого слоя происходит взятый на радиоуглеродный анализ фрагмент обугленного дерева (табл. 5, № 13).

В яме 104 отсутствуют находки, позволяющие уточнить ее абсолютную дату. В целом она датируется так же, как и соседние объекты – ямы 103 и 102. Радиоуглеродная дата, полученная по углю, не противоречит этому и указывает на XIII в.

Основное заполнение третьего из рассматриваемых объектов – ямы 102 связано с ее вторым строительным периодом. Время гибели постройки определяется разрушением города в феврале 1238 г. Из узко датированных находок здесь найдены фрагменты, по меньшей мере, двух разных иранских поливных сосудов с люстровой росписью. Нижняя граница надежно определяется находками нескольких фрагментов поливной керамической плитки во внешней забутовке котлована первого строительного периода. Поливная глиняная плитка могла появиться во Владимире только с началом каменного строительства во времена Андрея Боголюбского, т.е. не ранее начала 1160-х годов⁵. Простой расчет показывает: если учитывать период эксплуатации подполья первого строительного горизонта, время строительства расчищенных при раскопках деревянных конструкций второго можно определить началом XIII в. Таким образом, на весь второй период функционирования подпола приходится не более 30 лет.

Таким образом, можно констатировать, что серия радиоуглеродных дат и дат, полученных археологическими методами, совпадают и указывают на время функционирования исследованных объектов Печерного города Владимира во второй половине XII – начале XIII в. Полученные различными методами даты в данном случае взаимопроверяемы и достаточно корректны.

Литература

- Александровский В.А.*, 1949. Приложение. Поливные половые плитки из раскопок детинца во Владимире // *Материалы и исследования по археологии древнерусских городов*. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 239–243. (МИА; № 11).
- Белорыбкин Г.Н.*, 2001. Золотаревское поселение. СПб.: ИИМК; Пенза: ПГПУ. 197 с.
- Вагнер Г.А.*, 2006. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М.: Техносфера. 575 с.

⁴ Авторы благодарят С.С. Зозулю и И.Ю. Стрикалова за помощь и консультацию по этому вопросу.

⁵ Время постройки Успенского собора, первого каменного храма во Владимире, датируется 1158–1160 гг. Именно с каменными постройками, и в первую очередь храмами, связывают применение в интерьерах глиняной плитки для пола. Плитка с желтой поливой, впервые отмеченная во Владимире во время раскопок Н.Н. Воронина, датируется исследователями концом XII в., что в целом соответствует хронологии построек, открытых в квартале 13 в 2007–2008 гг. (см. *Александровский*, 1949; *Раннопорт*, 1993. С. 255–269).

- Волков И.В.*, 1992. О происхождении и эволюции некоторых видов амфор // Донские древности. Вып. 1. Азов: Азовский краеведческий музей. С. 143–157.
- Зеленцова О.В., Кузина И.Н.*, 2008. Некоторые итоги раскопок в квартале 13 города Владимира в 2007 году // Археология Владимиро-Суздальской земли: мат-лы научного семинара. Вып. 2. М.: ИА РАН С. 127–136.
- Зеленцова О.В., Кузина И.Н., Милованов С.И.*, 2011а. Древнерусские усадьбы из раскопок в Мономаховом городе Владимира в 2008 г. // Археология Владимиро-Суздальской земли: мат-лы научного семинара. Вып. 3. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 111–121.
- Зеленцова О.В., Кузина И.Н., Милованов С.И.*, 2011б. Янтарь из раскопок в древнейшей части Владимира-на-Клязьме // Балтийский Янтарь. Наука. Культура. Экономика: мат-лы междунар. научного симпозиума «Добыча и обработка янтаря на Самбии», Калининград, 12–14 мая, 2010 г. Калининград: Бизнес-Контакт. С. 75–81.
- Коваль В.Ю.*, 2010. Керамика Востока на Руси (IX–XVII века). М.: Наука. 268 с.
- Майорова Е.В.*, 2011. Опыт статистической обработки керамического материала из раскопок в 13-м квартале города Владимира в 2008 г. // Археология Владимиро-Суздальской земли: мат-лы научного семинара. Вып. 3. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 142–153.
- Медведев А.Ф.*, 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М.: Наука. 184 с. (САИ. Вып. Е1-36.)
- Раппопорт П.А.*, 1993. Древнерусская архитектура. СПб.: Стройиздат. С. 255–269.
- Щапова Ю.Л.*, 1972. Стекло Киевской Руси. М.: Изд-во Моск. ун-та. 215 с.

С.А. Зоц

РАСКОПКИ В КВАРТАЛЕ № 13 г. ВЛАДИМИРА В 2006–2007 гг. КОМПЛЕКСЫ XIV – НАЧАЛА XV в.

Археологические работы в 2006–2007 гг. проводились на территории жилого квартала 13, расположенного в древнейшей части г. Владимира, в так называемом Мономаховом городе (рис. 1) – крепости, построенной князем Владимиром Мономахом в 1099–1108 гг. (Воронин, 1967. С. 14). Квартал 13 расположен в юго-западной части Мономахова города (около Троицкого вала) и ограничен с восточной стороны ул. Музейной, с западной – ул. Комсомольской, с южной – ул. Подбельского, с северной – ул. Володарского (рис. 2).

На площади раскопов по адресам ул. Володарского, 4, ул. Комсомольская, 8 (2006 г.) и ул. Володарского, 2 (2007 г.)¹ была выявлена плотная застройка древнерусского периода, а также слои и комплексы позднесредневекового и Нового времени (Зоц, 2010). Период золотоордынского владычества (вторая половина XIII–XV в.) был представлен на раскопах менее ярко².

На участке 2 раскопа 1 по ул. Володарского, 4, на границе слоев древнерусского и позднесредневекового (XVI в.) времени были выявлены остатки погребенной почвы. По мнению специалиста-почвовед д-ра геол. наук А.А. Гольевой, эта почва интерпретирована как сформировавшаяся на пустыре, заросшем сорной травой. Возможно это произошло вследствие пожара, поскольку было выявлено много обугленного древесного детрита (Гольева, 2009. С. 60–62) (рис. 2, 3).

В этом слое была найдена медная золотоордынская монета, датируемая XIV в. (консультация В.В. Зайцева). Обнаруженный на границе горизонтов древнерусского и позднесредневекового (XVI в.) времени коленчатый ключ из медного сплава от цилиндрического замка типа Г (датируемого по новгородской шкале серединой XIII – серединой XV вв.), вероятно, также связан с остатками слоя пустыря (рис. 4, I, 2).

¹ Выражаю благодарность О.В. Зеленцовой и И.Н. Кузиной за предоставленные для публикации материалы.

² Сложность в работе по определению керамики XIV–XV вв. заключалась в том, что стенки сосудов этого времени схожи с горшками XVI–XVIII вв. и частью сосудов древнерусского времени (красный цвет глины, примесь мелкозернистого песка). Однако изучение венчиков постдревнерусского периода позволяет наметить их отличия от форм более раннего и более позднего периодов.

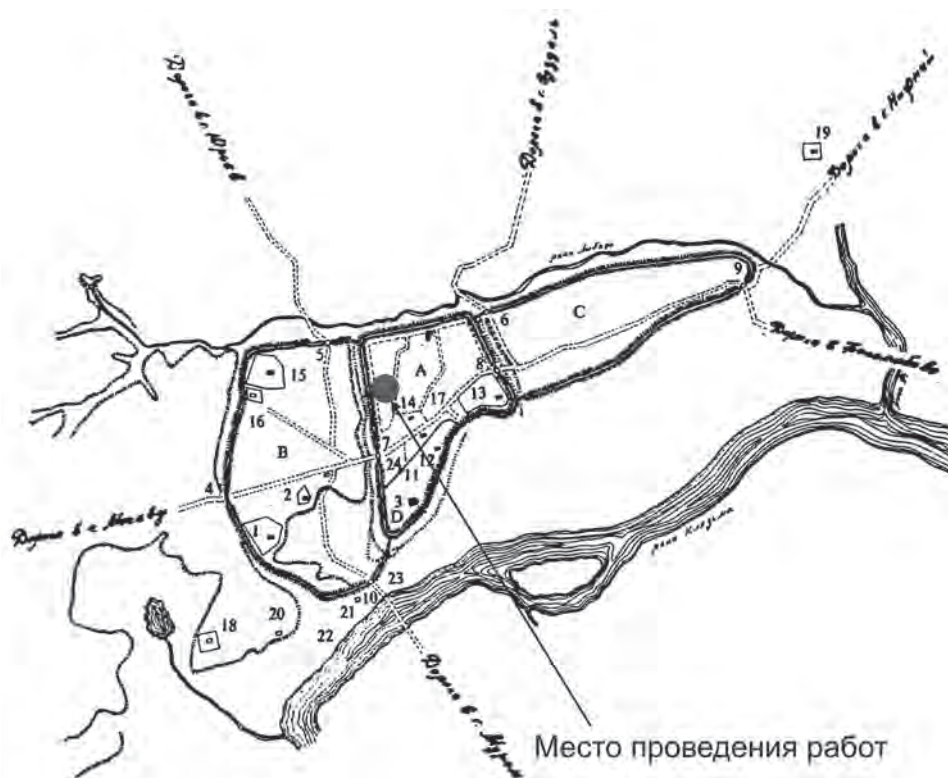

Рис. 1. План Владимира XI–XV вв. по А. Бунину (по: Мазур, 2006).

А – город Мономаха («Печерный город»), укрепления 1099–1102, 1008 гг.; В – «Новый город», укрепления 1158–1164 гг.; С – «Ветчаный город», укрепления 1158–1164 гг.; D – Детинец, укрепления 1194 г.

В северной части участка было выявлено 10 грунтовых могил (в 9 зафиксированы безыскусственные захоронения по обряду ингумации³, в одной следов погребения не обнаружено) – часть некрополя, который по данным стратиграфии можно датировать в рамках второй половины XIII–XV в. В могильных ямах найден преимущественно материал XII–XIII вв. (керамика, обломки стеклянных браслетов, шиферное пряслице), лишь в трех могилах обнаружена керамика, которую можно датировать XIV–XV вв.: венчик красноглиняного горшка, орнаментированного волнистой линией в зоне перехода от плечика к шейке (яма 56, рис. 4, 3) и мелкие обломки красноощенной керамики (2 экз. в яме 47 и 1 экз. в яме 66). Антропологический анализ установил следы повышенных физических нагрузок у взрослых погребенных. Один из них – мужчина 50–55 лет – профессиональный всадник (?) крупного телосложения, с зажившим ранением (Гончарова, 2007).

На участке 1 (на площади 18 м²) раскопа 1 по ул. Комсомольской, 8 был прослежен слой коричнево-серого суглинка толщиной до 40 см, перекрывавший круп-

³ Четыре детских и пять взрослых погребений.

Таблица 1. Пласт 17. Статистика керамики и прочие находки

Керамика	Количество (шт.)	% к итогу	Примечания
Красноглиняная XII–XIII вв.	152	59,8	С линией – 40, венчик высокий – 7, подсвечник (?) – 1
<i>Красноглиняная XIV–XVI вв.*</i>	<i>80</i>	<i>31,5</i>	<i>С линией – 12, с многорядной «волной» – 2, с однорядной волной – 3</i>
Красноглиняная с белым ангобом XVI в.	2	0,8	
Краснолощеная XIV–XVII вв.	11	4,3	
Чернолощеная XVI–XVIII вв.	1	0,4	
Белоглиняная гладкая XVI–XVIII вв.	5	2,0	
Майолика, фаянс XVIII–XIX вв.	3	1,2	
Итого керамики	254	100	
Прочее (фрагменты): шлак металлический – 2, гвозди кованые – 8, кости – 103			

* – из 16 венчиков, взятых в коллекцию (брались все венчики, за исключением очень мелких фрагментов), лишь 3 датируются XVI в., что указывает на преобладание в данной разновидности керамики XIV в.

Таблица 2. Пласт 18. Статистика керамики и прочие находки

Керамика	Количество (шт.)	Примечания
Красноглиняная XII–XIII вв.	45	С линией – 19, венчики высокие – 2
<i>Красноглиняная XIV в.</i>	<i>5</i>	<i>Ручка – 1, с линией – 19, с волной – 1</i>
Итого керамики	50	
Гвозди кованые	2	
Кость	9	

Таблица 3. Верхнее заполнение ямы 16. Статистика керамики и прочие находки

Керамика	Количество (шт.)	% к итогу	Примечания
Красноглиняная XII–XIII вв.	96	91,4	С линией – 38
<i>Красноглиняная XIV в.</i>	<i>9</i>	<i>8,6</i>	<i>С линией – 1, с «волной» – 1, с линейно-волнистым орнаментом – 1</i>
Итого фрагментов керамики	105	100	
Гвозди кованые – 7, кости – 21			

Таблица 4. Яма 38. Статистика керамики и прочие находки

Виды керамики	Количество	%
<i>Древнерусская XII–XIII вв.</i>	427	76,9
Венчики горшков (из них высокие)	90 (40)	
Стенки:		
без декора	255	
с декором:		
линия	34	
волна+наколы	2	
Донца	47	
Миски	1	
<i>Красноглиняная XIV – начало XV в.</i>	105	18,9
Венчики горшков	41	
Стенки:		
без декора	56	
с декором:		
линия	4	
волна+наколы	2	
волна	1	
волна+линия	1	
Кувшины:		
венчики	1	
стенки с декором		
линейно-ямочный орнамент	1	
Ручки	1	
Крышки	1	
<i>Краснолощенная XIV–XVII вв.</i>	13	2,3
Лощение сплошное	10	
Лощение вертикальное полосчатое	3	
<i>Белоглиняная гладкая XVI–XVIII вв.</i>	7	1,3
Стенки:		
без декора	4	
с декором (линия)	3	
Чернолощенная XVI–XVIII вв.	1	0,2
Стенки (без декора)	1	
Керамика XIX–XX вв. (поливная красно- и белоглиняная, фарфор, фаянс)	2	0,4
Всего керамики	555	100
<i>Прочие находки</i>		
Кости – 196, железо – 11, гвозди – 10		

Примечание: Незначительное количество поздней керамики связано с небольшим перекопом, прорезавшим яму.

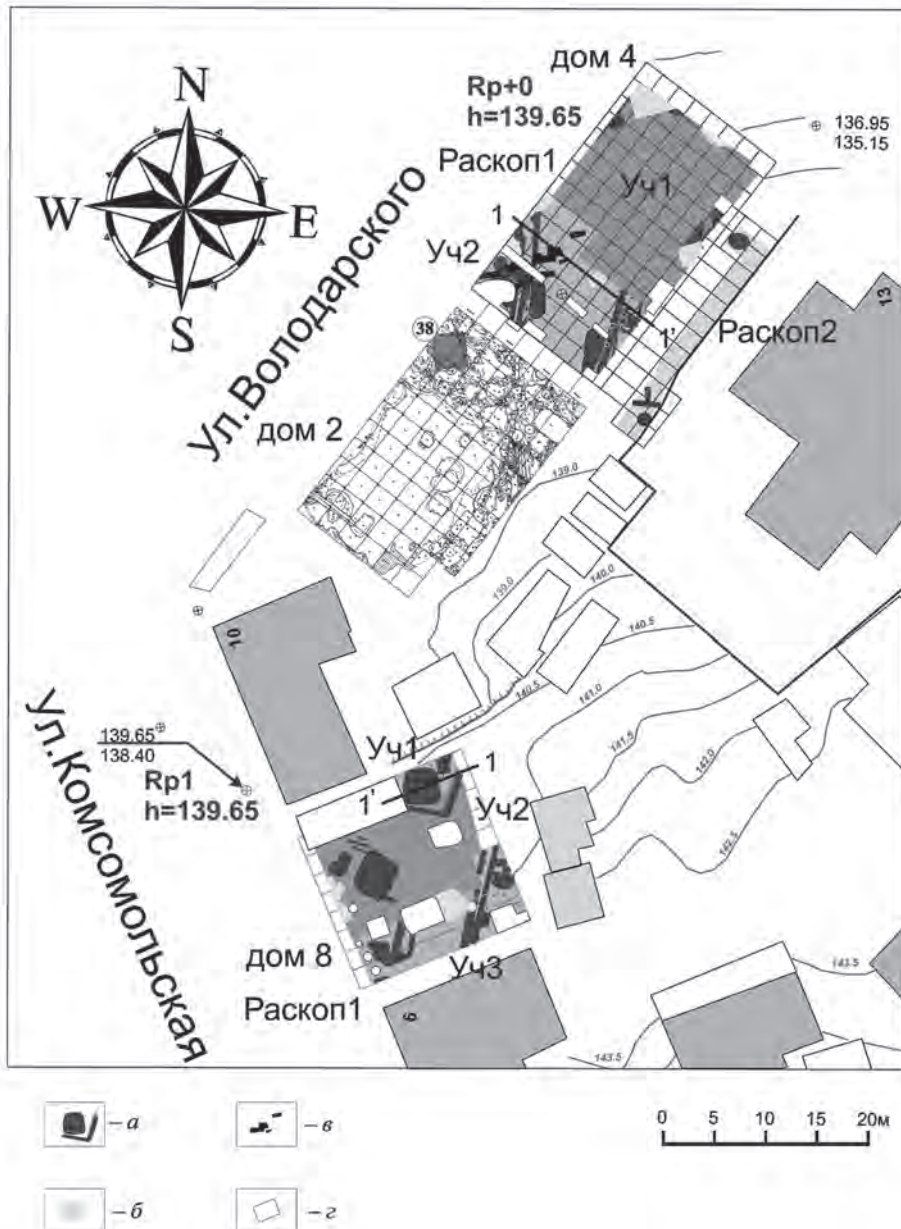

Рис. 2. Владимир. Квартал 13. Раскопы 2006–2007 гг. Схема.

Условные обозначения: *a* – ямы и частокольные траншеи XII – первой половины XIII в.; *б* – ямы XVI–XVIII вв.; *в* – могильные ямы XIV в.; *г* – перекоп.

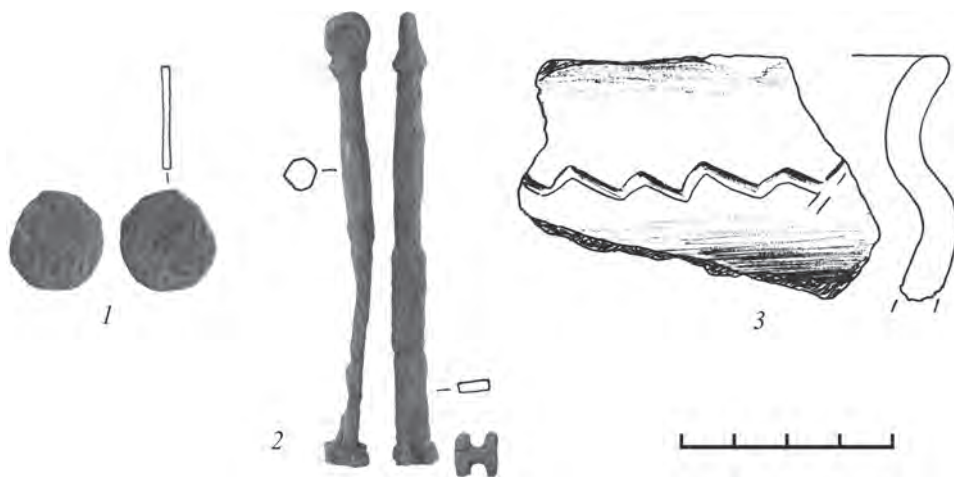

Рис. 4. Ул. Володарского, 4. Раскоп 1, участок 2. Находки.

1 – золотоордынская монета XIV в.; 2 – железный ключ середины XIII – середины XV в.; 3 – красноглиняный венчик горшка из ямы 56 (погребение)

ную яму древнерусского времени (яма 16) и частично просевший в нее (пласты 17, 18) (рис. 2, 5). В этом слое была найдена красноглиняная керамика с плавно отогнутыми наружу венчиками, у которых «черновой» край завернут внутрь сосуда и заглажен, «чистовой» край венчика «припухлый» или с небольшим валиком по внешней стороне, в одном случае косо срезан и имеет небольшое ребро по плечичку. Линейный орнамент или «волна» нанесены в зоне перехода от плечичка к шейке горшка или на шейку (рис. 6).

Подобная керамика датируется XIV – началом XV в. (Чернов, 1991. С. 20. Табл. 47, 48; Полубояринова, 1992. С. 131–140. Рис. 1, 4, 5; Коваль, Хижняков, 2005. С. 181. Рис. 18; Блохина, 2010. С. 192, 194. Рис. 15а, б; 18; Коваль, 2010. С. 203. Рис. 10).

Ниже приводится статистика керамики из этого слоя (табл. 1–3).

Среди находок из этого слоя следует отметить обломок ручки кашинного сосуда XIV в. (консультация В.Ю. Ковалю) из пласта 17 и коленчатый ключ из медного сплава от цилиндрического замка типа Г (середины XIII – середины XV в.) из верхнего заполнения ямы 16 (рис. 6, А, Б).

На участке 2 раскопа 1 по ул. Володарского, 2 была зафиксирована яма 38 под прямоугольной в плане формы (размеры 2,96 x 3,10 м) глубиной 0,6 м. Заполнение ее верхней части состояло из коричневого суглинка, нижней части – из серого суглинка (рис. 2, 7). В яме была найдена керамика XII–XIII и XIV – начала XV в. (рис. 8; табл. 4).

Наряду с большим количеством находок древнерусского времени здесь был найден стеклянный перстень из голубого непрозрачного стекла, датируемый XIV в. (рис. 8, А).

На основании описанных выше археологических комплексов можно сделать заключение о прекращении хозяйственной деятельности на исследованных участках

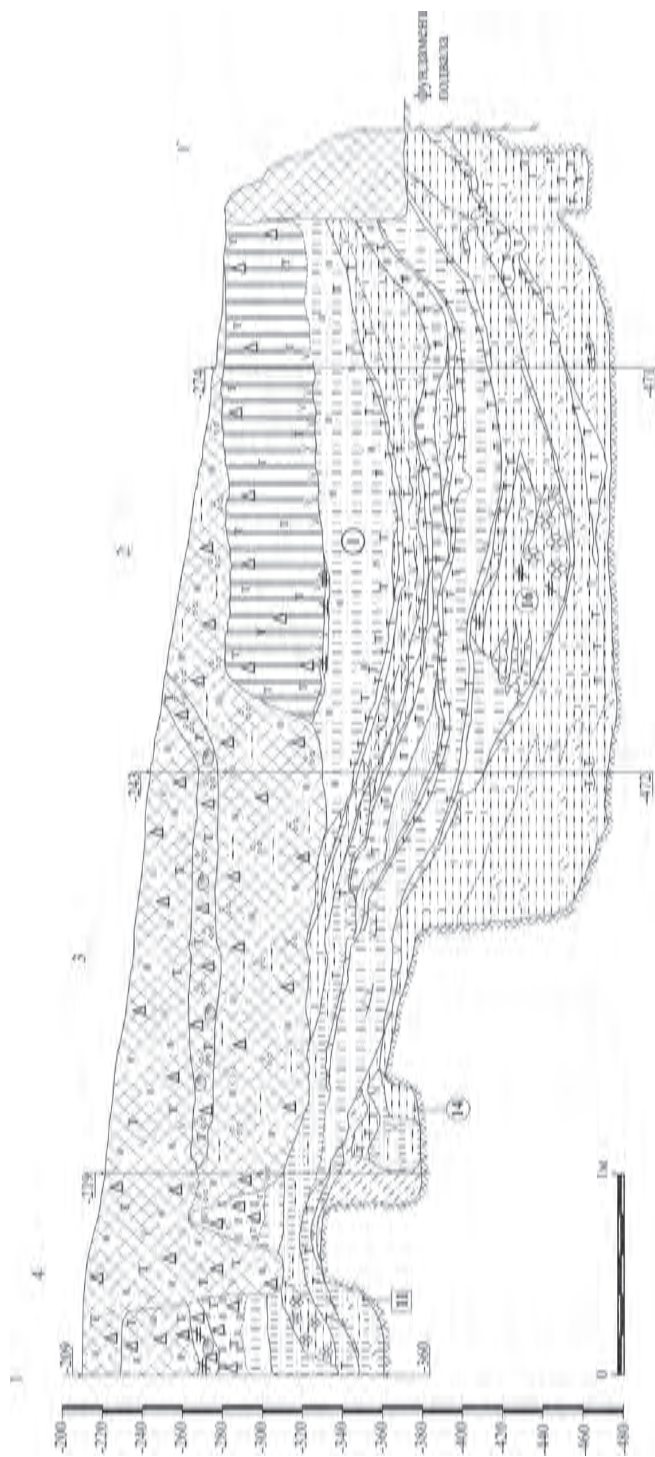

Рис. 5. Ул. Комсомольская, 8. Раскоп 1, участок 1. Стратиграфический разрез 1-1'.
1 – коричнево-серый суглинок

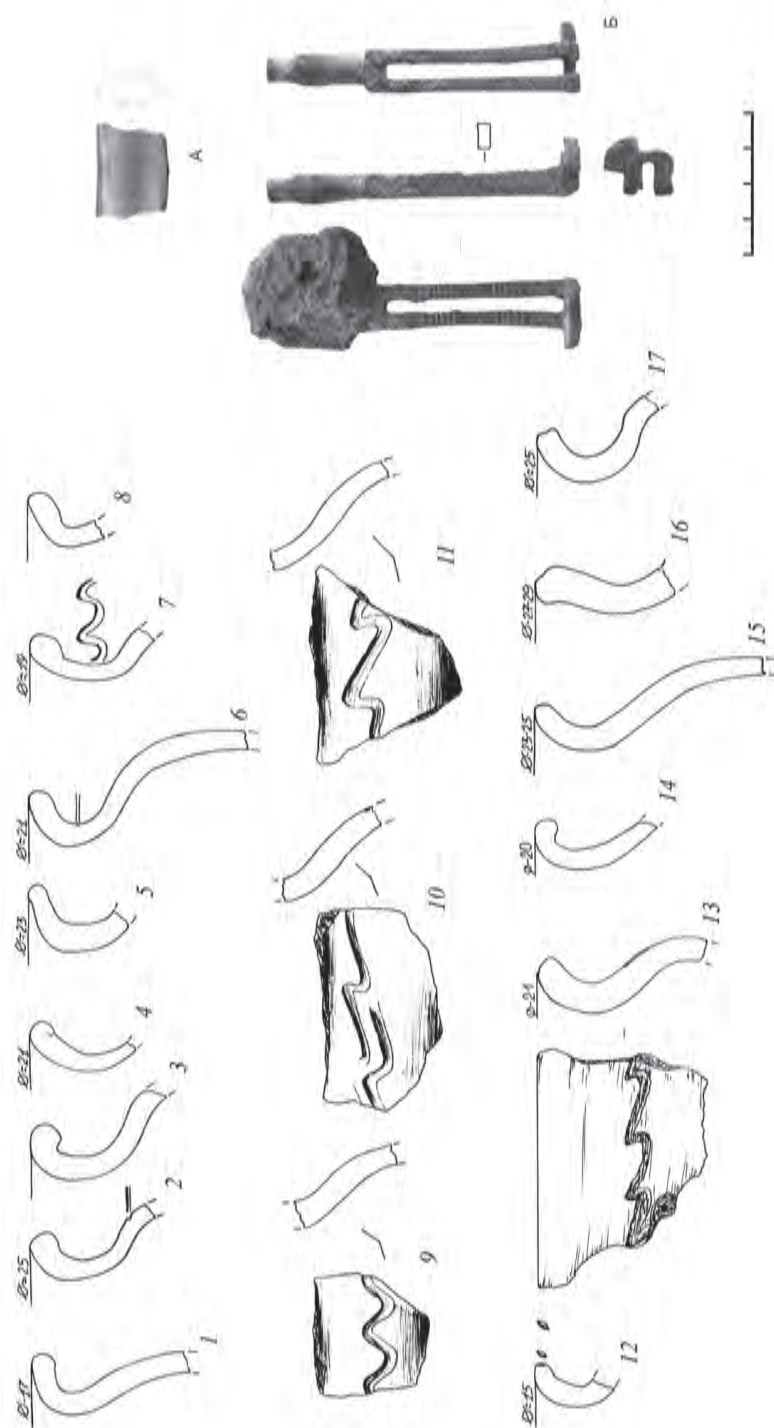

Рис. 6. Ул. Комсомольская, 8. Раскоп 1, участок 1. Керамика и индивидуальные находки из коричнево-серого слоя. 1–11, 13–17 – красноглиняная керамика; 12 – ручка кашинного сосуда (XIV в.); 18 – ключ медного сплава (середина XIII – середина XV в.)

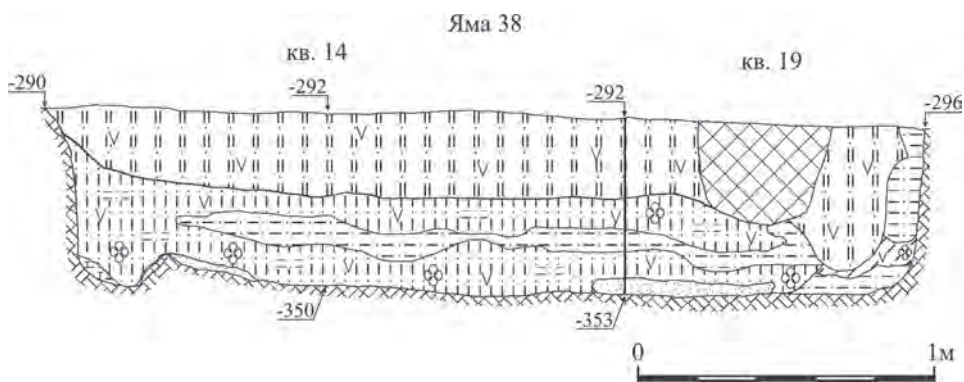

Рис. 7. Ул. Володарского, 2. Раскоп 1, участок 2. Разрез ямы 38

города на полстолетия (или более того) после разорения 1238 г. – на месте усадеб формируются пустырь и кладбище. Некоторое хозяйственное оживление в XIV – начале XV в. имело локальный характер и, по-видимому, не было продолжительным. Отсутствие материала XV в., возможно, связано с событиями 1411 г. – после большого пожара Владимир был захвачен татарским царевичем Талычем совместно с нижегородским князем Даниилом Борисовичем и боярином Семеном Карамышевым, которые «..град взявше, ограбиша и сожгоша» (Татищев, 1996. С. 217). Новый этап в развитии города на этой территории начался на рубеже XV–XVI вв.

Литература

- Блохина О.А., 2010. Исследования на селище Старбеево близ города Химки // Археология Подмосковья: мат-лы научного семинара. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 180–195.
- Воронин Н.Н., 1967. Владимир. Боголюбово. Суздаль. Юрьев-Польской. 3-е изд., перераб. М.: Искусство. 311 с.
- Гольева А.А., 2009. Микробиоморфные исследования культурных слоев древних поселений Центральной России // Археология Подмосковья: мат-лы научного семинара. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 55–72.
- Гончарова Н.Н., 2007. Антропологическое исследование материалов из г. Владимира. Раскопки 2006 года // Зеленцова О.В., Зоц С.А. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических раскопках в зоне реконструкции жилого квартала № 13 г. Владимира в 2006 г. Т. I. Приложение 1 // Архив ИА РАН. Р-1. 2007.
- Зоц С.А., 2010. Позднесредневековая керамика из города Владимира (по материалам раскопок 2006 года) // Археология Подмосковья: мат-лы научного семинара. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 361–370.
- Коваль В.Ю., 2010. Три группы керамики из Северо-Западного Подмосковья // Археология Подмосковья: мат-лы научного семинара. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 196–205.
- Коваль В.Ю., Хишняков О.И., 2005. Средневековые поселения в селе Аносино на Истре (к вопросу о керамике верхнего Московчья в XII веке) // Археология Подмосковья: мат-лы научного семинара. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 153–183.
- Мазур Л.Д., 2006. Русский город XI–XVIII вв. Владимирская земля. М. 111 с.

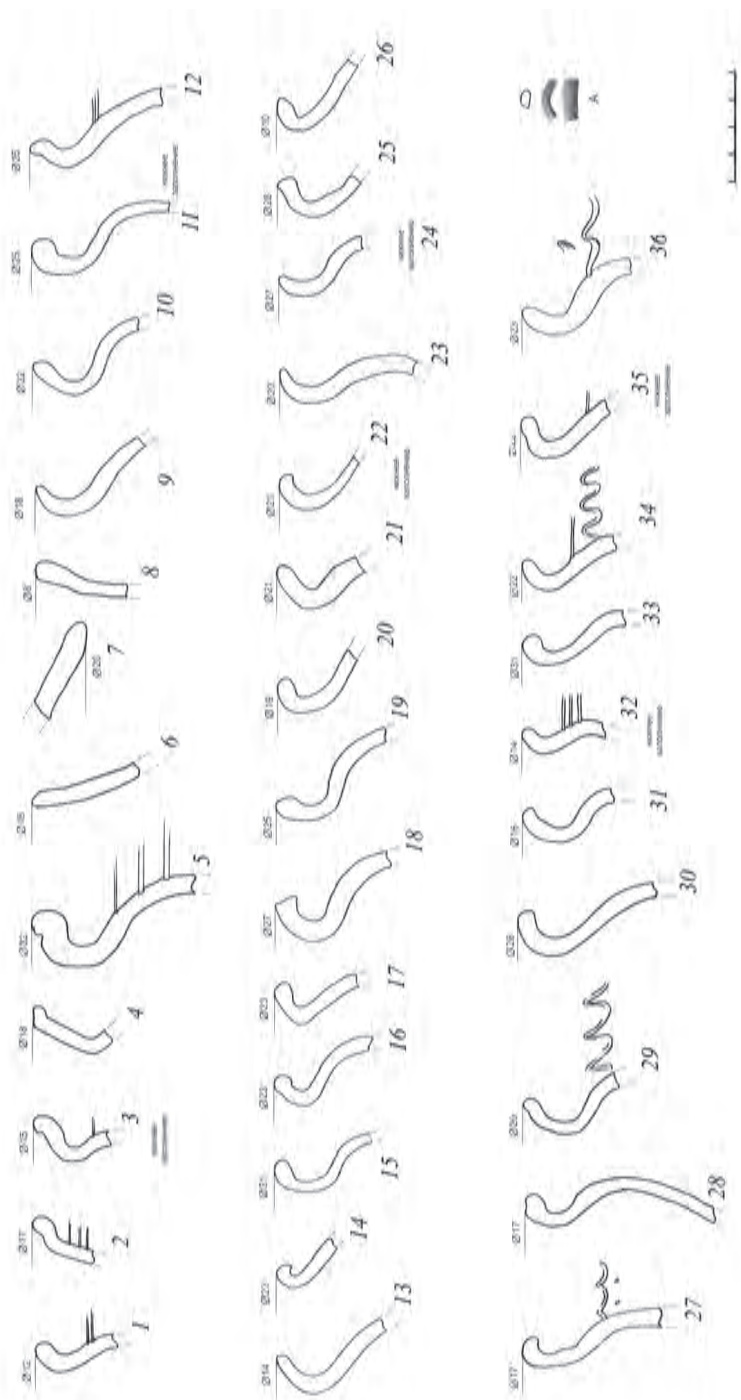

Рис. 8. Ул. Володарского, 2. Раскоп 1, участок 2. Яма 38. Находки.
 А – стеклянный перстень (XIV в.); 1–5 – древнерусская керамика; 6–35 – красноглиняная керамика XIV в.

- Полубояринова М.Д.*, 1992. Древнерусская керамика Болгара // Древнерусская керамика. М.: ИА РАН. С. 131–141.
- Татищев В.Н.*, 1996. Собрание сочинений в 8 т.: репринтное изд.: в 5 кн. Кн. 4: Т. 5–6: История российская. Ч. 3-4. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир». [775] с.
- Чернов С.З.*, 1991. К хронологии московской керамики XIII – середины XV вв. // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М.: ИА РАН. С. 20–32. (Материалы и исследования по археологии Москвы).

Д.А. Кабаев, Л.Л. Гальчук

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В КВАРТАЛЕ 22 ИСТОРИЧЕСКОГО ЯДРА г. ВЛАДИМИРА (ул. ЗЛАТОВРАТСКОГО, 1)

Археологические исследования в квартале 22 исторического ядра Владимира и на прилегающих территориях продолжаются с перерывами почти 20 лет. Многолетние раскопки в этой части города выявили усадебный характер застройки в древнерусское время, внушительные размеры усадеб, а их владельцы обладали высоким социальным статусом. Исследования 2011 г. затронули северный угол квартала 22 (ул. Златовратского). К юго-востоку от участка работ находилась Ильинская деревянная церковь, сгоревшая в пожаре 1214 г. В 1773 г. церковь была восстановлена в камне, а в 1932 г. разрушена. Площадь раскопа составила 165 м². Раскоп заложен на свободном от застройки участке и северным краем выходил на красную линию ул. Герцена.

Общая мощность культурных отложений составила 60–100 см – это переотложенный не стратифицируемый темно-серый и серо-коричневый суглинок, нарушенный погребями, выгребными ямами и кирпичным септиком снесенного дома XX в. Напластования подстилает погребенная почва. При снятии отложений вдоль восточной стенки раскопа прослежены заполнения хозяйственных погребов второй половины XVIII – начала XIX в. Хронологические рамки построек установлены на основании медной монеты достоинством 2 копейки чеканки 1766 г. и бутылочного клейма с датой 1806 г. В этих погребах найдены многочисленные фрагменты столовой фаянсовой посуды, глиняные курительные трубки, глиняные светильники, половина железных ножниц для подрезания свечных фитилей, рельефные поливные и расписные печные изразцы, а также два фрагмента блюда из бисквитного фарфора с классическими античными рельефными миниатюрами в рокальных рамках. Отсутствие клейма не позволяет определить мастерскую изготовления такой посуды, однако роднит его либо с произведениями английской фабрики Веджвуд, либо с работами Федора Шубина.

Временной отрезок XV–XVIII вв. характеризуют единичные находки: железное салазковидное кресало, железный нож с упором на стыке лезвия и черенка, два округлых предмета из стенок гончарных сосудов, атрибутируемые либо как заго-

товки для пряслиц, либо как детские игрушки-фишки. В отложениях найдены многочисленные фрагменты краснолощеной, красно- и белоглиняной посуды, чаще оформленные венчиками вертикальной постановки с округлым или заостренным чистовым краем и изогнутыми и отогнутыми наружу венчиками со скругленным, заостренным или срезанным чистовым краем.

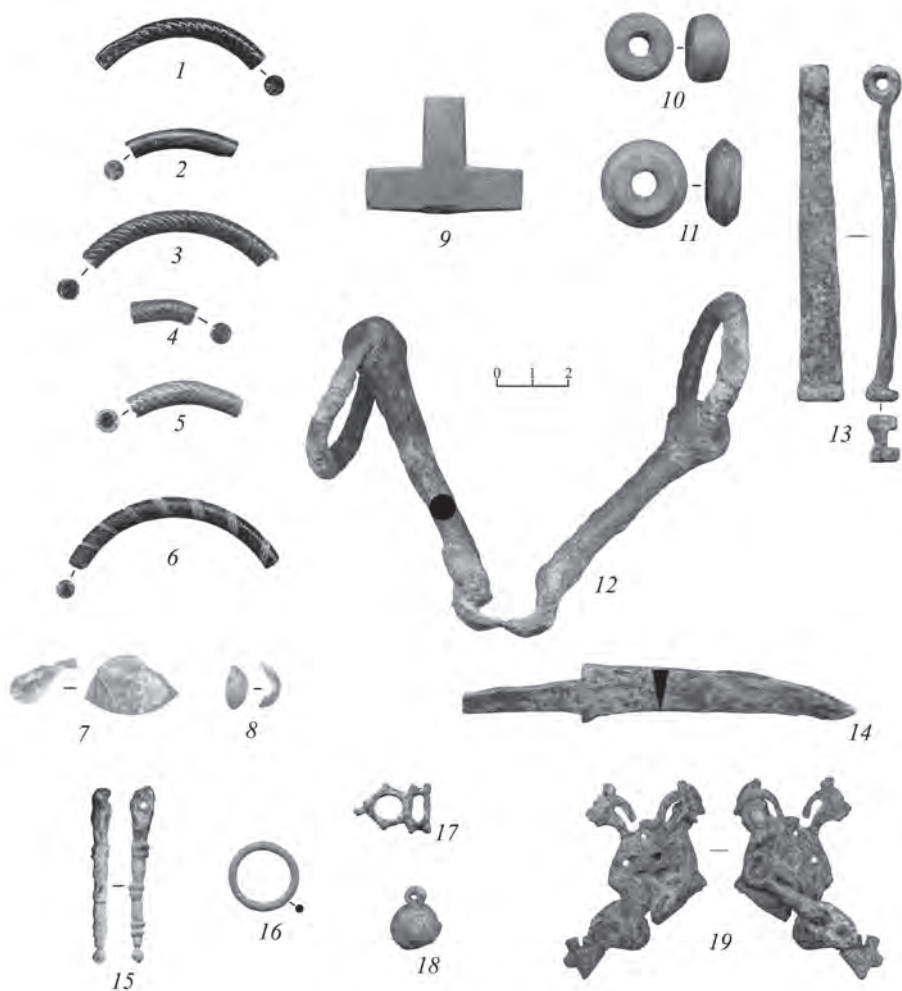

Рис. 1. Находки XII–XIII вв. из слоя.

1–6 – браслеты; 7 – фрагмент поддона стакана; 8 – бусина; 9 – нательный крест (сла-
нец); 10, 11 – пряслица (шифер); 12 – удила; 13 – ключ; 14 – нож; 15 – ремной наконечник;
16 – кольцо; 17 – пряжка от книжной застёжки; 18 – бубенчик; 19 – зооморфная подвеска.
1–6, 7, 8 – стекло; 12–14 – железо; 15, 16 – бронза; 17–19 – медь.

Горизонт древнерусского времени определяется материковыми выбросами из котлованов построек в центральной и западной частях раскопа, истончающимися в северном и западном направлениях по мере удаления от центра. Находки древнерусского времени сосредоточены преимущественно на стыке переотложенного суглинки и погребенной почвы (рис. 1): стеклянные браслеты (гладкие и крученые), биконическая бусина из желтого стекла, фрагмент стеклянного поддона стакана, шиферные пряслица (биконическое и линзовидное), нательный сланцевый крестик, железные ножи, железный ключ от замка типа «В». Находки из цветных металлов представлены шаровидным бубенчиком, шумящей зооморфной двуглавой привеской с прорезным орнаментом, бронзовой пряжкой от книжной застежки. В ходе раскопок в квартале 22 найдено около 60 деталей книжных переплетов (Жарнов, 2003. С. 55). Найдены и элементы поясной гарнитуры: кольцо и стержневой наконечник (использовался для основных и боковых ремней или в качестве привесок к бляшкам с боковыми петлями). Подобные стержневые наконечники для боковых ремней с прорезью в основании известны среди находок в древнерусских городах и на островах Готланд и Сааремаа (Захаров, 2004. С. 186).

На материке прослежены многочисленные и разнообразные углубления древнерусского времени – следы сооружений одной усадьбы. Остатки одного жилого и шести хозяйственных наземных сооружений образовали северную и западную линии надворных построек (рис. 2).

Центральную и южную части раскопа занимали котлованы хозяйственных ям овальных и округлых в плане очертаний с поперечниками 3–4 × 2–2,5 и глубиной до 1,1 м.

В центральной части раскопа располагался котлован подвального помещения жилища, образовавший северо-западный угол усадьбы. Постройка вошла в раскоп частично. Максимальные поперечные размеры видимой части составили 4 × 7 м. Глубина подполья достигала 2,2 м. Постройка разрушена пожаром 1238 г., дно котлована прокалено огнем докрасна. Хорошо читаемые прослойки древесного тлена в заполнении ямы, полого спускающиеся к центру ямы, образовали мощные завалы толщиной до 15 см. По характеру расположения древесного тлена его можно интерпретировать как разрушившиеся перекрытия. Деревянное сооружение подполья образовано пристенным срубом, рубленным в обло. Толщина бревен – 25 см. Дно подполья также было выстлано досками, о чем свидетельствует полоса углей толщиной 3 см по дну котлована. Скопление кусков обожженной глины на дне подполья в его центральной части указывает на разрушившееся отопительное сооружение. С юга к котловану жилища примыкает подпрямоугольная в плане яма размерами 4 × 1,8 м. Деревянные конструкции ямы состоят из угловых столбов и вертикально поставленных досок вдоль стенок ямы. Глубина сооружения – 0,6–2 м. Дно ямы имеет наклон в сторону подполья, образуя привходовой пандус. Исследованная площадь усадьбы составила 120 м².

Принимая во внимание характер городской планировки этого времени, особенность раскопанного участка – его положение на перекрестке двух улиц. Видимая ширина улиц достигает 4 м. Перекресток улиц локализован в незастроенном в древнерусский период пространстве в западной и северной частях раскопа, ограниченном с востока и юга тремя смежными канавками. Занимаемый улицами про-

Рис. 2. План раскопа по матерiku.

Условные обозначения: *а* – сооружения второй половины XII – начала XIII в.; *б* – сооружения второй половины XIII – XIV в.; *в* – сооружения второй половины XVIII – начала XIX в.; *з* – сооружения XX в.

межуток отличается нестратифицированным культурным слоем. Обнаруженные улицы проходили вдоль западной и северной оград усадьбы.

Все немногочисленные индивидуальные находки, собранные в заполнениях хозяйственных ям и жиллом подполье в количестве 112 предметов, датируются второй половиной XII – началом XIII в. (рис. 3): железные ножи, навесной цилиндрический замок тип «Б», пружинные ножницы с узкими и длинными лезвиями, которые, возможно, применялись для раскройки тканей (Колчин, 1959. С. 59), железный топор, близкий к VI типу (с двумя парами щекавиц и округлой проушиной). Найдены медная пуговка, височное перстневидное кольцо из медной проволоки; два фрагментарных цельных двусторонних гребня: прямоугольный с линейным орнаментом и трапециевидный; костяная проколка, шиферные пряслица и многочисленные стеклянные браслеты.

Изделия из стекла древнерусского времени составляют 60% всей коллекции индивидуальных предметов из раскопа. Эта группа находок представлены четырьмя категориями: браслеты (101), бусы (7), 2 фрагмента стеклянных сосудов и 1 витражное стекло.

Рис. 3. Находки XII–XIII вв. из ям.

1 – пружинные ножницы; 2 – топор; 3 – навесной замок; 4 – замочная пружина; 5 – нож; 6 – височное кольцо; 7 – пуговка; 8 – пряслице (шифер); 9–11 – бусины; 13, 14 – браслеты; 15 – проколка (кость); 16, 17 – гребни (рог). 1–5 – железо; 6, 7 – медь; 9–14 – стекло.

Самая многочисленная категория находок – стеклянные браслеты. Две трети всех найденных браслетов приходится на ямы. Среди них преобладают крученые (85% от всех найденных экземпляров); число мелкокрученых и крупнокрученых примерно одинаковое.

Согласно новгородской шкале крученые браслеты преобладают до 1224 г. При этом браслеты с крупным кручением – с конца XII по первую половину XIII в. Гладкие браслеты преобладают в новгородских слоях значительно позже крученых – с 1268 г. Это наблюдение верно и для других городов Северо-Западной и Северо-Восточной Руси (*Щапова, 1972. С. 105*). Цветовое разнообразие браслетов довольно широко. Найденны зеленые (31 экз.), черные (27), фиолетовые (16), коричневые (10), синие (10), желтые (2), оливковые (2), бирюзовые (1) и голубые (1). Практически все они прозрачные или полупрозрачные.

Среди браслетов преобладают зеленые разной интенсивности окрашивания, черные и фиолетовые. Большинство браслетов не имеет декора. Декорировано 15 из 101 фрагмента (как крученые, так и гладкие). Перевиты нитью желтого стекла 11 фрагментов, красной – 2, сочетание нитей красного и желтого стекла отмечено на 2 экз.

На основании сохранности стекла браслетов можно предположить, что в коллекции присутствуют изделия как из свинцово-кремнеземного стекла (тяжелые браслеты со следами побитостей хорошей сохранности), так и из калиево-свинцового стекла (наличие на браслетах корки, образовавшейся со временем). Возможно небольшая часть браслетов может быть византийской по происхождению, подтверждение тому – фрагментарный браслет черного цвета квадратный в сечении. На основании наблюдений можно предположить, что все браслеты датируются XII – началом XIII в.

Следующая по численности категория находок – стеклянные бусины (7 экз.). Все просмотренные экземпляры имеют округлую форму (зонные, шаровидные, бипирамидные), за исключением одного – это рыбовидная бусина. Они выполнены из прозрачного и полупрозрачного стекла. Цветовой диапазон: желтые, фиолетовые, синяя.

Также найдено два фрагмента сосудов из желтого стекла, один из них – от круглого поддона небольшого стакана. Подобные экземпляры известны с 30-х годов XII в.

Еще одно изделие – витражное стекло подтреугольной формы толщиной 4 мм, края срезаны под углом и напоминают ретушь. Само стекло плохой сохранности. Находки витражных стекол известны во Владимире с 1937 г. (раскопки ворот детинца Н.Н. Ворониным). Девять фрагментов витражных стекол найдены экспедицией Владимиро-Суздальского музея-заповедника в 1993 г. в «Мономаховом городе» на территории княжеского двора Всеволода Большое Гнездо (*Родина, 2004. С. 129*). Отдельные цветные фигурные стекла находили и в других частях древнего Владимира: в «Новом городе», раскопки Т.Ф. Мухиной и Д.А. Кабаева (*Кабаев, Гальчук, 2007. С. 74*) и в «Ветчаном городе», раскопки Ю.Э. Жарнова, Н.Н. Грибова, Т.Ф. Мухиной (*Грибов, 2008. С. 89*). Большинство находок обнаружено либо в домонгольском слое, либо связано с постройками древнерусского времени, владельцы которых обладали высокой статусностью.

Витражное стекло из раскопа на ул. Златовратского также обнаружено в заполнении древнерусской ямы.

Подавляющее большинство домонгольских венчиков из заполнения ям согласно классификации Л.К. Кадиевой относится к 5-му варианту венчиков в четырех модификациях (к-14, л-58, м-35, з-4) и 8-му варианту венчиков в двух модификациях (а-71, б-10). Венчики данной конфигурации были широко распространены в более южных районах: в Муроме, Ростиславле Рязанском, а также в Киеве и Черниговской обл. Присутствуют и венчики 10-го варианта (25 экз.), оформлявшие сосуды с высокой прямой отогнутой наружу (раструбовидной) шейкой. Такие сосуды служили в качестве кухонной и столовой посуды и зафиксированы в Старой Рязани, Смоленске, в Городце на Волге Нижегородской обл., а также в Ростове и Суздале. Венчиками варианта 7 оформлялись верхние части блюдца, стаканов и мисок (Кадиева, 2003. С. 317).

В заполнении подполий хозяйственных ям в южной части раскопа обнаружены человеческие костяки. Кости располагались в анатомическом порядке. Один костяк расчищен в яме 15, в яме 16 – костяки более 50 человек, беспорядочно уложенные в три яруса. На большинстве останков выявлены смертельные травмы от боевого оружия. Антропологический анализ захоронения выполнен Н.Н. Гончаровой (см. статью в этом сборнике). Погребение завалено сгоревшими деревянными конструкциями, кусками обожженной глины, в заполнении ямы зафиксировано обгоревшее зерно. При расчистке погребений найдены женские украшения из стекла, железный нож, пружинные ножницы, топор, навесной замок тип «Б». К сожалению, это только часть захоронения. Котлован постройки попал в раскоп не полностью. Часть постройки за пределами раскопа уничтожена фундаментом и подвалом дома XX в. Полагаем, количество погибших было значительно больше. Так, в Ярославле массовое захоронение в подвале сгоревшего сооружения состояло из 97 индивидов. Найденное захоронение связано с событиями 1238 г. Это подтверждают и более ранние антропологические находки в раскопах в радиусе 100 м. В 1993 г. в подполье постройки найдены останки женщины, в этом же подполье обнаружен клад культовых предметов. Еще одно захоронение расчищено в 2007 г. в раскопе по ул. Большой Московской в хозяйственном погребке. При разборке этой ямы найдены наконечники стрел, пружинные ножницы, стеклянный браслет, височное кольцо, сгоревший серебряный звездчатый колт с зернью.

Раскопки в квартале 22 в 2011 г. показали масштаб трагедии февраля 1238 г. – еще одна сгоревшая усадьба, массовая гибель горожан.

Показательным примером запустения этой части города на протяжении длительного отрезка времени может быть керамический материал. Его объем в раскопе составляет около 15 тыс. фрагментов гончарных сосудов. Вся керамика поделена на хронологические группы: I – вторая половина XII – начало XIII в.; II – середина XIII–XIV в.; III–XV–XVIII вв.; IV–XVIII–XX вв. При снятии культурных напластований выявлено следующее процентное соотношение групп: I – 12,6; II – 1,5; III – 77,4; IV – 8,5. Наиболее многочисленные группы I и III. Первая группа связана со временем бытования древнерусской усадьбы, третья группа – с возобновлением застройки в ближайшей округе. Сооружения этого времени в раскопе не обнаружены. Единичны и индивидуальные находки, относящиеся к описываемому времени.

Следовательно, эта территория использовалась под огороды. Проводившиеся ранее раскопки в квартале 22 продемонстрировали тяготение всей позднейшей застройки (начиная с XV–XVI вв.) к трассам современных улиц Чехова и Большой Московской (Жарнов, 2003. С. 52; Грибов, 2008. С. 91).

Подобная ситуация, по всей видимости, свидетельствует о катастрофическом (одномоментном) сокращении численности населения, связанном с событиями 1238 г.

Литература

- Грибов Н.Н., 2008. Раскопки в 22 квартале г. Владимира в 2007 г. // Археология Владимиро-Суздальской земли: мат-лы научного семинара. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 84–92.
- Жарнов Ю.Э., 2003. Археологические исследования во Владимире и «проблема 1238 года» // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.: Наука. С. 48–58.
- Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 392 с.
- Кабаетов Д.А., Гальчук Л.Л., 2007. Охранные исследования во Владимире на территории «Нового города» в 2005 г. (раскопки на ул. Гагарина, 2) // Археология Владимиро-Суздальской земли: мат-лы научного семинара. Вып. 1. М.: ИА РАН. С. 68–74.
- Кадиева Е.К., 2003. Керамика из усадьбы г. Владимира конца XII–XIII века (по материалам раскопок 1993–1998 гг. в 22 квартале) // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.: Наука. С. 315–339.
- Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // Тр. Новгородской археологической экспедиции. М. Т. 2. С. 7–120. (МИА; № 65).
- Родина М.Е., 2004. Международные связи Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и их округи). Владимир: Аркаим. 207 с.
- Щапова Ю.Л., 1972. Стекло Киевской Руси. М.: Изд-во Моск. ун-та. 215 с.

С.В. Очеретина, А.А. Юртаев

ЭТАПЫ ОСВОЕНИЯ СКЛОНОВ ЛЕВОГО БЕРЕГА р. КЛЯЗЬМА В ОКРЕСТНОСТЯХ ДРЕВНЕГО ВЛАДИМИРА (НА ПРИМЕРЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИ ИЗУЧЕННОГО В 2011 г. УЧАСТКА)

В 2011 г. археологической экспедицией, организованной Владимирским Центром археологии и реставрации памятников истории и культуры, методом раскопок был исследован участок площадью 700 м² по адресу: г. Владимир, ул. Николо-Галейская, 36. Данный участок расположен на склоне левого коренного берега р. Клязьма, в 60 м к северу от каменного храма Николая Чудотворца в Галях, построенного в 1732–1735 гг. на месте старой деревянной церкви.

Эта территория находится за пределами укреплений древнего Владимира, но в непосредственной близости от них. Рядом проходит ул. Летне-Перевозинская, спускающаяся к р. Клязьма в том месте, где был древний летний перевоз через нее.

На данный момент неизвестно точное время заселения этой территории. По мнению В.П. Глазова, в районе Николо-Галейской церкви на мысу, образованном оврагами, выходящими к р. Клязьма, древнерусское поселение существовало еще с XII в. (Город Владимир. Проект..., 1997. С. 164). Л.В. Дудорова также отмечала, что «хотя бы частично эти земли были освоены еще в домонгольский период» (1998. С. 16, 17).

В ходе масштабных раскопок 2011 г. представилась возможность уточнить время начала освоения данного участка и характер его использования в разные периоды времени.

Изученный участок располагается в верхней приводораздельной части склона левого коренного берега р. Клязьма, перепад высот при максимальной ширине раскопа в 24 м составил около 4 м. Сложная геоморфологическая ситуация потребовала проведения анализа почвенно-геологических условий на данном участке.

Особенность местоположения участка определила направленность геоморфологических процессов: непосредственно на участке и в его окрестностях в прошлом были активно развиты процессы как плоскостного смыва, так и линейного

размыва почвы и подстилающих пород. Кроме этого четко выражены следы плоскостного намыва.

Процесс эрозионного смыва почвы с верхних частей склона связан, вероятнее всего, с хозяйственной деятельностью человека, а именно с вырубкой лесов на водоразделах и верхних частях склонов. Намыв грунтов, в свою очередь, возможен только при наличии склонов сложной формы, а именно – ступенчатых склонов. Исследованный участок расположен именно на таком склоне.

Ступенями склона на изучаемом участке являются наклонные террасы шириной 10–15 м, сложенные покровными лёссовидными суглинками. Их образование связано с сезонными процессами, происходившими, скорее всего, в начале голоцена, когда на территории доминировала тундро-степь и отсутствовал развитый растительный покров. В весеннее время на южных склонах насыщенные влагой верхние слои почвы быстро оттаивали и начинали медленно сползать под воздействием силы тяжести. Таким образом формировались складки-ступени, которые в дальнейшем, при развитии процесса смыва почв играли роль «ловушек», «карманов» для сносимых почв. Именно на них впоследствии сохранились намывные слои.

Геолого-геоморфологические особенности накладывают свой отпечаток и на особенности почвообразования. Не рассматривая в данной статье все этапы почвообразования на этой территории, отметим только что, особый интерес представляет комбинированный этап почвообразования, характерный для средневековья, – периоды зонального лесного и аazonального агрополевого почвообразования прерывались эрозионными смывами и намывами, связанными с деятельностью человека.

Все указанные выше почвенно-геологические особенности данного участка были зафиксированы при проведении археологических работ и учтены в итоговом анализе.

Общая мощность культурного слоя на раскопе без учета заглубленных в материк ям колеблется от 40 см в северо-западной части до 90 см в юго-восточной. Стратиграфически четко выделяется два слоя: темно-серый гумусированный суглинок, мощностью 10–40 см, и светло-коричневый суглинок. Мощность последнего в северо-западной части раскопа составляет 10 см, в юго-восточной части она возрастает до 50 см. Наибольшую мощность слой светло-коричневого суглинка имеет в средней части раскопа (до 80 см). Данный слой намывной. В средней части раскопа находилась складка-ступень склона, которая сыграла роль «ловушки» для смываемых сверху почв.

Верхний слой темно-серого гумусированного суглинка по найденным предметам и массовому керамическому материалу может быть датирован XVIII–XX вв., периодом функционирования на данной территории садов и огородов.

При разборе слоя темно-серого гумусированного суглинка были найдены две неглубокие ямы, плотно забитые перезахороненными человеческими останками. Вместе с останками было выявлено 11 бронзовых перстневидных проволочных височных колец с разомкнутыми и заходящими концами и фрагмент стеклянного браслета. Сделанные находки позволили предположить, что останки перезахоронены в позднее время с нарушенного участка древнего кладбища.

Впервые древние захоронения были обнаружены в 2008 г. при археологических работах на участке, расположенном к юго-востоку от изученного нами.

Руководителем работ Д.А. Кабаевым (2008) было сделано предположение, что погребения могли быть частью домонгольского грунтового могильника.

При проведении археологических раскопок в 2011 г. значительная часть грунтового могильника была обнаружена и исследована. Расчищено и изучено 157 захоронений: 146 – в раскопе, 11 – в выкопанной рядом траншее (рис. 1).

В западной части раскопа захоронения не обнаружены. Здесь была зафиксирована граница могильника в виде двух параллельных канавок. На раскопе не была обнаружена и разрушенная часть могильника, с которой были перезахоронены человеческие останки.

Захоронения в центральной и восточной частях раскопа располагаются рядами и достаточно плотно. Несколько ярусов захоронений не выявлено, лишь местами захоронения частично перекрывают друг друга. Это позволяет сделать вывод, что кладбище функционировало не очень продолжительный период времени.

Все захоронения сделаны в намывном слое светло-коричневого суглинка. Пятна могильных ям читаются очень плохо. Сами могильные ямы неглубокие, лишь некоторые из них заглублены в материк.

Все захоронения имеют западную ориентировку с большим или меньшим отклонением к югу. Погребенные лежали на спине в вытянутом положении. Руки чаще всего скрещены на животе или в районе таза.

Большинство захоронений безынвентарные. В девяти захоронениях в районе шеи и ключиц погребенных найдены бронзовые пуговицы: грибовидные или шаровидные. Это хорошо известные по древнерусским могильникам детали одежды, пришиваемые к воротникам. Фрагмент воротника, представляющий собой узкую полоску ткани с орнаментом золотных нитей со следами шва, найден в захоронении 120. В захоронении 83 была обнаружена небольшая полоска ткани с орнаментом золотных нитей и шаровидными бронзовыми нашивками. Возможно это фрагмент «ожерелки». Фрагменты воротников и пуговицы широко представлены в памятниках домонгольской Руси (Древняя Русь..., 1997. С. 100). Ожерелки и бляшки от них распространены по всей территории Руси в комплексах XII–XIII вв. (Сабурова, 1976. С. 229).

Височные кольца как деталь женского головного убора были обнаружены лишь в двух захоронениях. В одном (№ 107) 18 бронзовых перстневидных проволочных височных колец с разомкнутыми и заходящими концами располагались по обе стороны от черепа. В другом (№ 5), в траншее, найдены два трехбусинных позолоченных височных кольца (рис. 2). Бронзовые перстневидные проволочные височные кольца были широко распространены в Северной и Северо-Восточной Руси с X по XIII в., но известны и в слоях XIV в. (Седова, 1981. С. 13). Трехбусинные височные кольца были типично женским городским украшением с рубежа X–XI до середины XIV в. (Седова, 1981. С. 14).

Таким образом, по найденному погребальному инвентарю сложно дать узкую датировку обнаруженного могильника.

При расчистке погребений выяснилось, что некоторые из них располагались над более ранними заглубленными в материк ямами. Таких ям удалось обнаружить пять (рис. 1). Во всех ямах зафиксированы следы пожара в виде прослоек угля.

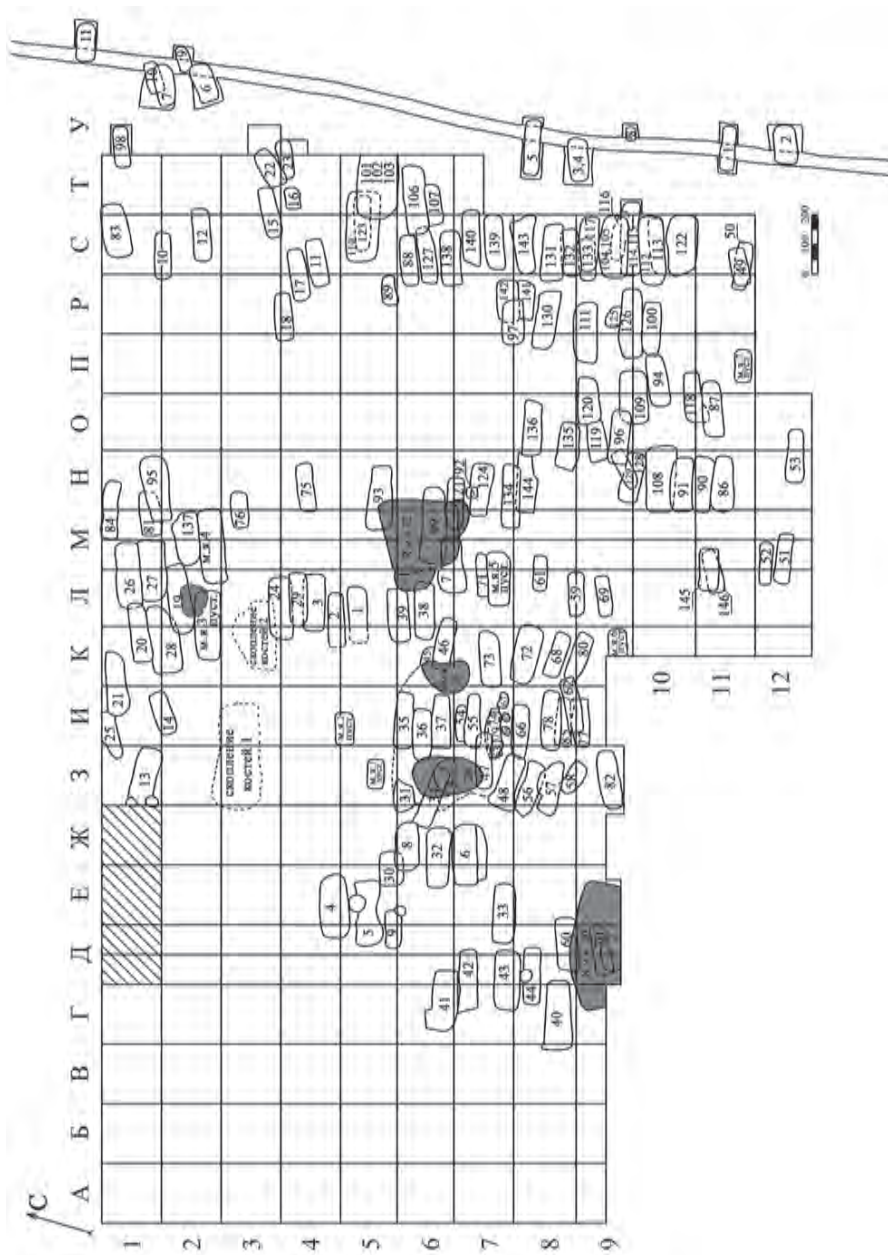

Рис.1. План могильника с указанием ям более раннего времени (выделено темным цветом).

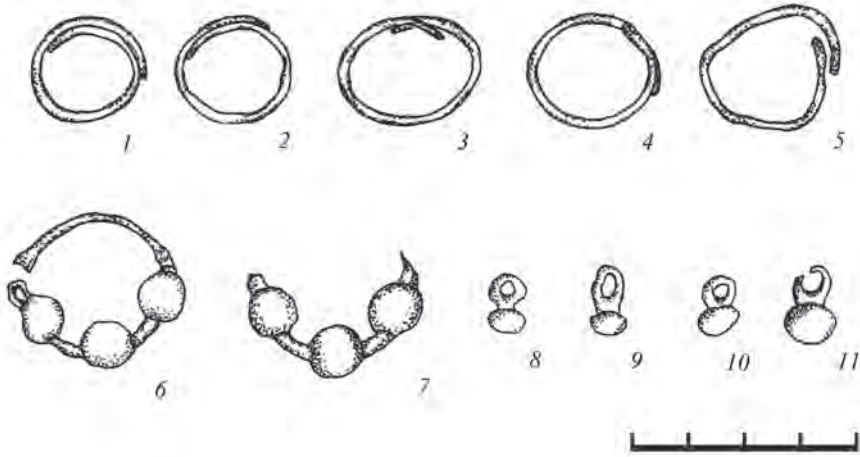

Рис. 2. Вещи из захоронений.

1-5 – височные кольца перстнеобразные проволочные с разомкнутыми и заходящими концами; 6, 7 – височные кольца трехбусинные позолоченные; 8-11 – пуговицы. Бронза.

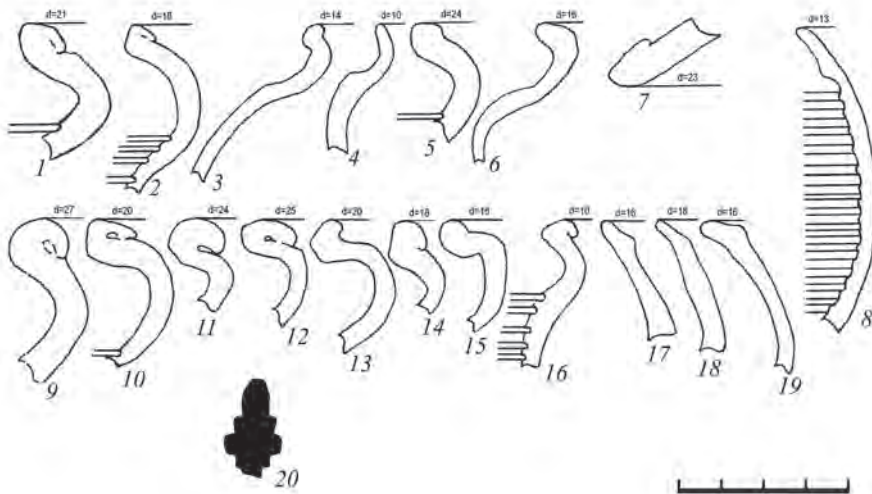

Рис. 3. Находки из ямы 30.

1-6, 8-19 – венчики керамических сосудов: 1-3, 5, 6 – красноглиняных грубых; 4, 8 – красноглиняных тонких; 9-19 – сероглиняных грубых; 7 – фрагмент крышки красноглиняной грубой; 20 – янтарный крестик с прямоугольными концами и выступами в средокрепии.

Во всех ямах массовый керамический материал представлен фрагментами сероглиняной грубой посуды. В яме 30, вошедшей в раскоп частично, и являющейся, вероятно, жилой постройкой, найдены (рис. 3) шесть необработанных фрагментов янтаря, янтарный крестик с прямоугольными концами и выступами в средокрестии (XII–XIII вв.) (Древняя Русь..., 1997. С. 349. Табл. 103, 39), многочисленные фрагменты стеклянных сосудов очень плохой сохранности.

В яме 32, также являющейся жилой постройкой, кроме фрагментов сероглиняной грубой посуды были найдены (рис. 4):

– фрагмент красноглиняной рифленой амфоры. Большинство амфор на Руси датируется XI – первой половиной XIII в. (Коваль, 2003. С. 340);

– фрагмент дна сосуда сероглиняного грубого с клеймом в виде трехсторонней розетки. Это распространенный во Владимире тип клейм второй половины XII – начала XIII в. (Кадиева, 2007. С. 178).

По совокупности находок и керамического материала ямы можно датировать концом XII – началом XIII в.

Таким образом, после комплексного геоархеологического анализа материала из раскопок 2011 г. можно выделить следующие этапы освоения данной территории.

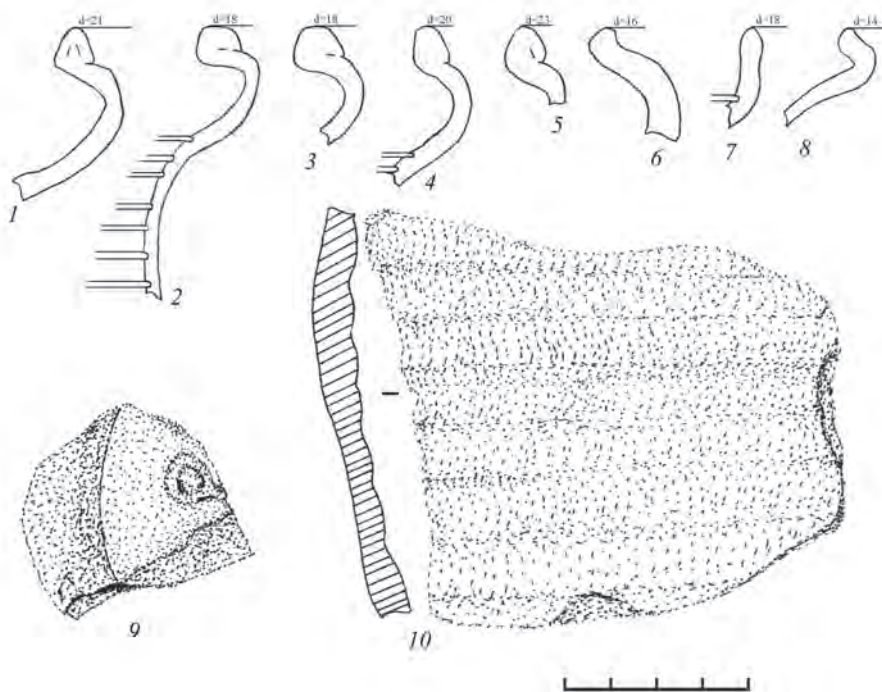

Рис. 4. Находки из ямы 32.

1–8 – венчики керамических сосудов сероглиняных грубых; 9 – фрагмент дна древнерусского сосуда с клеймом; 10 – фрагмент стенки амфоры красноглиняной рифленой.

1. Начало ее освоения относится к концу XII – началу XIII в. В это время здесь существовало незначительное, вероятно, недолговременное поселение. Постройки прекратили свое существование во время пожара, следы которого фиксируются в профилях ям.
2. Вероятно, еще во время функционирования древнего поселения активно осваивались участки, расположенные выше по склону, там началась вырубка леса, которая спровоцировала эрозионный смыв почвы и соответственно намыв ее на нижних участках склона, особенно в районе существующей ступени. Этот процесс мог происходить очень быстро (несколько десятков лет). Намытый суглинок заполнил «геоморфологический карман» и перекрыл ранние постройки.
3. В дальнейшем процесс смыва замедлился. Участок снова стал использоваться, но уже не для хозяйственных нужд, а в ритуальных целях. Расположенный на данном участке грунтовый могильник можно датировать концом XIII–XIV в.
4. В более позднее время несколько веков участок пребывал в запустении. Последний период его освоения – XVIII–XX вв., время функционирования на данной территории садов и огородов.

Литература

- Город Владимир. Проект..., 1997. Город Владимир. Проект охранных зон памятников истории и культуры // Архив Владимирской специализированной научно-реставрационной производственной мастерской (ВСНРПМ).
- Древняя Русь. Быт и культура, 1997. М.: Наука. 368 с.
- Дудорова Л.В., 1998. Старый Владимир. Владимир: Посад. 99 с.
- Кабеев Д.А., 2008. Заключение о проведенных археологических исследованиях от 18.06.2008 г. Рукопись.
- Кадиева Е.К., 2007. Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // Археология Подмосковья: мат-лы научного семинара. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 173–196.
- Коваль В.Ю., 2003. Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X–XIII вв.) // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.: Наука. С. 340–360.
- Сабурова М.А., 1976. Стоячие воротники и «ожерелки» в древнерусской одежде // Средневековая Русь. М.: Наука. С. 226–230.
- Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 195 с.

Н.Н. Гончарова

АНАЛИЗ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ИЗ ЗАХОРОНЕНИЯ НА УЛ. ЗЛАВТОВРАТСКОГО В ГОРОДЕ ВЛАДИМИРЕ

Изученный комплекс представляет собой единовременное захоронение большого количества индивидов в яме хозяйственного назначения. Коллективные захоронения всегда привлекают внимание исследователей, так как нечасто встречаются в археологической практике. Такого рода памятники обычно свидетельствуют о неких трагических событиях (эпидемии, войны) в истории изучаемого населенного пункта. Методологически исследование такого памятника можно разделить на несколько главных задач:

- анализ количества погребенных;
 - анализ патологий и травм на скелетном материале для поиска причин массового погребения;
 - анализ антропологического типа населения;
 - анализ маркеров физической нагрузки для реконструкции особенностей быта.
- В рамках данной работы рассматриваются первые три задачи.

Количество погребенных индивидов

В случаях массовых захоронений анатомическая целостность костяка погребенных, как правило, нарушается. В этом случае необходимо учитывать разрозненные скелеты и части скелетов по специальной методике. Для установления числа черепов используется следующий методический подход: подсчитывается количество целых черепов и/или сводов черепа (без лицевых костей), затем проводится анализ фрагментов черепа, при котором подсчитывается число лобных костей или их фрагментов с сохранившейся наиболее выступающей передней точкой в медианной (срединной) плоскости (точка *glabella*). Кроме этого анализируется количество нижних челюстей или их фрагментов с сохранившейся самой передней точкой подбородочного выступа в медианной плоскости (точка *pogonion*). И, наконец, проводится подсчет затылочных костей или их фрагментов с

сохранившейся анатомической структурой – так называемым крестообразным возвышением. Эта внутренняя структура затылочной кости чрезвычайно массивна, на наружной стороне кости ей соответствуют нижняя и верхняя выйные линии, которые также усиливают рельеф кости, все это обеспечивает хорошую сохранность именно этого фрагмента затылочной кости. Суммарное количество индивидов определяется как наибольшее из трех показателей. Аналогично ведется подсчет по костям посткраниального скелета: учитываются крупные кости скелета, сохранность которых, как правило, лучше. Расчеты, проведенные по этой методике, позволили достаточно уверенно определить число погребенных. В яме захоронено не менее 43 взрослых индивидов и не менее 14 детей. Определение пола и возраста проводилось по стандартным методикам (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Standards..., 1994).

Изученная выборка представляет собой одномоментный срез популяции в отличие от палеопопуляций, получаемых при раскопках могильников, функционировавших продолжительное время. Конечно, ее нельзя отождествить со случайной выборкой, которая формируется в биологических исследованиях по определенным законам, так как очевидно нарушена случайность выбора объектов. Тем не менее, расчет обычных палеодемографических характеристик в данном случае представляет специальный интерес, так как отклонение рассчитанных для группы показателей от стандартных позволяет делать заключения относительно причин отклонения от стандарта. Суммарно достоверно определено 57 индивидов, из которых дети составляют 24%, это довольно низкий показатель (Алексеева, Богатенков, Лебединская, 2003. С. 38). Необходимо подчеркнуть, что среди детей основное количество (11 индивидов) приходится на возраст 3–11 лет, в то время как в обычных сериях из городских могильников основная часть детской выборки приходится на возраст от рождения до 2 лет, так как детская смертность в возрасте до 1 года традиционно велика. Интересен половой состав: в выборке количество мужчин больше, чем количество женщин, хотя и не намного (соотношение мужчин и женщин определено по краниологическим признакам и составляет 51% мужчин и 35% женщин от общего числа достоверно определенных взрослых). Особенность выборки – практически полное отсутствие людей пожилого возраста; ее структура представлена на рис. 1.

Средний возраст смерти в мужской части выборки 31,7 лет, в женской подгруппе – 38,3 года, суммарно по группе – 33,9 года. Отметим две особенности. Одна состоит в том, что возраст смерти довольно низкий для средневековья (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001. С. 268, 269). Такие значения, конечно же, встречаются, но, как правило, сопровождаются повышенной частотой так называемых маркеров стресса, что может свидетельствовать о низком уровне адаптации населения. В изученной выборке частоты маркеров стресса очень низки. Так, случай кариеса зафиксирован 1 раз на 43 наблюдения. Поротические изменения верхней стенки глазницы (*cribra orbitalia*) не отмечены ни у детей, ни у взрослых. Другая особенность состоит в том, что при демографическом анализе обычных городских и сельских могильников возраст смерти женщин, как правило, ниже, чем возраст смерти мужчин. Это традиционно связывают с частым деторождением и несовершенством родовспоможения. В изученной группе отклонение от тако-

го «привычного» соотношения вызвано, очевидно, наличием среди погребенных большого количества молодых мужчин.

Особым источником информации выступают так называемые дискретно-варьирующие признаки, отмечаемые как на черепе, так и на посткраниальном скелете. Это наследственно обусловленные и чаще всего эволюционно нейтральные скелетные признаки. Частота этих признаков варьирует в разных группах, нередко они выступают как маркеры степени родства погребенных. В исследовании отмечалось несколько таких признаков (вставные кости в швах черепа, несращение дуг позвонков на крестцовой кости, или *spina bifida*, межмышцелковое отверстие на плечевой кости и др.) Частоты этих признаков очень малы. Например, частота встречаемости *spina bifida* – 15%, межмышцелкового отверстия на плечевой кости – 7,5%, метопического шва – 4%. Это может быть косвенным свидетельством того, что в захоронение попали не только люди, связанные генетическим родством, как можно было бы ожидать при захоронении на территории одной усадьбы.

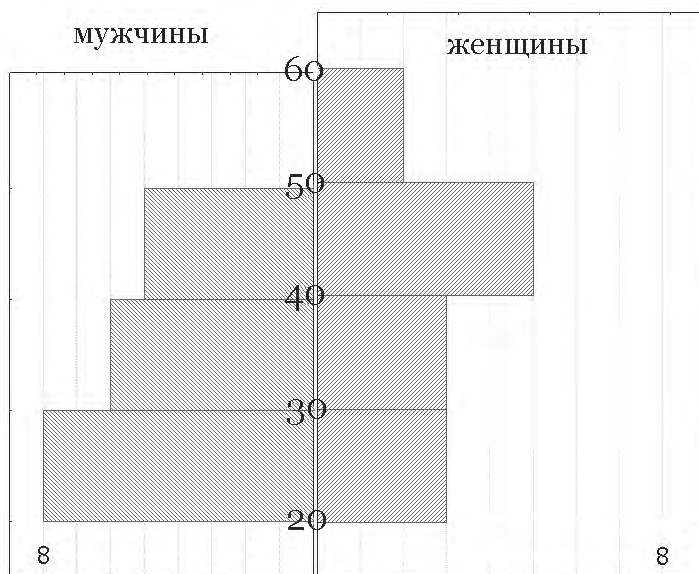

Рис. 1. Половозрастная структура выборки.

По вертикали – десятилетние интервалы, по горизонтали – количество индивидов в каждом десятилетнем интервале. Максимальное число индивидов (8) в интервале 20–30 лет у мужчин

Анализ травм

Исследованные антропологические материалы отличаются в целом хорошей сохранностью костных тканей. При этом большинство черепов сломано в результате механических повреждений (не современных) и потому представлено в виде мелких, бессистемных костей или фрагментов костей разных отделов черепа. Из 24 черепов, сохранность которых позволяет проанализировать прижизненные повреждения и разрушения костной ткани, только на десяти (41,7%) не обнаружено травм, нанесенных незадолго до смерти. Отмечено большое количество травм черепа и некоторых костей скелета без следов некротического процесса и тем более следов заживления, т.е. эти повреждения нанесены незадолго до смерти или были собственно причиной смерти. Все травмы могут быть разделены на две большие группы по характеру травмирующего предмета: раны, нанесенные острыми предметами (рубленые и колотые), и травмы костей черепа при действии тяжелых тупых предметов. Более чем у половины индивидов (58,3%) отмечены травмы черепа, причем в некоторых случаях (37,5% от общего количества целых черепов) отмечены травмы, несовместимые с жизнью. У нескольких индивидов на черепках зафиксированы сразу две травмы, каждая из которых могла быть смертельной. Характер травм позволяет однозначно интерпретировать их как полученные в результате нападения отряда военизированных всадников.

Рубленые раны (рис. 2) имеются у семи индивидов (29%), большинство нанесены сверху, причем в шести случаях – на мужских черепках, только в одном случае – на женском. Можно предположить, что среди оборонявшихся было несколько профессиональных воинов, так как характер травм предполагает использование защитного военного снаряжения. Этим можно объяснить большое количество не смертельных травм головы, таких, как неглубокие рубленые раны (рис. 3, А) или

Рис. 2. Рубленые раны на черепках.

Слева – женский череп из Владимира; справа – мужской череп из Ярославля. Удары нанесены сверху

следы стрелы, следы удара тяжелого предмета, который, тем не менее, не вызвал перелома черепной коробки. В двух случаях случае помимо рубленого удара, не ставшего смертельным, отмечен перелом костей черепа в височной области, несовместимый с жизнью. Такие случаи разрушения боковых поверхностей черепа, когда разламываются не только височные кости, но и прилегающие к ним части теменных костей, отмечены в серии несколько раз. Из современной практики криминалистов известно, что такие повреждения возникают, как правило, в ситуации, когда жертва повержена на землю и ее добивают. Выявлено несколько случаев рубленых повреждений нижней челюсти, при которых срезается подбородочный выступ и нижняя поверхность нижней челюсти. Очевидно, что такие повреждения могут возникать при отрубании головы (рис. 3, Б).

Ранения небольшим острым предметом, обладавшим при этом значительной разрушающей силой, отмечено в четырех случаях. Повреждения такого рода обычно связывают с ранением стрелой, при этом происходит характерное радиальное растрескивание костей черепа в точке приложения силы.

Ранения, связанные с действием тяжелого тупого предмета, имеющего большую разрушительную силу, отмечены на шести черепах. В некоторых случаях такие переломы ассоциированы с другими травмами. Повреждения такого рода имеются и у мужчин, и у женщин, и на детских черепах, которые все находятся во фрагментированном состоянии. Травмирующий предмет был небольшого диаметра (около 5–6 см), но большой разрушительной силы, по-видимому, тяжелый, что вызывает сквозной пролом костей черепа, при этом также происходит специфическое радиальное растрескивание кости вокруг области поражения.

Перечисленные выше признаки позволяют провести реконструкцию трагических событий, следствием которых стало появление массового захоронения. Очевидно, что имело место нападение хорошо вооруженного отряда всадников (большинство рубленых ран нанесено сверху), в задачу которых входило тотальное истребление населения, о чем говорит и практика добивания жертвы.

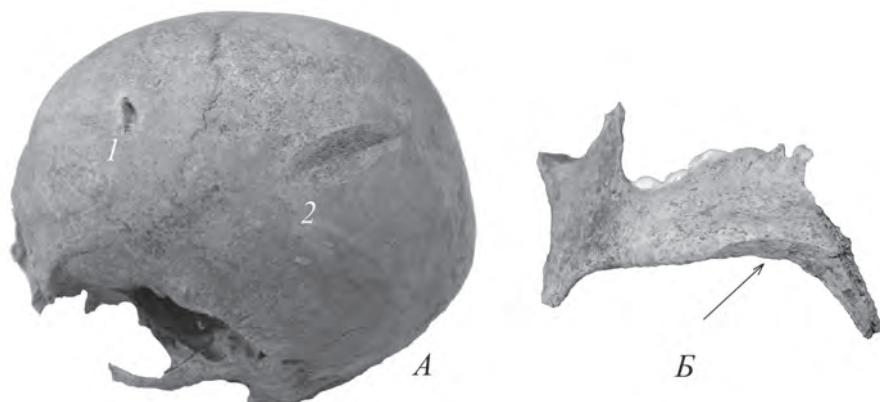

Рис. 3. А – неглубокие ранения на черепе: 1 – ранение стрелой; 2 – ранение мечом; Б – срезанный нижний край нижней челюсти

Анализ антропологического типа

К сожалению, из-за высокой степени фрагментации останков полноценное исследование антропологического типа затруднено. Все же мужская часть выборки представлена 11 краниологическими образцами разной сохранности. Женская часть серии меньше, поэтому анализ этой подгруппы не проводился.

В целом мужская часть выборки отличается очень длинной, среднеширокой долихокранной черепной коробкой. Выступление носовых костей – сильное, выступание переносицы – тоже сильное. Углы горизонтальной профилировки лица, которые показывают степень уплощенности на верхнем (глазничном) и нижнем (скуловом) уровнях, относятся к категории малых величин, т.е. лицо резко профилировано. Это значит, что уплощенность, которая на территории Восточно-Европейской равнины возрастает с запада на восток (*Алексеева, 1973*), у изученного населения принимает минимальные значения. Все рассмотренные параметры выборки значительно отличаются от характеристик синхронных восточнославянских племен, оставивших могильники вокруг города. Кривичи этого региона, описанные в монографии Т.И. Алексеевой (1973), более брахикранное, размеры черепной коробки меньше, степень выступления носовых костей заметно меньше, горизонтальная профилировка менее выражена. По мнению Т.И. Алексеевой, «кривичи северо-восточных районов составляют группу, в которой европеоидные черты... несколько ослаблены» (1973. С. 50). Справедливости ради необходимо отметить, что среди изученного городского населения отмечены два черепа с признаками, которые схожи по параметрам с признаками курганного населения XI–XII вв. Однако численность выборки слишком мала, чтобы можно было выделять два различных антропологических типа в изученной небольшой группе. Если же характеризовать выборку из санитарного захоронения на ул. Златовратского в целом, можно уверенно говорить, что мужская часть выборки отличается подчеркнутой европеоидностью антропологического типа. Поиск аналогов этого антропологического типа требует привлечения статистического инструментария и широкого сравнительного материала, что предполагается сделать при дальнейшем исследовании.

Сравнение с ближайшим аналогом – захоронением в Рубленном городе Ярославля

Причины трагических событий, которые привели к массовому захоронению, достаточно очевидны. Массовое захоронение во Владимире – это уже второй за последние годы памятник такого рода, в 2005–2008 гг. аналогичные захоронения были обнаружены на территории Рубленного города Ярославля (*Энговатова и др., 2009; Buzhilova, Goncharova, 2009*). Что объединяет эти два памятника, и есть ли у каждого из них какие-то специфические особенности? Анализ характера травм (рис. 2), демографический профиль и другие признаки убеждают в очень высоком сходстве этих двух коллективных захоронений. Способ усмирения непокорных жителей совпадает, цель акции устрашения тоже достаточно очевидна.

Что же касается отличий, необходимо отметить следующие важные моменты. Первое: в захоронениях Ярославля большое количество костного материала несет следы обгорания, очевидно, что в городе бушевали пожары. На материале из Владимира следов обгорания нет. Было бы опрометчивым утверждать, что Владимир не жгли, но на том материале, который представлен в данной работе, таких следов нет. Второе: материалы из Ярославля позволяют уверенно утверждать, что санитарное захоронение возникло не сразу и тела убитых некоторое, возможно, продолжительное время не погребались. Об этом свидетельствуют и посмертные изменения костной ткани, и даже такие неожиданные факты, как, например, наличие в мозговой полости одного из черепов огромного количества куколок мухи. В материалах из Владимира нет ничего подобного. Можно уверенно утверждать, что жизнь во Владимире не прекратилась после этой страшной трагедии.

Литература

- Алексеев В.П.*, 1966. Остеометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука. 251 с.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.*, 1964. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука. 127 с.
- Алексеева Т.И.*, 1973. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.: Изд-во МГУ. 330 с.
- Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В.*, 2003. Влахи. Антропологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М.: Научный мир. 131 с.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П.*, 2001. Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки русской культуры. 495 с.
- Энговатова А.В., Осипов Д.О., Фараджева Н.Н., Бужилова А.П., Гончарова Н.Н.*, 2009. Массовое средневековое захоронение в Ярославле: анализ археологических и антропологических источников // РА. № 2. С. 68–78.
- Buzhilova A., Goncharova N.*, 2009. A mass grave from a Mediaeval Russian town: the anthropological evidence of a social catastrophe // Vers une anthropologie des catastrophes: Actes des 9e journées d'anthropologie de Valbonne. Paris; Antibes: APDCA-INED. P. 285–300.
- Standards..., 1994. Standards for Data Collections from Human Skeletal Remains: proceeding of a Seminar at The Field Museum of Natural History / Eds J.E. Buikstra, D.H. Ubelaker. Fayetteville: Univ. of Arkansas Press. 218 p. (Arkansas Archeological Survey Research Series; № 44).

Т.П. Тимофеева

КНЯЖЕСКИЕ И ГОСУДАРЕВЫ ДВОРЫ ВО ВЛАДИМИРЕ И СУЗДАЛЕ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Древнерусские города Владимир и Суздаль были местом длительного пребывания или жительства многих князей начиная с Владимира Мономаха (если не с Владимира Святославича). В летописных сообщениях разных лет о Владимире имеются выражения «княж двор», «великого князя двор», «двор блаженного князя», «на дворе своем» (княжеском), «детинец». Возникает необходимость разобраться в количестве, принадлежности и топографии княжеских дворов.

Двор Владимира Мономаха. В летописании нет прямых упоминаний княжеского двора Владимира Мономаха. Впервые этот вопрос поднял Н.Н. Воронин в связи с Мономаховой Спасской церковью, упоминаемой в летописных сводах. Хотя Мономаховым городом он назвал среднюю часть Владимира – летописный «Печерный» город (рис. 1), каменную (плинфяную) Спасскую церковь и двор поместил первоначально в Новом городе: «...княжеский двор во Владимире находился вне «Печерного» Мономахова города» (*Воронин*, 1946. С. 165). Здесь аргументами послужили примеры других городов и привязка к Золотым воротам в одной из летописей (Супрасльской). Позднее, вновь проанализировав все тексты и прибавив к ним результаты своих разведок 1953 г. у церкви Спаса XVIII в., не давшие находок плинфы, Н.Н. Воронин пришел к выводу, что «княжеский двор Мономаха, очевидно, связанный с княжеским храмом..., находился не вне укреплений Мономаховой крепости, как нам представлялось ранее, но в их черте» (*Воронин*, 1961. С. 43, 44), т.е. внутри «Печерного» города, с которым Н.Н. Воронин отождествлял Мономахов город. Правомерно ли в принципе связывать двор и церковь? Вероятно да, поскольку в некоторых летописных сообщениях на княжеском дворе упоминается храм. Возможно ли связывать Мономахов двор и именно эту церковь? При отсутствии других храмов и предположений о них, очевидно, возможно. До сего дня вопрос локализации как церкви, так и двора Мономаха остается в том положении, как его оставил Н.Н. Воронин.

Двор Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского (рис. 1, А). В летописи нет ни одного чтения о княжеском дворе Юрия или Андрея. Это понятие также введено

в научный оборот Н.Н. Ворониным и также с привязкой к храмам Георгиевскому и Спасскому (последний рассматривается и в отношении к Мономаху). Основанием для локализации двора Мономаха и Юрия послужили следующие наблюдения: «... иначе на кого же рассчитаны эти небольшие вотчинного характера постройки и для чего пышный городской въезд – Золотые ворота – сделаны именно здесь? ... при именах Мономаха и Юрия упоминаются именно церкви Спаса и Георгия, а не другие. Почему? Не в качестве ли княжеских дворовых церквей? Отсюда напрашивается вывод, что не только при Мономахе, но еще при Юрии и Андрее княжеский двор во Владимире находился вне «Печерного» Мономахова города..., как это имело место в Смоленске – где Смядынь была княжеской частью, в Полоцке – где таким местом был, кажется, Бельчицкий монастырь, в Галиче – где княжий двор с церковью Спаса находился также вне города... Слабая связь Долгорукого со Владимиром позволила ему, видимо, ограничиться скромным деревянным ограждением княжого жилища около церквей Георгия и Спаса. При Андрее княжий город усиленно укрепляется... возводятся валы с четырьмя воротами...» (Воронин, 1946. С. 156, 164, 165).

После раскопок 1935 г. у церкви Спаса XVIII в., под которой не оказалось фундамента XII в., Воронин предположил, что «древний собор (белокаменный. – Т.Т.) находился на склоне горы» (Воронин, 1946. С. 170). Однако позже он изменил точку зрения: «Разведка фундаментов существующей церкви Спаса», состоявшаяся в 1953 г., показала, что здание XVIII в. «стоит на месте руин церкви 1162–1164 гг.» (Воронин, 1961. С. 199). С этим местом он и связал дворы Юрия и Андрея: «Место нового Юрьева двора в черте будущего “нового города” не вызывает нашего удивления: здесь вскоре сам Андрей поставит свой двор с церковью Спаса, станет баш-

Рис. 1. План г. Владимира XII в. (по: Воронин, 1961).

I – город Мономаха; II – Ветшаный город; III – Новый город; А – двор Юрия Долгорукого – Андрея Боголюбского; Б – детинец Всеволода

ня Золотых ворот, и западная часть столицы обретет аристократический характер... постройка княжеского двора определила роль нового участка как аристократического района города» (Воронин, 1961. С. 92).

В 1992 г. были проведены охранные раскопки между Спасским и Георгиевским храмами XVIII в. Автор полевых исследований В.А. Лапшин заметил в отчете: «Тем не менее первоначальная концепция Воронина представляется наиболее обоснованной, тем более что самому Н.Н. Воронину принадлежит тонкое наблюдение, согласно которому Мономахов собор следует искать южнее или юго-восточнее существующей церкви конца XVIII в. (Напомним, однако, что Воронин здесь говорил не о плинфяной Мономаховой, а о белокаменной церкви Андрея Боголюбского.) Таким образом, можно предположить, что комплекс княжеской усадьбы первой половины – середины XII в. занимал территорию от Козлова вала до мыса, на котором стоит церковь Георгия, т.е. расстояние вдоль края плато около 300 м». Далее приводятся следующие размеры: «Расстояние между стоящими сейчас церквями Спаса и Георгия – 150 м. Для сопоставления: протяженность детинца Всеволода 1194–1196 гг. в Среднем городе по реконструкции Воронина составляет около 400 м вдоль края плато, при расстоянии между Успенским и Дмитриевским соборами около 200 м». Раскоп (Георгиевский 1) находился в 90 м к северу от края берегового плато, в 70 м к северо-западу от Георгиевской церкви, в 500 м к востоку от Спасской церкви. Исследован был один из двух участков, № 1. «Таким образом, участок раскопа находится где-то на периферии застройки княжеской усадьбы XII в., так как в это время вся парадная застройка должна была быть ориентирована на южный фасад городского ансамбля вдоль края плато» (Лапшин, 1992. Л. 3, 4). В результате работ автор предположил, что «данный участок города был заселен – в соответствии с летописными датами – между 1158 и 1238 г. и не входил в территорию предполагаемой княжеской усадьбы первой половины – середины XII в.» (Лапшин, 1992. Л. 20). Имеется в виду, что усадьба располагалась южнее.

В исторической топографии Владимира существует закономерность, согласно которой место княжеского двора на протяжении веков остается казенным. Так случилось и с районом Спасской церкви. В.В. Косаткин установил следующие обстоятельства: «...Казенное место подле церкви Спасопреображенской (1-я линия 52 саж., 2-я по валу 40 саж., 3-я по улице к крепостному месту коменданта... 32 саж., каковое место оставалось после пожара 1778 г. пустопорожним) всего 640 кв. саж. отведено было прапорщику в отставке Ал. Алек. Акинфову. В 1827 году на этом месте стоял деревянный на каменном фундаменте дом и принадлежал Бехтееву, которым он продан был в казенное ведомство за 18000 руб. для жительства вице-губернатора...» (Косаткин, 1905. С. 17).

Речь идет о территории между Спасским храмом и Козловым валом. Казенное место в 640 саж.², пустовавшее после пожара 1778 г., было отведено прапорщику Акинфову. Площадь в 640 саж.² (ок. 2944 м², если в сажени 3 аршина, т.е. 212 см) – довольно большой участок: например, Боголюбовское подворье занимало в XVII в. 240 саж.² В 1827 г. здесь уже стоял частный деревянный дом, затем проданный вновь в казенное ведомство для вице-губернатора. Этот дом виден на одной из акварелей Ф.Д. Дмитриева середины XIX в. (в частном собрании). Ныне он еще существует, но в перестроенном виде, без мезонина. В 2007 г. на юго-восточном

участке холма проводились охранные раскопки. Культурный слой домонгольского времени обнаружен не был, однако сделанные находки не противоречат версии княжеского двора (*Кабаев, Володина, Сазонов, 2008*).

Есть еще одно знаменательное обстоятельство – близость к этому месту так называемого **Патриаршего сада** (рис. 2). Время возникновения сада на южном склоне холма указать невозможно. Судя по названию, во второй половине XVI в. он уже мог существовать. В 1763 г. сад упоминается как принадлежащий Рождественскому монастырю (*Добронравов, 1899. С. 639, 640*). Однако право Рождественского монастыря на этот сад документально не известно. Сад примыкал к расположенному на кромке холма Спасо-Златовратскому монастырю, который в 1701–1702 гг. был приписан со всем своим имуществом и братией к Рождественскому (*Большакова, 2003*). Спасский монастырь восстанавливался в 1725–1732 гг., а в 1764 г. был окончательно упразднен. Закономерно предположить, что этот сад перешел к Рождественскому монастырю вместе с имуществом и братией от Спасского в 1702 г. и закрепился за ним, а затем за учрежденным в 1744 г. Архиерейским домом (*Тимофеева, 2010*).

«Патриаршим» сад называется уже на рукописном «чертеже» г. Владимира 1715 г. В старой краеведческой литературе утвердилось мнение, что название сада объясняется прямым подчинением Рождественского монастыря патриарху и Синоду, т.е. тем, что он был ставропигиальным (*Тихонравов, 1869а. С. 56*). В таком случае топоним должен был появиться после приписки Спасского монастыря к Рождественскому, т.е. после 1702 г. Но время между 1702 и 1715 г. слишком коротко, чтобы неизвестный и ничем не примечательный сад вдруг стал «Патриаршим». Спасо-Златовратский монастырь в силу древности Спасской церкви также мог иметь известность и привилегии, а плоды из его сада поставляться к столу высших иерархов. В таком случае топоним «Патриарший» мог появиться не в XVIII в., а раньше.

О состоянии Спасского монастыря в раннее время известно очень мало, а вот во второй половине XVII в. монастырь переживает некоторый подъем: в 1678 г.

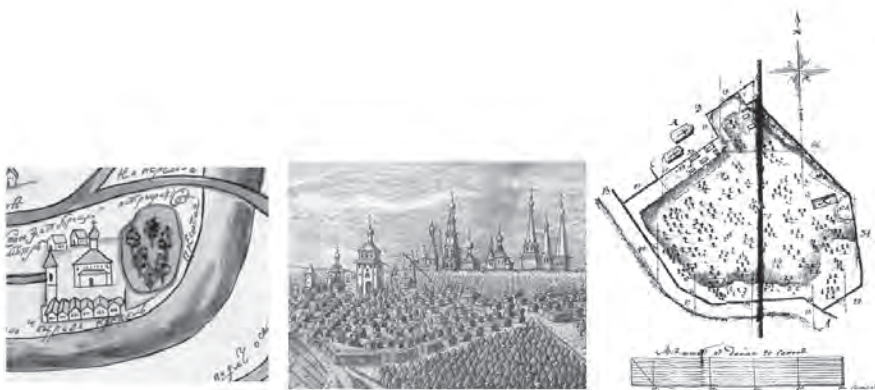

Рис. 2. Патриарший сад на «чертеже» г. Владимира 1715 г., гравюре 1768 г. и плане 1805 г.

на средства посадского человека Симеона Ивановича Пузова вместо деревянной трапезной церкви строится каменная теплая Никольская церковь, в 1684 г. на средства «мирских всяких чинов людей и на монастырскую казну» сооружаются святые ворота. Имелась еще каменная «хлебня», деревянное строение: игуменская келья, пять братских келий, хозяйственные постройки (*Маутафаров*, 2005. С. 77). По-видимому, именно в это время у монастыря появились средства и возможности возделывать на обласканном солнцем склоне холма сад, получивший известность в столице. Впрочем, и до учреждения патриаршества сад мог существовать и называться «Митрополичьим», как в синодальный период – «Синодальным». К Спасскому же монастырю эта земля могла перейти «по наследству» вместе с дворцовым храмом как имущество княжеского двора.

Заметим также, что в пользу княжеского двора Мономаха, если искать его на склоне холма, говорит то обстоятельство, что крепость Андрея прошла не по кромке, а захватила зону, не выгодную с точки зрения обороны. Двор Юрия – Андрея в этой части города мог располагаться с юго-западной стороны, на кромке холма между Спасским и Георгиевским храмами, подобно Детинцу Всеволода в средней части Владимира, но включать и склон холма, занятый позже садом.

Двор Всеволода Большое Гнездо (рис. 1, Б). Это единственный княжеский двор, местоположение которого документально, топографически и археологически идентифицировано; двор, имевший отмеченное в летописи ограждение – детинец. Детинец, как установлено Н.Н. Ворониным, занял юго-западную часть среднего, Мономахова города, или кремля-города по терминологии XVII–XVIII вв. (*Воронин*, 1961. С. 448–456). Заложен детинец, как известно, в 1194 г.: «Того же лета заложил благоверный князь Всеволод Юрьевич детинец в граде Володимери месяца июня в 4 день» (ПСРЛ, 1962. Стб. 441), а в 1196 г. строится каменная церковь Иоакима и Анны «у детинца на воротех» (ПСРЛ, 1897. С. 23, 29, 30; 1910а. С. 140; 1910б. С. 56), причем это были ворота епископского двора: «на воротех святое Богородицы» (ПСРЛ, 1856. С. 106; 1962. Стб. 412), на «своем дворе» епископа Иоанна (*Воронин*, 1961. С. 446, со ссылкой на Житие Георгия Всеволодовича – *Добрехотов*, 1849. С. 103, 105. Примеч. 28, 29).

Детинец помимо двора духовного владыки включал княжий двор у Дмитриевского собора. Возможно, детинец при этом захватывал с восточной от собора стороны большую территорию, чем предполагал Н.Н. Воронин. Между Дмитриевским собором и Рождественским монастырем в 1993 г. обнаружен непотревоженный слой домонгольского времени, в котором найдены предметы явно княжеского обихода (*Родина*, 1993). В 2004 г. этот раскоп был увеличен. Среди находок особенно интересны и показательны актовая печать князя Святослава Всеволодовича и пластина с ее оттисками (*Родина*, 2006).

Именно в этом квартале план Владимира 1779 г. показывает «место прежде бывших княжеских домов, где ныне ветхой казенной воеводской дом деревянной» (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 21824; о датировке плана см. *Тимофеева*, 1996). Воеводский дом есть и на рисованном «чертеже» г. Владимира 1715 г. Преемственность от княжеского двора к воеводскому вполне закономерна.

После реформы 1720 г. поблизости поместилась и провинциальная канцелярия – также государственное учреждение. По замечанию Н.А. Артлебена, «место

княжеского двора осталось казенным и, как значится в старом плане 1769 г., было занято провинциальной канцелярией, а в конце прошлого века назначено под губернаторский дом» (*Архлебен*, 1878. С. 179). Губернаторский дом был построен в 1808 г. В 1900 г. земля для строительства здания Исторического музея была получена безвозмездно как принадлежащая городу (ГАВО. Ф. 390. Оп. 1. Д. 1295. Л. 1), т.е. казенная. А это значит, что княжеский двор простирался не только к востоку, до земли Николо-Кремлевской церкви, но и к северу, до главной магистрали – Большой улицы (*Тимофеева*, 2003). Логично предположить, что княжеский двор имел собственные ворота со стороны Дмитриевского собора, например по оси Борисоглебского переулка (ныне ул. Музейной).

В этом, казалось бы, исследованном сюжете есть, однако, несколько темных моментов. Так, Лаврентьевская летопись, сообщая о пожаре во Владимире 23 июня 1193 г., упоминает княжий двор: «города половина погоре, и княж двор... избавлен бысть от пожара» (ПСРЛ, 1962. Стб. 409), в то время как детинец заложен в 1194 г. Отсюда следует, что детинец окружил зону, уже ранее обжитую князем. Когда же Всеволод занял территорию к северо-востоку от Успенского собора? Летописи, рассказывая о событиях 1177 г., когда Всеволод после битвы на Прусковой горе захватил в плен Глеба Рязанского и на третий день бояре и купцы потребовали расправиться с ним, упоминают княжий двор: «...и приидоша на князь дворъ многое мьножество с оружьемъ...» (ПСРЛ, 1962. Стб. 385); «На третий день бысть мятежъ въ Володимери: вьсташа бояре и купци и приидоша на великого князя дворъ с оружьемъ...» (ПСРЛ, 1965. Стб. 263). Какой двор имеется здесь в виду – у Спасской церкви или в будущем детинце? Остался ли Всеволод в 1176 г. у Спасской церкви или основал собственный двор? По мнению П.А. Зыкова, «первое упоминание княжеского двора Всеволода появилось в летописи в связи с событиями 1177 г.» (*Зыков*, 2006. С. 182). Надо думать, что Всеволод сменил на этом месте брата Михаила, которому был верным союзником. Однако княжеским владением эта зона стала, видимо, уже при Андрее Боголюбском, а Михаилу, который княжил совсем недолго, досталась в наследство. Трудно представить, чтобы рядом с Успенским собором и епископским теремом, на самом высоком и видном, привилегированном месте была селитебная земля рядовых горожан, «мизинных людей».

Одновременная закладка Успенского собора и «города большего» (ПСРЛ, 1962. Стб. 348; 1908. Стб. 491; 1965. Стб. 226) наводит на мысль о топографических константах древнерусских городов и градостроительных традициях, восходящих к византийскому Прохирону, Закону градскому. Согласно ему, границы города, места храмов и государственных учреждений определялись одновременно; затем отводилась селитебная земля (*Алферова*, 1989. С. 138). Документально известно, что эти правила соблюдались в XVI–XVII вв., но можно предположить, что так было и раньше, в древнерусское время. В таком случае стена детинца оградила зону, со времени Андрея Боголюбского имевшую статус княжеской. Занимал ли детинец Всеволода территорию, установленную Н.Н. Ворониным, или изначально большую? Если же детинец расширился к востоку позже, то когда именно? Эти вопросы остаются пока без ответов.

В последующее время территорию детинца в качестве княжеского двора использовали все последующие князья: Георгий Всеволодович, при котором 5 янва-

ря 1228 г. «сгореша хороми княжи и церкви две» (ПСРЛ, 1962. Стб. 451), Ярослав Всеволодович, Александр Ярославич Невский, Андрей Ярославич и другие князья, получавшие ярлык на Великое Владимирское княжение, а также Московские государи. В Уставной грамоте 1389 г. Василия I читаем: «А что Луховци ставливали хоромы на Князя Великого дворе в Володимере, ино то обыскано, что то было учинилося ново, не по пошлине, а нынеча ненадобе Луховцем ставити хоромам на Князя Великого дворе» (Акты..., 1836. С. 4–6). Жалованная грамота 1515 г. Василия III также указывает этот княжеский двор: «Се яз князь великий Василей Иванович всеа Русии пожаловал есми своих попов, что служат у моеи у соборной церкви у Дмитрия святого в Володимере, внутри города, на моем дворе...» (Акты..., 1836. С. 129–131; *Смирнов*, 1904. С. 101–105; ГВСМЗ. Инв. № В-4125). Позже, как уже отмечено выше, это по-прежнему была административная зона – казенная земля.

Особо следует выделить двор **Константина Всеволодовича**. Кроме детинца Всеволода это единственный княжеский двор, связанный в летописи с определенным князем: «В лето 7735 (1227) ... Того ж лета месяца мая в 11 день. Горе град Володимерь, и церкви згоре 27 и двор блаженаго князя Константина, и церкы згоре ту сущия святаго Михаила, юже бе оукрасил христолюбивый князь Костянтин...» (ПСРЛ, 1962. Стб. 449). Очевидно, что это не Всеволодов детинец с Дмитриевским собором, а другое место. Церковь Михаила не сохранилась и археологически не прослежена. В.В. Косаткин помещал двор Константина в Манежный тупик на том основании, что здесь находился казенный наместнический дом Р.И. Воронцова (*Косаткин*, 1905. С. 16).

Действительно, план 1779 г. показывает именно здесь «бывшее пустое место, на котором ныне строятся наместнической и губернаторской дома». (РГВИА. ВУА.Д. 21824; *Тимофеева*, 1996). «Чертеж» 1715 г. примерно в этом месте показывает государственное учреждение – таможенно. Правда, находилась она посреди посадского Торга. В 1955 г. в Манежном тупике проводилось геологическое исследование. Был обнаружен мощный культурный слой с подошвой на глубине 2,5–3,2 м, представленный «землистой грунтовой массой с большим количеством включений различных бытовых отходов». С северо-западной стороны оказалась глубокая лощина с крутыми склонами, на бровке которой «культурный слой до 3,5–4 м» (ГАВО. Ф. Р-3416. Оп. 2. Д. 56. Л. 22, 26). В 1998 г. при археологических раскопках на ул. Гагарина, 20 было обнаружено 11 погребений XII–XIV вв., отнесенных к городскому кладбищу при церкви (*Родина*, 2009. С. 10, со ссылкой: *Жарнов, Мошенина*, 2000).

Однако возможна иная локализация двора Константина – напротив Рождественского монастыря (*Тимофеева*, 2011. С. 80). Описная книга 1626 г. в монастырской слободе упоминает Михайловскую улицу (*Мазур*, 2006. С. 24, 82, ил. 8), а на «чертеже» 1715 г. в этой слободе показана неназванная церковь. Может быть, это и есть церковь св. Михаила? Некоторые летописные своды сообщают о пожаре 1366 г.: «...в велики четвергъ зажьже громъ на Городци соборную церковь святаго Михаила, тако же и в Суздали святаго Михаила» (ПСРЛ, 1949. С. 184). В Суздале мы не знаем ни одной Михайловской церкви. Возможно, имеется в виду не Суздаль, а Владимир? В таком случае речь может идти именно об этом храме.

В непосредственной близости от предполагаемого двора князь Константин построил в 1218 г. церковь Воздвиженья на Торгу (ПСРЛ, 1962. Стб. 441), уцелевшую до конца XVIII в. После разрушительного пожара 1640 г. в Рождественском монастыре и его слободе (Памятники..., 1984. С. 174) она могла пострадать и стать «праздной», почему и не названа на «чертеже» 1715 г.

Дворец (палаты) Марии Шварновны в Княгинином монастыре. Жилой терем княгини видят в постройке, предшествовавшей нынешней Казанской церкви: «Это здание первоначально назначалось не для храма, но для жилого помещения. Впоследствии... княжеский дом был обращен в храм во имя святителя Иоанна Златоустого» (*Косаткин*, 1906. С. 205, 206).

В начале 1960-х годов проводилось археологическое исследование здания. В одном из шурфов в центральном северном помещении памятника на глубине 1 м обнаружился «пол из квадратных плиток, сходных с плиткой XIII века Успенского собора». Хотя остатки постройки XIII в. не обнаружены, автор раскопок пришел к выводу, что «в существовании в XIII веке в Княгинином монастыре терема Марии Шварновны не приходится сомневаться». Поиски не увенчались очевидным успехом из-за недостаточного количества или глубины шурфов ввиду загруженности помещений, либо потому, что терем был деревянным (Предварительное исследование... Л. 22).

На принадлежавшей монастырю городской земле существовали еще так называемые **царицыны хоромы**. В XVI или начале XVII в. в них поселилась жена царевича Ивана, сына Ивана Грозного, царица Пелагея Соловая, в иночестве Параскева. Во Владимир ее, вероятно, привезли из суздальского Покровского монастыря, и специально для нее построили при монастыре особые покои. Позже в них пребывала другая царственная старица – Ольга, дочь Бориса Годунова Ксения. Эти особые покои – «царицыны хоромы» – упоминаются в расходных тетрадях игуменьи монастыря за 1629 г. (*Тихонравов*, 1869б. С. 7; *Варганов*, 1971. С. 154). В описи монастыря 1665 г. значится: «Под монастырем слободка монастырская... В той же монастырской слободке дворец монастырской, а в нем хором изба да клеть, да в нем живет в дворниках монастырской сторож» (*Тихонравов*, 1869б. С. 104). Видимо, слободка была невелика или недолговечна, поэтому ее не показывает «чертеж» 1715 г. «Царицыны хоромы» – единственное объяснение топонима «Царицына слобода», который бытовал до регулярной перепланировки (*Тихонравов*, 1857. С. 189), а после перешел на новую улицу.

Загородный дворец Марии Шварновны. К.Н. Тихонравов выдвинул предположение о загородном дворце XIII в. княгини Марии Шварновны в 5 км от Владимира, на р. Содышка (Шедашка) (*Тихонравов*, 1869б. С. 28, 29. Примеч. 9). В летописи описаны проводы Константина Всеволодовича на княженье в Новгород в 1206 г., которые происходили на память мученицы Евдокии 1 марта, т.е. еще в холодное время, и множество гостей не могло находиться под открытым небом. (ПСРЛ, 1962. Стб. 422). В XVIII в. этот двор перешел к Архиерейскому дому как загородный Веригинский (по селцу Веризину) (*Тимофеева*, 2010).

Государев сад. «Чертеж» 1715 г. показывает на склоне холма под Рождественским монастырем Государев сад (рис. 3). На самом деле сад находился не под монастырем, а под княжеским двором. На «чертеже» он помещается между

двумя башнями кремля – Потайнишной и Теремыш. Башня с Потайнишными воротами находилась напротив промежутка между Успенским и Дмитриевским соборами; к ней подводила показанная на «чертеже» дорога. До сих пор в этом месте существует спуск по склону холма – улица Годова гора. Башня Теремыш стояла восточнее, напротив Дмитриевского собора. Примерно в этом месте начинается другой спуск – Дмитриевский переулочек. В Описи городских укреплений 1647 г. фигурируют обе башни: «башня Теремыши глухая, что за соборною церковью Дмитрия Селунского», и следующая к западу «башня проходная, потайные ворота, что по Государеву саду» (Бунин, 1900. С. 46). Поскольку на «чертеже» пришлось изобразить башни горизонтально, Государев сад сдвинулся к монастырю. Связь Государева сада с княжеским двором напоминает ситуацию Патриаршего сада и княжеского двора у Спасской церкви, с той лишь разницей, что Патриарший сад входил в черту городских укреплений, а Государев находился за их пределами.

Рис. 3. «Государев сад» на «чертеже» г. Владимира 1715 г.

В это же время, в 1729 г., в Ветшаном городе также существовали Государевы вишенные сады (Тихонравов, 1871. С. 23).

Государев двор и сад за Лыбедью. За пределами крепостных стен и валов также имелись если не княжеские, то государевы владения. Такое владение упоминается в купчей грамоте за 1613 г.: «...белое дворовое и огородное место подле гсдрева дворового места где бывал гсдрев двор и подле гсдрева саду...» (Памятники..., 1984. С. 130).

В Суздале также сохранилась историческая память о княжеских дворах. Прежде всего, естественно предположить княжеский двор (Мономаха) вблизи построенного на рубеже XI и XII вв. собора: «В начале XII в. строится замкнутая система обороны, «город Мономаха», появляется первый каменный собор и княжеский двор» (Седова, 1997. С. 174, 175). «Весьма возможно, что при Юрии к западу от кремлевского собора были выстроены княжеские палаты, возможно, открытые А.Д. Варгановым археологически в виде остатков каменной гражданской постройки. Правда, Н.Н. Воронин считал, что А.Д. Варганов открыл не древнюю кладку, а лишь завал древних строительных материалов в виде забутовки фундаментного рва XV–XVI вв.» (Седова, 1997. С. 14, 32).

Еще одно княжеское место указывает А. Федоров, ссылаясь на Стройные книги Суздаля 1452 г.: «...в кремле городе двор княжей на том месте, где имелся потом

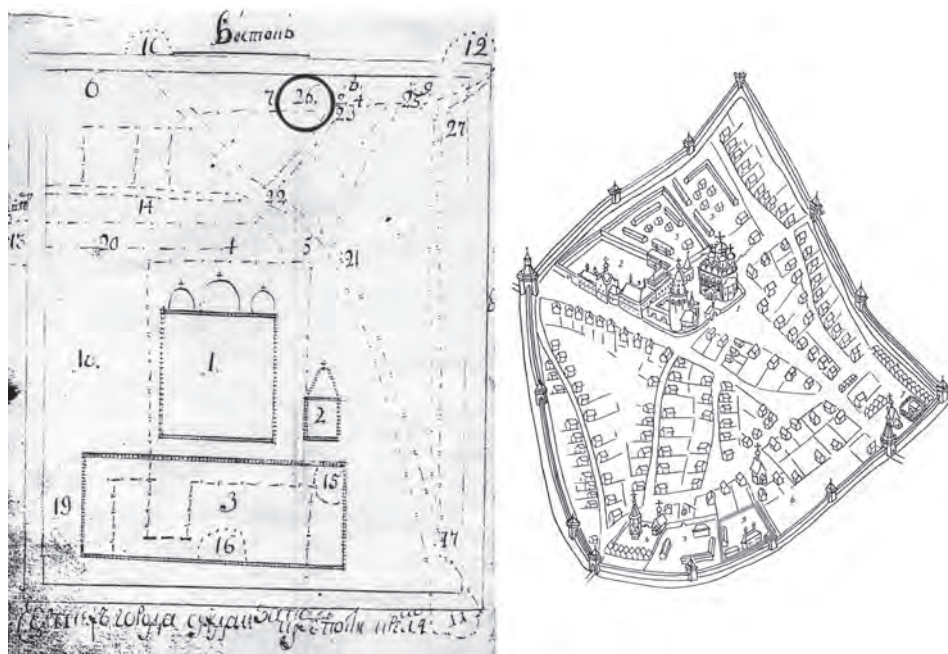

Рис. 4. Воеводский двор в г. Суздале на рисунке А. Федорова и реконструкции Е.М. Караваевой

воеводской двор, близ церкви святых святителей Афанасия и Кирилла патриархов Александрийских (которой воеводской двор во время бывшего в 1719 году пожара сгорел» (Федоров, 1855. С. 16). К Афанасьевской церкви в 1868 г. была приписана ружная Успенская церковь, упоминаемая в жалованной грамоте Великого князя Иоанна Васильевича Спасо-Евфимиеву монастырю 1495 г. как «Успенья Святых Богородицы, что на моем князем дворе» (Березин, 1896. С. 53, 54). В 1851 г. Уваров предпринял безуспешные попытки отыскать княжий двор к юго-востоку от несохранившейся церкви Афанасия и Кирилла на территории бывшего Иоакиманского монастыря. (Седова, 1997. С. 35, 36). Не увенчались также успехом раскопки 1978–1990 гг. вблизи Успенской церкви (Седова, 1997. С. 82). Однако это вовсе не означает, что предположения о княжеском дворе беспочвенны.

В Суздале, как и во Владимире, сохранялась преемственность казенных земель. Вблизи Афанасьевской церкви, на месте княжеского двора впоследствии находился воеводский двор (рис. 4), упоминаемый А. Федоровым. Его показывают писцовые книги 1617 и 1628–1630 гг.: «... двор Воеводский куплен посадом...» (Писцовая книга..., 1875. С. 253), «Двор воеводской, длина двору дватцать пять сажен, поперег осмнатцать сажен» (Список..., 1904. С. 9). Его видно в реконструкции Е.М. Караваевой (1964. С. 155, 157).

Казенная (государева) земля имелась и в других местах кремля: «У Водяных ворот... Успения Пречистые Богородицы место, что был двор Государев, живут бобылишки в двух избенках... От Ильинских ворот на правой стороне... на Государеве земле во дворе бобыль Первушка домерщик, да две кельи, живут звонари соборной церкви, во дворе каменщик Митька Шибнев... От Ильинских ворот по левой стороне... на Государеве земле, во дворе Покровского девича монастыря бобыль Микитка» (Писцовая книга..., 1875. С. 252, 253).

Обзор княжеских (государевых) дворов и владений показывает, что это была значительная и лучшая часть городских территорий, получивших свой статус в самое раннее время и сохранявших значение казенных очень долго, иногда вплоть до XX в.

Литература

- Акты..., 1836. Акты археографической экспедиции. Т. I: 1294–1598. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии. 548 с.
- Алферова Г.В., 1989. Русские города XVI–XVII веков. М.: Стройиздат. 210 с.
- Артлебен Н.А., 1878. Владимирский кремль-город по Описной книге 1626 года и по плану 1769 года // Ежегодник ВГСК. Вып. II. С. 174–190.
- Березин В.М., 1896. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. III: Суздальский и Юрьевский уезды. Владимир: Типолитография В.А. Паркова. 526 с.
- Большакова Н.В., 2003. Новое к истории Ризоположенской церкви на Золотых воротах г. Владимира // Материалы обл. краевед. конф. «История населенных мест Владимирской области» (19 апреля 2002 г.). Владимир. С. 21–25.
- Бунин А., 1900. К исторической топографии города Владимира на Клязьме // Тр. ВУАК. Кн. II. Владимир: Тип. Губернского правления. С. 39–54.
- Варганов А.Д., 1971. Суздаль. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во. 181 с.

- Воронин Н.Н.*, 1946. Социальная топография Владимира XII–XIII вв. и «чертеж» 1715 г. // СА. № 8. С. 145–174.
- Воронин Н.Н.*, 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. I: XII столетие. М.: Изд-во АН СССР. 583 с.
- ГАВО. Ф. 390. Оп. 1. Д. 1295.
- ГАВО. Ф. Р-3416. Оп. 2. Д. 56.
- Добронравов В.Г.*, 1899. Владимирский Рождественский монастырь в 1763 г. // Владимирские епархиальные ведомости. № 19. С. 635–645.
- Доброхотов В.И.*, 1849. Памятники древности во Владимире Кляземском. М.: Унив. тип. 200 с.
- Жарнов Ю.Э., Мошенина Н.Н.*, 2000. Исследования во Владимире // АО 1998 года. М.: Наука. С. 100–101.
- Зыков П.А.*, 2006. Новые материалы о комплексе построек Дмитриевского собора во Владимире // Sophia: сб. статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А.И. Комеча. М.: Северный паломник. С. 189–197.
- Кабает Д.А., Володина Т.Е., Сазонов С.В.*, 2008. Охранные исследования во Владимире на территории «Нового города» в 2007 г. Раскопки по ул. Спасская, 8А-8Б // Археология Владимиро-Суздальской земли: мат-лы научного семинара. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 120–126.
- Караваева Е.М.*, 1964. Градостроительное развитие Суздаля // Исследования по истории архитектуры и градостроительства. М.: Высшая школа. 285 с.
- Косаткин В.В.*, 1905. Часть города Владимира от кремля до Золотых ворот (по летописным сказаниям и архивным материалам) // Тр. ВУАК. Кн. VII. Владимир: Тип. Губернского правления. С. 1–17.
- Косаткин В.В.*, 1906. Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX столетия. Ч. 1: Монастыри. Владимир: Тип. Губернского правления. 356 с.
- Лапшин В.П.*, 1992. Охранные раскопки на территории «Нового города» г. Владимира в 1992 г. (квартал № 27, ул. III Интернационала, д. 16: раскоп Георгиевский-I: отчет // Научный архив УРИЯ.
- Мазур Л.Д.*, 2006. Русский город XI–XVIII вв. Владимирская земля. М. 111 с.
- Маштафаров А.В.*, 2005. Владимирский Золотоворотский в честь Преображения Господня мужской монастырь // Православная энциклопедия. Т. IX: Владимирская икона Божией Матери – Второе пришествие. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». С. 76–78.
- Памятники..., 1984. Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. М.: Наука. 367 с.
- Писцовая книга..., 1875. Писцовая книга города Суздаля 1617 года // Ежегодник ВГСК. Вып. 1. Владимир. С. 251–276.
- Предварительное исследование, обмеры, шурфы и зондажи по памятнику архитектуры Казанской церкви Княгинина монастыря в гор. Владимире // Научный архив Владимирской специальной экспериментальной научно-реставрационной производственной мастерской. Шифр Вл-5а/7. № 13621.
- ПСРЛ, 1962. Т. I: Лаврентьевская и Суздальская летопись по академическому списку. М.: Вост. лит. 578 с.
- ПСРЛ, 1908. Т. II: Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб.: Археографическая комиссия. 938 с.
- ПСРЛ, 1856. Т. VII: Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Э. Праца. 346 с.
- ПСРЛ, 1897. Т. XI: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова. 254 с.

- ПСРЛ, 1965. Т. XV: Рогожский летописец. Тверская летопись. М. 504 стб.
- ПСРЛ, 1910а. Т. XX: Львовская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова. 686 с.
- ПСРЛ, 1910б. Т. XXIII: Ермолинская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова. 342 с.
- ПСРЛ, 1949. Т. XXV: Московский летописный свод конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 464 с.
- РГВИА. Ф. ВУА. Д. 21824.
- Родина М.Е.*, 1993. Отчет о проведении археологических раскопок в древней части г. Владимира в 1993 г. // Научный архив ГВСМЗ. Д. 2758.
- Родина М.Е.*, 2006. Атрибуция редких находок из раскопок 2004 г. на княжьем дворе во Владимире // Материалы исследований ГВСМЗ. Сб. 12. Владимир: ВСМЗ. С. 189–196.
- Родина М.Е.*, 2009. Древний Владимир (по материалам археологических раскопок) // Материалы исследований ГВСМЗ. Вып. 15. Владимир: ВСМЗ. С. 3–11.
- Седова М.В.*, 1997. Суздаль в X–XV веках. М.: Информ.-изд. агентство «Русский мир». 236 с.
- Смирнов А.В.*, 1904. Материалы для истории Владимирской губернии. Вып. III. Владимир: Типо-литография Губернского правления. 416 с.
- Список..., 1904. Список с писцовой книги гор. Суздаля с 1736 по 1738 г. // Тр/ ВУАК. Кн. VI. Владимир: Тип. Губернского правления. С. 1–87. (Раздельная пагинация).
- Тимофеева Т.П.*, 1996. Архитектурный облик Владимира по рисунку 1764 г. // Памятники культуры: Новые открытия: ежегодник. 1994 год. М.: Наука. С. 548–558.
- Тимофеева Т.П.*, 2003. Историческая топография Владимирского детинца // Кремль России. М.: Московский Кремль. С. 48–50. (Материалы и исследования; Вып. 15).
- Тимофеева Т.П.*, 2010. Дворы и подворья Владимирского Рождественского монастыря (XVI–XIX вв.) // Материалы Межрегион. краевед. конф. (24 апреля 2009 г., г. Владимир). Владимир. С. 218–228.
- Тимофеева Т.П.*, 2011. Город Владимир в XIV веке по данным письменных источников // Археология Владимиро-Суздальской земли: мат-лы научного семинара. Вып. 3. М.; СПб.: ИА РАН. С. 72–84.
- Тихонравов К.Н.*, 1857. Владимирский сб.: мат-лы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губ.: с литографированным видом г. Владимира Кляземского. М.: Унив. тип. 202 с.
- Тихонравов К.Н.*, 1869а. Владимирский Рождествен монастырь XII века, где почивали св. мощи в. к. Александра Невского, до перенесения в С.-Петербург. Владимир: Тип. Губернского правления. 91 с.
- Тихонравов К.Н.*, 1869б. Княгинин Успенский девичий монастырь (во Владимире Кляземском) // Владимирский историко-статистический сб. Владимир. С. 3–105. (Раздельная пагинация).
- Тихонравов К.Н.*, 1871. Город Владимир в начале XVIII столетия // Тр. ВГСК. Вып. IX. Владимир. С. 15–28.
- Федоров А.*, 1855. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суздале. М. 558 с. (Временник общества истории и древностей российских; Т. 22).

Л.Д. Мазур

АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНОЕ СОСТОЯНИЕ ЮРЬЕВА-ПОЛЬСКОГО В XVII СТОЛЕТИИ (ПО ДАННЫМ ДОКУМЕНТОВ ПИСЦОВОГО ДЕЛА)

Регулярные преобразования эпохи классицизма, намеченные в 1760–1790-х годах «Комиссией о каменном строении» и планомерно осуществлявшиеся в конце XVIII–XIX в., до не узнавания изменили архитектурный облик многих древних русских городов. Не стал исключением и Юрьев-Польский: мало что сейчас напоминает о его древней, формировавшейся столетиями объемно-пространственной структуре.

Археологические исследования могли бы дать наиболее точную информацию об исчезнувшем прошлом города: об архитектурных характеристиках его рядовой ткани, уличной структуре и отдельных постройках, но их в Юрьеве-Польском было явно не достаточно¹, да и проводились они лишь вблизи Георгиевского собора и юго-западного и южного участков крепостного вала (*Воронин, 1955; Седова, Бельнская, Сабурова, 1976. С. 86; Родина, 1987, 1988, 1989; Глазов, Зыков, Иоаннисян, 2002. С. 131*). Сама же территория крепости изучена очень плохо, а на посаде до недавнего времени археологические раскопки вообще не проводились.

В довершение этой удручающей картины приходится констатировать: кроме того, что археологических исследований было вообще мало, в сохранившихся отчетах интересующему нас культурному слою XVII в. традиционно уделено куда меньше внимания, чем более древним, домонгольским слоям. К тому же он оказался сильно потревоженным в ходе позднейших перекопов².

¹ В 1920–1930 гг. здесь вел раскопки К.К. Романов, в 1955 г. – Н.Н.Воронин, в 1957 г. – П.А. Раппопорт, в 1975 г. – М.В.Седова, в 1980–1990-х годах – М.Е. Родина, в 2000–2001 гг. – В.П. Глазов, П.Л. Зыков, О.М. Иоаннисян, возглавлявшие объединенную архитектурно-археологическую экспедицию Гос. центра по учету, использованию и реставрации «ПИК» Владимирской обл. и ГЭ при участии НПФ «Тектоника» (г. Владимир) и Московской гос. геологоразведочной академии.

² Тем не менее даже анализ данных о толщине культурного слоя позволяет сделать заключения о прежней планировке территории крепости: древняя площадь располагалась в центре (в районе Георгиевского собора), а жилая застройка вытягивалась вдоль валов (*Седова, Бельнская, Сабурова, 1976. С. 86*).

ИСТОЧНИКИ

Картографические источники, которые могли бы дать в отличие от точечных археологических исследований сведения об общей картине развития всей городской территории, по Юрьеву-Польскому XVII столетия (как и по большинству российских городов) отсутствуют. Сохранившиеся до наших дней исторические планы следующего столетия, уступая по точности данным современной картографии, тем не менее, зафиксировали город накануне его регулярных преобразований.

Отчасти свидетельствует о древнем Юрьеве даже его проектный план эпохи классицизма, который получил высочайшее одобрение – «Быть по сему» 9 декабря 1788 г.: на опубликованном спустя полвека документе пунктиром нанесена реальная ситуация города, предполагавшаяся к изменению (Планы городов..., 1839. № 45 – План Юрьева-Польского) (рис. 1).

Более детальные сведения картографических материалов того же столетия, входящих к Генеральному межеванию по инструкции 1766 г. Межевые работы в Юрьев-Польской губернии были начаты в 1771 г. (Иванов, 1843. С. 24). К этому периоду относятся два документа: как окончательная, так и незаконченная рабочие копии плана города, хранящиеся в фондах РГАДА (рис. 2).

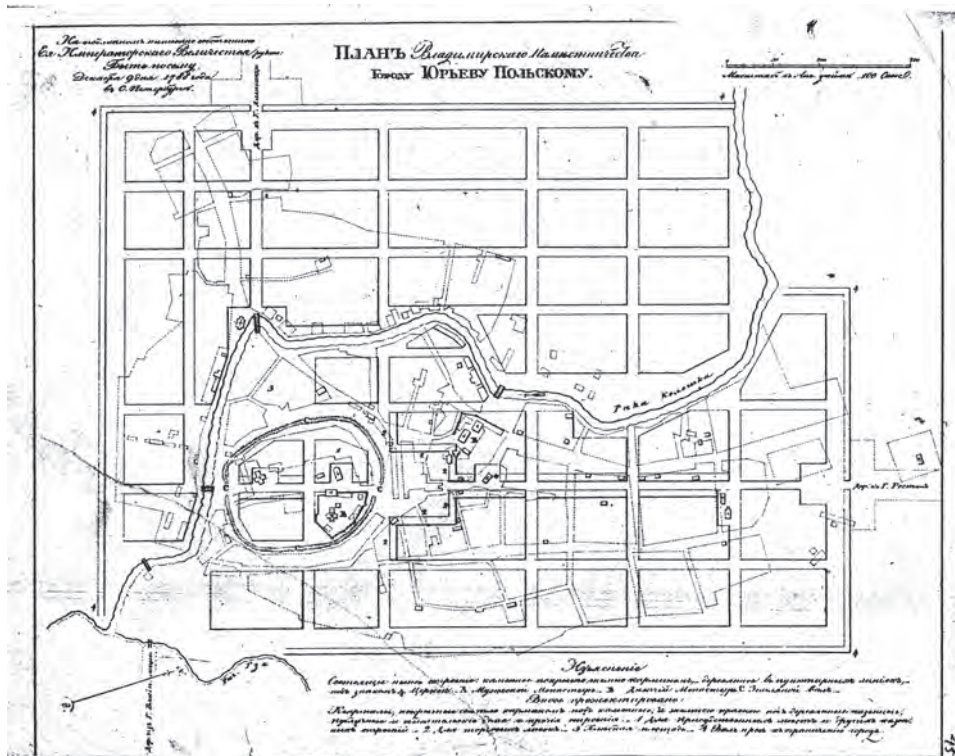

Рис. 1. Проектный план г. Юрьева-Польского

Рис. 2. План г. Юрьева-Польского с поселенными при нем слободами (по: РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 303, 304).

Особенно интересен наиболее ранний изобразительный источник (рис. 3) – «Чертеж города Юрьева Польского» первой четверти XVIII в. (далее «Чертеж»)³: его обширная топонимика, детальная фиксация внешнего облика основных сооружений города и характеристика элементов ландшафта чрезвычайно ценны для историко-архитектурной реконструкции.

³ Выполнен в цвете, размерами 64 × 100 см. Описание приведено у В.С. Кусова (1993. С. 200. № 705). Публикации см. Тверской, 1953. Рис. 21; Русское..., 1993. С. 307; Мазур, 2006. С. 85.

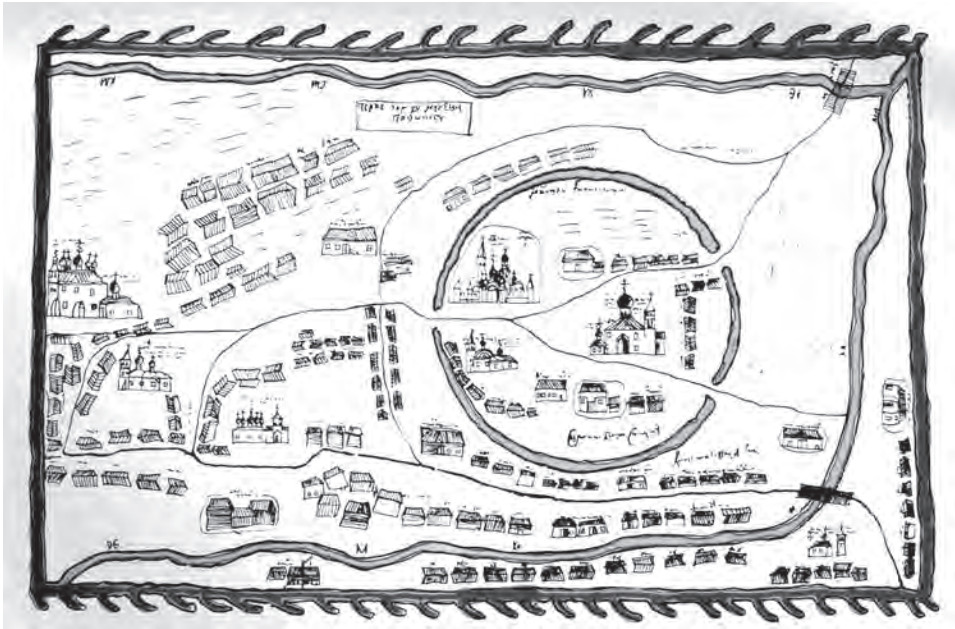

Рис. 3. «Чертеж города Юрьева-Польского» первой четверти XVIII в. Прорись (по: БАН. ОР. № 414).

Означенную выше лауну сведений изобразительных источников по городу интересующего нас периода во многом восполняют данные полного блока документов писцового дела, который сохранился по Юрьеву-Польскому. Он составлялся в интересах кадастра правительственными чиновниками в ходе Генеральных переписей Московского государства в течение всего XVII в. и состоит из двух дозорных, писцовой и двух переписных книг 1613 и 1623, 1630, 1646 и 1677 гг. соответственно.

Данные документы содержат бесценную информацию, свидетельствующую о многих аспектах состояния всего городского хозяйства. Это источник наиболее достоверных статистических сведений о городской застройке и принадлежности земельных владений на его территории (а писцовая книга – даже об их размерах!); о численности, возрастных, экономических, социальных характеристиках и налоговом обложении населения. Сравнительный анализ данных источников (в сочетании с информацией рисованного «Чертежа» первой четверти XVIII в., межевого и регулярного планов второй половины XVIII в.) позволяет не только проследить маршрут перемещения по городу чиновников, но и вычислить расположение подворных владений, которые они описывали. Последнее обстоятельство дает возможность (хотя и с большой долей условности) реконструировать план подворных владений всего Юрьева-Польского на время создания писцовой книги, поскольку только в ней содержатся данные о размерах всех земельных объектов на территории города. Этот детальнейший план предвещает появление первых, самых общих межевых планов города на 150 лет и становится важным источником для последу-

ющего анализа происходивших градостроительных процессов, фиксируемых на соответствующих хронологических срезах документами писцового дела.

В Юрьев-Польский чиновники приезжали пять раз за XVII столетие: в 1613 г. – Иван Федорович Ергольский, в 1623 г. – Севрин Михайлович Уваров и подьячий Грязной Колоднич, в 1630 г. – Федор Андреевич Скрябин и подьячий Левонтий Лазарев; в 1646 г. – Алексей Философов и подьячий Роман Демидов; в 1677 г. – Борис Афонасевич Зубов и подьячий Иван Беловецкий. При этом составлявшиеся ими на протяжении столетия описания города отнюдь не равноценны, как и высвечиваемая ими картина состояния города.

В самом раннем документе – дозорной книге 1613 г. И.Ф. Ергольского, отсутствует описание территории крепости. При описании посада перечисление объектов приведено не по топографическому принципу (отражающему порядок их расположения на городском плане, а значит, очередность обхода территории дозорщиками), а сгруппировано по степени сохранности (следовательно – по отношению к тяглу): сначала жилые дворы, затем пустые дворы и дворовые места.

В следующей дозорной книге – С.М. Уварова и Г. Колоднич 1623 г. все объекты (церкви, дворы, дворовые места, а также торговые заведения) приведены исключительно по топографическому принципу. Но из сферы описания были исключены слободы духовенства, рассмотренные в дальнейшем в писцовой книге 1630 г. В последней описания объектов помещены Ф.А. Скрябиным и Л. Лазаревым по топографически-кадастровому принципу: на нетяглых землях – строго по порядку их размещения в городе, на тяглых – сгруппированы в соответствии с размером тягла (взимаемой государством подати), а уже внутри каждой группы соблюден примерный порядок их расположения.

Переписные книги 1646 и 1677 гг. – А. Философова и Р. Демидова, а также Б.А. Зубова и И. Беловецкого, наименее информативны: в них все объекты города сгруппированы и перечислены без указания места расположения. Но и эта информация чрезвычайно важна, поскольку помогает уточнить размещение дворовладений, известных по более ранним документам.

При проведении реконструкции плана Юрьева-Польского по данным документов писцового дела определяется место размещения в городе всех зафиксированных объектов, взаиморасположение которых вовсе не всегда соответствует последовательности расположения их описаний в письменном источнике. В этой связи требуется вычислить маршрут по Юрьеву составителей каждой книги, соотнеся и уточняя информацию документов не только между собой, но и с более поздними.

Прибывшие из столицы чиновники в первой трети XVII столетия начинали описание города с территории крепости, а остальные – с посада. Составители дозорных и писцовой книг указывали первыми функционировавшие дворы, последними – пустовавшие дворовые земли. При этом в 1623 г. Севрин Михайлович Уваров и подьячий Грязной Колоднич застройку крепости осматривали отдельно от остальной территории (рис. 4), тогда как остальные чиновники (в 1613, 1630, 1646 и 1677 гг.) – попеременно с обеленными объектами посада, постоянно выходя за пределы укреплений.

Осмотр посада в 1613 и 1630 гг. И.Ф. Ергольский и Ф.А. Скрябин с Л. Лазаревым начали с обеленных объектов (рис. 5, 6): Никольского монастыря

и его дворов, церковей Козьмодемьянской и Пятницкой и их дворов, закончив в 1630 г. – Воскресенской (КЮ.1613. Л. 169, 169 об.; КЮ.1629. Л. 23, 25, об., 27, 29, 30), не упомянутой в 1613 г. В 1646 г. среди освобожденных от тягла объектов А. Философов с подьячим Р. Демидовым первыми указали съезжий двор, дворы губного подьячего и дворы рассыльщиков, затем дворы Воскресенской церкви у торго, Введенского Никольского монастыря и Никитской слободки (КЮ.1646. Л. 49, 50, 54, 57 об., 58, об.) (рис. 7). В 1677 г. Б.А. Зубов с подьячим И. Беловецким первыми из обеленных перечислили владения Михаило-Архангельского монастыря, затем Введенского Никольского и церкви Воскресения Господня на торгу (КЮ.1677. Л. 35, 36) (рис. 8).

По тяглым районам посада маршруты составителей описей 1613, 1630, 1646 и 1677 гг. вычислить невозможно: при перечне объектов их размещение не указано, а в первой трети XVII в. они еще и сгруппированы по тяглоспособности владельцев и сохранности дворовых хозяйств. При сравнении информации книг 1623 с 1630 г. удалось обнаружить 129 устойчивых дворовых владений на территории посада, что дало возможность приблизительно реконструировать картину размещения дворов на плане города на время составления писцовой книги (рис. 9).

АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБЛИК ЦЕНТРАЛЬНОГО УКРЕПЛЕННОГО РАЙОНА

Сами **фортификационные сооружения** округлой в плане крепости, построенные в 1152 г. Юрием Долгоруким, все XVII столетие находились в запустении. Деревянные стены с башнями уже в 1609 г. фактически не существовали, о чем сообщали юрьевцы (Отписка Юрьева-Польского воеводы Ф. Болотникова гетману Сапеге): «... А у нас в Юрьеве ... город сгнил и розвалился и острогу ... нет ...» (Материалы для истории Владимирской губернии ..., 1903. С. 244, 245), хотя, возможно, их остатки застал в 1613 г. И.Ф. Ергольский, упоминавший «город» при дозоре (КЮ.1613. Л. 168 об.)⁴. Больше они так никогда и не были отстроены: по описи городов, «которые ведомы в Розряде», в 1676 г. в Замосковном городе Юрьеве-Польском: «города и острогу нет...» (Акты Исторические ..., 1875. С. 222).

От укреплений оставалась только земляная часть, названная дозорщиками в 1623 г. «городовой осыпью», в 1630 г. – «Осыпь что бывал город ...», а в 1646 и 1677 гг. уже «кремлем городом» (КЮ.1623. Л.185, об.; КЮ.1629. Л. 1; КЮ.1646. Л. 51 об.; КЮ.1677. Л. 34 об., 35). Высота валов по промерам 1760-х годов колебалась от 3 до 8 сажень с аршином; в середине XX в. намерили лишь 7 м, ширина основания доходила до 12 м (Топографическое описание ..., 1880. С. 83; *Раппопорт*, 1961. С. 20; *Воронин*, 1983. С. 246). При столь внушительной высоте их периметр был небольшой – 1231,2 м (12 га): «по мере во осыпи кругом пятсот восемьдесят сажень и с тем что бывали ворота и башни...» (КЮ.1629. Л. 1). В рассматриваемое столетие и сами валы пришли в плачевное состояние – их изрыли ямами, изготавливая селитру: «... города и острогу нет, один городской вал, и тот испорчен на селитренное варенье в 5-и местах на 6 сажень...» (Акты

⁴ Правда, неизвестно, что имеется в виду – деревянные укрепления или только земляные.

Рис. 4. Маршрут по Юрьеву-Польскому составителей описи 1623 г. (КЮ. 1623)

Реконструкция автора: 1 – «В городской осыпи соборная церков[ь] каменная во имя святого мученика Христова Георгия Стратотерпца...» (Л. 185); 2 – «Да в городской же осыпи монастырь Архангельской...» (Л. 185); 3 – «Да в осыпи ж церков[ь] во имя Успения Пречистые Богородицы...» (Л. 185об.); 4 – «Да в городской же осыпи двор, а на нем ставятца приказные люди...» (Л. 185об.); 5 – «Слободка Архангельского монастыря...» (Л. 185об.); 6 – «Вышед из Воденых ворот на праве двор Архангельского монастыря гуменной...» (Л. 186); 7 – «Въ Юрьеве ж на посаде за рекою за Колокшею от протопопова двора посацкие дворы и дворовые и огородные пустые места вверх по реке по берегу...» (Л. 186); 8 – «По берегу речки Колокши от мосту вверх по левои стороне...» (Л. 187); 9 – «От Архангельского гуменнова места вверх реки Колокши по правую сторону...» (Л. 187об., 188); 10 – «Позади того места через переулоч...» (Л. 188); 11 – «От торгу к речке к Колокше на левои стороне...» (Л. 188, об.). В той же улице от торгу по правои стороне...» (Л. 188об.); 12 – «В другом переулке к речке Колокше...» (Л. 188об.); 13 – «Против того...» (Л. 188об.); 14 – «Против того...» (Л. 189); 15 – «Против того монастырь девичей Никольской...» (Л. 189); 16 – «Да на монастырской земле живут бобыли. От реки против винокурни...» (Л. 189); 17 – «От кабака направо в Воскресенской улице...» (Л. 189); 18 – «Церков[ь] во имя Воскресение Христова...» (Л. 189об.); 19 – «В Воскресенской улице по правои стороне...» (Л. 189об.); 20 – «Против того через улицу двор кабацкой...» (Л. 189об.); 21 – «От кабацкого двора на левои стороне...» (Л. 189об.); 22 – «З Большие улицы в переулоч на лево х Кузме Дамьяну...» (Л. 191об.); 23 – «Церковь во имя Козма и Дамьяна...» (Л. 191об.); 24 – «От того двора к Большой улице на вымле...» (Л. 191об.); 25 – «От таможни по заград[ь]ю по правую сторону...» (Л. 192об.); 26 – «Через переулоч от пустых местех от переулка...» (Л. 192об.); 27 – «От Казма Демьяна в Луговой улице...» (Л. 193об.); 28 – «От того двора налево подле осыпи...» (Л. 195); 29 – «От Воскресенские улицы от города в переулоч направо...» (Л. 195об.); 30 – «Против того переулка...» (Л. 195об.)

Рис. 5. Маршрут по Юрьеву-Польскому составителей описи 1613 г. (КЮ. 1613).

Реконструкция автора: 1 – «Въ Юрьеве внутри городе соборной храм Егорей Страстотерпец каменно... Да за ними за рекою за Колакшею слоботка ...» (Л. 168об.); 2 – «Въ Юрьеве же внутри городе монастырь Архангелской разорен без остатков и кельи выжжены и старцы высечены... а за ними служних и бобыльских три дворишка (Л. 168об.); 3 – «Да внутри ж городе соборная церковь Успления (так в тексте. – Л.М.) Пречистья Богородицы да теплая церковь Никиты Христова мученика (Л. 169); 4 – «Да на посаде, что был Николскои девичь монастырь, а на нем поставлена нова церковь теплая Веденая Пречистая Богородицы древянои... (Л. 169); 5 – «На посаде же церкви ж: древяная чудотворцов Козмы и Демьяна, а другая теплая церковь... (Л. 169); 6 – «Да въ Юрьеве же на посаде по дозору Ивана Федоровича живущих тяглых дворишков... Въ Юрьеве же на посаде пустые тяглые дворовые места хором и жилцов нет... Да на посаде же старые пустоты которые запустели до литовского разоренья... Да на посаде же двory пустые с хорамами, жилцов в них нет (Л. 169об., 172, 179об., 180)

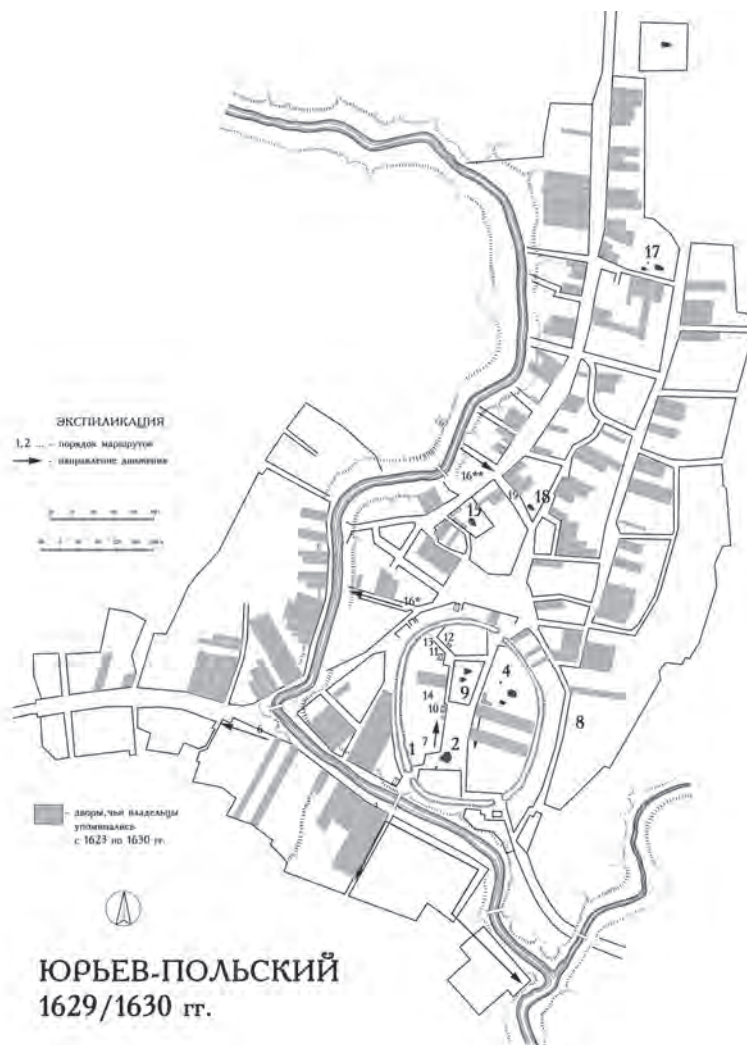

Рис. 6. Маршрут по Юрьеву-Польскому составителей описи 1630 г. (КЮ. 1630).

Реконструкция автора: 1 – «Осыпь что бывал город Юрьев Пол[ь]ской...» (Л. 1); 2 – «Да в осыпи ж соборная церков[ь] каменная с резми в имя страстотерпца Христова Георгия...» (Л. 1); 3 – «Да у соборной ж церкви за рекою за Колокшею...» (Л. 9); 4 – «В осыпи ж Архангил[ь]ской монастырь...» (Л. 12); 5 – «Да под монастырем ж в слободке...» (Л. 17); 6 – «Да за рекою за Колокшею Архангилского монастыря...» (Л. 17об.); 7 – «Да против Архангил[ь]ской же слоботки по другую сторону слоботка...» (Л. 18); 8 – «Да за осыпю...» (Л. 18об.); 9 – «В осыпи церков[ь] Пречистая Богородица Успен[ь]е...» (Л. 19); 10 – «Да в осыпи ж двор воевоцкой...» (Л. 21об.); 11 – «В осыпи ж съезжая изба...» (Л. 21об.); 12 – «Да съезжая изба губных старост...» (Л. 21об.); 13 – «В осыпи ж тюрма...» (Л. 21об.); 14 – «Двор бирича Ондрюшки Иванова...» (Л. 22); 15 – «В Юрьеве ж Пол[ь]ском на посаде новодевич[ь] Никол[ь]ской монастырь...» (Л. 23); 16* – «Под монастырем же в слоботке...» (Л. 25); 16** – «Николского же монастыря дворы...» (Л. 25об.); 17 – «В Юр[ь]еве ж Пол[ь]ском на посаде храм во имя чудотворцов Козмы и Дом[ь]яна...» (Л. 27); 18 – «Храм Воскресенье Христово...» (Л. 29); 19 – «На церковной земле...» (Л. 29)

Рис. 7. Маршрут по Юрьеву-Польскому составителей описи 1646 г. (КЮ.1646).

Реконструкция автора: 1 – «На посаде торговых и всяких ремесленных жилецких людей дворы...» (Л. 36об.); 2 – «На посаде ж двор всъезжей посадских людей... Да розсылщики...» (Л. 49, об.); 3 – «На посаде ж церков[ь] Воскресение Христова...» (Л. 49об.); 4 – «На посаде ж Введение Пречистые Богородицы Николы чудотворца девич[ь]я монастыря...» (Л. 50); 5 – «Боярина Никиты Ивановича Романова...» (Л. 51); 6 – «В кремле городе Архангел[ь]ского монастыря подмонастырская слободка...» (Л. 51об.); 7 – «В Никицкой слоботке...» (Л. 54); 8 – «В той же подмонастырской слободке соборные церкви Егор[ь]я Стратотерпца, что в Юр[ь]еве Пол[ь]ском в кремле городе...» (Л. 55об.); 9 – «В Егор[ь]евской слободке...» (Л. 55об.); 10 – «Да в Никицкой слободке...» (Л. 58об.); 11 – «Успения Пречистые Богородицы что в Юр[ь]еве Пол[ь]ском в кремле городе...» (Л. 58); 12 – «В кремле городе двор юр[ь]евиченина...» (Л. 58об.); 13 – «В кремле ж городе и за кремлем и в Никицкой слоботке боярина Никиты Ивановича Романова...» (Л. 58об., 59)

Рис. 8. Маршрут по Юрьеву-Польскому составителей описи 1677 г. (КЮ. 1677).

Реконструкция автора: 1 – «В городе Юрьеве Пол[ь]ском на посаде...» (Л. 20об.); 2 – «Архангел[ь]ского монастыря что в Юрьеве (Л. 34об.); 2' – «В кремле городе...» (Л. 34об.); 2² – «Монастырские служебники в манастыре...» (Л. 34об.); 2³ – «За городом на берегу на реке на Колокше монастырской воловей двор...» (Л. 35); 2⁴ – «Да в городе ж бобыли...» (Л. 35); 2⁵ – «Да за городом же за рекою за Колокшею в Микитцкой слоботке меж посацких дворов...» (Л. 35); 3 – «Веденског[о] девича монастыря...» (Л. 35об.); 4 – «Церкви Воскресения Христова...» (Л. 36); 5 – «Соборной церкви великомученика Георгия...» (Л. 36); 6 – «Церкви Успения Пречистые Богородицы в кремле городе...» (Л. 36об.)

Исторические..., 1875. С.222 – Отписка дворянина Л.И. Киселева 1676 г.). К 1760 г. в валах появился новый пролом, в котором была устроена «прохожая» дорога (Топографическое описание ..., 1880. С. 83). Повреждения были настолько значительными, что в конце XVIII в. вал даже назван «иррегулярным» (Топографическое описание ..., 1906. С. 39. § 5).

Устроенный вокруг ров тоже успел оплыть, хотя еще был заметен в 1760 г. (Топографическое описание ..., 1880. С. 83). Его остатки были зафиксированы в ходе археологических раскопок 1955 г. Юрьев-Польского отряда, которым руководил П.А. Раппопорт (Воронин, 1955. Л. 42), с юго-восточной стороны крепости.

Рис. 9. Авторская ретроспективная реконструкция подворного плана Юрьева-Польского 1630 г.

По всей вероятности он продолжался на север до пересечения с р. Колокша, защищавшей крепость с запада и юга.

До Разорения в крепости было трое ворот⁵, и после того, как деревянная часть была сожжена, роль ворот стали выполнять разрывы в валах. Главными считались северные ворота – к Ростовской дороге и торговой площади древнейшей части посада, по которой они и получили свое название (КЮ.1623. Л.197об.). Второе древнее направление – на Владимир, с централизацией Московского государства не получило в планировке посада такого развития (из-за чего юго-восточные ворота в описях не упомянуты). Водяными воротами (КЮ.1623. Л. 186), по всей видимости, в описи названы юго-западные ворота к району, сформировавшемуся вдоль Московской дороги. Существовавший при них мост в период Смуты был уничтожен: «Въ Юрьеве ж на посаде на речке на Колокше и на речке на Гзе до литовского де разоренья был перевозишко и мостовщина в откупу из Галицкой четверти за посадскими людьми за Ивашком Хлебниковым да за Митрошкою Воиновым, а Ивашко де умер, а Мирошку ссекли паны. А после де литовского разоренья было пусто, перевозу и мосту не было. И по дозору и по выпросу Иван Ергольской на тех речках перевоз и мостовщину дал в оброк юрьевцу посацкому человеку Галанке Артемову держать ему на тех речках в полую воду перевоз, а в лето мосты ...» (КЮ.1613. Л.182, 182об.). Уже к дозору 1623 г. мост заново отстроили (КЮ.1623. Л. 187). В течение XVII–XVIII вв. в Юрьеве возникли еще два моста через Колокшу в соответствии с трассами дорог на Владимир и Москву. Эти мосты изображены на подоснове проекта по перепланировке города 1781 г. (Планы городов..., 1839. № 45).

Дорога Владимир – Ростов прорезала территорию крепости с юга на север, образуя по ходу вытянутую площадь, в ее южной части которой стоял древний белокаменный резной **Георгиевский собор**, возведенный в 1230–1234 гг. К городской площади был обращен его наиболее богато декорированный северный фасад, и здесь же расположен Троицкий придел. После обрушения собор в 1471 г. был «отреставрирован» В.Д. Ермолиным. При этом здание потеряло половину своей высоты, а рельефные композиции на фасадах были безнадежно запутаны. После разорения Смутного времени первым собор увидел И.Ф. Ергольский: «Въ Юрьеве внутри городе соборной храм Егореи Стратотерпец каменно...». С.М. Уваров с подьячим Г. Колодничем через 10 лет осмотрели и его приделы: «В городовои осыпи соборная церков[ь] каменная во имя святаго мученика Христова Георгия

⁵ В отчете о работах 1955 г. П.А. Раппопорт написал, что древними являются северные и юго-западные ворота, а юго-восточный проезд относится к более позднему времени. Это утверждение было основано всего лишь на том факте, что, якобы, «юго-восточный проезд... отсутствует еще на чертежах начала XIX в.» (Воронин, 1955. Л. 41). При этом участок в проеме юго-восточных ворот не исследовался. Версию П.А. Раппопорта поддерживал и Н.Н. Воронин. При этом оба исследователя приводили в качестве реконструированного плана валов города времен строительства Юрия Долгорукого чертеж из Полного собрания законов (Планы городов..., 1839. № 45), на котором изображены двое ворот: северные и южные (последние по положению скорее ближе к юго-восточным, нежели к юго-западным) (Воронин, 1961. С.102; Раппопорт, 1961. С. 20). М.В. Седова при раскопках 1975 г. недалеко от юго-западных ворот обнаружила слой XII–XIV вв., что свидетельствует в пользу существования ворот в домонгольское время (Седова, 1975. Л. 83). Опровергает версию о двух воротах и тот факт, что на планах города первой четверти и второй половины XVIII в. (видимо, оставшихся неизвестными П.А. Раппопорту и Н.Н. Воронину) изображены все трое ворот (Планы города Юрьев-Польский...; «Чертеж», см. рис. 2, 3).

Страстотерпца да в пределе Троица Живоначальная да Риз Положение пречистые владычицы нашей Богородицы и присно девы Марии. А в церкви образы книги и свечи и колокола и всякое церковное строение государя и великаго князя Михаила Феодоровича всеа Руси и прежних государей...» Наиболее подробное описание как самого собора и его приделов, так и его икон и разной церковной утвари составили в 1630 г. Ф.А. Скрябин и подьячий Л. Лазарев: «Да в осыпи ж соборная церковь[ь] каменная с резми в имя страстотерпца Христова Георгия да в том же храму в пределех Живоначал[ь]ные Троицы да Пречистые Богородицы Положение Пояса, а храм покрыт тесом, а в соборной церкви в тябле... Да на колокол[ь]нице колокола: болшой благовесной старинной да три колокола государево дане весом десят[ь] пуд без четырнатцати гривенок привес с Москвы протопоп Симеон Иванов сын...» Колокольня в то время была деревянной; каменной она стала уже после их посещения – ее возвели в середине XVII в. над западным притвором собора⁶.

На северной границе площади И.Ф. Ергольский увидел парные деревянные **Успенскую и Никитскую церкви**, в то время приписанные к городскому собору: «Да внутри ж городе соборная церковь Успления Пречистыя Богородицы да теплая церковь Никиты Христова мученика...» Уже через 10 лет церкви стали иметь собственный приход, хотя Никитская и в 1630 г. сохраняла следы разорения: «... Да в другою церкви мученика Никиты деисус без празников и без пророков... да четыре колокола, а у беих церквах строенье все мирское...»⁷

С северо-востока площадь некогда ограничивал **Михаило-Архангельский монастырь**, от которого после Смуты И.Ф. Ергольский обнаружил лишь руины: «В Юрьеве же внутри городе монастырь Архангелской разорен без остатков и кельи выжжены и старцы высечены...» Посреди пепелища возвышался один обгоревший каменный, двухэтажный собор, построенный в 1560 г. на средства князя Михаила Ивановича Кубенского взамен деревянной церкви Архангела Михаила и прочих Сил Бесплотных с приделом пророка Ильи строения великого князя Василия Ивановича 1535 г. В то же время в южной апсиде собора был сооружен придел Иоанна Богослова – в память родного брата ктитора, Ивана Ивановича Кубенского, казненного в 1546 г., и их отца (*Белецкий*, 2013), а старый Ильинский престол был перемещен в специально построенную отдельно стоящую теплую деревянную церковь, уничтоженную пожаром вместе с прочими монастырскими постройками. К приезду С.М. Уварова и Г. Колодничка в 1623 г. монастырь возобновили: «Да в городовою же осыпи монастырь Архангелской, а на монастыре церковь[ь] во имя Архистратига Михаила каменная, строенье государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всеа Руси и прежних государей...» Через 7 лет церковь получила приделы: «В монастыре храм во имя собор[а] Архангила Михаила каменной

⁶ В XVIII в. у собора сделано четырехскатное покрытие; в 1781 г. вместо старой была устроена новая большая колокольня; в 1809–1817 гг. с севера к зданию пристроили теплый придел, а в 1827 г. с юга – ризницу (КЮ.1613. Л. 168об.; КЮ.1623. Л. 185; КЮ. 1630. Л. 1–9; *Воронин*, 1962. С. 68–107; *Глазов, Зыков, Иоаннисян*, 2002. С. 130, 131).

⁷ В 1705 г. вместо них была построена Благовещенская церковь, существовавшая в течение всего XVIII в.; в 1736 г. она была приписана к собору (КЮ.1613. Л. 169; КЮ.1623. Л. 185об.; КЮ.1630. Л. 19–21; *Топографическое описание ...*, 1880. С. 83; *Материалы для истории Владимирской епархии...*, 1896. С. 15; *Ушаков*, 1913. С. 364).

на поклетех да в приделе Ивана Богослова крыты тесом на главах по тесу бито чешую. Во храме образ..., а в приделе Ивана Богослова все розорено в литовское розоренье ...» Писцы Ф.А. Скрябин и подьячий Л. Лазарев кроме главного каменного храма застали и новые деревянные постройки: «...теплой храм во имя святого пророка Ил[ь]и древян клетцки. На престоле образ... Да у храмов колокол[ь] ница, а на колоколнице колокол благовестной, колокола зазвонные, два колокола приборные. А в монастыре в Орхангилском архимарит Макарей да десет братов в пяти кел[ь]ях да архимарич[ь]я кел[ь]я...» Уже после 1630 г. стали каменными и другие монастырские здания: в 1636 г. к древнему собору приделаны каменные паперти, сооружена Знаменская трапезная церковь с ризничей палаткой, под которой устроены настоятельский и братский погреб, в 1654 г. – Святые ворота, в 1670 г. – надвратная церковь, в которую переместили из собора придельный престол Иоанна Богослова. Архитектурный облик самого собора, несмотря на потерю придела, усложнился: после 1630 г. к нему был пристроен каменный одноглавый теплый Ильинский храм (вместо отдельно стоящей деревянной церкви). К XVII в. относится появление каменных стен с башнями и высокой трехъярусной шатровой колокольни с девятью колоколами и железными часами. Последняя стала выполнять роль архитектурной доминанты северной части крепости вместо исчезнувшей деревянной башни Ростовских ворот. Рядом, вероятно уже в это время, располагался монастырский яблоневый сад, упомянутый позднее в офицерской описи 1763 г.⁸

На соборной площади столичные чиновники первой трети XVII в. осмотрели административные сооружения города (КЮ.1623. Л. 185об.; КЮ.1629. Л. 21об., 22). Постоянная резиденция воеводы – главы местной администрации, согласно промерам Ф.А. Скрябина и подьячего Л. Лазарева, занимала площадь 17 × 10 сажень (КЮ.1629. Л. 21об.). Судя по «Чертежу» первой четверти XVIII в., это был сложный комплекс, объединявший трехчастные высокие (с подклетами?) хоромы, в состав которых входили горницы, повалуши и постройки хозяйственного назначения. В непосредственной близости стояла крупная постройка – **сѣзжая (приказная) изба**, где воевода с судьями, дьяками и подьячими проводили суд и расправу; к приезду А. Философова и подьячего Р. Демидова в 1646 г. ее из крепости вынесли на посад (КЮ.1629. Л. 21об.; КЮ.1646. Л. 49).

Губное управление (ведавшее сыском и судом по уголовным преступлениям и также подчиненное воеводе) сосредотачивалось в **губной избе**, превышавшей размеры обычной избы, однако не такой большой, как сѣзжая. Рядом располагалась **тюрьма**: ее высокий заостренный частокол скрывал тюремную избу и клетки колодников, а у ворот стояла караульня.

Для проживания в Юрьеве-Польском столичной администрации – «**приезжих приказных людей**» был устроен специальный двор. В 1623 г. С.М. Уваров и подья-

⁸ В 1724 г. в монастыре указаны четыре каменные церкви, «с лица» ограда каменная, а остальная часть – деревянная, а также деревянные кельи. В 1736 г. ограда с башнями были перестроены. В 1763 г. выстроены двухэтажные настоятельские и братские кельи; также к XVIII в. относится Георгиевская церковь. В 1792–1806 гг. церковь Михаила Архангела была перестроена на средства горожан и освящена в 1808 г. В 1814 г. при Знаменской церкви был устроен придел Казанской Богоматери (КЮ.1613. Л. 168об.; КЮ.1623. Л. 185, об.; КЮ.1630. Л. 12–16об.; Владимирский сборник..., 1857. С. 92, 93; Материалы для истории Владимирской губернии..., 1903. С. 238–240; Воронин, 1983. С. 246–249; Памятники истории и культуры..., 1996. С. 499, 500; Белецкий, 2013).

чий Г. Колоднич обнаружили его на территории крепости, указав, что он «поставлен посацкими людьми»; через 7 лет его уже не было, но ко времени составления переписной книги 1646 г., по данным А. Философова и подьячего Р. Демидова, для этой цели стали использовать съезжий двор на посаде: «На посаде ж двор вьсьезжей посадцких людеи, ставятца на нем государевы посланники, а в том дворе дворница...» (КЮ.1623. Л. 185об.; КЮ.1646. Л. 49об.). По составу и характеру построек дворы приказных людей, вероятно, были сходны с воеводскими, но уступали им по размеру, этажности и числу построек.

Все эти сооружения своим масштабом выделялись среди остальной **рядовой застройки** цитадели. До Смутного времени начала века вся она состояла из феодальных осадных дворов, плотно застроенных низкими клетями; однако после разорения их возобновлять не стали, и уже во второй половине XVII в. почти всю пустовавшую территорию внутри валов заняла разросшаяся слобода Михаило-Архангельского монастыря. От остальных территорий города слобода отличалась регулярностью парцелляции: ее одинаковые по своим параметрам узкие участки длинными огородами простирались вплоть до самых городских валов. Основную ее застройку составляли поземные избы монастырских бобылей, но было и несколько более развитых по архитектурным формам жилых сооружений – монастырских слуг. Между слободой и монастырем С.М. Уваров и подьячий Г. Колоднич в 1623 г. осмотрели два крупных гражданских комплекса – монастырское подворье и воловий двор. Для обоих была характерна низкая, но плотная застройка: в числе заполнявших их пространство хозяйственных клеток были избы дворников. К 1677 г. воловий вынесли за пределы крепости, а на его месте Б.А. Зубов и подьячий И. Беловецкий увидели конюшенный двор с крупной конюшней с сеником и тремя поземными избами конюхов.

Квартал к югу от площади – между собором и крепостными валами – некогда отличался развитыми хоромными комплексами: его занимали дворы причта Георгиевского собора и его двух приделов, но после Разорения начала века он запустел. В 1623 г. С.М. Уваров и подьячий Г. Колоднич застали только двор Троицкого придельного попа, да и тот через 7 лет уже не существовал. Но двор попа Успенской церкви – по другую сторону соборной площади, напротив, сохранялся, выделяясь своими размерами и стоявшими сооружениями среди крохотных, одинаковых по парцелляции и застройке бобыльских двориков.

АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБЛИК НЕУКРЕПЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Как указывалось выше, планировочное развитие неукрепленных территорий Юрьева-Польского определялось линиями двух дорог – Московской и Ростовской. Основная, наиболее древняя его часть сложилась к северу от крепости, развиваясь линейно вдоль берега р. Колокша по направлению пути на Ростов. Центральная магистраль здесь носила название «Большой улицы», а параллельно ей возникли две криволинейные улочки-дублера: Луговая, шедшая восточной границей посада к дороге на Владимир и не имевшая названия центральная, которая выводила к торгу и расположенным за ним Ростовским воротам крепости.

На **торговой площади** пересекались два важнейших направления – на Москву и Ростов: именно этим вызвана сложная сеть переулков, связывавших торг с Большой улицей. К XVII в. площадь вытянулась вдоль крепостных укреплений по ходу Московской дороги, отклонившись от своего первоначального направления (на север от крепости), заданного Владимирско-Ростовской дорогой. Именно поэтому лавочные ряды выстроились на площади по двум взаимно перпендикулярным линиям. Два ряда шли параллельно крепостным валам (по направлению трассы на Москву), а перпендикулярный – от Торговых ворот крепости (на Ростов), судя по «Чертежу» первой четверти XVIII в. и межевым планам второй половины XVIII в.

Данные переписей свидетельствуют о том, что в конце первой трети рассматриваемого столетия юрьевский торг переживал период подъема⁹. В 1623 г. из 60 объектов, стоявших на площади, дозорщики С.М. Уваров с подьячим Г. Колодничим обнаружили действующими 32 (31 лавка и амбар), пустыми 9 лавок и 19 лавочных мест (КЮ.1623. Л. 198об.). К 1630 г. плотность застройки торговой площади увеличилась вдвое: по подсчетам писцов Ф.А. Скрябина с подьячим Л. Лазаревым число тоговых строений достигло 115 и 1/3; при этом действовало уже 74 и 1/3 (67 и 1/3 лавки, 5 лавченок, 2 харчевни и еще 3 лавки предисывалось поставить); пустовало 38 лавочных мест (КЮ.1630. Л. 67–88об.).

Среди крошечных лавок, прилавков и полков торгога выделялись своими размерами **общественные административные и торговые сооружения**. Всю первую треть XVII в. начало торговых рядов у Ростовских ворот крепости акцентировала **таможня** (КЮ.1623. Л. 197об.), куда приезжие купцы должны были являться до совершения сделок и предъявлять товар. Это была крупная деревянная постройка (в 1630 г. ее размеры составляли 4 x 3 саж.) с двускатной кровлей с входом посередине (трехчастная связь: изба, сени, изба?) (КЮ.1623. Л. 197об.; КЮ.1629. Л. 62; «Чертеж»). При ней была померная клеть, где хранились городские меры-эталоны. В конце XVII – начале XVIII в. весь комплекс был перенесен на западную оконечность торгога, на улицу, начинающуюся от Московской дороги (КЮ.1623. Л. 197об.; КЮ.1630. Л. 62; «Чертеж»).

Эту западную магистраль, чье значение повышалось в течение всего рассматриваемого столетия, у входа на торговую площадь в 1630 г. фланкировали с востока и запада две **харчевни** (в первой четверти следующего столетия их число достигло семи). Далее, вдоль той же улицы у крепостных валов шел ряд из шести **кузниц** (КЮ.1630. Л. 62об., 63; «Чертеж»).

Уже после 1630 г. здесь же была поставлена **конская изба** – протяженная двухчастная постройка с широким проемом-въездом («Чертеж»). Рядом располагалась конская площадка – специально выделенное место, предназначенное исключительно для торговли лошадьми, все сделки которой фиксировались в

⁹ Данными о юрьевском торге последующих десятилетий рассматриваемого столетия мы не располагаем. Судя по отсутствию в городе в 1646–1677 гг. на посаде крупных торговцев – членов гостинной сотни или людей, занимавшихся отъезжим торгом, и проводя аналогию с состоянием городской торговли ближайших городов – Владимира, Суздаля и Шуи, можно с достаточной уверенностью предположить, что с середины XVII в. и без того слабая торговля в Юрьеве пришла в окончательный упадок. В этот период объемно-пространственное развитие его торговой площади прекратилось, она стремительно стала пустеть.

конской избе. Тогда же на той же магистрали у валов появилось здание богодельни, а напротив – «стойка **кабацкая** с ледником», предназначенная для торговли вином, пивом и медом: комплекс деревянных одноэтажных сооружений (первое двухчастное, второе сильно вытянутое трехчастное), перекрытых двускатными кровлями («Чертеж»).

Севернее, уже на Большой улице – участке Ростовской дороги, на берегу р. Колокша находился **кружечный** или **кабацкий** двор, занимавший территорию размерами 14 x 9 саженей. На нем стояло крупное трехчастное здание (две горницы через сени или горница – сени – повалуша), перекрытое тремя кровлями на разных уровнях с центральной пониженной частью («Чертеж»; КЮ.1623. Л. 189об.; КЮ.1630. Л. 62). Связанный с ним комплекс производственных построек располагался напротив, на другом берегу Колокши: колодец и два одноэтажных здания, одно из которых – **винокурня** – также имело очень удлиненные пропорции (по фасаду изображено шесть волоковых оконце) (КЮ.1623. Л. 189; «Чертеж»).

С течением времени на торговой площади начали ставить и административные сооружения. К 1646 г. сюда из крепости перенесли приказную **съезжую избу** (КЮ.1646. Л. 49). Затем на восточной оконечности торгового двора (на дороге к Суздалю) возвели огромное трехчастное деревянное здание на высоком подклете Юрьевского провинциального магистрата; ближе к крепости в створе торговых рядов соорудили крупные соляные амбары (Планы города Юрьев-Польский..., «Чертеж»).

Примечательно, что **церковно-монастырские ансамбли** не стояли непосредственно на площади, но находились на некотором удалении от нее, акцентируя устья дополнительных улиц и переулков, устремлявшихся к крепости от Большой улицы – Ростовской дороги, свидетельствуя на объемно-пространственном уровне о слабом значении торгового центра в экономической жизни города.

В начале Большой улицы с конца XVI в. стоял **Никольский монастырь**, сожженный в Смутное время. Монастырь быстро возобновили, соорудив клетскую (по данным С.М. Уварова и Г. Колодничка) церковь с другим посвящением, что и отметил в 1613 г. И.Ф. Ергольский: «Да на посаде, что был Николской девичь монастырь, а на нем поставлена нова церковь теплая Веденая Пречистая Богородицы древяной, а у ней поп да дьякон...» Ко времени посещения монастыря Ф.А. Скрыбиным и Л. Лазаревым в 1630 г. появились и гражданские постройки: «... в манастыре ж игуменская кел[ь]я да дватцат[ь] пят[ь] келей...». К 1654 г. возобновили и деревянную Никольскую церковь, которая простояла до 1666 г., когда обе сменились каменным Никоновским храмом с Никольским приделом. Но уже в 1685 г. деревянная Никольская церковь была вновь поставлена¹⁰. Таким образом, в течение столетия ансамбль Никольского монастыря постепенно усложнялся: среди

¹⁰ В 1710 г. деревянные церкви Николая и соборная Введенская сгорели, и в 1725 г. к Никоновской церкви был пристроен каменный придел Введения. В 1722 г. в монастырь перевели монахинь Покровского монастыря, но уже в 1723 г. Никольская церковь значится приходской. В 1763–1766 гг. сооружен каменный пятиглавый соборный храм Введения Пресвятой Богородицы; а в 1811–1826 гг. вместо старой была построена новая четырехъярусная колокольня с проездными воротами под ней. Ограда монастыря стала каменной в 1785 г. (северная стена – в 1856 г.). В 1871 г. монастырь сгорел и больше не возобновлялся (КЮ.1613. Л. 169; КЮ.1623. Л. 189; КЮ.1630. Л. 23–25; *Доброуравова, Березин*, 1896. С. 305, 306; *Материалы для истории Владимирской епархии...*, 1896. С. 15, 16).

его деревянных сооружений появилась каменная церковь – архитектурная доминанта и единственное каменное сооружение всего Юрьевского посада XVII в.

От монастыря к берегу Колокши вытянулась монастырская бобьльская слободка, число дворов в которой все столетие неуклонно росло, но в 1675 г. описанная в посад. Парцелляция ее крошечных участков была одинаковой, как и застройка с бедными поземными избами. Дворы монастырского причта, выделявшиеся развитыми хоромными комплексами, располагались с другой стороны, ближе к торговой площади.

Северней, на развилке двух улиц, начинавшихся у торга и выходящих к Большой, между 1613 и 1623 гг. на средства посадских людей была сооружена деревянная клетская **Воскресенская** церковь, впервые осмотренная С.М. Уваровым и Г. Колодничем. Посетившие ее через 7 лет писцы Ф.А. Скрыбин и Л. Лазарев нашли ее в плачевном состоянии: «Храм Воскресенье Христово клетчки ветх ... а во храму Божие Милосердые образы и книги и ризы и колокола и всякое церковное строенье мирское юр[ь]евчан посадских людей...» Она упоминалась и группами переписчиков А. Философовым с Р. Демидовым и Б.А. Zubовым с И. Беловецким в 1646 и 1677 гг.: в 1652 г. ее выстроили заново¹¹.

На северной оконечности посада, в переулке между Большой и Луговой улицами стояли два храма. В 1613 г. И.Ф. Ергольский (в отличие от следующих дозорщиков) упомянул посвящение только главного холодного храма (возможно, теплый храм находился в это время в процессе постройки). Самое подробное описание церковного комплекса было составлено Ф.А. Скрыбиным и Л. Лазаревым в 1630 г.: «В Юр[ь]еве ж Пол[ь]ском на посаде храм во имя чудотворцов **Козмы и Дом[ь]яна** клетчки ветх да другой храм во имя мученицы **Христовы Парасковы нарицаемая Пятницы** новой шатром вверх, а во храме чудотворцов Козмы и Дом[ь]яна...» Рядом к этому времени появилась единственная вертикальная доминанта Юрьевского посада: «колокол[ь]ница, а на ней пят[ь] колоколов, бол[ь]шей колокол благовесной, а в нем весу дватцат[ь] полтрет[ь]я пуды да зазвонные два колокола и в тех колоколах весу пят[ь] пудь да малые колокола два весу пуд...»¹²

Севернее, уже за пределами посада на той же планировочной оси – Ростовской дороге, цепь церковных ансамблей замыкал деревянный комплекс **Петропавловского** женского монастыря (Материалы для истории Владимирской губернии..., 1903. С.150, 151; *Ушаков*, 1913. С. 376). В течение всего XVII в. в нем существовала холодная Петропавловская церковь, служба в которой совершалась только в храмовый праздник и в следующую за ним неделю священниками

¹¹ К 1760 г. церковь стала каменной двухэтажной: на верхнем холодном этаже находился Воскресенский престол, а на нижнем теплом – Преображенский. В 1826 г. рядом была сооружена каменная теплая Варварская церковь (КЮ.1623. Л. 189об.; КЮ.1630. Л. 29; КЮ.1646. Л. 49об.; КЮ.1678. Л. 36; Добронравов, Березин, 1896. С. 304).

¹² Церковь Козмы и Дамиана упомянута в 1654 г. и существовала до 1792 г., когда ее сменила новая каменная Христорожественская церковь с двумя приделами – Козмы и Дамиана и святой Параскевы. При ней до конца XVIII в. была деревянная теплая Борисоглебская церковь, которая в 1792–1808 гг. стала каменной, а рядом построена каменная колокольня с часами (КЮ.1613. Л. 169; КЮ.1623. Л. 191об.; КЮ.1630. Л.27–28об.; *Добронравов, Березин*, 1896. С. 310, 311; Материалы для истории Владимирской епархии..., 1896. С.16; *Ушаков*, 1913. С. 364; Памятники истории и культуры..., 1996. С. 497).

Михаило-Архангельского монастыря¹³.

Таким образом, расположение церковно-монастырских ансамблей подчеркивало линейность планировочной композиции северной части Юрьевского посада.

Несмотря на такое архитектурное выделение северного района посада, в 1623 г. С.М. Уваров и Г. Колоднич начали **описание гражданской застройки** неукрепленных территорий не с него, а с западного и южного, на другом берегу р. Колокша. Эти районы, по всей видимости, сложились позже основного: первый храм здесь появился только в 1712 г., когда стараниями монаха Михаило-Архангельского монастыря Кирилла у моста от Московской дороги к крепости была построена деревянная Покровская церковь с колокольной¹⁴.

В Смутное время начала XVII в. вся застройка города сильно пострадала¹⁵: «...и церкви Божие разорены, Божие милосердие образы ободраны и переколоты, и всякое церковное строению поимали, и животинишко всякое, лошади и рогатую животину, загонные люди повыгнали, и хлебешко все перемолотили и повывезли, все до конца разорили А посадские, государь, людишка от кормов и от подвод в конце погибли, что, государь, ездят изо всех Понизовных городов всякие Литовские и Полские люди и Государевы посланники, и кормы и подводы емлют многие; и тех, государь, подвод не взворотитца ни единая лошадь...»¹⁶ И если храмы были отстроены довольно быстро (как мы проследили выше), то частные постройки, стоявшие на дворах жителей, долгое время не возобновлялись в полном объеме.

И.Ф. Ергольский застал в 1613 г. удручающую картину разорения, подсчитав, что размер подати, которую можно было собрать с уцелевших дворовых хозяйств, соответствовал по размеру лишь тяглу 9 и 1/8 обычных дворов в мирное время (КЮ.1613. Л. 171об.). Из осмотренных им жилых дворов (41) ни один не был полноценным хозяйством: дозорщик их приравнивал к «чети» и «получети» двора; лишь один «полудвор» содержал «хоромы горница, да повалуша с сенми, да изба, да в огороде сад яблонно» (КЮ.1613. Л. 170об.). Пустовало же 14 дворовых хо-

¹³ В 1722 г. к ней планировалось перенести Покровскую церковь, сделав ее теплой с колокольной, но проект не был осуществлен. В 1764 г. монастырь упразднен. В 1853 г. вместо старой деревянной Петропавловской церкви построена каменная, и сюда в 1874 г. перевели женский монастырь из упраздненного Введенского (Материалы для истории Владимирской губернии..., 1903. С.150, 151; *Ушаков*, 1913. С. 376).

¹⁴ Рядом с церковью возник крохотный женский монастырь (тот же монах выстроил при ней кельи «малое число»), который в 1722 г. был переведен в Введенский монастырь. В 1769 г. на месте деревянной была сооружена каменная пятиглавая церковь, а рядом в 1796 г. на средства прихожан – каменная теплая Никитская (*Доброурахов, Березин*, 1896. С. 308–310; Материалы для истории Владимирской губернии..., 1903. С.150, 151; *Масанов*, 1905. С. 128; Памятники истории и культуры ..., 1996. С. 505; «Чертеж»).

¹⁵ Отписка Юрьево-Польскаго воеводы Болотникова гетману Сапеге, с извещением об отправленных в полки кормах и о данном ему поведении выслать туда же панов, живущих в дворцовых и других селах. 23 декабря 1608 г. (Материалы для истории Владимирской губернии..., 1903. С. 199, 200); Письмо Федора Болотникова к гетману Яну Сапеге, с просьбою приказать идти пану Лисовскому не на Юрьев, по случаю его разорения, а на дворцовыя села, где во всем изобилие. 17 февраля 1609 г. (Материалы для истории Владимирской губернии..., 1906. С. 171).

¹⁶ Челобитная гетману Сапеге жителей Юрьева Польскаго, о притеснениях от панов, собирающих кормы, и от загонных людей. 27 декабря 1608 г. (Материалы для истории Владимирской губернии..., 1903. С. 200–204).

зайств с постройками и 140 без построек (приравненных им соответственно к 10 и $\frac{3}{4}$ и 94 полноценным дворам), 18 дворовых мест (КЮ.1613. Л. 179, 180, 181об.). В 1623 г. удалось насчитать уже жилых 124; в 1630 – 115; в 1646 – 192 двора. В 1677–1678 гг. число исконных посадских дворов оказалось меньше общего числа посадских дворов 1646 г. и только вместе с отписанными в посад «беломестцами» достигло 192 (КЮ.1646. Л. 49; КЮ.1677. Л. 31об.). Через три года их число выросло на пять дворов¹⁷. Таким образом, до середины столетия плотность застройки неукрепленных территорий города возрастала, но затем начала снижаться.

Данные документов писцового дела позволяют составить приблизительное представление о рядовой застройке юрьевского посада. Прежде всего следует отметить, что дворы **духовных беломестцев** располагались в основном локальными группами. Уже упомянутые скопления дворов причта и бобылей Никольского Введенского монастыря к северу от крепости имели аналогичный ответ в застройке южной части посада, где простиралась земля духовных вотчинников. В 1623 г. на берегу Колокши у проема крепостных валов стоял гуменной двор Михаило-Архангельского монастыря с крупными строениями, выделявшимися среди окружающей застройки («Чертеж»). Напротив – через реку, располагались протяженные дворы причта Георгиевского собора и Успенской церкви, а также небольшие, сходных размеров – соборных бобылей. Рядом с начала века быстрыми темпами стала формироваться монастырская Никитская слободка, где к 1640-м годам появились и владения Успенской церкви. Следует отметить, что рядовая ткань на землях духовных беломестцев по плотности застройки и числу жилых зданий выделялась на общем фоне экстенсивного юрьевского посада. Число их дворов увеличилось в первой половине столетия вдвое, но к 1677 г. дворы зависимых сословий Георгиевского собора и Успенской церкви исчезли, а Михаило-Архангельского монастыря сократились до минимума.

Дворы **посадских людей**, расположенные за Колокшей вдоль Московской дороги, по данным 1630 г., по размеру уступали дворами причта, а часто и бобылей беломестцев, но все же были крупнее многих дворов вблизи торговой площади и вдоль Большой улицы. В первой трети XVII в. для западных и центральных районов посада был характерен процесс деления дворов между совладельцами, что вело к уменьшению их площади, а также повышению плотности застройки. Одновременно вблизи торгового прохода происходил обратный процесс увеличения некоторых дворов за счет окрестных участков. Обе эти тенденции еще больше усиливали нерегулярность парцелляции тяглых земель.

Относительной регулярностью отличались северная часть Большой улицы, а также восточный фронт Луговой, где большое число участков пустовало. Большая улица и район торговой площади одновременно выделялись плотностью и архитектурной выразительностью застройки, среди которой в 1630 и 1646 гг. часто встречались дворы с несколькими жилищами дворохозяев.

К 1678 г. в рядовой ткани произошли некоторые изменения: наибольшее число дворов с несколькими жилищами дворохозяев сосредоточилось на Луговой улице и отчасти за р. Колокша, куда происходила внутренняя миграция населения от тор-

¹⁷ Выписка из окладных книг о сборе денег на жалованье Московским стрельцам по новому окладу. 1681 г. (Акты, собранные в библиотеках и архивах ..., 1836. С. 349).

говой площади. В этих периферийных районах пятно селитебной территории росло, хотя застройка оставалась экстенсивной, давая возможность отводить крупные участки под сельское хозяйство. Рост числа дворов по Большой улице (Ростовской дороге) и дороге на Москву, наоборот, сопровождался сокращением их площади; среди расположенных здесь строений часты мастерские ремесленников.

Таким образом, анализ сведений, содержащихся в документах писцового дела, свидетельствует, что объемно-пространственному развитию Юрьева XVII в. были свойственны многие черты, роднящие его с другими малыми городами центральной России. К ним относятся такие процессы, как утрата крепостью своего оборонительного значения и вызванное этим исчезновение деревянных наземных фортификационных конструкций; постепенное запустение укрепленной территории и распространение на ней застройки духовных беломестцев; перенос административных сооружений с соборной площади на торговую площадь посада, а также снижение плотности застройки торгова в середине – второй половине века. При этом архитектурно-планировочное и градостроительное развитие Юрьева-Польского в XVII в. имело синусоидный характер с экстремумом роста числа дворов и плотности частной застройки в конце первой трети – середине века, что соответствовало внутренней демографической и экономической ситуации. Напротив, объемно-пространственная выразительность церковно-монастырских комплексов, несмотря на лишение их градообразующей функции (вызванной изъятием их земель в пользу посада в 70-х годах), а также общественных административных сооружений продолжала возрастать в течение всего столетия.

Литература

- Акты Исторические ..., 1875. Акты Исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. IX: Дополнения к актам историческим. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг. 373 с.
- Акты, собранные в библиотеках и архивах ..., 1836. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею Имп. академии наук. Т. 4: 1645–1700. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. 502 с.
- Белецкий Д.В.*, 2013. К истории каменного строительства в Юрьеве-Польском // Архитектурное наследство. № 59. М. С. 42–53.
- Владимирский сборник..., 1857. Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / Сост. К. Тихонравов. М.: Университетская тип. 200 с.
- Воронин Н.Н.*, 1955. Отчет о работе Владимирского отряда Средне-Русской экспедиции ИИМК в 1955 г. Юрьев-Польские оборонительные сооружения // Архив ИА РАН. Р-1. № 1104.
- Воронин Н.Н.*, 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. I: XII столетие. М.: Изд-во АН СССР. 583 с.
- Воронин Н.Н.*, 1962. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. II: XIII–XV столетия. М.: Изд-во АН СССР. 557 с.
- Воронин Н.Н.*, 1983. Владимир, Боголюбovo, Суздаль, Юрьев-Польской. М.: Искусство. 295 с.
- Глазов В.П., Зыков П.Л., Иоаннисян О.М.*, 2002. Архитектурно-археологические исследова-

- дования во Владимирской обл. // АО 2001 года. М.: ИА РАН. С. 129–130.
- Добронравов В.Г., Березин Е.Д.*, 1896. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 3: Суздальский и Юрьевский уезды. Владимир: Типо-литография В.А. Паркова. 526 с.
- Иванов П.И.*, 1843. О генеральном межевании земель в России и полюбовном специальном размежевании в Московской губернии. М. 45 с.
- Кусов В.С.*, 1993. Чертежи земли русской XVI–XVII вв. М.: Информ.-изд. агентство «Русский мир». 375 с.
- КЮ.1613 – Дозорная книга Юрьева Польского писцов Галицкой четверти Ивана Федоровича Ергольского 1613 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 913.
- КЮ.1623 – Дозорная книга Юрьева Польского писцов Галицкой четверти Северина Михайловича Уварова и подьячего Грязного Колодника 1623 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 913.
- КЮ.1630 – Писцовая книга Юрьева Польского писцов Галицкой четверти Федора Андреевича Скрыбина и подьячего Леонтия Лазарева 1629/30 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 537.
- КЮ.1646 – Переписная книга Юрьева Польского писцов Поместного приказа Алексея Ивановича Философова и подьячего Ивана Демидова 3 марта 1646 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 12467. Л. 33–59об.
- КЮ.1677 – Переписная книга Юрьева Польского писцов Поместного приказа Бориса Афанасьевича Зубова и подьячего Ивана Беловецкого 1677–1678/79 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 12469. Л. 20–36об.
- Мазур Л.Д.*, 2006. Русский город XI–XVIII веков. Владимирская земля. М. 111 с.
- Масанов И.Ф.*, 1905. Библиография Владимирской губернии. Т. 1. Владимир: Тип. Губернского правления. 535 с. (Тр. Владимирской Ученой Архивной Комиссии; Кн. 7, прил. 1).
- Материалы для истории Владимирской губернии..., 1903. Материалы для истории Владимирской губернии / Собр. А.В. Смирнов. Вып. 2. Владимир: Типо-литография Губернского правления. 406 с.
- Материалы для истории Владимирской губернии..., 1906. Материалы для истории Владимирской губернии / Собр. А.В. Смирнов. Вып. 4. Владимир: Типо-литография Губернского правления. 438 с.
- Материалы для истории Владимирской епархии..., 1896. Материалы для истории Владимирской епархии. Вып. 4: Юрьевская десятина жилых данных церквей и пустовых церковных оброчных земель. Владимир: Типо-литография В.А. Паркова. 170 с.
- Памятники истории и культуры ..., 1996. Памятники истории и культуры Владимирской области. Владимир: Покрова, 1996. 518 с.
- Планы города Юрьев-Польский с поселенными при нем слободами // РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 303, 304
- Планы городов..., 1839. Планы городов Владимирского наместничества // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Книга чертежей и рисунков. (Планы городов). СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии. С. 32–45.
- Раппопорт П.А.*, 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. М.; Л: Наука. 246 с. (МИА; № 105).
- Родина М.Е.*, 1987. Отчет об археологических раскопках в городе Юрьеве-Польском в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12106.
- Родина М.Е.*, 1988. Отчет о проведении археологических раскопов в городе Юрьеве-Польском в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12705.
- Родина М.Е.*, 1989. Отчет о проведении археологических раскопов в городе Юрьеве-Польском в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14532.
- Русское..., 1993. Русское градостроительное искусство. Древнерусское градостроитель-

- ство X–XV веков / Под ред. Н.Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат. 392 с.
- Седова М.В.*, 1975. Отчет о раскопках в Суздале в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5760.
- Седова М.В., Беленькая Д.А., Сабурова М.А.*, 1976. Раскопки в Суздале и Юрьеве-Польском // АО 1975 года. М.: ИА РАН. С. 85–86.
- Тверской Л.М.*, 1953. Русское градостроительство до конца XVII в. Планировка и застройка русских городов. М.; Л.: Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре. 215 с.
- Топографическое описание ..., 1880. Топографическое описание Володимирской, Суздальской, Переславской-Залесской и Юрьевской-Польской провинции городов в 1760 годах // Ежегодник Владимирского Губернского Статистического Комитета. Т. III. С. 59–93.
- Топографическое описание ..., 1906. Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 г. / Под ред. Г.А. Рязского. Владимир: Владимирская Ученая Архивная Комиссия. 132 с.
- Ушаков Н.Н.*, 1913. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. Владимир: Губернская тип. 497 с.
- Чертеж города Юрьева-Польского // БАН. ОР. № 414.

С.В. Томсинский

ДРЕВНЕРУССКИЙ ГОРОД МСТИСЛАВЛЬ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОСАДА И ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ)

О существовании в Волго-Окском междуречье города Мстиславля повеству-ют только два письменных источника, разделенных почти двухсотлетним вре-менным интервалом. В XIV в. этот город упомянут в «Списке градам русским дальним и ближним» непосредственно после Юрьева-Польского среди градов Залесских (НПЛ, 1950. С. 477) А в 1572 г. Иван Васильевич Грозный в духовной грамоте завещал своей жене Анне Колтовской «в Юрьеве-Польском село Городище Мстиславле» (ДДГ, 1950. С. 243). Следовательно, к XVI в. город Мстиславль давно запустел, хотя имя его сохранилось в наименовании села. Владельческая принад-лежность этого села в более ранний период не устанавливается; во всяком случае, среди сел, приобретенных еще в XIV в. в Юрьевском княжестве московскими кня-зьями, по данным М.К. Любавского, нет ни такого, ни похожего названия, а полная смена такового в данном случае маловероятна (*Любавский*, 1929. С. 55, 56).

О каком именно селе идет речь, однозначно установил только П.А. Раппопорт в публикации 1959 г., посвященной «круглым» и «полукруглым» древнерусским городищам на территории Северо-Восточной Руси, отождествив летописный Мстиславль с городищем, расположенным в с. Городищи/Городище в 12 км от Юрьева-Польского, с хорошо сохранившимися валами и рвами. Исследователь от-метил, что в XVII в. село называлось «Мстиславские» или «Числовские» городи-ща. (*Раппопорт*, 1959. С. 115). Таким образом, наименование поселения претер-пело определенные изменения, как это происходило в течение столетий со всеми ойконимами. Со времени выхода в свет публикации 1959 г. локализация древне-русского Мстиславля, предложенная П.А. Раппопортом, никем не оспаривалась и не оспаривается.

Городище Мстиславля-Залесского расположено в обширной котловине, по которой протекает ручей Халис, впадающий в ручей Редка в 1 км севернее с. Городище у урочища Василево (рис. 1). П.А. Раппопорт отнес это городище общей

площадью 2,7 га к «круглым» городищам, однако на планах памятника и на аэрофотосъемке села хорошо видно, что в действительности валы (высотой до 5 м) в плане имеют форму неправильного квадрата с достаточно отчетливо различимыми оплывшими углами. Следовательно, есть все основания предполагать наличие четырех угловых и, по крайней мере, одной воротной башни. С северной стороны в валах прорезан вход, который П.А. Раппопорт признал главным и изначально един-

Рис. 1. Село Городищи Юрьев-Польского р-на Владимирской обл.
М 1: 100000

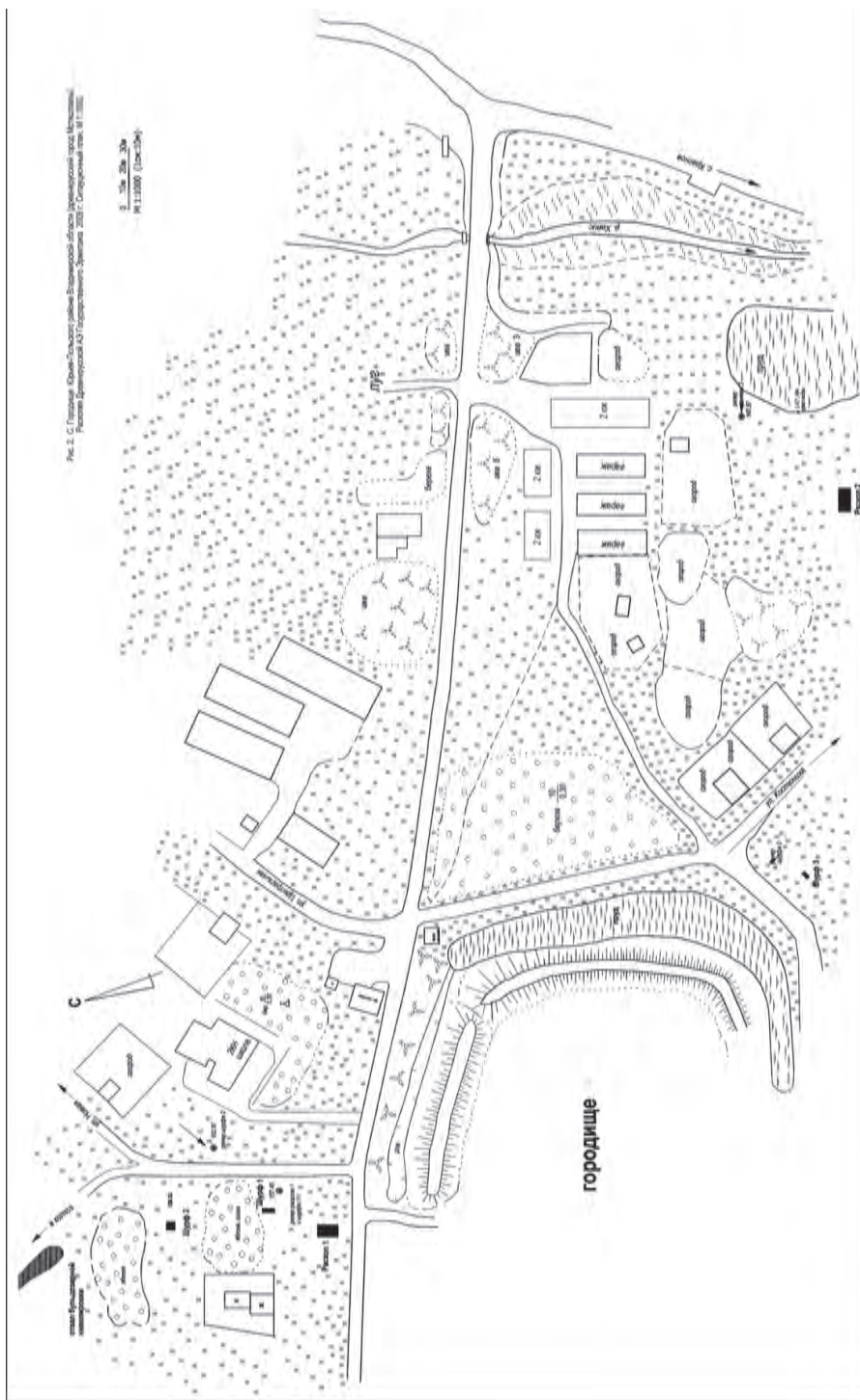

Рис. 2. Село Городищи/древнерусский город Мстиславль. Ситуационный план

ственным, не приведя никаких аргументов (1959. С. 118) С юга валы повреждены прудом, выкопанным в XIX в. владельцами одной из четырех располагавшихся на городище помещичьих усадеб, однако, наличие здесь еще одного проезда устанавливается вполне определенно. По мнению П.А. Раппопорта, с которым нет оснований не соглашаться, на месте пруда находился изначально крепостной колодец (1959. С. 115).

Ров шириной до 5 м с севера, запада и востока заболочен, с юга заполнен водой, сдерживаемой запрудой 1970-х годов, по которой проходит дорога вдоль вала. Изюва, превращенного в пруд, вытекает ручей, наполняющий пруд на ул. Костюниха, из которого в свою очередь прорыт сток на юго-восток, к пруду, выкопанному мелиораторами в 1980-е годы. Таким образом, впечатляющий крайеведов, историков и археологов облик Мстиславля как единственного городища Юрьевского Ополя, на котором сохранился ров, частично заполненный водой, сформировался совсем недавно. В эпоху раннего средневековья ров, надо полагать, заполнялся водой из ключей, стоявшей не столь высоко, как на южном участке рва в настоящее время.

Топографическая съемка, проведенная нами в 2009 г., показала, что территория посада города Мстиславля достаточно отчетливо делится на два обширных участка. Первый участок (верхний посад) локализуется к северу от городища, в самой высокой части современного села. К северу от городища проложены улицы с выразительным старым названием «Загородье» (Школьная) и улица Новая, ведущая к урочищу Василево. Второй участок (нижний посад) занимает низменную, заливаемую и в настоящее время разливами ручьев территорию к югу, юго-западу и юго-востоку от городища. По этому участку к югу от городища расходятся улицы села, считающиеся наиболее старыми: Кокуй и Костюниха; еще одна улица, Долматовка (Старая), ориентирована в направлении ЮЗ–СВ вдоль заросшего русла ручья Шага, до недавнего времени весной разливавшегося почти до главной площади с. Городищи (рис. 2). В какой мере топография села отражает топографию застройки посада, сказать трудно до проведения дальнейших исследований. Пока можно лишь констатировать, что нижний посад лучше обеспечен водой из естественных источников, следовательно, здесь раньше, чем к северу от крепости, могла возникнуть жилая застройка. Однако это пока не более чем предположение, которое в дальнейшем надлежит либо подтвердить, либо опровергнуть. Вообще следует отметить, что, несмотря на отсутствие крупной реки или озера, территория древнерусского города Мстиславля имела хорошее водоснабжение от ручьев и многочисленных ключей, о чем свидетельствует наличие и настоящее время еще трех прудов кроме упомянутого пруда на городище и заполненного водой рва.

Первые исследования на памятнике провел еще в 1869 г. А.С. Уваров, пытавшийся соотнести городище с летописным повествованием о битве на р. Липица 20 апреля 1216 г.

Возвышенности, окружающие село, исследователь признал горами Юрьевой, Авдовой и Бурчихой, между которыми находился стан князей Юрия и Ярослава Всеволодовичей: «Эти две горы с юга и с севера, а третья гора Бурчиха с запада окружают пространную ложину, в которой теперь построена деревня Числовское городище.

Ручеек, вероятно, тот самый, о котором сказано в летописи «а ручей посреди тоя горы Тунег», доселе протекает между этими тремя горами. На середине котловины сохранилось временное укрепление, или твердь, состоящая из кругло-продолговатого места, обнесенного валом. Со стороны юга или Юрьевой горы, вал идет вдоль самого берега ручья Тунег, и даже воспользовались маленьким озером, образуемым этим ручейком для укрепления южной стороны тверди. С северной стороны, обращенной к Авдовой горе, оставлен между валами довольно обширный вход. Самый вал имеет от 4 до 5 аршин вышины. Эта твердь в лощине, «в дебри» между горами, подробно описана в летописи: «Твердь бяше бо плетением оплетено то место и насопано сопью» (*Уваров*, 1870. С. 129).

В описании памятника у А.С. Уварова обращает на себя внимание явное преуменьшение высоты валов: 5 аршин – это 3,5 м, в то время как по данным П.А. Раппопорта, к 1955 г. валы Мстиславля «подросли» метра на два. Представить себе плетневые конструкции такой высоты, конечно, трудно. Далее общая площадь городища не указано вовсе. История села, по-видимому, вовсе не интересовала графа, в противном случае он бы отметил, что «деревня» построена не «теперь», а известна с XVI в., а пруд, врезающийся в вал, выкопан не в XIII в., а много позже. Более того, предпринятая А.С. Уваровым прорезка вала показала, что ни о каких плетневых конструкциях не может быть и речи: внутри вала находились остатки мощных срубных конструкций: «Каждые три сажени толстые бревна, расположенные поперек или внутри вала, служили точкою опоры для сруба. Кроме того, все эти бревна сплетены были крепко между собою, но гнилое состояние самых бревен объясняет нам отсутствие этой плетени, о которой говорят летописи» (*Уваров*, 1870. С. 131). Приложенный к статье А.С. Уварова план городища надежно удостоверяет, что речь идет именно о городище Мстиславля, а не о какой-то другой «тверди» близ Юрьева-Польского.

Приведенные выше цитаты, разумеется, свидетельствуют не о низкой квалификации А.С. Уварова как исследователя, а всего лишь о характерном для всех времен и научных направлений стремлении увидеть желаемое в действительном. Очень хотелось найти эту самую «твердь в дебри» – и остатками таковой вопреки очевидным фактам признаются остатки древнерусского города.

Как отмечалось выше, после работ А.С. Уварова почти на 100 лет памятник выпал из поля зрения исследователей. П.А. Раппопорт повторно исследовал вал для уточнения его конструкции, причем были получены и некоторые данные для характеристики антропогенных отложений памятника. Оказалось, что под насыпью вала находятся довольно хорошо сохранившиеся дубовые срубные конструкции, причем под основанием вала П.А. Раппопорт не обнаружил культурного слоя. Общая мощность отложений на площадке городища определена в 0,3–0,6 м, причем хронология отложений определена приблизительно: XII–XIII, XVII–XIX вв. (*Раппопорт*, 1959. С. 117; 1961. С. 21–23, 106, 107, 113, 114; *Куза*, 1996. С. 148).

После раскопок П.А. Раппопорта в изучении памятника опять наступает перерыв почти на четыре десятилетия, вполне объяснимый отвлечением как столичных, так и владимирских археологических кадров на другие, представляющиеся более перспективными объекты. Наконец, в 1991 г. небольшие раскопки на городище провела М.Е. Родина, установившая большую общую мощность сильно по-

тревоженных поздними перекопами антропогенных отложений, по крайней мере, у валов (до 2 м) и предположившая, исходя из наличия в материалах раскопок лепной керамики, что первыми обитателями здесь были меря, затем, не позднее X в., появились древнерусские переселенцы. Относительно наличия у раннего поселения укреплений М.Е. Родина не пришла к определенному выводу, а сохранившиеся до наших дней вал и ров, вслед за П.А. Раппопортом, датировала XII в. (АКР, 1995. С. 287, 288) На этом археологические исследования на городище снова приостановились. На посаде Мстиславля ни в середине XIX в., ни в середине, ни в конце XX в. раскопки не проводились.

Отсутствие достоверных данных об антропогенных отложениях посада Мстиславля можно было признать досадным пробелом в характеристике памятника даже в соотнесении с той скудной информацией, которой мы располагаем о городище. Поэтому в 2011 г. Древнерусская археологическая экспедиция ГЭ предприняла небольшие раскопки на территории с. Городищи Юрьев-Польского р-на Владимирской обл. с целью уточнения границ ареала застройки раннесредневекового посада. Раскопки не принесли никаких археологических сенсаций, однако материалы этих исследований, как нам представляется, небезынтересны для правильного понимания памятника.

Проведенная нами топографическая съемка показала, что, как и в Юрьеве-Польском, мстиславский посад располагался на сильно пересеченной местности, с резкими перепадами высот. Самая высокая точка посада по результатам топографической съемки 2009 г. определяется в северной части с. Городищи, на ул. Новой; самая низкая – в южной части села, непосредственно у колокольни XIX в. И в настоящее время весной южная, низменная часть села иногда заливается до самой главной площади. Помимо реки источниками воды, как и в Юрьеве, здесь были и многочисленные ключи и колодцы. Исходя из этих результатов топографической съемки предполагаемая территория мстиславского посада пока условно делится нами на два больших участка: «Верхний посад» и «Нижний посад». Раскопы и шурфы 2009 г. закладывались как на Верхнем, так и на Нижнем посаде.

Раскоп 1 общей площадью 60 м² (15 квадратов размерами 2 × 2 м) был заложен к северу от северного въезда на городище, на пологом склоне плато Верхнего посада и ориентирован углами по линии С–Ю. Работы на участке раскопа 1 показали не только полное отсутствие антропогенных отложений эпохи раннего средневековья, но и не дали абсолютно никаких материалов, позволяющих предполагать, что таковые здесь когда-то формировались и были позднее переотложены. После снятия дерна (мощность до 0,1 м) по всей площади раскопа зафиксирован однородный слой темного серо-коричневого суглинка общей мощностью до 0,15 м, насыщенного бытовым мусором XX в. и отложившийся непосредственно на материке. Среди немногочисленных фрагментов гончарной керамики с участка раскопа 1 (всего 21 фрагмент) присутствуют два обломка стенки горшка, датируемого XVIII в., все прочие – более поздние, в том числе фаянс второй половины XX в. Приходится предполагать, что на этом участке, оказавшемся вне ареала застройки посада, культурный слой сносился атмосферными осадками в крепостной ров.

После неудачных раскопок на участке раскопа 1 к северо-востоку от этого участка, на краю плато Верхнего посада, нами был заложен шурф 1 общей пло-

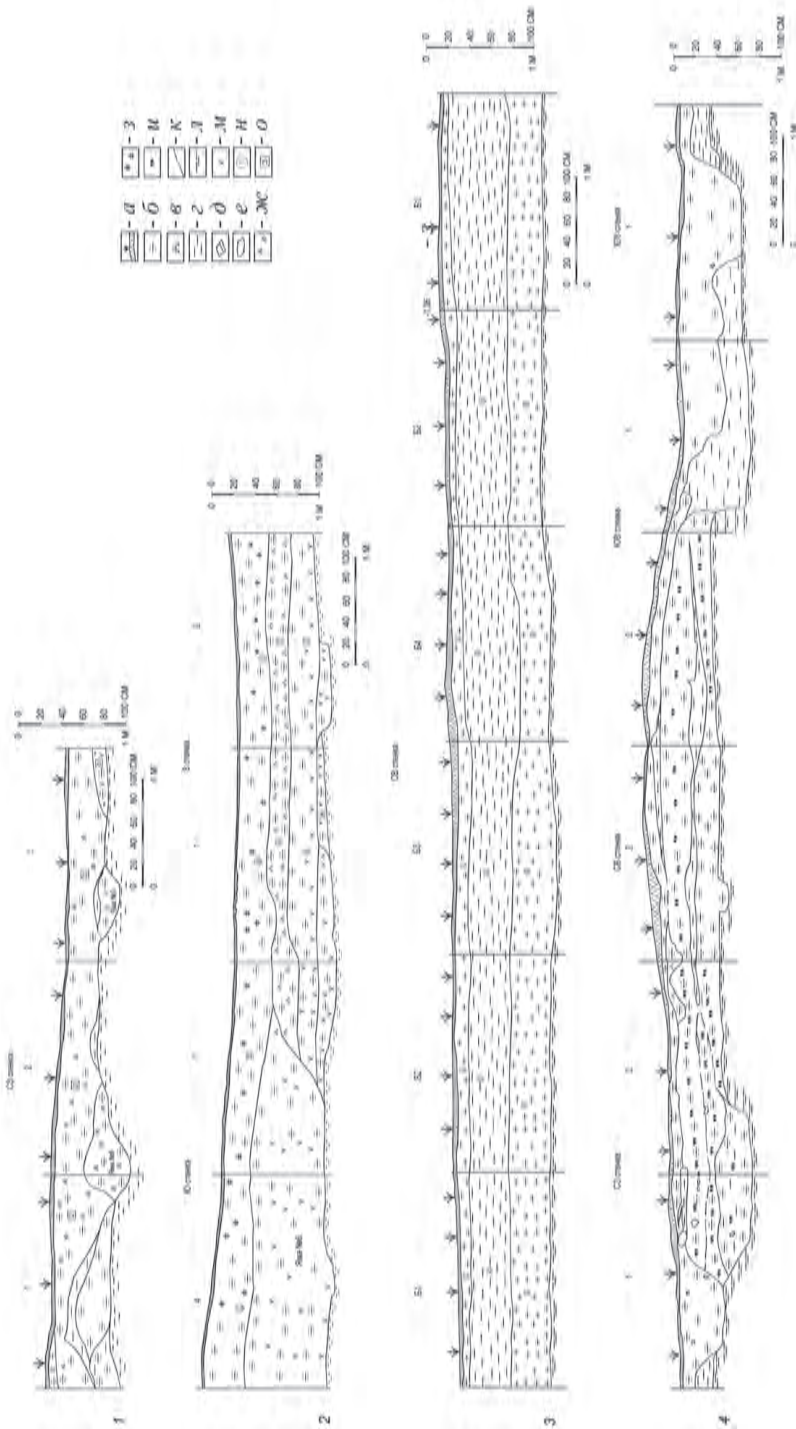

Рис. 3. Село Городищи-2009/древнерусский город Мстиславль. Стратиграфия раскопов и шурфов.

1 – шурф 1; 2 – шурф 2; 3 – раскоп 2; 4 – шурф 3. Условные обозначения: а – дерн; б – суглинок; в – печина; г – глина сырая; д – кирпич битый; е – камень; ж – кирпичная крошка; з – битое стекло; и – навоз; к – нечеткие границы прослоек; л – глина материковая; м – уголь; н – нумерация прослоек; о – нумерация слоев

щадью 12 м² (3 квадрата размерами 2 × 2 м), ориентированный также углами по странам света.

На участке шурфа 1 общая мощность антропогенных отложений достигала 0,6 м. Отложения сформированы тремя слоями (рис. 3, 1).

Слой 1. Кв. 1–2. Северная, западная, восточная стенки. Темно-коричневый суглинок. Общая мощность слоя – до 0,08 м. XX в.

Слой 2. Кв. 1–3. Северная, западная, восточная, южная стенки. Мощность слоя 2 – до 0,4 м. Рыхлый серый суглинок с вкраплениями пещины. XIV–XIX вв.

Слой 3. Кв. 3. Восточная и южная стенки. Углистый суглинок с вкраплениями обожженной глины, мелких угольков и обожженных камней. Мощность – до 0,2 м. XII–XIII вв.

Индивидуальные находки на участке шурфа 1 не обнаружены, датировка отложений установлена исключительно стратиграфическим распределением фрагментов керамики. Однако коллекция керамики с этого участка оказалась довольно

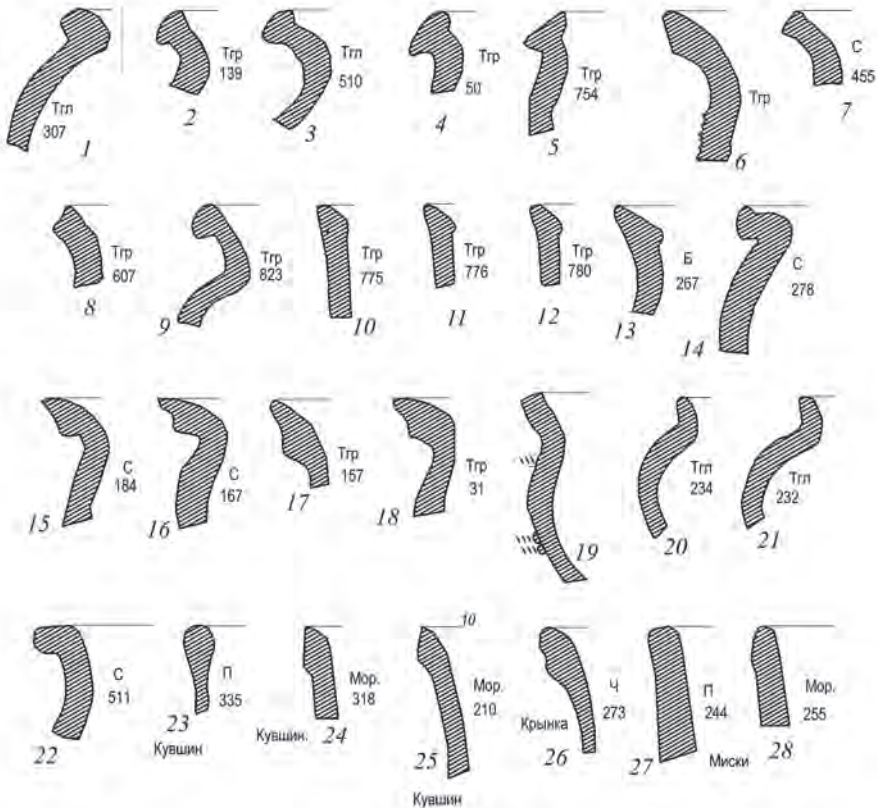

Рис. 4. Село Городищи-2009/древнерусский город Мстиславль. Гончарная керамика (1–28).

Горшки – типы 1–14, 40–42; кувшины – тип 12; крынки – тип 1; миски – тип 4

выразительной. Всего в антропогенных отложениях шурфа 1 обнаружено 6 фрагментов лепных сосудов и 197 – гончарных. Лепная керамика изготовлена из красножгущейся глины с примесью мелкой дресвы в тесте и трехслойным изломом. Гончарная керамика с участка шурфа 1, как и с прочих участков, исследованных нами на посаде Мстиславля, распределяется по тем же технологическим группам, которые выделялись нами для гончарной керамики Юрьева-Польского.

Раннесредневековая гончарная керамика с участка шурфа 1 представлена типами Iб и X по В.А. Лапшину, бытовавшими в XI–XII вв. (1992. С. 96, 97, 100).

В слое 3 залежали фрагменты сосудов (рис. 4, 9) с максимальным расширением в верхней трети тулова, невысокой воронковидной шейкой и отогнутым наружу венчиком в виде округлого валика, датируемые XIII–XV вв. (Полубояринова, 1992. С. 132).

Поздняя гончарная керамика представлена фрагментами кувшина и миски (рис. 4, 23, 24), датируемыми по юрьевским аналогиям XVIII в.

После завершения работ на участке шурфа 1 нами был осмотрен отвал бульдозерной нивелировки на ул. Новой, в котором были обнаружены фрагменты гончарных сосудов S-видного профиля с завернутым внутрь венчиком (рис. 5, 14–17) – самый распространенный тип гончарных горшков XII–XIII вв., тип VIIa по В.Л. Лапшину (1992. С. 100).

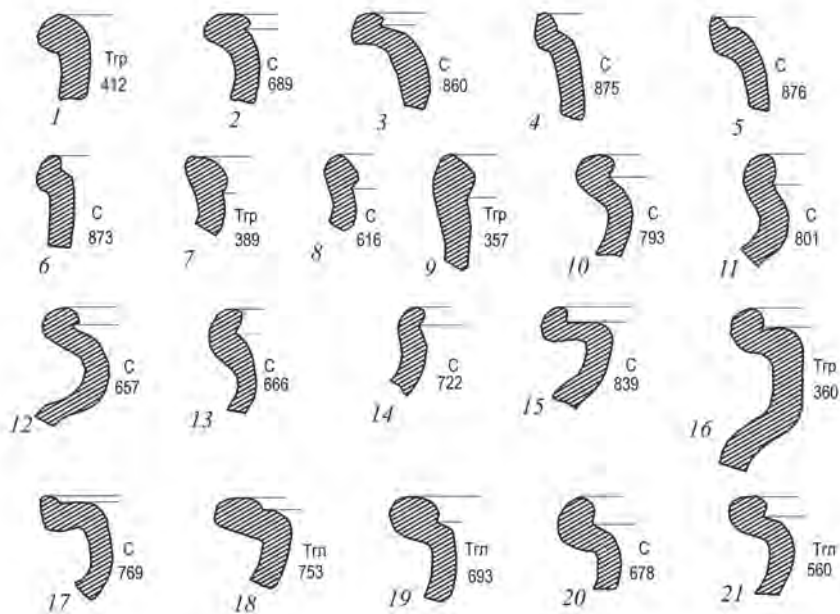

Рис. 5. Село Городищи-2009/древнерусский город Мстиславль. Гончарная керамика. Горшки (1–21)

Типы 17, 18, 20, 21, 23, 24

Для уточнения результатов осмотра бульдозерного отвала и раскопок на участке шурфа 1 в этой же части был заложен шурф 2 площадью 16 м² (4 квадрата размерами 2 × 2 м). Стратиграфия этого шурфа оказалась более выразительной сравнительно с участком шурфа 1 (рис. 3, 2).

Слой 1 зафиксирован по всей площади шурфа. Максимальная мощность – 0,38 м. Залегал непосредственно под дерном. Коричнево-серый легкий суглинок. Судя по фрагментам керамики, слой 1 начал формироваться в эпоху позднего средневековья и процесс формирования этой почвенной структуры продолжался до

Рис. 6. Село Городищи-2009/древнерусский город Мстиславль. Индивидуальные находки с участков шурфа 2 (1–7) и раскопа 2 (8–11).

1 – пинцет железный; 2 – клин железный; 3 – игла; 4 – ушко котелка бронзовое; 5 – бубенчик; 6 – костяная накладка; 7 – фрагмент стеклянного браслета; 8 – нож; 9 – фрагмент дровяного браслета; 10 – наконечник сулицы; 11 – крестик костяной

XX в. В то же время в слое 1 присутствуют фрагменты древнерусской гончарной керамики, несомненно, маркирующие перекопы залегающего ниже слоя 2.

Слой 2 зафиксирован по всей площади шурфа. Общая мощность – до 0,3 м. Серо-коричневый суглинок с включениями мелких фрагментов печины. Фрагментами гончарной керамики датируется XIII–XIV вв.

Слой 3 зафиксирован по всей площади шурфа. Светло-коричневый, в нижнем горизонте оподзоленный суглинок. Общая мощность – 0,3–0,32 м. Отложился непосредственно на материке, в западной части шурфа – поверх слоя 4. Предположительно датируется XII в.

Слой 4 отложился в западной части участка шурфа 2. Оподзоленный суглинок. Общая мощность – до 0,19 м. Датировка по материалам раскопок на участке шурфа 2 не устанавливается.

При зачистке южной стенки шурфа обнаружен железный пинцет с цепочкой. На участке шурфа 2 обнаружено 15 предметов из железа, цветного металла, стекла и кости, что свидетельствует о достаточно высокой насыщенности антропогенных отложений индивидуальными находками. Изделий из железа шесть: черенок и фрагмент лезвия ножа с асимметричными выступами при перехоже от черенка к лезвию (бытовали до первой четверти XII в.) (*Леонтьев*, 1976. С. 40; 1996. С. 105; *Минасян*, 1980. С. 72–74), игла, клин, кольцо, гвоздь, предмет неизвестного назначения и пинцет с фрагментами железной же цепочки (рис. 6, 1–3). Из медных сплавов изготовлены два предмета (рис. 6, 4, 5) с участка шурфа 2: ушко небольшого котелка и шаровидный бубенчик с рельефными валиками, датируемый XI–XIII вв. (*Седова*, 1997. С. 70). Назначение костяной плоской накладки (рис. 6, 6) однозначно не определяется. Единственный в материалах раскопок 2009 г. фрагмент массивного ложновитого стеклянного браслета окрашен соединениями железа в коричневый цвет (рис. 6, 7). Наконец, на участке шурфа 2 обнаружены два сланцевых оселка.

В антропогенных отложениях участка шурфа 2 собрано 395 фрагментов керамики, в том числе 6 лепных и 299 гончарных. Лепная керамика не обнаруживает отличий от лепной керамики с участка шурфа 1. Среди фрагментов гончарной керамики «трехслойной грубой» – 136 ед., «трехслойной гладкой» – 116, «серой» – 45, красноглиняной гладкой – 22, белоглиняной гладкой – 4, чернолощеной – 14, «мореной» – 33, поливной – 12. Датировка типологически определимых фрагментов гончарной керамики с участка шурфа 2 уверенно устанавливается аналогиями в материалах раскопок древнерусских поселений. Здесь обнаружены фрагменты сосудов типов IIa и IIб по классификации В.А. Лапшина, как и на участке шурфа 1. Сосуды (рис. 4, 2, 3) типа VIIa по В.А. Лапшину бытовали в XI–XIII вв. (1992. С. 96, 100). Несколькими вариантами (рис. 5, 18–21) представлен тип VIIIa по В.А. Лапшину. Датировка прочих сосудов (рис. 5, 1–7) определяется в широких хронологических пределах XIII–XV вв. (*Чернов*, 1991а, б; 1992. С. 162; *Блажевич*, 1992. С. 33; *Петрашенко*, 1992. С. 18; *Поздняков*, 1992. С. 2; *Полубояринова*, 1992. С. 130, 141; *Кадиева*, 2002. С. 24. Рис. 3; *Макаров*, *Леонтьев*, *Шполянский*, 2005. С. 202).

Позднесредневековая керамика шурфа 2 представлена фрагментами поливных и мореных кувшинов и крынок (рис. 4, 25–28).

Таким образом, по материалам раскопок на участке шурфов 1 и 2 была в целом установлена хронология антропогенных отложений непосредственно примыкающей к городищу части Верхнего посада, но при этом остался открытым вопрос о возможных периодах запустения в зоне заселения древнерусского города Мстиславля и села Городищи: для сколько-нибудь определенных выводов просто недостаточно исходных данных.

Интересные результаты дали раскопки на Нижнем посаде Мстиславля. Раскоп 2 был заложен на южной границе современного ареала жилой застройки села, к юго-востоку от дома 6 по ул. Школьной. Здесь расположен упомянутый выше пруд, выкопанный мелиораторами в 1980-е годы, причем после завершения этих работ вся территория вокруг пруда была перепланирована бульдозером, в результате чего материковая желтая глина, извлеченная из котлована, и плотный суглинок – переотложенный культурный слой, отложившийся ко времени перепланировки, были перемещены к северо-западу от пруда, в сторону ул. Костюниха.

Общая площадь раскопа 2, ориентированного углами по странам света, – 48 м² (12 × 4 м). Стратиграфия раскопа 2 не соотносится со стратиграфией исследованных небольших участков Верхнего посада (рис. 3, 3). Общая мощность антропогенных отложений здесь достигала 1,1 м. Непосредственно под дерновым слоем (0,05 м) залегал **слой 1** – темно-серый плотный суглинок, общей мощностью до 0,12 м, отложившийся во второй половине XX в. после мелиоративных работ. Под этим слоем по всей площади раскопа зафиксирован **слой 2** – переотложенная желтая материковая глина и плотный коричневый суглинок, общей мощностью до 0,6 м. Под слоем 2 непосредственно на материковой глине сформировался **слой 3** – черный влажный суглинок с включениями органики, общей мощностью до 0,4 м. Формирование этого слоя завершилось в 1960-е годы, а началось, судя по фрагментам керамики и немногочисленным индивидуальным находкам, еще в эпоху раннего средневековья. Небольшая мощность этой почвенной структуры и отсутствие стратифицирующих слоев трех прослоек, несомненно, объясняется периферийным положением исследованного участка и в древнерусском городе Мстиславле, и в селе Городищи. Тем не менее коллекция фрагментов керамики и некоторые индивидуальные находки с участка раскопа 2 представляют несомненный интерес.

Всего на этом участке обнаружен 531 фрагмент керамики, в том числе 9 лепных и 522 гончарных. Лепная керамика, как и на участке шурфа 1, представлена фрагментами стенок сосудов из красножгущейся глины с включениями дресвы. Гончарная керамика распределяется по тем же технологическим группам: «трехслойная грубая» – 99 ед., «трехслойная гладкая» – 11, «серая» – 211, красноглиняная гладкая – 23, чернолощеная – 11, «мореная» – 136, поливная – 31.

На участке раскопа 2 раннесредневековая керамика представлена фрагментами тех же горшков типов, которые присутствуют в коллекциях шурфов 1 и 2. Кроме того, обнаружены фрагменты горшков с максимальным расширением в средней части тулова, невыраженной или слабо выраженной шейкой и отогнутым наружу венчиком, верхний край которого приострен, а по наружному краю оформлен рельефным «манжетом». Аналогичная керамика (рис. 4, 15–18) в эпоху раннего средневековья до XII в. бытовала на территории лесостепной и лесной зон Восточной Европы. Аналогии сосудам с вертикальной шейкой и «угловатым» вен-

чиком, верхний край которого оттянут и приострен (рис. 5, 4–6), обнаруживаются в комплексах XIII в. (Чернов, 1992. С. 147, 159).

Позднесредневековая керамика на участке раскопа 2 представлена фрагментами горшков с максимальным расширением в верхней трети тулова, невыраженной или слабовыраженной шейкой и венчиком в виде округлого валика (рис. 4, 1). Это один из самых распространенных в Московском царстве и Российской империи типов кухонных горшков. Нижняя дата бытования сосудов аналогичной профилировки определяется в XVI в. В верхних горизонтах антропогенных отложений наших раскопов в Угличе и Мышкине, надежно датированных находками монет, фрагменты таких горшков решительно преобладают. Присутствовали в антропогенных отложениях и фрагменты сосудов с максимальным расширением в верхней трети тулова, невысокой шейкой и венчиком в виде утолщенного «карнизика» (рис. 4, 12), также широко распространенные в этот период. В небольшой коллекции индивидуальных находок из раскопа 2 (всего 14 предметов) заслуживают внимания (рис. 6, 8–11) фрагмент ножа с двумя уступами при переходе от лезвия к черенку (XII–XIV вв.), фрагмент дровяного браслета (тип не определяется из-за утраты концов – X–XIV вв.) (Седова, 1997. С. 74), железный наконечник сулицы и костяной резной крестик с изображением св. Николая, по аналогиям датируемый XVI в.

Таким образом, раскопки на участке раскопа 2 определили южную границу Нижнего посада древнерусского города Мстиславля, причем можно предполагать, что таковая в целом совпадает с границей современного ареала застройки села Городищи.

Шурф 3 общей площадью всего 8 м² был заложен после завершения работ на участке раскопа 2 с целью уточнения стратиграфии антропогенных отложений Нижнего посада к югу от южного въезда на городище. Стратиграфия этого шурфа в целом соотносится со стратиграфией раскопа 2 (рис. 3, 4). Непосредственно под **дерновым слоем** мощностью до 0,06 м здесь зафиксирован слой 1 – серо-коричневый суглинок общей мощностью до 0,1 м, датируемый первой половиной XX в. Формирование этого слоя прекратилось после устройства пруда во рву городища в 1960-е годы. Под слоем 1 залегал **слой 2** – серо-коричневый суглинок с включениями навоза, общей мощностью до 0,3 м. Исходя из того материала, которым мы в настоящее время располагаем, а именно стратиграфического распределения фрагментов керамики, в осторожной форме можно датировать эту почвенную структуру XIV–XIX вв. Наконец, под слоем 2 зафиксирован **слой 3** – серо-коричневый суглинок с включениями навоза и пещины, общей мощностью до 0,2 м, отложившийся непосредственно на глинистом материке. Датировка слоя XI–XIII вв. устанавливается нами сугубо гипотетически.

На участке шурфа 3 обнаружено всего 368 фрагментов керамики: 90 лепной и 278 гончарной, в том числе «двухслойной грубой» – 3 ед.; «трехслойной грубой» – 75; «трехслойной гладкой» – 3; «серой» – 94; красноглиняной гладкой – 14; белоглиняной гладкой – 26; чернолощеной – 13; «мореной» – 12; поливной – 6; фаянса – 1.

Хронология антропогенных отложений на этом участке при отсутствии индивидуальных находок могла быть установлена только по типологически определенным фрагментами гончарной керамики.

Сосуды с максимальным расширением в верхней трети тулова, высокой шейкой и плавно отогнутым наружу венчиком, край которого оформлен в виде слабопрофилированного валика (рис. 5, 2, 3). Аналогичные сосуды бытовали в XIII–XIV вв. (Чернов, 1992. С. 149). Этим же периодом могут быть датированы фрагменты сосудов с максимальным расширением в средней части тулова, слабовыпуклыми плечиками, воронковидной шейкой и венчиком с приподнятым наружным и скошенным внутренним краем (рис. 4, 10–13). Хронологически близки (XIII–XV вв.) сосуды с максимальным расширением в верхней трети тулова, невысокой воронковидной шейкой и отогнутым наружу венчиком в виде округлого валика; фрагменты аналогичных сосудов обнаружены, как отмечалось выше, на участке шурфа 1 в слое 3 (рис. 4, 9).

XII веком могут быть датированы сосуды (рис. 5, 7–9) с максимальным расширением в верхней трети тулова, высокой, слегка расширенной шейкой и отогнутым наружу, угловатым в сечении венчиком (Лапшин, 1992. С. 100). Наконец, представлены на участке шурфа 3 и фрагменты сосудов, отнесенных В.А. Лапшиным к типу VIIa – один из наиболее распространенных типов гончарной керамики XII–XIII вв.

Особый интерес представляют фрагменты сосуда с максимальным расширением в верхней трети тулова, невысокой шейкой и косо срезанным по верхнему краю венчиком. Непосредственно под шейкой выступает слабовыпуклый «псевдовалик» с косыми насечками. Тулово сосуда орнаментировано, по крайней мере, двумя поясами уплощенных горизонтальных наlepных валиков с такими же косыми насечками (рис. 4, 19). Фрагменты сосуда с валиками по тулову залежали в заполнении ямы 4а с фрагментами грубой лепной керамики.

На территории Волго-Окского междуречья прямые аналогии нам неизвестны, хотя фрагменты сосудов с рельефными валиками присутствуют в материалах раскопок Суздаля и Ростова, где датируется XI в.; всего один фрагмент обнаружен в антропогенных отложениях угличского кремля. Но традиция украшения ранней гончарной керамики рельефными валиками и «псевдоваликами» зафиксирована на памятниках X–XI вв. на северо-западе Восточной Европы. Подробная типология керамики с такой орнаментацией разработана на материалах раскопок Новгорода, Рюрикова городища и Пскова, причем установлено, что в первой четверти XI в. валики на сосудах исчезают. Пропорции сосудов X–XI вв. с упомянутых выше памятников – иные, хотя в материалах раскопок Пскова присутствует и очень похожий сосуд, правда без валиков, но остается неясным, как распространялась эта традиция орнаментации керамики рельефными валиками по огромным территориям новгородско-псковского региона, с которых именно в этот период направлялись группы мигрантов в Волго-Окское междуречье (Носов, Горюнова, Плохов, 2005. С. 115, 116). Возьмем на себя смелость предположить принадлежность сосуда с участка шурфа 3 именно к этой северо-западной традиции, занесенной в ополье в бассейне Колокши мигрантами с северо-запада, на месте поселения которых позднее был основан древнерусский город Мстиславль.

Таковы результаты небольших раскопок 2009 г. на посаде древнерусского города Мстиславля-Залесского. Археологические источники, отразившие бытие этого небольшого центра раннесредневековой государственности в центральном районе Волго-Окского междуречья по вполне объективным причинам пока ока-

зываются весьма лаконичными. Как отмечалось выше, в письменных источниках обнаруживается единственное упоминание Мстислава-Залесского. Тем не менее в общем контексте представлений о процессах становления государственной территории Древней Руси в обширном регионе между Волгой и Окой и, разумеется, в соотношении с теми данными, которыми мы располагаем о соседнем Юрьеве-Польском, можно высказать некоторые предположения об обстоятельствах основания этого города и его статусе.

В середине X в., после распада мерянского этносоциума, начинается миграция в Волго-Окское междуречье с северо-запада, из новгородско-псковского региона (Леонтьев, 1996. С. 273–280). Одна из групп этих мигрантов, не утративших традиций материальной культуры, по крайней мере, в производстве керамики, «транзитом» через сопредельные районы в начале XI в. достигает ополья в бассейне р. Колокша и Гзы и обосновывается в котловине ледникового озера, где через 200 лет будет основан город Мстиславль. В другой котловине, где примерно в то же время будет основан Юрьев-Польский, антропогенные отложения, датированные XI в., не обнаружены, что, однако, не свидетельствует об отсутствии здесь поселения. Юрьевская котловина обширнее мстиславской, и обнаружить остатки раннего поселения под современной городской застройкой значительно сложнее, так что вопрос остается пока открытым: не исключено, что и в излучине Колокши или при впадении Гзы в XI в. существовала некая поселенческая структура.

Основание Юрьева-Польского, как известно, летописи относят к 1152 г., когда Юрий Владимирович Долгорукий укрепляет волости Ростово-Суздальского княжества после «похода племянников» на Верхнюю Волгу в 1149 г. и очередной неудачи в борьбе за Киев. К этому же времени П.А. Раппопорт и М.Е. Родина, как мы помним, отнесли основание Мстислава, и у нас нет пока оснований отвергать эту датировку.

Юрьев-Польский находится примерно на равном расстоянии между Суздалем и Переславлем, на перекрестке дорог, ведущих в Ростов и на запад, к быстро развивающейся Москве, впервые упомянутой летописью за три года до упоминания о перенесении Переслава и основании Юрьева.

Очевидно, существовало и другое ответвление дороги, по которому неприятель мог бы обойти Юрьев; для прикрытия этого опасного направления и основывается поблизости от Юрьева еще один город – Мстиславль. Другое объяснение столь близкого расположения двух городов просто трудно найти.

В этом хронологическом контексте единственным Мстиславом, именем которого мог быть наречен новооснованный город, может быть признан Мстислав-Федор Юрьевич, 6-й из 11 сыновей Юрия Владимировича.

Биография этого князя восстанавливается по летописям с большими лакунами. Впервые Мстислав Юрьевич упоминается под 1149 г.; в 1150 г. он на короткое время оказался в Пересопнице на Вольни. Где находился Мстислав Юрьевич с 1151–1155 гг., неясно, но вполне логично предположить, что он вернулся в Залескую землю – удел его отца. Именно на этот период и приходится начало строительства городов в западных и центральных районах Волго-Окского междуречья. Участие Мстислава Юрьевича, взрослого к этому времени человека, в градостроительстве вполне вероятно (Татищев, 2003. С. 302, 303). Мстислав Владимирович мог представлять отца в строительстве Переслава и Юрьева и поблизости от по-

следнего и, как надежный отцовский «подручник», получить удел с центром в новооснованном городе, названном по его имени.

Наречение новооснованных городов – особый и весьма важный вопрос для исследователей. Несомненно, в каждом конкретном случае многие реалии останутся для нас навсегда скрытыми, но общая тенденция просматривается вполне отчетливо. Княжеское языческое имя не только и, видимо, не столько устанавливало владельческую принадлежность города, сколько передавало ему некую часть высокого сакрального статуса носителя этого имени. Соответственно, наречение города по крестильному имени князя отдавало его под небесное покровительство этого святого. Примечательно, что город Дмитров Юрий Владимирович также назвал по крестильному имени своего младшего сына Всеволода-Дмитрия Юрьевича – и по случаю его рождения. Не исключено, что и основание Юрьева было соотнесено с каким-то знаменательным для князя событием, о котором летописи умолчали. Так или иначе, в иерархии укрепленных поселений Залесской земли по наречению в честь св. Георгия Юрьев оказался выше Мстиславля, что и подтверждается основанием в этом городе каменного храма.

Мстислав Юрьевич и его младшие братья, Василько и Всеволод, после ухода отца на юг в 1154 г. остались в Залесской земле. Причем Мстислав Юрьевич в 1155–1157 гг. побывал на новгородском княжении, где успел жениться на дочери боярина Петра Михалковича. Дальнейшая судьба Мстислава Юрьевича после изгнания младших братьев из Суздальской земли Андреем Боголюбским в 1164 г. и дата его кончины неизвестны. Согласно Ипатьевской летописи, Юрьевичи отправились в Царьград и получили от императора Мануила II «волости», но как долго они там оставались, неясно (ПСРЛ, 1962б. С. 389, 403, 404; НПЛ, 1950. С. 216, 217, 470; Рапов, 1977. С. 152; Лимонов, 1987. С. 67). Сын Мстислава Юрьевича и племянник Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, Ярослав Мстиславич Красный, в 1176 г., во время борьбы последнего с Ростиславичами за наследство Андрея Боголюбского оказался на стороне дяди и получил от него Переславль Залесский, но не удержался в Суздальской земле, уже через год ушел на княжение в Новгород, потом оказался в Волоколамске и, наконец, в Переславле Южном, где и умер в 1199 г. (ПСРЛ, 1962а. С. 380; НПЛ, 1950. С. 224, 225; Рапов, 1977. С. 167, 168).

С этого времени Юрьевым и соседним Мстиславлем должен был распоряжаться Всеволод Юрьевич до своей кончины. После ушибы его сыновей владетелем Юрьева стал Святослав Всеволодович, каковым и оставался до кончины в 1252 г., хотя под конец жизни успел побывать и великим князем владимирским и, видимо, князем суздальским. (*Экземплярский*, 1891. С. 255–260; Рапов, 1977. С. 169, 170).

При Святославе Всеволодовиче и его потомках границы небольшой Юрьевской волости, вполне достоверно определенные В.А. Кучкиным, не менялись вплоть до присоединения удела к владениям московских великих князей. В первой трети XIII в. эта волость должна была включать в себя два близко расположенных города – Юрьев и Мстиславль. Причем Мстиславль столь же близко от Юрьева, как села подгородного стана, даже ближе некоторых из этих сел (*Кучкин*, 1984. С. 233–238) Для предположений о наличии в Мстиславле княжеской резиденции, подобной Боголюбову, Кидекше, Смядыни, Новгородскому Городищу, у нас нет оснований. Юрьевский князь, владетель небольшого удела, вряд ли нуж-

дался в таковой, и вряд ли юрьевская городская община была настолько сильной, что могла установить традиционную для крупных волостей-княжений экстерриториальность князя по отношению к городу – столице волости.

Расцвет Юрьева при Святославе Всеволодовиче был слишком кратковременным, чтобы город мог стать крупным торгово-ремесленным центром, да и предпосылок для такой трансформации в соседстве с Ростовом, Переславлем, Суздалем, Владимиром и быстро растущей Москвой было немного. Но уже с 1220-х годов Юрьев должен был все же стать заметным перевалочным пунктом на пути, проложенном от устья Оки, где в 1224 г. основан Новгород Нижний, во внутренние районы Волго-Окского междуречья (Стромынка). У Мстиславля не было такого статуса, однако, если ориентироваться на результаты наших небольших исследований в 2009 г., можно предположить, что по площади этот город мало уступал домонгольскому Юрьеву.

Однако в поле зрения летописцев этот город так и не попал, даже при весьма подробном описании событий 1217 г., происходивших непосредственно поблизости, – в то время, как Юрьев упоминается: именно в Юрьеве слышали шум битвы на Липице. И после XIV в. город Мстиславль ни разу не упоминается в письменных источниках. Поскольку в «Списке градам русским» поименованы не только города, пережившие нашествие Батые и последующие татарские рати второй половины XIII в., но и города, запустевшие в этот период, вопрос о причинах запустения Мстиславля и постепенного превращения города в село остается открытым. Во всяком случае, демографических ресурсов несколько раз разоренного Юрьевского княжества, через которое прошли не только татары, но и все известные нам по летописи эпидемии, в том числе и великая эпидемия чумы XIV в., не хватило на восстановление двух городов – выжил только Юрьев.

Конкретизация представлений о недолгой истории города Мстиславля-Залесского вполне реальна при условии проведения археологических исследований большой площадью, благо на территории современного с. Городищи легко определяются перспективные участки как на Верхнем, так и на Нижнем посаде. Само городище также вполне может еще стать объектом изучения, хотя следует иметь в виду, что антропогенные отложения укрепленного центра города подвергались неоднократным разновременным перекопам. Наконец, заслуживают внимания ближайшие окрестности села. Полагаем, что Мстиславль-Залесский достоин серьезного комплексного исследования.

Литература

- АКР, 1995. Археологическая карта России. Владимирская область / Под ред. А.Ю. Краснова. М.: ИА РАН. 379 с.
- Блажевич Н.В.*, 1992. Керамика Ржищевского комплекса XI–XIII вв. // Древнерусская керамика. М.: ИА РАН. С. 21–35.
- ДДГ, 1950. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 585 с.
- Кадиева Е.К.*, 2002. Комплексы Ростова Великого с круговой керамикой второй половины X–XIV в. как источник по развитию гончарного дела в городе // Археология Ярославского края. Вып. 2. Рыбинск: Изд-во Рыбин. гос. историко-архитектурного и худож. музея-заповедника. 79 с.

- Куза А.В., 1996. Древнерусские городища X–XIII вв. М.: Христианское изд-во. 254 с.
- Кучкин В.А., 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. М.: Наука. 349 с.
- Лапшин В.А., 1992. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М.: ИА РАН. С. 90–102.
- Леонтьев А.Е., 1976. Классификация ножей Сарского городища // СА. № 2. С. 33–45.
- Леонтьев А.Е., 1996. Археология мери. М.: ИА РАН. 339 с.
- Лимонов Ю.А., 1987. Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. Л.: Наука. 215 с.
- Любавский М.К., 1929. Образование основной государственной территории великорусской народности: Заселение и объединение центра. Л.: Изд-во АН СССР. 176 с.
- Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В., 2005. Сельское расселение в центральной части Суздальской земли в конце I – первой половине II тыс. н.э.: новые материалы // Русь в XI–XIV вв. Взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука. С. 196–215.
- Минасян Р.С., 1980. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья // АСГЭ. Вып. 21: Материалы и исследования по археологии СССР. Л.: Изд-во ГЭ. С. 68–74.
- Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В., 2005. Городище под Новгородом и поселения северного Приильменья: новые материалы и исследования. СПб.: Дмитрий Буланин. 402 с. (Тр. ИИМК; Т. 18).
- НПЛ, 1950. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 642 с.
- Петрашенок В.А., 1992. Керамика XI–XIII вв. Среднего Поднепровья // Древнерусская керамика. М.: ИА РАН. С. 7–20.
- Поздняков В.С., 1992. Развитие керамики древнерусского Клецка (X–XIII вв.) // Древнерусская керамика. М.: ИА РАН. С. 48–60.
- Полубояринова М.Д., 1992. Древнерусская керамика Болгара // Древнерусская керамика. М.: ИА РАН. С. 131–141.
- ПСРЛ, 1962а. Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М.: Вост. лит. 578 с.
- ПСРЛ, 1962б. Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Вост. лит. 938 с.
- Рапов О.М., 1977. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М.: Изд-во МГУ. 261 с.
- Раппопорт П.А., 1959. Круглые и полукруглые городища Северо-Восточной Руси // СА. № 1. С. 115–123.
- Раппопорт П.А., 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. М.; Л.: Наука. 242 с. (МИА; № 105).
- Седова М.В., 1997. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. С. 63–79. (Археология).
- Татищев В.Н., 2003. История Российская: [в 3 т.]. Т. 2. М.: АСТ. 735 с.
- Уваров А.С., 1870. Две битвы 1177 и 1216 годов по летописям и археологическим изысканиям // Тр. МАО. Т. 2. Вып. 2. М.: Синодальная тип. С. 120–131.
- Чернов С.З., 1991а. К хронологии Московской керамики XIII – середины XV в. // Московская керамика: новые данные по хронологии. М.: ИА РАН. С. 20–32. (Материалы и исследования по археологии Москвы; Т. 5).
- Чернов С.З., 1991б. К хронологии Московской керамики конца XV–XVI в. // Московская керамика: новые данные по хронологии. М.: ИА РАН. С. 51–52. (Материалы и исследования по археологии Москвы; Т. 5).
- Чернов С.З., 1992. Новые материалы по хронологии московской керамики второй половины XIII–XV в. из раскопок в районе древнего Радонежа // Древнерусская керамика. М.: ИА РАН. С. 142–169.
- Экземплярский А.В., 1891. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. II. СПб.: Тип. Имп. академии наук. 696 с.

С.А. Денисов

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ ЗА ОЧИСТКОЙ РЕКИ КАМЕНКА В СУЗДАЛЕ (2008–2010 гг.)

В 2008–2010 гг. сотрудниками Суздальской экспедицией ИА РАН проводились наблюдения за очистными работами (подрезкой берегов и выемкой грунта со дна реки) на участках р. Каменка, расположенных в исторической части Суздаля. Цель наблюдений состояла в получении новых сведений и уточнении уже имеющихся данных о топографии города, отраженных в культурных напластованиях, находящихся на дне и берегах реки.

Каменка служила главной водной дорогой, связывавшей Суздаль и Владимир, вела к Волге. Судходной река была вплоть до начала XIX в. (*Караваева*, 1964. С. 160). Река представляла собой мощный градообразующий фактор: кремль, монастыри, множество слобод, хозяйственные сооружения (печи для обжига глины) были выстроены вдоль ее русла. Приречно-рядовой принцип застройки долгое время оставался главным в развитии города (*Седова*, 1985. С. 104; 1997. С. 170). На реке осуществлялась рыбная ловля (*Федоров*, 1846. С. 74; АСЭИ, 1964. С. 479, № 34), вымачивались кожи (*Токмаков*, 1889. С. 17), строились мельницы (АСЭИ, 1964. С. 479, № 39), речной камень использовался в строительстве (*Федоров*, 1846. с. 74).

Очистные работы велись на участке протяженностью 4628 м, который начинался от плотины и заканчивался на расстоянии 200 м к юго-западу от автомобильного моста на ул. Ленина. Участок наблюдений занимал, таким образом, северную и центральную части современного города. Предшествующие исследования не касались культурных напластований реки и были сосредоточены на изучении прибрежной застройки.

Одним из основных исторических памятников, вблизи которого велись работы, стал Суздальский кремль, расположенный на левом берегу реки, культурные напластования которого датируются X – началом XX в. Проводимые очистные работы затронули участок реки, где к левому берегу выходила северо-восточная часть кремля. Здесь в ходе археологических работ В.В. Седовым, а затем М.В. Седовой были открыты подпольные части в общей сложности более 50 построек, возведение которых находится в рамках X–XIX вв. (*Седова*, 1997. С. 78–115).

На территории Окольного города, примыкающего к кремлю с запада, расположен слой, датируемый XI – началом XX в. Часть Окольного города, выходящая к участкам реки, на которых проводились очистные работы, была занята зданием Торговых рядов, возведенным в XIX в. (АКР, 1995. С. 241, 242).

Помимо памятников, составлявших историческое ядро города, очистные работы проводились также вблизи крупных суздальских монастырей. Наиболее ранние культурные напластования находятся на территории Дмитровского монастыря (основан в XI в. на правом берегу реки, напротив кремля), где работы, проведенные А.Д. Варгановым, В.В. Седовым, В.П. Глазовым, С.В. Сазоновым, открыли в общей сложности более 50 материковых объектов, включая кузнечный комплекс (Седова, 1997. С. 138; Сазонов, 2009. С. 79–81). Также ранние напластования располагались на территории Александровского монастыря (возник в середине XIII в. на левом берегу реки, к северу от современного моста), рядом с западной стеной которого А.Д. Варгановым была открыта печь для обжига плинфяного кирпича (Седова, 1997. С. 39, 143).

Сходный по датировке культурный слой представлен на территории Спасо-Ефимьева монастыря, возведенного в XIV в. на левом берегу реки (напластования XII – начала XX в.); исследован А.Д. Варгановым и затем В.П. Глазовым, который выявил также остатки трех построек, предшествовавших появлению монастыря (АКР, 1995. С. 244; Седова, 1997. С. 137, 144).

Несколько более поздние напластования представлены на территории Покровского монастыря (основан в XIV в., расположен на правом берегу реки, юго-западнее Спасо-Ефимьева монастыря), датируемые XIV – началом XX в. (Седова, 1997. с. 144).

Помимо кремля и монастырей на исследуемой территории располагалась жилая застройка ряда улиц, на месте более ранних сел и слобод.

К северо-западу от Спасо-Ефимьева монастыря к левому берегу реки выходила жилая застройка, ул. Коровники. Одноименное село, расположенное в том же месте, известно как собственность нижегородских князей в XIV–XV вв. (АСЭИ, 1958. С. 483, № 441; Кучкин, 2003. С. 29, 30), а затем как владение Спасо-Ефимьева монастыря в XV–XVII вв. (АСЭИ, 1964. С. 475, № 498; 479, № 36). При обследовании памятника А.Д. Варгановым зафиксирован культурный слой XII–XIII вв. (1946. С. 130).

Ниже по течению реки рядом с Покровским мостом, на левом берегу располагалась жилая застройка на ул. Слободская, где Д.А. Кабаевым открыты 15 материковых объектов, относящихся к периодам XIII–XIV и XIV–XVI вв. (Кабаев, 2008. С. 89). Ниже по течению рядом с Богоявленской церковью выявлены застройки на ул. Шмидта и на противоположном, правом берегу – застройка на ул. Набережная. На этом месте в XV–XVII вв. располагались Кожевенные слободы (Город Суздаль..., 1905. С. 26, 28). Ниже по течению реки рядом с Ивановой горой, где располагались Ильинская и Борисоглебская слободы (Город Суздаль..., 1905. С. 29–32), А.Д. Варгановым выявлены слои XII–XIII и XVII–XVIII вв. (Варганов, 1946. С. 132; Седова, 1997. С. 62, 137).

Далее, ниже по течению реки на правом берегу, напротив западного вала кремля, где сейчас находится застройка по ул. Пушкирская, расположенная

на месте Пушкарских дворов XV–XVII вв. (Город Суздаль..., 1905. С. 26, 27), И.Е. Зайцевой были обнаружены подпольные части построек, датируемых XII–XIV вв. (2008. Л. 19).

В целом результаты, полученные в ходе предшествовавших исследований, продемонстрировали достаточно интенсивное освоение прибрежной территории в период XI–XX вв., выразившееся, помимо прочего, в наличии регулярной застройки на берегах реки.

В соответствии со сложившейся в историографии ситуацией задачи нашего исследования можно сформулировать следующим образом: уточнение топографии обследованных ранее исторических памятников; сбор и введение в научный оборот сведений, касающихся ранее не исследованных участков города, расположенных в зоне проведения очистных работ.

Для решения поставленных задач был проведен осмотр берегов с целью обнаружения антропогенных отложений, нарушенных в ходе очистных работ, а также осмотр грунта, собираемого со дна реки и сбрасываемого на специально отведенные участки (карты), которые располагались в непосредственной близости от русла реки. Для локализации собранного материала русло реки было разделено на участки площадью от 200 до 19551 м² в зависимости от концентрации антропогенного материала. Участки получили точные GPS-координаты и порядковые но-

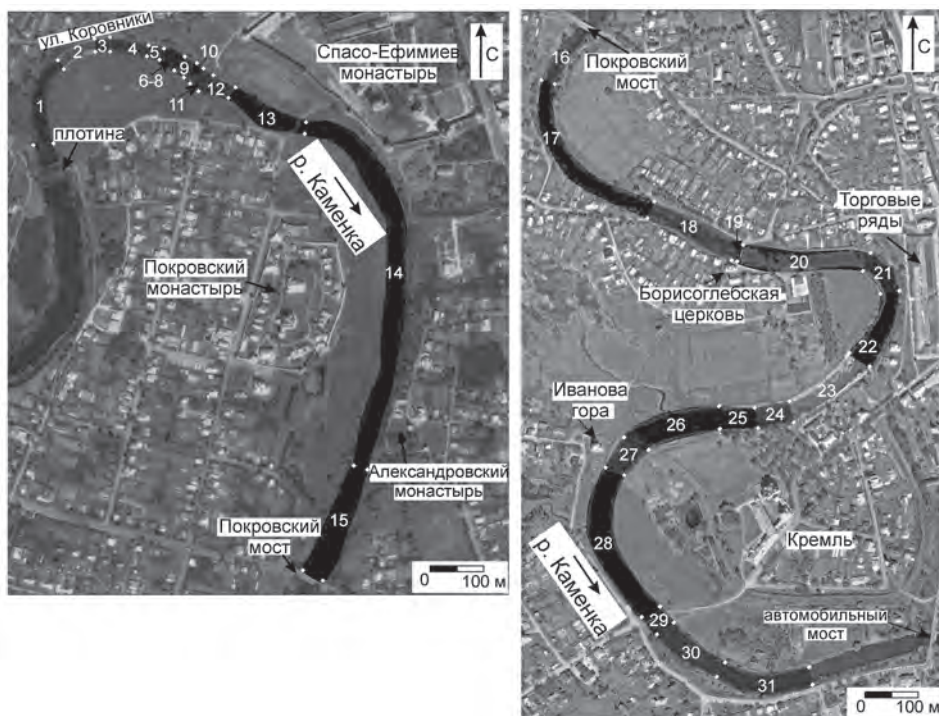

Рис. 1. План расположения участков на р. Каменка.

мера от 1 до 31 (рис. 1). Грунт осматривался отдельно с каждого участка. Частота осмотра зависела от интенсивности очистных работ (в среднем 1 раз в два дня). При осмотре грунта и берегов собирались индивидуальные находки и массовый материал.

Рельеф местности, где проводились работы, – пойма реки, разделенная несколькими террасами. Первая терраса (на левом берегу реки) занимала территорию от плотины до Покровского моста. На ней были расположены жилая застройка на улицах Коровники и Слободская, Спасо-Ефимьев и Александровский монастыри (участки 1–15). Вторая терраса (на правом берегу) исследована от указанного моста до моста около Богоявленской церкви (участки 15–19). На ней располагались жилые застройки на улицах Бабуриха и Шмидта. Третья терраса (левый берег) обследована в центральной части города (участки 21–31). Здесь находились Торговые ряды и кремль. Четвертая терраса (также в центральной части города) располагалась напротив третьей (участки 30, 31), но на меньшей площади: от моста, расположенного возле Музея деревянного зодчества, до автомобильного моста на ул. Ленина. На ее площадке были расположены Дмитровский монастырь (ныне Музей деревянного зодчества) и жилая застройка на ул. Пушкарская. В пойменной части реки на правом берегу располагались Покровский монастырь, жилая застройка по улицам Набережная и Пушкарская (рис. 1).

Исследование культурных напластований, расположенных на берегах и дне реки, позволило получить следующие результаты.

Обследование берегов, подрезанных во время проведения работ, продемонстрировало наличие аллювиальных отложений (мощностью 0,3–0,7 м), содержащих в отдельных местах небольшое количество керамики (меньше 1% от общего числа собранных фрагментов). Это участок около Богоявленской церкви (участок 19), где было собрано восемь фрагментов посуды Нового времени, и участок около Суздальского кремля (участок 25), где было найдено четыре фрагмента посуды того же времени. Кроме того, на участке около Александровского монастыря обнаружены белокаменный блок, около Спасо-Ефимьева монастыря – фрагмент белокаменной надгробной плиты (участок 14).

Несколько больше материала собрано с дневной поверхности правого берега, представлявшего собой нижнюю часть террасы, на которой находилось здание Торговых рядов (участок 21). При обследовании этого участка собрано 12 индивидуальных находок (11% от общего числа) и 14 фрагментов керамики (меньше 1% от общего числа) XV–XVIII вв.

Кроме участка 21 большое количество материала было собрано при обследовании водоотводной траншеи, возведенной около карты 2. Этот участок был расположен в пойменной части реки на расстоянии около 50 м от правого берега. В ходе обследования участка собрано 28 предметов (26% от общего числа находок) и 126 фрагментов керамики (3% от общего числа), относящихся к XII–XIX вв.

Одной из интереснейших находок стал овальной щитковый перстень бронзового сплава (диаметр перстня 1,7 см), содержавший надпись: П(Е)Ч(АТЬ) ИВ. Буквы П и Ч образуют поле, в котором вырезано имя владельца. Надпись представляла собой две буквы, вырезанные зеркально. Начертания букв близки к полууставу (Черепнин, 1956. С. 244), что позволяет датировать перстень XIV–XV вв. (рис. 2).

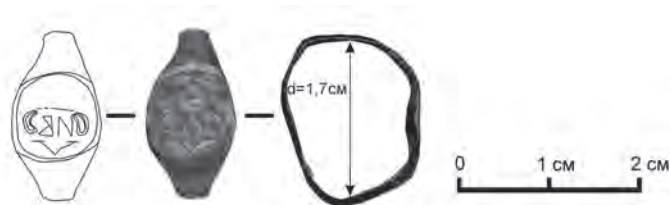

Рис. 2. Бронзовый перстень (из карты 2)

Всего было выявлено 3406 фрагментов керамики и 107 индивидуальных находок.

Различное количество и состав материала, собранного при обследовании берегов, объясняются разным формированием культурных напластований. На участках 14, 19 и 25 единичные вещи попадали на берег реки и затем в аллювиальные отложения. На участке 21 исследуемые напластования были образованы, вероятнее всего, в ходе разбора построек, находившихся на месте здания Торговых рядов. Об этом свидетельствуют прежде всего хронологические рамки материала – XV–XVIII вв. Согласно нескольким планам XVII–XVIII вв. данная территория, входившая в черту Окольного города, была застроена. В случае с участком на месте сооружения карты 2 можно говорить о том, что культурные напластования были образованы делювиальными отложениями, на что указывает рыхлая структура грунта. Появление на исследуемом участке большого количества материала XII–XVII вв. можно объяснить сходом весенних вод по ул. Нетека и далее вниз к реке. О прохождении потоков по интересующей нас территории свидетельствует также отсутствие на планах застройки в данном месте, что обусловлено ее регулярным затоплением (Карваева, 1964. С. 161, 165).

Гораздо большее количества материала собрано при осмотре грунта, откачанного со дна реки: 68 предметов (64% от общего числа) и 3234 фрагмента керамики (95% от общего числа), датируемых периодом XII–XIX вв. Распределение материала по участкам неоднородно. Можно выделить группы участков по плотности расположения индивидуальных находок и массового материала:

- 1) один предмет на более 100 м² (участки 14, 15, 20, 22, 25, 28);
- 2) один предмет на 50–100 м² (участки 2, 13, 17, 23);
- 3) один предмет на 10–50 м² (участки 1, 3–5, 9–12, 16, 18, 24, 27, 30, 31);
- 4) один предмет на менее 10 м² (участки 6–8, 19, 21, 26, 29)¹ и небольшая площадь на участке 13, по обеим сторонам от современного моста.

Распределение плотности материала показано на плане, из которого видно, что высокая степень концентрации материала не связана с функционированием исторического памятника или жилой застройки (рис. 1), а вызвана другими причинами. Для того чтобы их выяснить, обратимся к локализации участков, составляющих четвертую группу. К ним относятся:

¹ Участки 6, 7, 8 имели плотность 1 один предмет соответственно на площадь 5, 12 и 7 м² и были объединены (вследствие небольшого размера) для локализации зоны концентрации материала.

Рис. 3. Мост возле Богоявленской церкви

(по: Наследие С.М. Прокудина-Горского..., № 784)

– участки 6–8, расположенные между ул. Коровники и Спасо-Ефимиевым монастырем (материал XVI – начала XX в.);

– участок 13, под Спасо-Ефимиевым монастырем, по обе стороны от современного моста (материал XVI – начала XX в.);

– участок 19, расположенный к северо-западу от современного пешеходного моста у Богоявленской церкви (материал XIII – начала XX в.);

– участок 21, расположенный под Торговыми рядами (материал XII – начала XX в.);

– участок 26, расположенный рядом с северо-западным валом кремля. При этом 90% находок было выявлено на юго-западной части участка, расположенной рядом с Ивановой горой (материал XII – начала XX в.);

Рис. 4. Мост возле Ивановой горы

(по: Наследие С.М. Прокудина-Горского..., № 787)

Рис. 5. Мост у Суздальского кремля (дорога на Владимир)
(по: Старые фотографии...,_301012)

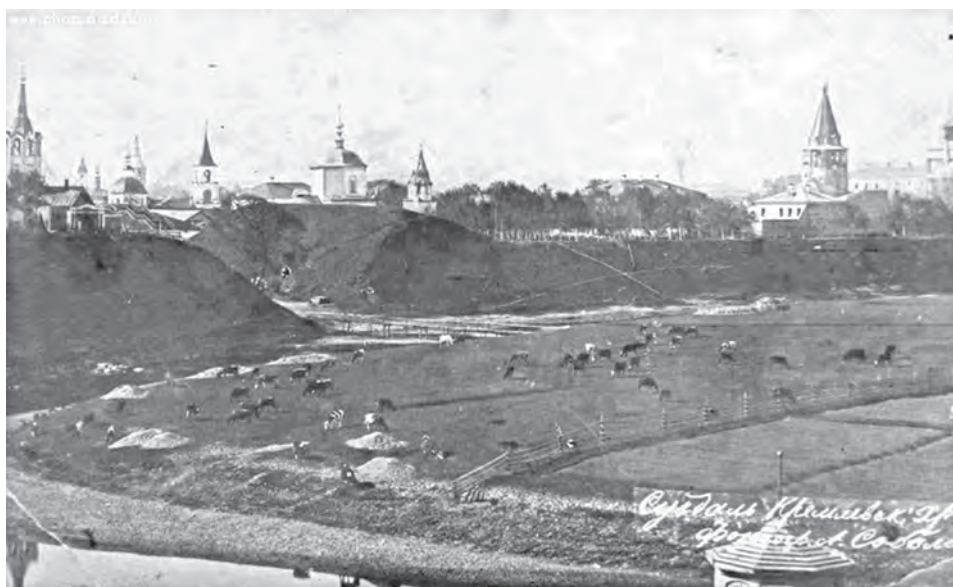

Рис. 6. Мост у Успенской церкви
(по: Старые фотографии...,_301013)

– участок 29, расположенный к северо-западу и юго-востоку от современного пешеходного моста к Музею деревянного зодчества (материал XII – начала XX в.).

На наш взгляд, высокая концентрация материала связана с функционированием мостовых сооружений, связывавших берега реки, бывших частью той или иной дороги и представлявших собой легкие мосты на сваях (лавы), которые разбирались на зиму (*Рабинович*, 1976. С. 30). Наличие этих мостов на участках 19, 21, 26, 29 подтверждается реконструкцией планов Суздаля XVI–XVIII вв. (Мазур, 2006. Ил. 7, 12). Мосты на участках 19, 26 также зафиксированы на фотографиях, сделанных С.М. Прокудиным-Горским в начале XX в. (рис. 3, 4). Мост около Музея деревянного зодчества, бывший частью дороги на Владимир, существовавшей с XII в. (*Седова*, 1985. С. 107), отражен на фотографии А.А. Соболева начала XX в. (рис. 5). Сопоставление расположений мостов (известных по планам и фотографиям) и зон концентрации материала позволяет связать их друг с другом. При этом нижние хронологические границы материала, собранного на месте мостов, в целом синхронны этапам развития города и складывания его центров. Не ранее XII в. можно датировать переправы рядом с кремлем и околным городом (Торговыми рядами), не ранее XIII в. – мост рядом с Богоявленской церковью (кожевенные слободы), не ранее XVI в. – мосты около Спасо-Ефимиева монастыря.

При интерпретации зон концентрации материала как следов коммуникаций, проходивших через реку, возникает вопрос о причинах низкой плотности материала на двух участках, где, по другим источникам, располагались переправы через реку. Первый из них – Покровский мост (участки 15 и 16), расположенный на месте Вознесенского брода, части дороги на Москву. Здесь плотность материала была однородной и составила один предмет на более 100 или 10–50 м². Объяснить низкую концентрацию материала (по сравнению с другими мостами) можно тем, что при возведении современного автомобильного моста слой был частично уничтожен. Второй участок – мост около Успенской церкви (участок 23), известный по фотографии А.А. Соболева начала XX в. (рис. 6), где зафиксирован один предмет на 50–100 м² (рис. 1). В данном случае низкую концентрацию материала можно связать с ограничениями в дноуглубительных работах, область которых по техническим причинам была сокращена на 5 м от берега к центру реки, что не позволило собрать достаточное количество материала для адекватной оценки участка.

Таким образом, проведенные работы позволили выявить зоны концентрации материала как на берегах, так и в русле реки и выявить причины их появления. Если в первом случае речь идет о разных факторах (разбор построек или размывание вышележащих культурных напластований), то во втором случае причина – существование мостов, бывших частью дорог Суздаля и связывавших берега реки. Именно с ними можно соотнести накопление большого количества материала в русле Каменки. Мосты, следы от которых были обнаружены, позволяют лучше представить систему коммуникаций города, охватывающей его главные исторические памятники.

Литература

- АКР, 1995. Археологическая карта России. Владимирская область / Под ред. А.Ю. Краснова. М.: ИА РАН. 379 с.
- АСЭИ, 1958. Акты по социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. 2: Акты монастырей Кириллова, Ферапонтова, Московского Симонова, Суздальского Спасо-Евфимиева / Отв. ред. Л.В. Черепнин; сост. И.А. Голубцов. М.: АН СССР. 272 с.
- АСЭИ, 1964. Акты по социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. 3: Акты мелких владельцев / Отв. ред. Л.В. Черепнин; сост. И.А. Голубцов. М.: АН СССР. 688 с.
- Город Суздаль..., 1905. Город Суздаль в 7136–7138 (1628–1630) гг.: Список из писцовой книги гор. Суздаля. Владимир на Клязьме: Владимир. ученая архивная комиссия. 87 с.
- Варганов А.Д.*, 1946. Из ранней истории Суздаля (IX–XIII вв.) // КСИИМК. Вып. 12. С. 127–134.
- Зайцева И.Е.*, 2008. Отчет о результатах охранных археологических работ в г. Суздале Владимирской обл. по адресу ул. Пушкарская, 11 в 2008 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Караваева Е.М.*, 1964. Градостроительное развитие Суздаля // Исследования по истории архитектуры и градостроительства. Вып. 1 / Ред. А.В. Бунин, Н.И. Брунов. М.: Высшая школа. С. 149–181.
- Кабеев Д.А.*, 2008. Охранные работы (раскопки) в Суздале в 2008 г. (ул. Слободская, д. 47–49) // Архив ИА РАН, Р-1.
- Кучкин В.А.*, 2003. Суздальское Ополе в XIV–XVI вв. и владения Спасо-Евфимиева монастыря // Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь в истории и культуре России (к 650-летию основания монастыря): мат-лы науч.-практ. конф. (15–16 октября 2002) / Сост. А.А. Тенеткина. Владимир; Суздаль. С. 26–30.
- Мазур Л.Д.*, 2006. Русский город XI–XVIII вв. Владимирская земля. М. 111 с. Наследие С.М. Прокудина-Горского... Открытый исследовательский проект «Наследие С.М. Прокудина-Горского / URL: <http://prokudin-gorskiy.ru/tree.php?mode=1&ID=45&Count=20&page=1>. № 784, 787. (Доступ свободный).
- Рабинович М.Г.*, 1976. Деревянные сооружения городского хозяйства в Древней Руси // Средневековая Русь / Отв. ред. Д.С. Лихачев. М.: Наука. С. 30–38.
- Сазонов С.В.*, 2009. Отчет об археологических исследованиях на участках строительства по адресу: г. Суздаль, ул. Пушкарская в 2009 г. // Архив ИА РАН, Р-1.
- Седова М.В.*, 1985. Суздаль в X–XIII вв. (топография, застройка) // Тр. V Междунар. конгресса славянской археологии (Киев, 18–25 сентября 1985 г.). Т. 3. Вып. 26. Киев: Наукова думка. С. 100–109.
- Седова М.В.*, 1997. Суздаль в XII–XV вв. М.: Информ.-изд. агентство «Русский мир». 236 с.

Старые фотографии... Старые фотографии Суздаля начала XX в. / URL: http://www.photosuzdal.ru/photos/suzdal_301012,301013.htm. (Доступ свободный).

Токмаков И.Ф., 1889. Историческое и археологическое описание Покровского девичьего монастыря в городе Суздале (Владимирской губернии) в связи с житием преподобной чудотворицы Софии (в мире великой княгини Соломонии) и царицы инокини Елены (в мире Евдокии Феодоровны Лопухиной). М.: Русская типо-литография. 58, 87 с.

Федоров А., 1846. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суздале. М. 212 с.

Черепнин Л.В., 1956. Русская палеография. М.: Госполитиздат. 616 с.

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ

В.А. Лапшин

ДВЕ ГРУППЫ ПОСТРОЕК СЕЛИЩА ГНЕЗДИЛОВО 2 ПОД СУЗДАЛЕМ

Селище Гнездилово 2 находится в 5 км к югу от Суздаля, у истоков р. Мжара (рис. 1). В 1980–1987 гг. на нем была раскопана площадь 990 м². Исследованная часть датируется X–XI вв. Как и на большинстве селищ Суздальского Ополя, культурный слой распахан практически до материка. Основную информацию несут материковые ямы (Лапшин, 1989). Среди них выделяется группа удлиненных ям с корытообразным дном (рис. 2, 3). Их размеры: длина – 4–5 м, ширина – 0,7–1,2, глубина – 0,1–0,8. Заполнение темно-серое, с включениями угля, золы и пережженных камней. Однозначная интерпретация этих сооружений затруднительна.

Обращает на себя внимание ориентация удлиненных ям – под прямым углом друг к другу – с северо-востока на юго-запад или с северо-запада на юго-восток. Рассмотрим возможные объяснения функционального назначения этих ям исходя из общей планировочной структуры.

Ближайшие аналогии можно отметить на селище Тимерево под Ярославлем (Дубов, 1982). Тимеревское поселение близко Гнездиловскому по датировке, сохранности и характеру культурного слоя, находкам. Здесь канавообразные ямы также расположены под прямым углом друг к другу, образуя Г- и П-образные фигуры и свидетельствуя о существовании некоей планировочной структуры поселения, т.е. их расположение не случайно. Возможны три варианта интерпретации: ямы – углубленная часть построек; следы основания стен наземной постройки со столбовой конструкцией; канавка, окружающая наземную постройку.

Реконструкциям построек Тимеревского поселения посвящены статьи С.В. Томсинского (1982а, б). Автор пишет, что на поселении почти одновременно существовало около десятка типов различных построек, от которых сохранились углубленные в материк ямы. Постройки эти образуют «гнезда» – усадьбы (Томсинский, 1982а. С. 119). Одна из ям Г-образной формы реконструирована исследователем как прямоугольная в плане постройка с очагом из камня и с примыкающим к ней под прямым углом входом-коридором (Томсинский, 1982а. С. 119–121. Рис. 1), одиночная канавообразная яма – как прямоугольная постройка с входом-тамбуром (Томсинский, 1982б. С. 191). Постройки, от которых сохранились

подпрямоугольные ямы, С.В. Томсинский реконструирует как срубные. Столь архаичные временные постройки доживают до этнографической современности. Их можно представить где-нибудь в лесу как временное пристанище. Но на большом поселении со сложившейся планировкой это выглядит недостаточно убедительно. Отметим важные наблюдения С.В. Томсинского: во-первых, наличие неких поселенческих структур – «гнезд»; во-вторых, наличие по крайней мере двух домостроительных традиций; в-третьих, часть камней интерпретируется не как остатки очагов, а как следы подкладок под срубы.

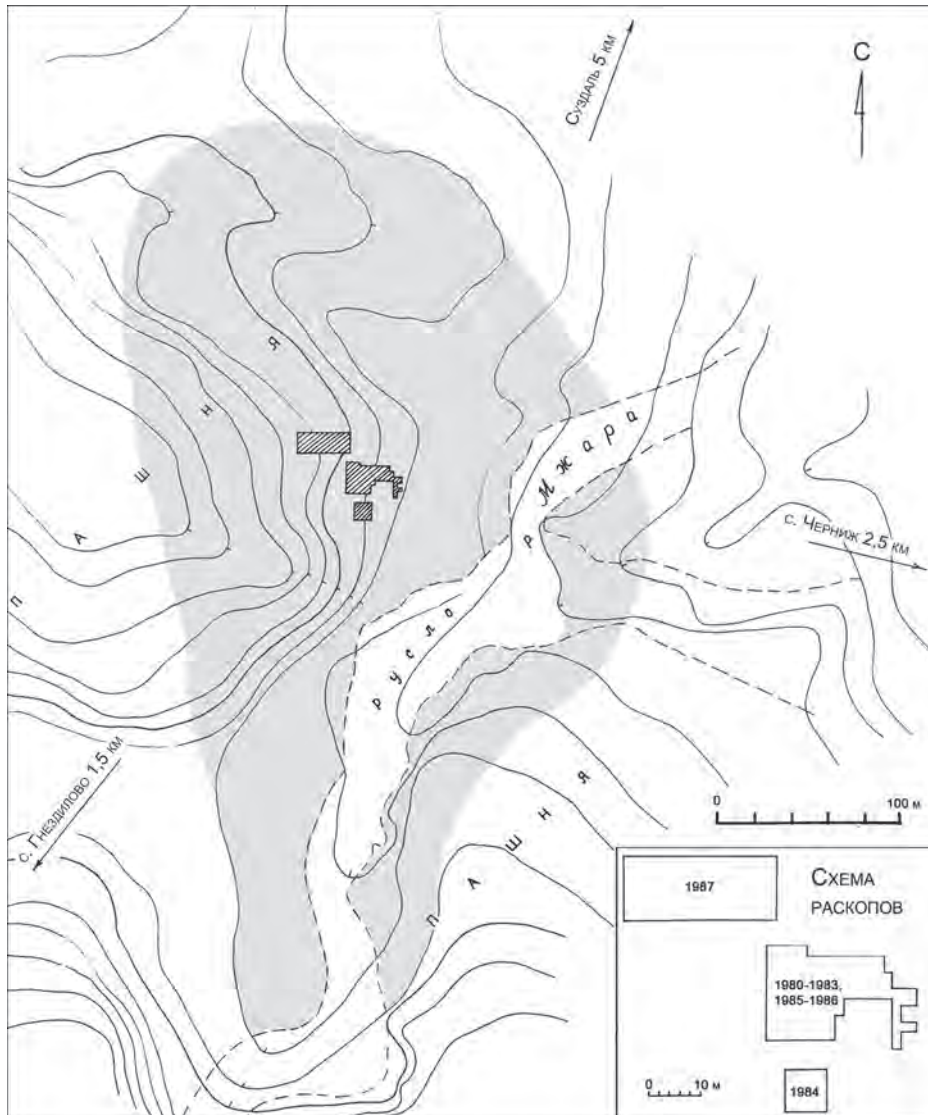

Рис. 1. План селища Гнездилово 2

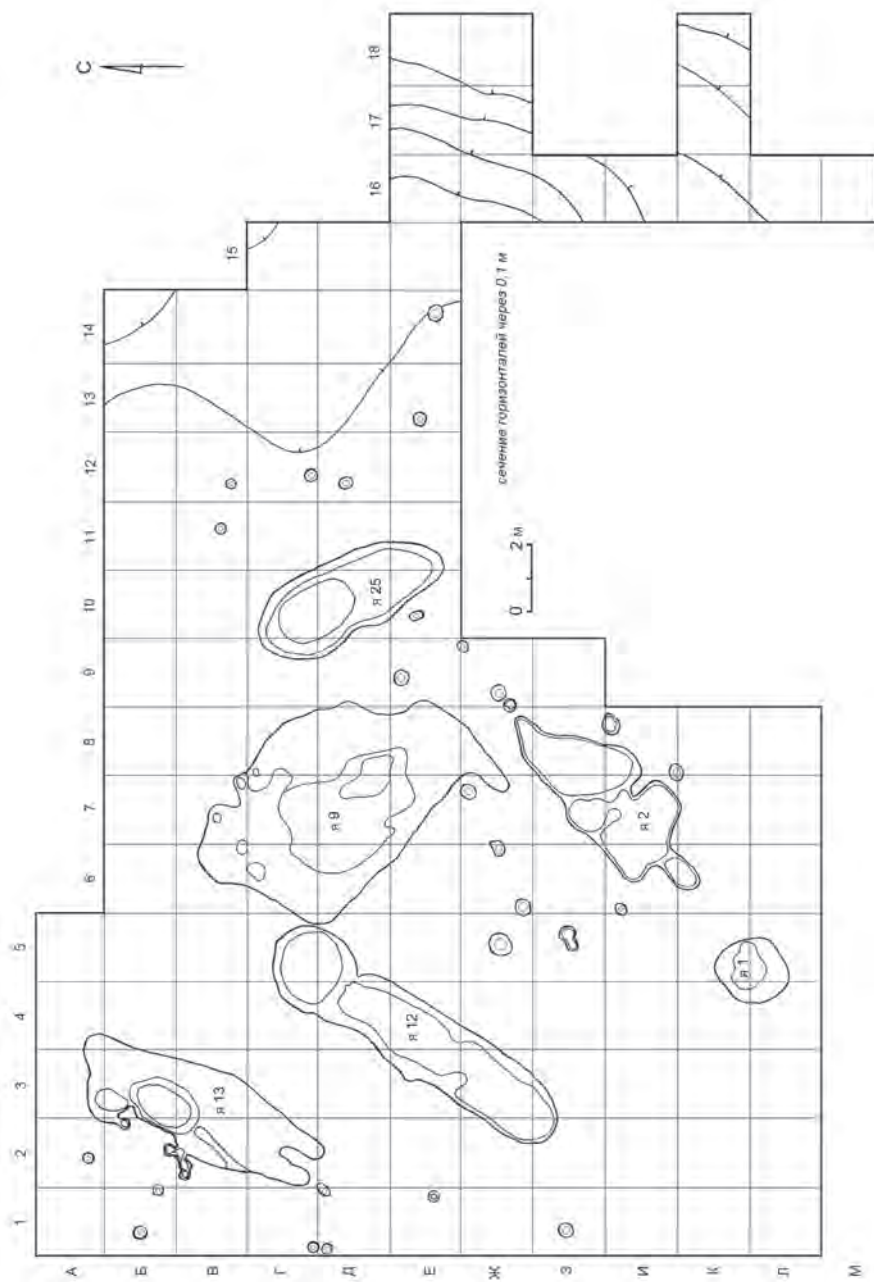

Рис. 2. Селище Гнездилово 2. Раскоп 1980–1982, 1985–1986 гг. План углубленных в материк ям

Близкие по форме и характеру заполнения ямы (№ 14, 16–18, 27, 28, 48) обнаружены на Рюриковом городище под Новгородом (Носов, 1990. С. 99, 100, 102, 106). Реконструкция их не предложена. Судя по находкам, можно предположить, что эти ямы – один из наиболее ранних комплексов городища, т.е. относятся к IX в. Как и в Тимереве, они параллельны или перпендикулярны друг другу, образуя Г-образные фигуры.

В.Я. Конецкий, характеризуя материалы Малышевского городища на Мсте, предположил, что канавообразные ямы представляют собой следы стен постройки со столбовой конструкцией. В данном случае такая интерпретация правдоподобна, так как заполнение ям состоит из гумусированного песка, мало чем отличающегося от окружающего материка (*Конецкий и др.*, 2005. С. 42–44. Рис. 1; 2007. С. 50). Автор соотнес эти комплексы с материалами Рюрикова городища и Тимерева и предположил возможное скандинавское происхождение построек со столбовой конструкцией. Однако в Скандинавии ничего подобного не наблюдается. Здесь от неолита до раннего средневековья прослеживается устойчивая традиция строительства длинных домов столбовой конструкции (*Tesch*, 1993). Ямы Рюрикова городища, поселений Гнездилово и Тимерево резко отличаются от соответствующих сооружений Малышевского городища по характеру заполнения. По-видимому, они длительное время находились открытыми: в них выявлено большое количество угля, керамики и других находок.

Более определенно можно говорить о функциональном назначении канавообразных ям в нижних слоях Земляного городища в Старой Ладоге (*Рябинин*, 1985. С. 53. Рис. 19; 1994. С. 8. Рис. 3). Благодаря тому, что во влажном слое сохраняется дерево, очевидно соотношение ям и построек. Это осушительное сооружение, охватывающее сруб со всех четырех сторон. Иногда оставлялся останец напротив входа. Ямы Старой Ладоги образуют в плане правильные квадраты или прямоугольники. Ширина в среднем – 0,6–0,8 м, глубина – около 0,3. Их заполнение – бурый гумус со щепой и навозом. Датировка – вторая половина VIII и IX в.

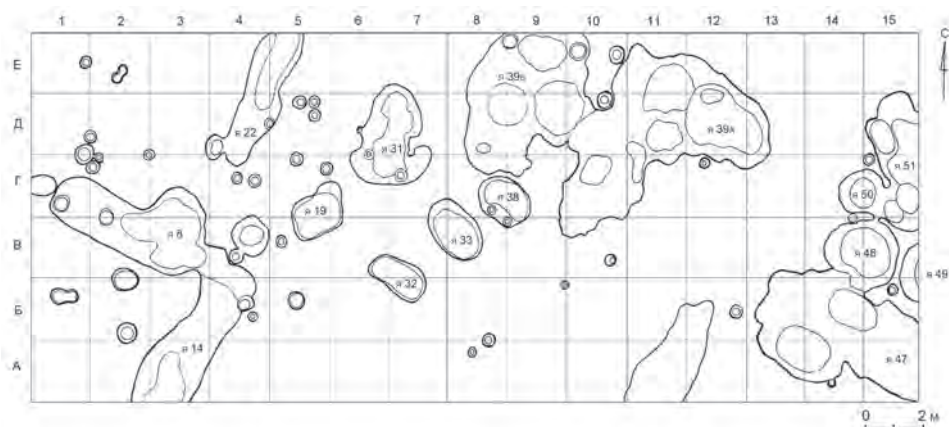

Рис. 3. Селище Гнездилово 2. Раскоп 1987 г. План углубленных в материк ям

Можно предположить, что ямы Рюрикова городища, Тимерева и Гнездилово служили для тех же целей и окаймляли наземные постройки. Отсутствие рядов столбовых ям свидетельствует в пользу того, что постройки были срубные.

Вторую группу сооружений Гнездиловского поселения составляют более крупные и глубокие ямы с неровным дном, по-видимому, подпечные или припечные ямы наземных построек. На дне ям 39а и 47 в раскопе 1987 г. (рис. 3) расчищены развалы упавших сверху глинобитных печей. Ближайшие аналогии можно найти в материалах раскопок Суздаля, в особенности наиболее ранних комплексов, относящихся к XI в. (Седова, 1997. Рис. 31).

Таким образом, при всей фрагментарности сохранившегося материала можно говорить о наличии двух домостроительных традиций. В первом случае, по-видимому, имела место срубная конструкция с земляным полом, требовавшая наличия дренажных канав. Такие канавообразные ямы помимо Гнездилово известны в Старой Ладоге, на Рюриковом городище и в Тимереве, где они соответственно датируются второй половиной VIII, IX и X вв.

Во втором случае можно предполагать, что сруб был приподнят на ступлях или подклете, пол, возможно, был деревянным и дополнительное осушение не требовалось. Сохранившиеся от таких построек подпечные или припечные ямы известны в Суздале.

Для раскопа 1987 г. получена серия радиоуглеродных дат (таблица). Она дала значительный разброс, что неудивительно, поскольку мы имеем дело с фактически открытыми комплексами (в верхней части заполнения некоторых ям X в. найдены отдельные венчики XII–XIII вв.). Более надежные результаты дает суммарный анализ группы датировок: ямы 8 и 14/1987 г. (первой группы) датируются второй половиной X в., а ямы 47, 49 и 51/1987 г. (второй группы) – первой третью XI в. Археологический материал такой датировке не противоречит.

Селище Гнездилово 2.

Суммарный анализ датировок, комплексов (на базе построения гистограмм подпрограммы CALHIS калибровочной программы Groningen 20)

Анализируемый комплекс (1987 г.)	Общее количество учтенных датировок	Лабораторный номер образцов	Суммарный возраст по ¹⁴ C	Суммарный календарный интервал, 1σ, cal AD
Ямы 8, 14	3	ЛЕ-4443 ЛЕ-4444 ЛЕ-4446	1078±22	895–915 (0,19) 950–995 (0,81)
Ямы 47, 49, 51	3	ЛЕ-4433 ЛЕ-4435 ЛЕ-4442	992±26	1004–1035

Судя по этим датам, смена домостроительной традиции происходит на рубеже X–XI вв. Возможно эти изменения отражают события, не лишённые драматизма. В Суздале в это время целенаправленно разрушаются мысовые укрепления на территории кремля (так называемый Детинец): ров единовременно забутовывается

глиной. Его перекрывает комплекс постройки первой трети XI в., что позволяет датировать это событие (Лапшин, 1991. С. 132). Уничтожение укреплений можно сопоставить с подавлением в 1024 г. Ярославом Мудрым восстания под руководством волхов, когда князь, по словам летописца, «устави ту землю» (ПСРЛ, 1915.С. 112).

Первую строительную традицию можно предположительно связать с Северо-Западной Русью, возможно, с ее финским населением. Для того чтобы соотносить эту традицию со Скандинавией данных нет. Появление второй строительной традиции можно связать с приходом нового населения после 1024 г.

Литература

- Дубов И.В., 1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). Л.: Изд-во ЛГУ. 248 с.
- Конечкий В.Я., Иванов А.Ю., Курочкин А.Ю., Петунов А.С., Торопов П.А., 2005. Продолжение исследования Малышевского городища // Новгород и Новгородская земля: История и археология / Сост. П.Г. Гайдуков; ред. В.Л. Янин. Вып. 19. Новгород: Новгород. объедин. музей-заповедник. С. 41–48.
- Конечкий В.Я., Торопов П.А., Петунов А.С., Иванов А.Ю., 2007. Малышевское городище: продолжение исследований // Новгород и Новгородская земля: История и археология / Сост. П.Г. Гайдуков; ред. В.Л. Янин. Вып. 21. Новгород: Новгород. объедин. музей-заповедник. С. 45–52.
- Лапшин В.А., 1989. Археологический комплекс у с. Гнездилово под Суздаlem // КСИА. Вып. 195. С. 66–71.
- Лапшин В.А., 1991. Лепная керамика Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси / Отв. ред. М.В. Седова. М.: ИА РАН. С. 130–139.
- Носов Е.Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука. 214 с.
- ПСРЛ, 1915. Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Вып. I. Пг. 320 с.
- Рябинин Е.А., 1985. Новые открытия в Старой Ладогe (Итоги раскопок на Земляном городище в 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования / Отв. ред. В.В. Седов. Л.: Наука. С. 28–76.
- Рябинин Е.А. 1994. У истоков ремесленного производства в Ладогe // Новые источники по археологии Северо-Запада / Под ред. В.М. Массона, Е.Н. Носова. СПб.: ИИМК. С. 5–59.
- Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV вв. М.: Информ.-изд. агентство «Русский мир». 236 с.
- Томсинский С.В., 1982а. О двух типах построек Тимеревского селища // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего Средневековья / Отв. ред. А.Д. Столяр. Л.: Изд-во ЛГУ. С. 118–123.
- Томсинский С.В., 1982б. Постройки Тимеревского поселения // Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). Л.: Изд-во ЛГУ. С. 188–191.
- Tesch S., 1993. Houses, farmsteads, and longterm Change: A regional study of prehistoric settlements in the Köpinge area, in Scania, Southern Sweden. Uppsala: Uppsala Univ. 232 p.

А.Н. Федорина, А.М. Красникова

СРЕДНЕВЕКОВОЕ РАССЕЛЕНИЕ В ШЕКШОВСКОМ МИКРОРЕГИОНЕ¹

Новый этап в изучении одного из центральных регионов северо-востока Руси связан с работами Суздальской археологической экспедиции Институт археологии РАН, проводившимися в течение последнего десятилетия. Накопление достаточно большого массива материалов позволило вновь обратиться к вопросам начала древнерусской колонизации региона, ее хронологии, к динамике, особенностям, проблеме сложения системы средневекового расселения. Одним из направлений работы стала попытка рассмотреть эти вопросы на материалах памятников Шекшовского микрорегиона.

Источниковой базой исследования стали материалы 16 средневековых поселений, расположенных на участке Ополя к северо-западу от Суздаля по обоим берегам р. Ирмес (правый приток р. Нерль Клязьменская) при впадении в нее р. Урда, а также несколько выше по течению. Площадь участка составляет около 15,5 км² (рис. 1).

К левому берегу р. Ирмес приурочены пять археологических памятников: селища Шекшово 1, Давыдовское 1, Малое Давыдовское 2, Малое Давыдовское 3, Малое Давыдовское городище. Последнее представляет собой городище раннего железного века с сетчатой керамикой, которое в эпоху средневековья использовалось в качестве неукрепленного поселения. Анализ керамической и вещевой коллекции из раскопок А.Ф. Дубынина конца 1920–1930-х годов, проведенный В.А. Лапшиным, позволил датировать возобновление жизни на площадке городища X–XI вв. (Лапшин, 1991. С. 368). Это подтверждается материалами шурфа, заложенного в 2005 г. на месте грабительской ямы. Шурф размерами 2 × 2,7 м располагался на участке оплывшего вала городища с напольной стороны, в 10 м от перешейка-входа на городище. На глубину до 0,65 м от современной поверхности культурный слой был уничтожен в процессе грабительских работ, ниже сохранилась часть напластований ямы древнерусского времени с разрушенной печкой-каменкой, доследованных Суздальской экспедицией. Происходивший из ямы

¹ Работа выполнена в рамках проектов РГНФ №11-31-00304а, РФФИ № 14-06-00425а.

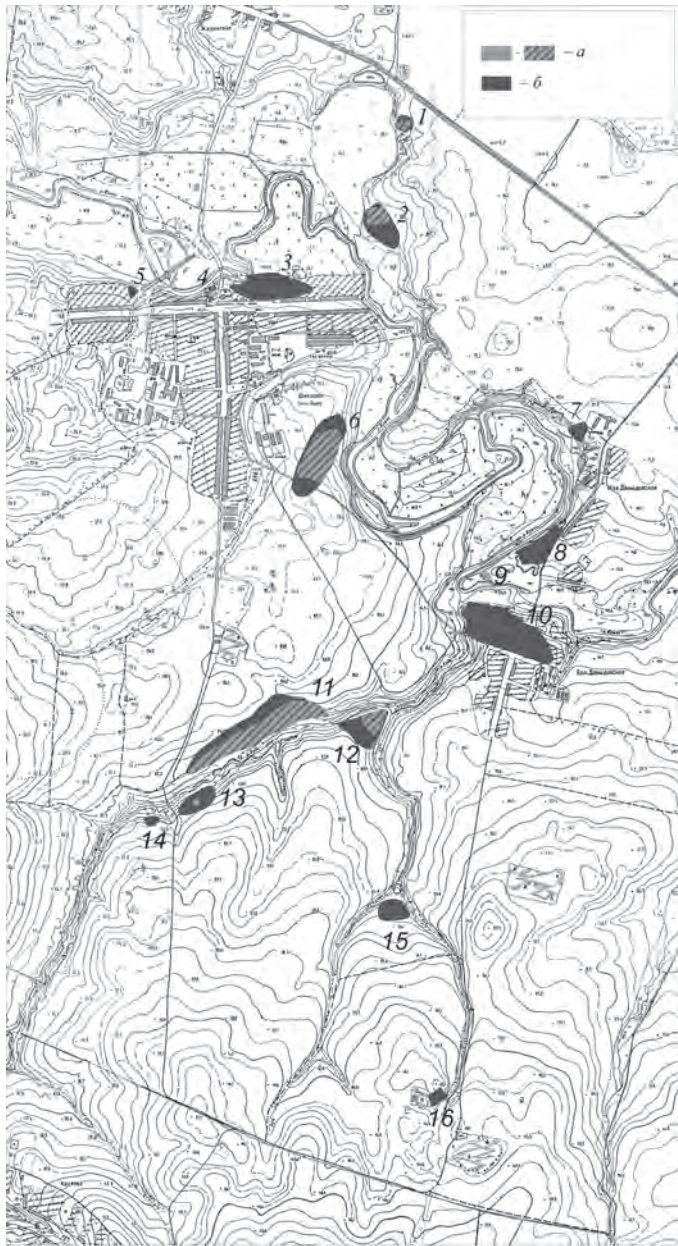

Рис 1. Поселения Шекшовского микрорегиона. Ситуационный план.

1 – М. Давыдовское городище; 2–16 – селища: 2 – Шекшово 1; 3 – Шекшово 4; 4 – Шекшово 5; 5 – Шекшово 6; 6 – Шекшово 3; 7 – М. Давыдовское 3; 8 – М. Давыдовское 2; 9 – Давыдовское 1; 10 – Б. Давыдовское 5; 11 – Шекшово 2; 12 – Б. Давыдовское 2; 13 – Б. Давыдовское 6; 14 – Б. Давыдовское 6а; 15 – Б. Давыдовское 3; 16 – Б. Давыдовское 4. Условные обозначения: а – X–XI вв.; б – XII–XIII вв.

материал представлен фрагментами грубой лепной посуды и обломком стеклян-ного браслета. Исследованный объект прорезал заполнение рва городища, представ-ленное темно-серой довольно однородной супесью с включением измельченных кальцинированных костей, углей и керамики (Макаров, 2005). В северной части шурфа зафиксирован переотложенный гомогенный слой, вероятно, засыпка старо-го раскопа А.Ф. Дубынина, однако подробнее проследить характер взаимного рас-положения исследованных площадей не представляется возможным.

Селища Шекшово 1 и Давыдовское 1 известны преимущественно по архивным материалам (Молодцова, 1974). По данным исследовательницы, памятники распо-лагались на песчаных останцах левого берега р. Ирмес. Керамические коллекции содержали как развитые формы круга, датируемые XII–XIII вв., так и лепную ке-рамику. Последняя преобладала в коллекции селища Давыдовское 1. В коллекции селища Шекшово 1 также присутствовали фрагменты посуды, декорированные ли-нейно-волнистым многорядным орнаментом, наиболее популярным на территории Ополя в XI – первой половине XII в. Кроме того, в коллекции селища Давыдовское 1 есть два пиррофиллитовых пряслица, фрагменты ножа и наконечника стрелы, осе-лок. В настоящий момент оба памятника уничтожены песчаными карьерами: на се-лище Шекшово 1 сохранилась узкая полоса с напольной стороны памятника, где собран керамический материал, датируемый преимущественно XII–XIV вв.; остат-ки селища Давыдовское 1 выявить не удалось. Лаконичность архивных данных и современное состояние памятников не позволяют в полной мере оценить размеры площадок, на которых распространялся материал рубежа тысячелетий.

Селища Малое Давыдовское 2 и 3 находятся под строениями одноименного со-временного села и совхозного скотного двора, поэтому их изучение было ограниче-но сбором подъемного материала на незадернованных участках. Керамика и пред-меты, датируемые ранее XII в., в этих коллекциях не отмечены (Макаров, 2004).

В северной части микрорегиона на правом берегу р. Ирмес расположе-ны выявленные в 2004–2005 гг. четыре памятника: Шекшово 3–6. Поселения Шекшово 4–6 расположены на территории современного крупного села, поэтому работы на них были ограничены сбором подъемного материала. Единичные фраг-менты лепной керамики найдены только на селище Шекшово 5. Селище Шекшово 3 расположено на дальних огородах жителей села, что позволило провести весной 2006 г. шурфовку одного из участков, где в ходе разведочных работ зафиксированы лепная керамика и находки X–XI вв. В результате на селище собрана достаточно представительная коллекция как керамического, так и вещевого материала этого времени (Макаров, 2004, 2005). Синхронность большей части материалов, собран-ных на Шекшово 4 и 5, располагающихся менее чем в 200 м друг от друга, позво-ляет считать их остатками одного средневекового поселения. Принадлежность к этому поселению памятников Шекшово 3 и 6 весьма дискуссионна. Несмотря на наличие на завершающем этапе жизни материалов, синхронных материалам селищ 4 и 5, топографически памятники ориентированы на разные участки русла реки и отстоят друг от друга на предельную дистанцию в 500 м (рис. 1).

Остальные семь памятников приурочены к бассейну р. Урда: селище Б. Давыдовское 5, размещенное на правом берегу на территории современного села, – к устью; селища Шекшово 2, Б. Давыдовское 2, 6 и 6а, расположенные

на обоих берегах реки, – к нижнему течению; селища Б. Давыдовское 3, 4 приурочены к отвескам оврага, примыкающего к реке с юга. Лишь два памятника этой группы охвачены раскопками (Шекшово 2, Б. Давыдовское 2), на селище Б. Давыдовское 6 проводилась шурфовка вдоль границы селища, на остальных памятниках – не менее двух циклов сбора подъемного материала. Материалы X–XI вв. происходят преимущественно с площадок поселений Шекшово 2 и Б. Давыдовское 2, отдельные фрагменты лепной керамики представлены в коллекции селища Б. Давыдовское 6.

Объективная реконструкция средневековой системы расселения затруднена в силу отсутствия четких критериев, определяющих совокупность археологических памятников, остатков реально существовавшего поселения. Так, нет единого методического подхода к оценке топографических и планиграфических особенностей размещения археологических памятников, что позволяет исследователям рассматривать отдельные синхронные пятна культурного слоя и как самостоятельные элементы структуры расселения, и в качестве частей крупных поселенческих комплексов вне зависимости от расстояния между ними.

При работе с материалами памятников Ополья авторский коллектив Суздальской археологической экспедиции ИА РАН исходит из того, что максимальное расстояние между соседними синхронными пятнами культурного слоя, составляющие один поселенческий комплекс, не превышает 500 м (*Макаров, Зайцева, Красникова, 2013. С. 61*). Придерживаясь предложенного принципа, можно выделить в исследуемом микрорегионе три «куста» селищ: Шекшово 2, Б. Давыдовское 2, 6 и 6а; Давыдовское 1, М. Давыдовское 2, 3; Шекшово 4, 5. Если состав первого «куста» определяется достаточно уверенно, то в оставшихся двух случаях из состава «кустов» в настоящий момент исключаются памятники, расположенные на малом удалении, но на противоположных берегах относительно широкой р. Ирмес (селища Б. Давыдовское 5 и Шекшово 1 соответственно). Без проведения дополнительных исследований этот вопрос не может иметь окончательного решения.

Преобладание информации, полученной в ходе разведочных работ, позволяет достоверно оценить лишь небольшой набор характеристик средневековых поселений. В первую очередь речь идет о размерах освоенных площадок, а также хронологии существования поселений и динамики его границ. С этой целью в ходе полевых работ осуществлялась точная топографическая привязка вещевых находок и участков сбора массового материала. На следующем этапе работ определены зоны его распространения в соответствии с выделенными типом-хронологическими группами материала: X–XI, XI – начало XII, XII–XIII вв.

Один из самых дискуссионных моментов выбранного исследовательского подхода – оценка размеров поселений раннего этапа колонизации микрорегиона по распространению лепного керамического материала в коллекциях из поверхностных сборов. В первую очередь сомнения связаны с существующими представлениями об остаточном бытовании на территории центра Суздальской земли лепной посуды в первой половине XII в., а также с представлениями о малой информативности материалов, происходящих из горизонтов, нарушенных распашкой. Допустимость предложенного подхода удалось обосновать, обратившись к материалам площадных раскопок на селище Б. Давыдовское 2.

На сегодняшний день Б. Давыдовское 2 – одно из немногих селищ Ополья, исследованное широкой площадью. Раскопками изучено 865 м², открыто более 150 объектов, связанных с антропогенной деятельностью, коллекция вещей и керамики составила свыше 1180 предметов и 25000 фрагментов соответственно. Вскрытый участок первоначально оценивался как периферия раннего поселения. Тем не менее на материке выявлено 15 объектов, достоверно датируемых концом X – началом XI в., еще 26 объектов могут быть отнесены к этому периоду с определенной долей условности. Ко времени первой половины XII в. можно отнести 13 объектов (еще 9 объектов – предположительно) (Федорина, Красникова, 2012). Если доля лепной посуды в репрезентативных комплексах первого периода составляет 75–100%, то в керамических комплексах второй группы она резко снижается до 20% и представлена преимущественно измельченным материалом. Анализ взаимного пространственного расположения объектов этих двух периодов, их частичное наложение позволяют предполагать, что большая часть лепной посуды в комплексах первой половины XII в. находится в переотложенном состоянии. Таким образом, представляется допустимым рассматривать лепную керамику как хроноиндикатор древностей X–XI вв.

Вторым важным методическим выводом, полученным на материалах раскопа на селище Б. Давыдовское 2, позже подтвержденным на материалах раскопа 2007–2011 гг. на селище Шекшово 2, стала фиксация «планиграфической сохранности» местоположения материалов, происходящих из пахотного горизонта. Об этом свидетельствует устойчивая корреляция материковых объектов X–XI вв. и лепной керамики из пахотного горизонта, а также развитых форм круговой керамики с объектами, датированными XII–XIII вв. (подробнее см. Федорина, Красникова, 2012). Незначительное перемещение находок в горизонтальной плоскости фиксируется и на других селищах Ополья (Захаров, 2014), на памятниках Русского Севера (Археология..., 2007; Захаров, 2014) и района Куликова Поля (Гоняный, Кац, Наумов, 2003). Дополнительный критерий достоверности выводов, полученных на керамическом материале, – значительное совпадение данных о планиграфии хронологических групп массовых материалов и мест выпадения в слой индивидуальных находок, имеющих статус хроноиндикаторов (Федорина, 2012. С. 83–86; Макаров, Федорина, 2013 С. 227–231; Захаров, 2014). Для понимания информационного потенциала полученных материалов важно, что выпадение в слой большинства находок в пределах и непосредственной близости от основных построек двора – устойчивое явление, отмеченное при раскопках средневековых памятников (см. Шекун, Веремейчик, 1999; Археология..., 2007. С. 96–117; Петров, 2012). Все это обеспечивает достоверность наблюдений при сопоставлении археологического материала с данными, полученными с помощью естественно-научных методов, например геофизических. Обращаясь к магнитограммам, имеющимся для селищ Шекшово 2 и Б. Давыдовское 2, можно констатировать отсутствие в пределах площадок обследованных поселений абсолютно «свободных» в геомагнитном отношении участков, что даже при учете геофизических «помех», оставленных объектами последующих периодов, косвенно свидетельствует о высокой степени хозяйственного освоения территорий (Федорина, 2012).

Дополнительные данные о размерах поселений в ранний период получены при анализе результатов радиоуглеродного датирования проб, отобранных при бурении геомагнитных аномалий. Всего на селищах Б. Давыдовское 2 и Шекшово 2 бурением обследовано 105 аномалий, 30 из которых удалось датировать (13 из 46 отобранных образцов и 17 из 59 соответственно). Помимо этого корпус радиоуглеродных дат пополнился 24 датировками образцов, отобранных из культурных напластований объектов, раскопанных на селище Б. Давыдовское 2 (Макаров и др., 2011. С. 45–50; Федорина, Красникова, 2012. С. 105). К начальным этапам освоения территории (X–XI вв.) относятся напластования из 11 аномалий (7 – Шекшово 2, 4 – Б. Давыдовское 2). При этом отметим, что датировки шести образцов (четыре – Шекшово 2, два – Б. Давыдовское 2) не выходят за пределы I тыс. Особенно важно подчеркнуть, что интервалы дат, относящихся к XI в., имеют очень близкие значения в пределах первой трети века (1020–1029 гг.). Эти данные хорошо соотносятся с результатами датирования образцов из объектов, открытых на селище Б. Давыдовское 2, где также для дат XI в. характерна верхняя граница 1020–1030 гг. По-видимому, полученная информация фиксирует известный рубеж в развитии памятников, который отражается, в том числе, в изменении характера планировочной структуры на исследованных раскопками участках обоих поселений. Возвращаясь к вопросу о размерах начальных освоенных площадок, отметим, что при картировании мест отбора радиоуглеродных образцов, датируемых рубежом тысячелетий, они располагаются на всех участках распространения лепной керамики.

В результате, используя предложенный методический подход, удалось локализовать девять пунктов, содержащих материалы X–XI вв. (Шекшово 1–4, Давыдовское 1, М. Давыдовское 3, М. Давыдовское городище, Б. Давыдовское 1 и 2). В первую очередь речь идет о лепной керамике, в разном количестве представленной в коллекциях всех девяти памятников, на четырех из них зафиксированы отдельные предметы – хроноиндикаторы этого периода (Шекшово 2, 3, Б. Давыдовское 2, Малодавыдовское городище). Отметим, что в четырех случаях к ранним материалам примыкают находки отдельных вещей (например, трехбусинных височных колец) и раннекруговой керамики, верхняя граница бытования которых не выходит за пределы середины XII в. (Шекшово 2, Б. Давыдовское 2, 3, Малодавыдовское городище). К сожалению, в пяти случаях имеющихся данных недостаточно для детализации полученной картины: в трех пунктах лепная керамика представлена единичными фрагментами, обнаруженными в переотложенном состоянии; еще в двух – информацию о размерах коллекций и границах территории распространения интересующих нас материалов невозможно получить из отчетной документации.

Тем не менее почти в половине случаев информации достаточно для оценки размеров наиболее ранних участков культурного слоя. В трех случаях перед нами крупные поселения, так площадь селища Шекшово 2 составляет 10 га, Шекшово 3 – 6,5 га, Б. Давыдовское 2 – 3 га. Отметим, что селища Шекшово 2 и Б. Давыдовское 2 возможно рассматривать как остатки одного средневекового поселения, расположенного на двух берегах небольшой речки Урда. К этому же комплексу примыкает селище Б. Давыдовское 6 – один из пунктов, где найдены единичные фрагменты лепной керамики, что как минимум свидетельствует

о включении этой площадки в зону хозяйственной активности населения рубежа тысячелетий. Лишь один памятник микрорегиона имел достоверно небольшую площадь – это М. Давыдовское городище, функционировавшее в изучаемую эпоху в качестве открытого поселения. Нельзя исключать, что этот памятник входил в единую систему с селищем Шекшово 1, расположенном на том же берегу р. Ирмес ниже по течению. Однако проверить эту гипотезу не представляется возможным. Архивное описание местоположения селища Давыдовское 1 (по Е.М. Молодцовой) позволяет предполагать небольшие размеры этого участка первоначальной русской колонизации региона. Таким образом, предложенное М.В. Седовой положение, что в основе сложившейся в Суздальском Ополе системы расселения уже на ранних этапах были крупные «села», находит подтверждение на материалах Шекшовских памятников (Седова, 1997. С. 230–234).

Оценивая масштабы первоначальной древнерусской колонизации в микрорегионе, нельзя не остановиться на характере использования населением столь обширных жилых пространств. Несмотря на ограниченность имеющегося в распоряжении авторов материала (отметим, что раскопочные площадки на всех селищах расположены в периферийных зонах), можно сделать вывод о довольно свободной, разреженной застройке территории. Так, например, в раскопе на селище Б. Давыдовское 2 расстояние между объектами конца X – начала XI в. и их скоплениями составляет от 4 до 12 м, ориентировка ям различна, хотя есть некоторая тенденция к широтной ориентации. В отдельных случаях прослеживается устойчивость в размещении объектов (ямы 115а–в; 2, 2а; 79, 81, 82), сменяющих друг друга на достаточно коротком хронологическом отрезке (см. цв. вклейку, рис. V). Незначительное увеличение плотности застройки, зафиксированное в восточной части раскопа, по-видимому, связано с приближением к центру поселения. Схожую картину можно наблюдать в раскопах 2007–2011 гг. на селище Шекшово 2. Здесь в раскопе 2007/2011 гг. выявлено три крупных объекта изучаемого периода, отстоящих друг от друга на несколько метров, а в раскопе 2008 г. площадью 24 м² ранние объекты, прилегающие к основной яме 7, не зафиксированы (рис. 2). Косвенным подтверждением этого тезиса могут служить и материалы из раскопов 2010–2011 гг. на селище Шекшово 2 (на северо-западной и юго-восточной периферии памятника), а также раскоп на селище Шекшово 3, где, несмотря на присутствие значительного количества археологического материала в пахотном слое, заглубленные в материк объекты не выявлены. Тем не менее достаточно равномерное присутствие материалов первой хронологической группы в подъемном материале, отсутствие «пустых» в геомагнитном отношении участков не позволяют интерпретировать изученные памятники как серию отдельных некрупных пятен культурного слоя, временных, «блуждающих» поселений. Напротив, представляется, что это крупные стационарные поселения, основа местной системы расселения. Отметим, что характер исследованных объектов близок к тем, что зафиксирован на других затронутых раскопками памятниках Суздальского Ополя (Васильково 1, Вель 1, Вель 5, Кибол 5, М. Давыдовское городище). В первую очередь речь идет о неглубоких (до 1 м) ямах округлой в плане формы с пологими стенками, которые обычно интерпретируются как хозяйственные. В их заполнении значительна примесь каменной крошки, золы, угля, керамики и костей животных. Характерно, что

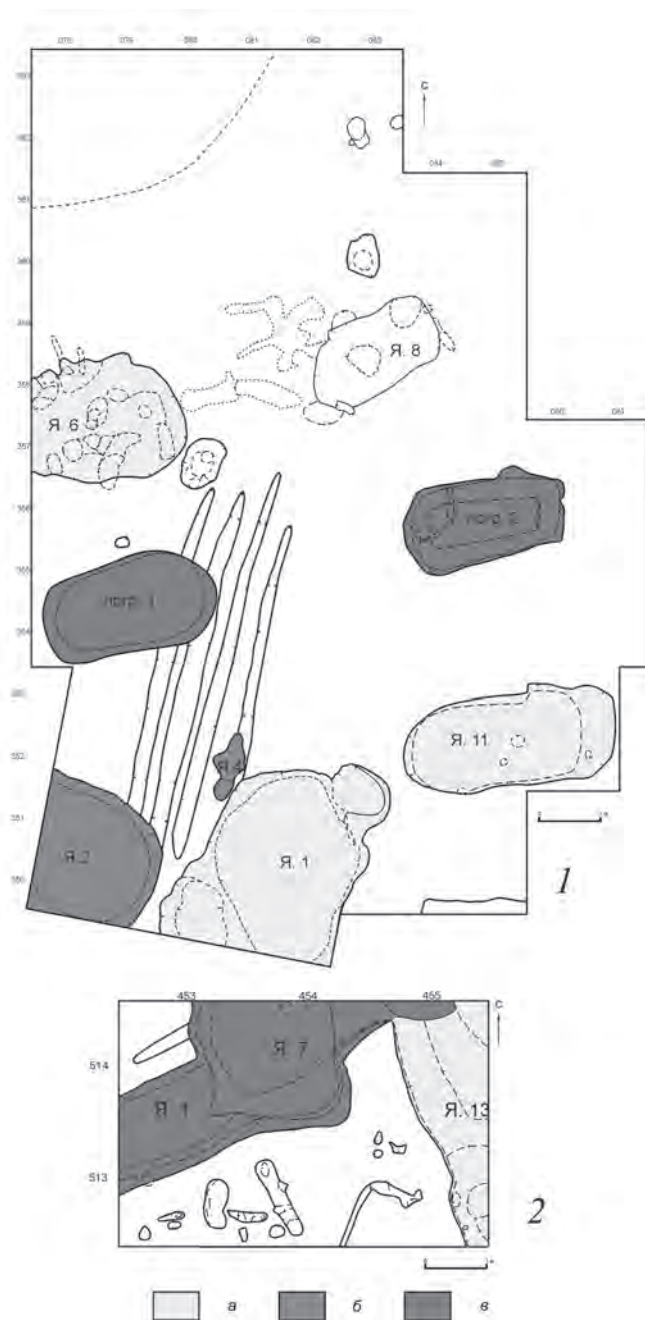

Рис. 2. Селище Шекшово 2. Сводный план раскопа 2007/2011 гг. (1) и план раскопа 2008 г. (2). Пространственное соотношение объектов разных хронологических периодов. Условные обозначения: а – XI в.; б – XI–XII вв.; в – вторая половина XII – XIII в.

схожее заполнение имели керны аномалий, давших ранние радиоуглеродные даты на селищах Шекшово 2 и Б. Давыдовское 2.

Не только схожесть раскопанных конструкций объединяет исследованные селища Ополья. По многим показателям близок и характер материальной культуры, и структура хозяйства, зафиксированная на них (см. цв. вклейку, рис. VI–VIII).

Говоря о хозяйственном укладе населения Шекшовского микрорегиона, хотелось бы подчеркнуть его комплексный промыслово-земледельческий характер, наличие следов ремесленной деятельности и товарно-денежных отношений. Среди занятий населения можно отметить цветную металлообработку и ювелирное дело, его признаки – присутствие в слое тиглей, льячек, выплесков металла и вещей со следами производственного брака – отмечены на селищах Шекшово 2, М. Давыдовское городище, Б. Давыдовское 2 (Лапшин, 1991; Зайцева, 2012). О косторезном деле среди занятий средневекового населения микрорегиона свидетельствуют многочисленные находки костей со следами обработки, отдельные изделия из рога и кости (Шекшово 2, М. Давыдовское городище, Б. Давыдовское 2, Шекшово 3). Черная металлургия для раннего этапа функционирования поселения фиксируется только по наличию значительного количества железных изделий. Занятия рыболовством и охотой, в том числе пушной, подтверждаются отдельными находками, а также составом остеологической коллекции. В ней присутствуют кости и чешуя рыб, среди костей диких животных чаще встречаются кости бобра, куницы и зайца (определение Е.В. Добровольской). При этом следует подчеркнуть, что оба рода деятельности не имели системообразующего значения для местного хозяйственного уклада. Так, инвентарь охотника и рыбака представлен единичными предметами, также невелика доля костей рыб и чешуи в остеологических коллекциях, в том числе собранных при помощи флотации грунта. Доля костей диких животных также невелика – менее 2%. Аналогичная ситуация зафиксирована на другом Опольском памятнике X–XI вв. – Гнездилово 2 (авторы выражают искреннюю признательность В.А. Лапшину за возможность обращения к неопубликованным данным). Вероятно, столь резкое снижение доли костей диких животных в коллекции по сравнению с памятником IX в. селищем Весь 5 (см. Макаров, 2008. С. 14) отражает не только особенности системы хозяйствования, но и хронологии. Отметим, что вместе с долей костей диких животных снижается доля стеклянных бус, содержащихся в коллекциях, что также свидетельствует об изменении сложившейся структуры товарообмена и торговли.

Вовлеченность в торговлю прослеживается по отдельным находкам весовых гирек, дирхемов, подражания немецкому денарию (определение П.Г. Гайдукова). Такие предметы, как скандинавские амулеты с молоточками Тора и с подвесками-стерженьками, имеющие яркую этническую окраску, одномоментное появление сложившихся раннекруговых керамических форм свидетельствуют об активном вовлечении местного населения в широкий круг не только древнерусских, но и общеевропейских связей. О широком круге последних можно судить по находкам поясной гарнитуры, фрагментов крестов с грубым распятием и крестов скандинавского типа.

В целом в коллекции преобладают вещи общерусских типов, среди находок – значительное количество финских шумящих украшений, происходящих как из слоя поселений, так и из могильника, что позволяет говорить о полиэтничности

населения Шекшовского археологического комплекса. Схожая картина наблюдается на материалах керамического комплекса, включающего в себя лепную посуду с высокими венчиками и хорошо заглаженными поверхностями, характерными для финно-угорской традиции; лепные горшки с коротким венчиком и профилированным плечом, имеющими широкий круг аналогий; а также раннекруговую посуду S-видного профиля.

Важно отметить, что уже на ранних этапах существования памятников Шекшовского археологического комплекса значительную роль в структуре занятий населения играло сельское хозяйство, в первую очередь земледелие. С известной осторожностью об этом можно говорить, опираясь на результаты карпологического анализа отмывок из заполнения ям X–XI вв., открытых на селище Б. Давыдовское 2. Отмечая недостаточную репрезентативность выборки (ограниченное число образцов, скудость карпологических остатков в отмывках), П.А. Сутягина, работавшая с материалом (авторы выражают исследовательнице благодарность за предоставленные результаты), констатирует присутствие в 93% проб остатков культурных растений, в первую очередь овса (44,7%), в меньшей степени ячменя, ржи, пшеницы двузернянки. Состав сорняков не дает дополнительной информации о характере и размерах сельскохозяйственной активности. Проследить земледельческую активность на собственно археологическом материале в настоящий момент не представляется возможным.

Комплекс находок, включающий в себя изделия из драгоценных металлов, в том числе золотую полую бусину, серебряный крестик скандинавского типа, отдельные фрагменты серебряных изделий, говорит о нерядовом статусе и высоком уровне благосостояния части жителей уже на ранних этапах существования памятника. Здесь же нельзя не упомянуть находку таких социально значимых предметов, как топорик со знаками династии Рюриковичей и серебряная подковообразная фибула, найденных на площадке одного из курганов в расположенном в непосредственной близости от поселения Шекшово 2 могильнике Шекшово 9 (*Макаров и др.*, 2013). На следующем этапе жизни поселений (середина XII–XIII в.) отмеченные выше черты проявляются в присутствии комплекса таких предметов, как фрагмент кольчуги, булава, наконечники бронебойных стрел, фрагмент псаля, связанных с профессиональным воинским снаряжением, в сочетании с фрагментами амфорной тары, поливной посуды, а также предметами личного благочестия со сложной семантикой.

Оценивая стабильность сложившейся системы, отметим, что, несмотря на фиксируемые при раскопках изменения внутренней планировочной структуры поселений на протяжении всего домонгольского периода, наблюдается преобладание жилой и хозяйственной активности в «старых» центрах расселения. Важен тот факт, что на всех памятниках, возникших на рубеже тысячелетий, зафиксированы керамические и вещевые материалы XII–XIII вв. Именно на их окраинах или непосредственно у их границ фиксируются новые пятна культурного слоя. Наиболее ярко эта ситуация иллюстрируется материалами поселения на р. Урда, где сначала к основному селищу Шекшово 2 добавляется памятник Б. Давыдовское 2, а позднее – селища Б. Давыдовское 6 и 6а, расположенные у юго-западной границы. Также этот куст памятников получает развитие в юго-восточном направ-

лении, где в верховьях оврага, к которому приурочено селище Б. Давыдовское 2, возникают селища Б. Давыдовское 3 и 4. Возможно схожим образом развивалось освоение участка у слияния рек Урда и Ирмес. Несмотря на то что точная локализация участка раннего слоя невозможна, можно полагать, что на левом берегу находилось зафиксированное Е.М. Молодцовой поселение Давыдовское 1, в коллекции которого содержалась преимущественно лепная керамика. Кроме того, в непосредственной близости от устья р. Урда расположены два крупных селища, возникших не позднее XII в., – М. Давыдовское 2 и Б. Давыдовское 5. Менее однозначно выглядит ситуация на севере микрорегиона, здесь одно из крупных селищ XII–XIV вв. Шекшово 4 и, по-видимому, тяготеющее к нему селище Шекшово 5 не обнаруживают непосредственной топографической связи ни с одним из более ранних поселений. В то же время находки единичных фрагментов лепной керамики на селище Шекшово 5 свидетельствует о раннем хозяйственном освоении площадки.

Во второй половине XIII – начале XIV в. происходит более радикальная смена системы расселения, ни один из «старых» центров Шекшовского микрорегиона не переживает этот рубеж – социально-экономическая активность переходит на памятники, возникающие не ранее середины XII в., во многом уступающие по размерам поселениям эпохи начала древнерусской колонизации региона. Именно на этих площадках впоследствии фиксируются так называемые исторические села Суздальской земли: Шекшово, Малое и Большое Давыдовские, известные по актовому материалу Спасо-Евфимьева монастыря и существующие до настоящего времени.

Литература

- Археология..., 2007. Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 1: Поселения и могильники / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Наука. 374 с.
- Гоняный М.И., Кац М.Я., Наумов А.Н., 2003. Древнерусские археологические памятники конца XII – третьей четверти XIV века в приустьевой части Непрядвы на Куликовом поле // Русь в XIII веке: Древности темного времени / Сост. В.Ю. Коваль, И.Н. Кузин; отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука. С. 228–252.
- Зайцева И.Е., 2012. Изделия из цветных металлов древнерусского селища Большое Давыдовское 2 в Суздальском Ополье // Археология Владимиро-Суздальской земли: мат-лы научного семинара. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 30–47.
- Захаров С.Д., 2014. Информационный потенциал культурного слоя, пострадавшего от распашки // КСИА. Вып. 233. С. 100–113.
- Лашин В.А., 1991. Этническая принадлежность верхнего слоя Мало-Давыдовского городища // Памятники истории и культуры верхнего Поволжья: мат-лы 2-й регион. научной конф. «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья» / Отв. ред. Ф.В. Васильев. Нижний Новгород: Нижегородский гос. ун-т. С. 367–371.
- Макаров Н.А., 2004. Отчет о работах Суздальской экспедиции ИА РАН в Суздальском и Юрьев-Польском районах Владимирской обл. и Гаврилово-Посадском р-не Ивановской обл. в 2004 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Макаров Н.А., 2005. Отчет о работах Суздальской экспедиции ИА РАН в Суздальском

- и Юрьев-Польском р-нах Владимирской обл. и Гаврилово-Посадском р-не Ивановской обл. в 2005 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Макаров Н.А.*, 2008. Археологическое изучение севернорусской деревни: пути, подходы, результаты // Сельская Русь в IX–XVI веках / Отв. ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов; сост. И.Н. Кузина. М.: Наука. С. 5–15.
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е., Красникова А.М.*, 2013. Парадный топорик с княжескими знаками из Суздальского Ополя // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: к 70-летию акад. А.П. Деревянко / Отв. ред. В.И. Молодин, М.В. Шуньков. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. С. 435–444.
- Макаров Н.А., Федорина А.Н., Зайцева Г.И., Гроотс П.М.*, 2011. Радиоуглеродные даты памятников раннего железного века – средневековья в Суздальском Ополе // РА. № 4. С. 46–62.
- Макаров Н.А., Федорина А.Н.*, 2013. Суздальская земля в IX–XI вв.: расселение, культура, балтийские связи // Археология Балтийского региона / Под ред. Н.А. Макарова, А.В. Мастыковой, А.Н. Хохлова. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 223–240.
- Молодцова Е.М.*, 1974. Отчет о работе Шуйского отряда верхневолжской экспедиции в 1973–1974 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5812–5815.
- Петров М.И.*, 2012. Изучение средневековой городской усадьбы с применением географических информационных систем (по материалам раскопа Посольский-2006) // КСИА. Вып. 226. С. 27–37.
- Седова М.В.*, 1997. Суздаль в X–XV веках. М.: Информ.-изд. агентство «Русский мир». 236 с.
- Федорина А.Н.*, 2012. Средневековые сельские поселения Суздальской земли по данным археологии и геофизики. Исследования 2008 г. // КСИА. Вып. 226. С. 77–87.
- Федорина А.Н., Красникова А.М.*, 2012. Средневековое поселение Большое Давыдовское 2 под Суздалем // РА. № 4. С. 91–102.
- Шекун О. В., Веремейчик О.М.*, 1999. Давньоруське поселення Ліскове. Чернігів: Інститут археології НАН України: ЧДПУ ім. Т.Г. Шевченка. 184 с.

**Н.А. Макаров, С.В. Шполянский,
А.В. Долгих, А.С. Алешинская, Е.Ю. Лебедева**

РАСКОПКИ В КИДЕКШЕ: КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ И ПАХОТНЫЙ ГОРИЗОНТ ПОД ЦЕРКОВЬЮ БОРИСА И ГЛЕБА¹

Церковь Бориса и Глеба в Кидекше (рис. 1) – один из пяти белокаменных храмов, возведенных Юрием Долгоруким в Ростово-Суздальской земле, и единственный среди них, построенный не в городе, а в пригородном поселении. Церковный двор в селе Кидекша находится в 4 км от валов Окольного города Суздаля. Выбор этого места для строительства одного из древнейших на северо-востоке Руси каменных храмов исследователи связывали с особым статусом Кидекши как княжеской резиденции, возникшей, возможно, на месте более раннего административного центра (*Воронин*, 1961. С. 67–71). Летописи, однако, не дают непосредственных указаний на особое значение Кидекши как центра княжеской власти. Кидекша редко упоминается в летописных текстах, эти упоминания связаны с постройкой и ремонтами храма и погребением в нем сына Юрия Долгорукого – Бориса и членов его семьи (ПСРЛ, 1856. С. 67). Представление о том, что в Кидекше располагался загородный двор суздальских князей, находившийся на месте «становища», где встречались благоверные князя Борис и Глеб, «егда в Киев хожаху Борис от Ростова Глеб же от Мурома», основывается на поздних источниках – Степенной книге и сочинении суздальского историографа Анании Федорова (ПСРЛ, 1908. С. 192; *Историческое...*, 2012. С. 127–129). В этой ситуации обсуждение вопроса о причинах выбора участка на коренном берегу Нерли вблизи устья р. Каменка для строительства монументальной храмовой постройки требует, прежде всего, ясного понимания, что представляли собой эта местность и находящееся здесь поселение при Юрии Долгоруком и в более раннее время. Археологические работы, проведенные в 2011 г. в церкви Бориса и Глеба в Кидекше и рядом с ней, дали возможность изучить культурные напластования и древние пахотные горизонты, подстилающие горизонт строительства собора и исследовать состав почв, палеоботанические остатки и спорово-пыльцевые спектры. Благодаря этим работам

¹ Полный вариант статьи опубликован в журнале «Российская археология», 2014, № 4.

Рис. 1. Церковь Бориса и Глеба в Кидекше. Вид с севера

впервые получена возможность представить предысторию одной из знаковых точек на исторической карте Северо-Восточной Руси и природный контекст в момент строительства храма.

Участок коренного берега р. Нерль, на котором располагается церковь Бориса и Глеба, неоднократно привлекал внимание археологов, начиная с середины XIX в., вполне естественно, что интерес к этой местности был связан с предполагаемой локализацией здесь загородного двора суздальских князей. Однако настойчивые попытки выявить объекты, которые можно было бы интерпретировать как археологические следы княжеской резиденции, не принесли желаемых результатов. Более того, долгое время безрезультатными оставались и сами поиски непо потревоженных культурных напластований, по которым можно было бы судить о характере освоения участка в XI–XII вв. Первые и самые значительные по объему раскопки вблизи церкви Бориса и Глеба в Кидекше были предприняты в 1851 г. А.С. Уваровым, заложившим серию траншей как внутри церковной ограды, так и за ее пределами, в том числе на мысах коренной террасы р. Нерль (рис. 2). Судя по «Плану Владимирской губернии Суздальского уезда части села Кидекши 1851 года», документирующему эти раскопки («Суздаль. Планы и карты. 1851–1852»² – ГИМ, от-

² Указание на то, что в альбом включены чертежи двух первых лет раскопок во Владимирской губернии, не соответствует действительности – все планы и карты фиксируют памятники, исследованные в 1851 г., что в большинстве случаев отмечено на самих чертежах.

Рис. 2. «План Владимирской губернии Суздальского уезда части села Кидекши 1851 года». См. также цветную вклейку, рис. II

дел картографии, фонд I гр. № 65397, ТО № 3662), внутри церковной ограды была вскрыта площадь не менее 1000 м², в том числе около 600 м² – непосредственно у собора, с севера, востока и юга (рис. 2, 3). В 1933, 1941 и 1948 гг. – небольшие раскопки в соборе и вокруг него проводились А.Д. Варгановым, в 1935 г. три шурфа были заложены у церкви Н.Н. Ворониным. Более продуктивными оказались полевые работы В.В. Седова, заложившего в Кидекше девять шурфов площадью от 1 до 16 м² и проводшего ряд зачисток в обнажениях. Исследования были продолжены в 1985–1988 гг. Т.А. Чуковой (рис. 3), которая заложила на площадке 14 шурфов и разведочных раскопов общей площадью более 150 м² (Сабурова и др., 1986. Л. 43–63; Чукова, 1988).

Все исследователи отмечали, что культурный слой вокруг церкви сильно разрушен погребениями, строительной и хозяйственной деятельностью, в большинстве шурфов древнерусская круговая керамика найдена вместе с поздней. Вещевой инвентарь, происходящий из шурфов и разведочных раскопов небогат, включает наиболее распространенные категории находок: ножи, стеклянные браслеты, костяные гребни, стеклянные бусы (Седов, 1961. С. 76). По наблюдениям В.В. Седова, основная масса средневековой керамики из шурфов 1957 г. датируется XII–XIII вв., круговая керамика XI в. немногочисленна. Сопоставление полевой документации, составленной разными исследователями, показывает, что часть шурфов Н.Н. Воронина, В.В. Седова и Т.А. Чуковой была заложена на участках, которые ранее уже вскрывались раскопками А.С. Уварова (рис. 3). Культурный слой с керамикой XII–XIII вв. был зафиксирован В.В. Седовым в юго-восточной части села на участке, отделенном от церковного двора оврагом. Находки плинфы в культурном слое послужили основой для предположения о том, что белокаменно-

му собору Юрия Долгорукого в Кидекше предшествовал храм начала XII в., инициатором строительства которого был Владимир Мономах. Серьезные аргументы в пользу этой гипотезы дали раскопки Т.А. Чуковой 1987–1988 гг., когда у апсид белокаменного храма были вскрыты культурные напластования со скоплениями плинфы (Чукова, 1991. С. 142, 143). Высказано мнение, что княжеская резиденция в Кидекше существовала уже во времена Владимира Мономаха (АКР, 1995. С. 266, 267). Присутствие сетчатой керамики среди находок в шурфах (Чукова, 1988. Л. 2) позволило высказать предположение о существовании на месте церкви дьяковско-го городища (АКР, 1995. С. 265, 266).

Среди историков и археологов прочно укоренилось мнение, что княжеский двор Юрия Долгорукого в Кидекше был защищен земляными валами.

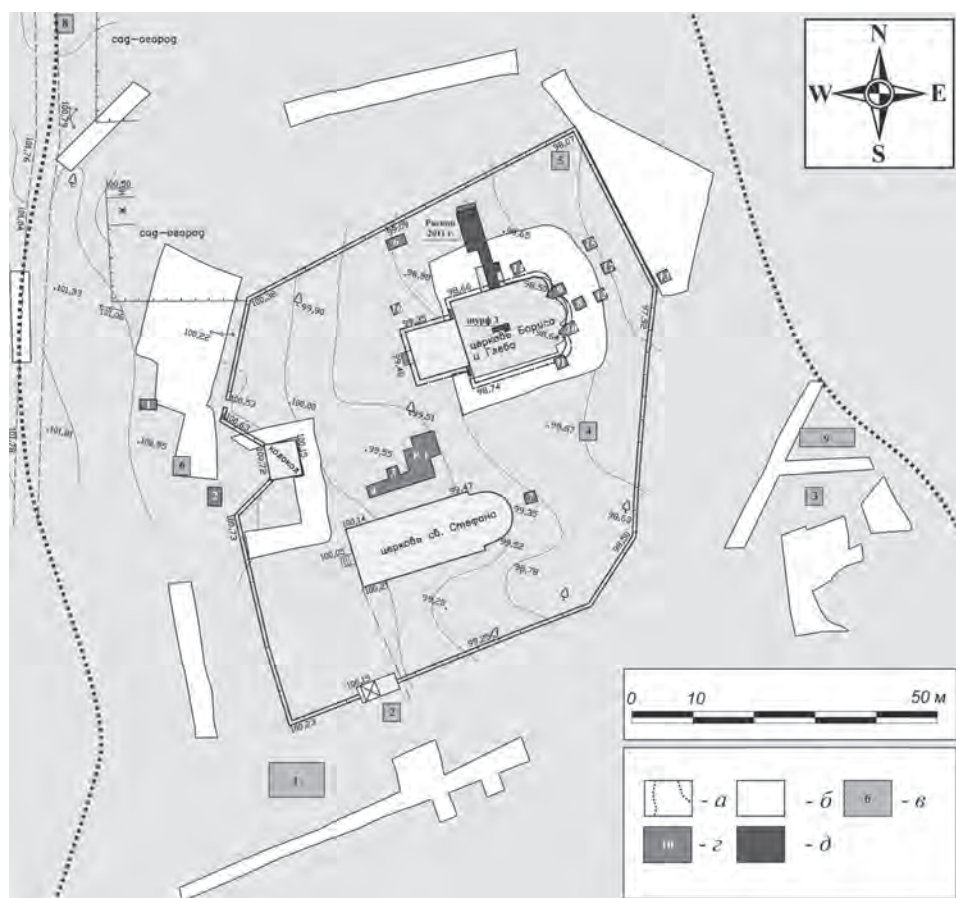

Рис. 3. Кидекша. Церковный двор и прилегающий участок. План с раскопами разных лет.

Условные обозначения: *a* – границы распространения культурного слоя; *б* – раскопы А.С. Уварова 1851 г.; *в* – шурфы В.В. Седова 1959 г.; *г* – шурфы и раскопы Т.А. Чуковой 1985–1988 гг.; *д* – раскопы и шурфы Суздальской экспедиции 2011 г.

Белокаменный храм, таким образом, находился на городище. Аргументируя эту точку зрения, Н.Н. Воронин ссылался на сообщение Анании Федорова о планах Юрия устроить на берегу Нерли «крепость городовую» и на спутанные известия Супрасльской летописи о сооружении «города Кидешьки»³. Исследователь отмечал, что «От валов, окружавших когда-то княжескую резиденцию в Кидекше, не сохранилось почти ничего» (Воронин, 1961. С. 68), но указывал на материалы полевых работ А.Д. Варганова, выявившего следы деревянных конструкций, в которых предположительно можно видеть остатки рубленых стен на участке к северо-западу от собора. Т.А. Чукова справедливо отметила, что документальные свидетельства этих раскопок не сохранились. Схематический план городища, воспроизводившийся впоследствии в ряде публикаций, был снят П.А. Раппопортом. Исследователь отметил, что «валы очень плохой сохранности, местами они совершенно спланы, однако общая конфигурация городища прослеживается все же достаточно ясно» (Раппопорт, 1961. С. 15, 16). В.В. Седов, публикуя материалы раскопок в Кидекше в 1959 г., рассматривал этот памятник как полукруглое городище с почти полностью распаханными валами (Седов, 1961. С. 75, 76). В 1988 г. Т.А. Чукова прорезала предполагаемый участок вала траншеей 24 × 2 м и выявила остатки невысокой сильно разрушенной насыпи. В настоящее время следы валов на территории села не читаются. Следует отметить, что в местной топонимической традиции участок, на котором находится храм Бориса и Глеба, не идентифицировался как городище. Нет никаких упоминаний об остатках «града» в Кидекше в «Историческом собрании» Анании Федорова, который прямо указывает, что Юрий Долгорукий отказался от планов устройства здесь крепости «остави то свое начинание» (Историческое..., 2012. С. 127–130). Нет упоминаний о городище и в полевой документации А.С. Уварова, который вел раскопки в Кидекше в ту пору, когда земляные валы должны были быть хорошо заметны. Очевидно, следует признать, что вопрос о существовании земляных укреплений в Кидекше неясен, имеющаяся документация не позволяет однозначно утверждать, что белокаменный храм находился внутри укрепленной площадки.

Полевые работы Суздальской экспедиции ИА РАН 2001–2008 гг. существенно изменили представления о характере и размерах средневекового поселения, на территории которого находится церковь Бориса и Глеба (Макаров, Леонтьев, Шполянский, 2004, 2005). Обследование 2001 г. показало, что средневековая Кидекша – селище площадью около 16 га, охватывающее значительную часть современного села, оно вытянуто широкой полосой длиной около 600 м вдоль берега р. Каменка и почти на 400 м по возвышению правого берега р. Нерль (рис. 4). На всей этой территории отмечены выходы культурного слоя, насыщенного круговой керамикой XII–XV вв. и пережженными печными камнями. Участок средневекового культурного слоя у церкви, где ранее закладывались шурфы и раскопки, представляет собой лишь часть обширного поселения. Присутствие лепной средневековой керамики и древнерусской круговой керамики с S-видным профилем, время бытования которой в Суздальском Ополье не выходит за рамки начала

³ «А Кыдекшанскую церков постави Борис Михалькович сын брата Андреева [и] Всеволожа и сыпа город Кидешьку той же Городец на Волзе» (ПСРЛ, 1907. Стб. 2). Отмечая спутанный и испорченный характер этой записи, Н.Н. Воронин все же полагал, что он «поддается разъяснению» (1961. С. 68).

XII в., зафиксировано лишь в юго-восточной части поселения, на участке к югу от церковного двора. Раскопками в 2008 г. исследован участок культурного слоя толщиной 0,3–0,4 м на площади более 300 м² в восточной части селища, в нижней части склона пологой надпойменной террасы (рис. 4). В раскопе была выявлена плотная (по-видимому, усадебная) застройка средневекового села, расчищены подпольные ямы жилых построек, собраны керамика и более 300 находок, основная масса которых относится ко второй половине XII–XIV в. Среди найденных на этом участке в 2008 г. вещей следует отметить бронзовый кронштейн от хороса XII–XIII вв., возможно, являвшийся частью убранства Борисоглебского храма (Шполянский, 2011).

В 2011–2012 гг. внутри храма и к северу от него Суздальской экспедицией ИА РАН были проведены охранные раскопки, связанные с сооружением в церкви системы вентиляции. Руководство работами осуществлялось Вл.В. Седовым. Раскопки проводились внутри основного объема, в местах размещения вентиляционных каналов – до уровня их залегания, и на месте размещения вентиляционных агрегатов и воздухопроводов у ее северной стены – до материка (рис. 3).

В церкви было заложено 10 траншей и 5 шурфов, общей площадью около 87 м², изучены культурные напластования XII–XX вв. На большей части раскопанной площади разбиралась только верхняя свита слоев, мощностью до 0,8 м, представлявшая собой слой, сформировавшийся при реставрации храма в середине XVII в. Только в двух случаях культурные напластования, достигавшие мощности 1,58 м, были разобраны до уровня материка – при повторном вскрытии шурфа 1994 г, заложённого В.П. Глазовым, и в шурфе 3, размещенном в центре основного объема церкви. Шурф 3 был заложен с целью получения наиболее полной информации о стратиграфии и сохранности культурных напластований, относящихся ко времени строительства храма и предшествующих времени его возведения.

В результате работ внутри храма выявлены несколько уровней полов, остатки белокаменного престола церкви, конструкции соли и кирпичного мощения пола. В центре храма расчищены омфалий – округлый в плане плоский камень диаметром менее 1 м, скрытые ранее фрагменты фресок, украшавшие храм второй половины XII в., собрано значительное (более 9,5 тыс.) количество обломков фресок, найденных при разборке культурных напластований в переотложенном состоянии.

Фиксация престола, омфалия, оснований алтарной преграды и уровня первоначального пола (подходившего к фрескам и одновременного им) дает возможность составить представление о первоначальном внутреннем убранстве храма середины XII в. (Седов, 2011).

Площадь раскопа, располагавшегося к северу от церкви, напротив портала, составляла 50 м, раскоп был вытянут по линии С–Ю в виде траншеи протяженностью 16 м, шириной 2–4 м (рис. 3). На этом участке была исследована часть приходского кладбища села Кидекша. Вскрытые в пределах раскопа погребения (всего 49) можно отнести к XVIII – первой половине XIX в. Важным обстоятельством, раскрывающим характер использования прицерковной территории до начала функционирования кладбища, является находка подпола жилой постройки XVI – начала XVII в. (яма 1). На вскрытой в 2011 г. площади в северной ее части зафиксирован один из шурфов Т.А. Чуковой, а в центральной – поисковая траншея А.С. Уварова

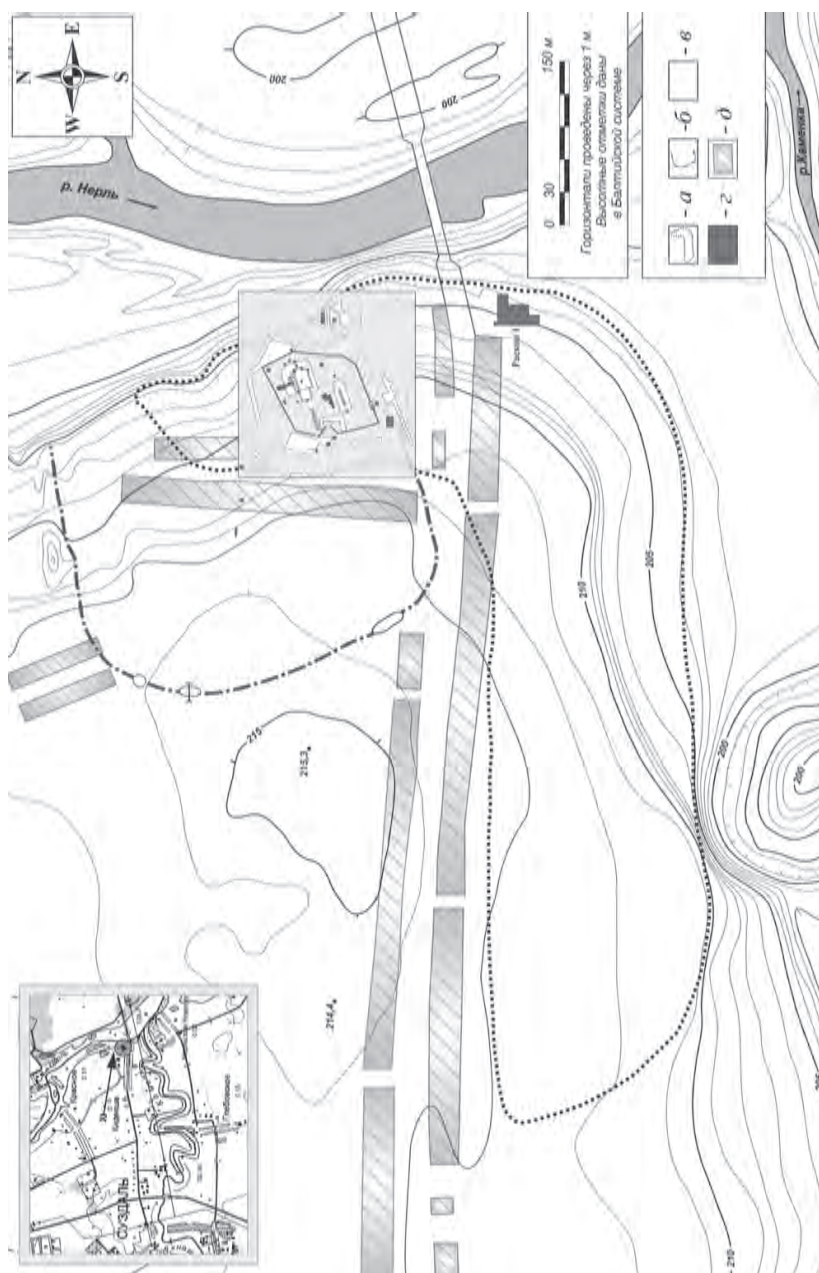

Рис. 4. Средневековое поселение Кидекша.

Горизонталы проведены через 1 м. Высотные отметки даны в Балтийской системе. *а* – границы распространения культурного слоя селища; *в* – предполагаемая линия вала; *г* – раскопы А.С. Уварова 1959 г.; *д* – раскопы Т.А. Чуковой 1985–1988 гг. и раскопы Суздальской экспедиции 2011 г.; *ж* – раскопы В.В. Седова 1959 г., шурфы и шурфы Т.А. Чуковой 1985–1988 гг. и раскопы Суздальской экспедиции 2011 г.; *з* – шурфы В.В. Седова 1959 г., шурфы и раскопы Т.А. Чуковой 1985–1988 гг. и раскопы Суздальской экспедиции 2011 г.; *д* – современная застройка села

1851 г. Небольшой участок у северной стены храма, находившийся в пределах внутреннего объема небольшого притвора, возведенного в XVIII в., не использовался для захоронений.

Культурный слой «дособорного» времени: стратиграфия и находки

Не потревоженный позднейшими перекопами культурный слой, перекрытый строительным горизонтом, связанным с сооружением храма 1152 г., был обнаружен на двух участках: в шурфе внутри храма, в центральной его части на площади около 3 м² (шурф 3) и в раскопе у северной стены церкви, во внутреннем объеме северного притвора, сооруженного в 1780 г. и разобранного при реставрации храма Н.П. Сычевым, на площади чуть менее 7 м². На обоих участках под слоем известки и белокаменной крошки выявлен слой темно-коричневой, почти черной супеси толщиной от 10-12 до 32 см, насыщенный лепной керамикой и фрагментами костей животных (рис. 5, 6).

Ценность этих напластований определяется не только их конкретным географическим адресом, но и общим характером средневековых поселений Суздальского Ополья, культурный слой которых сильно переработан распашкой и почти никогда не дает возможности выделить четкие стратиграфические горизонты с узкими археологическими датами.

В шурфе 3 (рис. 5, 1) известковая проливка перекрывала мощный слой светло-серой известки с включениями мелкого белокаменного бута, который представлял собой строительный горизонт, сформировавшийся при возведении Борисоглебской церкви в 1152 г. Его мощность составляла 0,5–0,6 м, при этом в составе строительного горизонта выделялось два уровня, незначительно различавшиеся по цвету известки. Граница между этими горизонтами читалась нечетко. Под слоем светло-серой известки по всей площади шурфа была открыта плотная темно-коричневая гумусированная супесь, содержащая фрагменты средневековой лепной керамики. Мощность этого слоя составляла 0,3–0,32 м. Он перекрывал материк – плотную супесь охристого цвета, переходящую в легкий суглинок. В западной части шурфа этот слой был прорезан столбовой ямой диаметром 0,32 и глубиной 0,51 м, присутствие в ее заполнении серой известки свидетельствует, что яма относится ко времени сооружения храма. Из гумусированного слоя в шурфе 3 происходит 128 фрагментов лепной керамики: 117 неорнаментированных стенок, фрагмент донца (рис. 7Б, 15), 8 венчиков (рис. 7А, 4, 11; Б, 1, 3, 4, 17), один из них орнаментирован вдавлениями палочки по краю (рис. 7А, 4), фрагмент сковородки с бортиком (рис. 7Б, 10). Подавляющее большинство фрагментов (77) имеет грубую шероховатую поверхность, 46 – заглаженную, 5 – подлощенную. Из этого же слоя происходит венчик сосуда с сетчатой поверхностью, орнаментированный сквозным проколом (рис. 7А, 7).

В раскопе к северу от храма Бориса и Глеба потревоженный культурный слой с лепной керамикой, предшествовавший строительству, зафиксирован непосредственно у портала, на участке, прилегающем к основному объему церкви. Этот слой четко прослеживается в южном профиле раскопа, непосредственно под

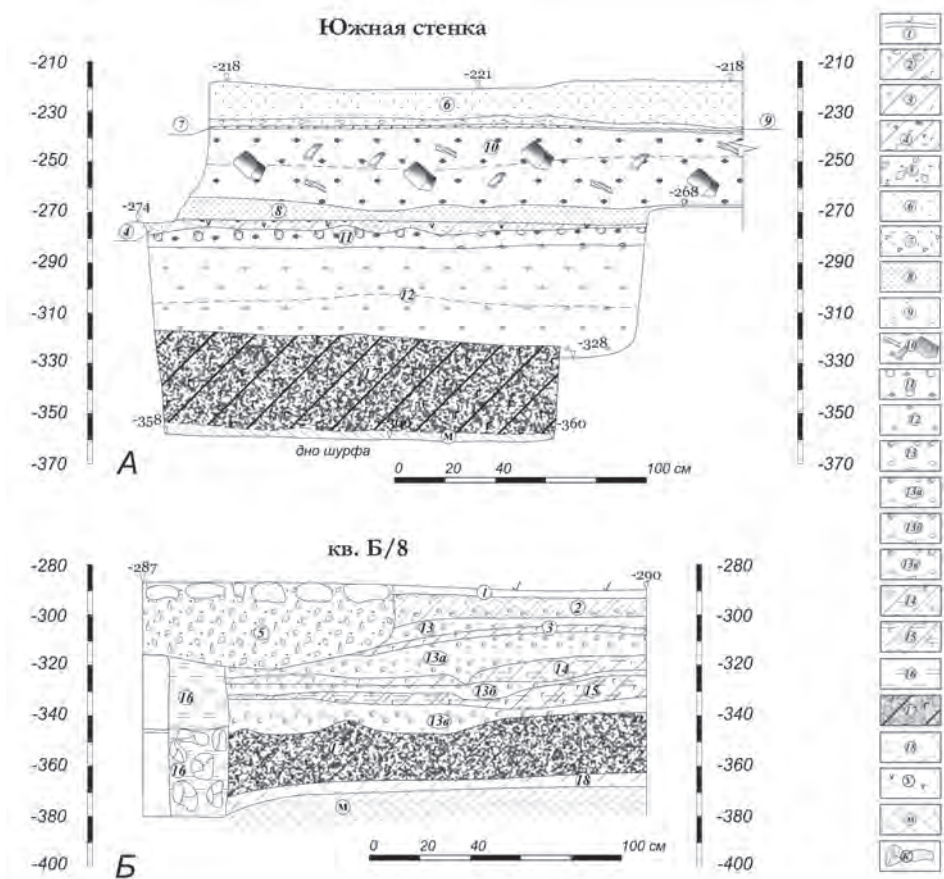

Рис. 5. Профили шурфа 3 в храме Бориса и Глеба и раскопа у северной стены храма с культурным слоем поселения, перекрытым строительным горизонтом середины XII в.

А – профиль шурфа 3; Б – часть профиля западной стенки раскопа. Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – темно-серая гумусированная супесь с белокаменной крошкой; 3 – темно-серая гумусированная супесь; 4 – темная серо-коричневая гумусированная супесь с включениями глины, угля и извести; 5 – слой щебня и песка; 6 – желтый мешаный песок; 7 – желтый песок с известковой крошкой (подсыпка под пол из белокаменных плит); 8 – рыжевато-желтый песок (подсыпка под кирпичный пол); 9 – мешаная известь со светло-коричневым песком; 10 – серая известь с кусками белокаменных блоков, фрагментами фресок и бересты (подсыпка под пол XVII в.); 11 – известковая проливка с галькой; 12 – светло-серая известь (строительный горизонт); 13 – светло-серая известь (слой разрушения притвора); 13а – светло-серая известь с крошкой (слой строительства притвора); 13б – светло-серая известь с белокаменной крошкой (слой ремонта храма); 13в – мешаный слой, состоящий из темно-серой гумусированной супеси и белокаменной крошки; 14 – мешаный слой, состоящий из темно-серой гумусированной супеси и желто-бурого суглинка; 15 – темно-серая гумусированная супесь с комками желто-бурого суглинка и включениями белесой супеси; 16 – желто-бурый суглинок; 17 – темно-коричневая и черная гумусированная супесь (культурный слой дособорного времени); 18 – белесая супесь (подзол); У – уголь; М – материк; К – камень.

фундаментом церковного здания, сложенным из валунных камней, скрепленных известковым раствором, в части восточного профиля и в западном профиле под свитой слоев строительного мусора, представленной чередующимися прослойками светло-серой извести с белокаменным боем и мешаной темно-серой гумусированной супеси с включениями материкового желто-бурого суглинка. Профиль западной стенки раскопа наиболее выразительный: здесь под дерном была зафиксирована серия прослоек светло-серой извести, разделяемых мешаным слоем темно-серой супеси с включениями желто-бурого суглинка (рис. 5, 2; 6). Очевидно, эти прослойки могут быть соотнесены с ремонтами церкви. Самая нижняя из них, имеющая толщину 0,25 м непосредственно у стены и постепенно сужающаяся к северу, представляет собой горизонт строительного мусора, сформировавшийся при строительстве храма середины XII в. Она перекрывает слой темно-коричневой (почти черной) гумусированной супеси мощностью до 0,3 м. Нижняя граница этого слоя неровная, с хорошо фиксируемыми гумусовыми затеками в материковое основание, представленное светло-серой (белесой) плотной супесью. Судя по характеру границы, нижняя часть почвенного горизонта осталась не затронута средневековой распашкой, подрезками и перекопами. В верхней части культурного слоя, на глубине 0,12–0,17 м от верхнего уровня его залегания, в его структуре были отмечены следы горизонтального среза почвенного горизонта, читавшиеся

Рис. 6. Часть профиля раскопа у северной стены храма Бориса и Глеба с культурным слоем поселения, перекрытым строительным горизонтом середины XII в.

в виде ровной прерывистой границы. Это указывает, что верхняя часть гумусированного слоя с лепной керамикой до возведения церкви подвергалась распашке. В культурном слое собрано 454 фрагмента лепной керамики: 416 неорнаментированных стенок, 31 венчик и 7 донец.

Лепная керамика сильно измельчена распашкой. Подавляющее большинство фрагментов (367) имеет грубую шероховатую поверхность, 207 – заглаженную, 9 – подлощенную, тесто содержит крупные и средние зерна дресвы. Два фрагмента принадлежат сосудам с сетчатой поверхностью. Реконструкция форм сосудов затруднена, очевидно, большинство фрагментов принадлежит горшкам, в том числе округлобким, два обломка от сковородок с бортиками (рис. 7Б, 11, 12). В коллекции 19 фрагментов прямых вертикально поставленных венчиков с прямо срезанным или немного оттянутым наружу верхним краем (рис. 7А, 1, 2, 6, 8, 9, 10, 12–16). Четыре венчика отогнуты наружу, с косо срезанным, прямым или немного скругленным краем (рис. 7А, 3; Б, 1). Все фрагменты неорнаментированные, за исключением одного, украшенного оттиском плоской палочки по краю венчика (рис. 7А, 1).

Среди керамических форм, представленных в коллекции, нет хроноиндикаторов, на основании которых возможно узкое датирование культурного слоя, перекрытого горизонтом строительства храма. Ближайшие аналогии лепным сосудам с прямым и отогнутым венчиком из Кидекши имеются в керамических комплексах X – начала XI в. в Суздале (*Лапшин*, 1991б. Рис. 1, 1, 2, 4, 5; 2, 9–11; 3, 1, 2, 11) и на селище Гнездилово (*Лапшин*, 1991а. Рис. 1, 1–3, 7; 2, 3), на селище Весь 5 подобная керамика широко представлена в культурном слое второй половины IX–X в. (*Макаров, Захаров, Шполянский*, 2010). Вероятно, лепная керамика подобных типов вошла в обиход в Суздальском Ополе несколько ранее. Однако, судя по материалам раскопок селища Кибол I, для керамического комплекса третьей четверти I тыс. характерны другие формы (*Лапшин*, 2012. Рис. 3). Для датирования «дособорного» культурного слоя важны находки фрагментов сковородок с бортиками, которые вышли из обихода в Суздальской земле не позднее рубежа X–XI вв. Существенно также отсутствие в культурном слое, промытом на металлических ситах, стеклянных бус и бронзовых украшений, получивших в Суздальском Ополе широкое распространение в X в.

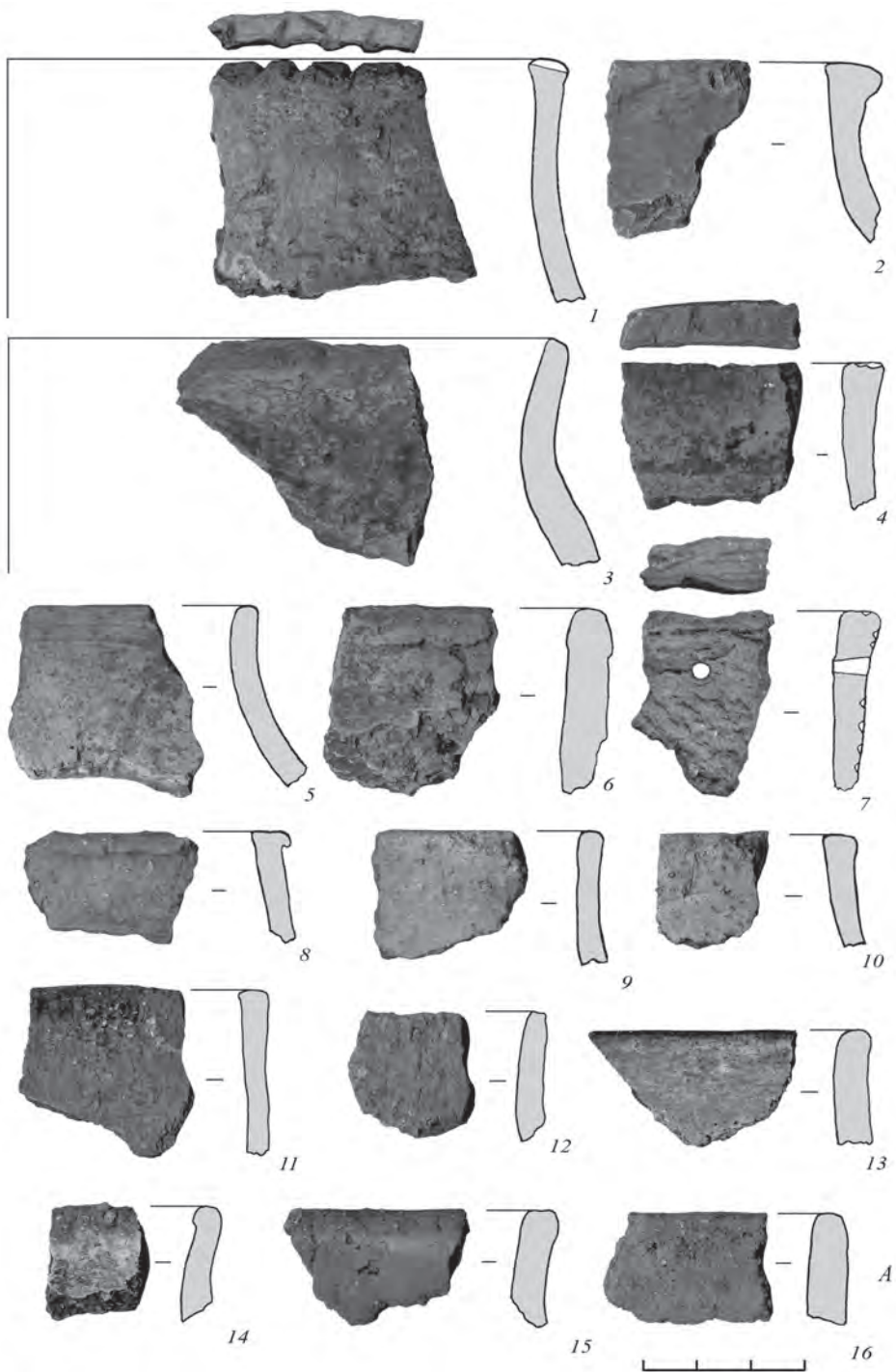
Почвенные исследования

В ходе почвенных исследований были заложены две колонки – в шурфе внутри храма и в раскопе у северного портала. Каждая колонка характеризует основные стратиграфические уровни и горизонты, связанные как с функционированием храма, так и с эпизодами, предворяющими его строительство. Приведем почвенно-морфологические описания колонок.

Колонка 1. Шурф 2 (внутри храма), южный профиль

Под полом храма – слой мощностью 40 см, связанный со строительством храма. Ниже – погребенная почва с культурным слоем, содержащим лепную керамику и предшествующим строительству храма.

АУиг 0–30 см. Гумусовый горизонт, вмещающий культурный слой с лепной керамикой (переработан почвообразованием). Темно-серый, влажный, слабоуплот-

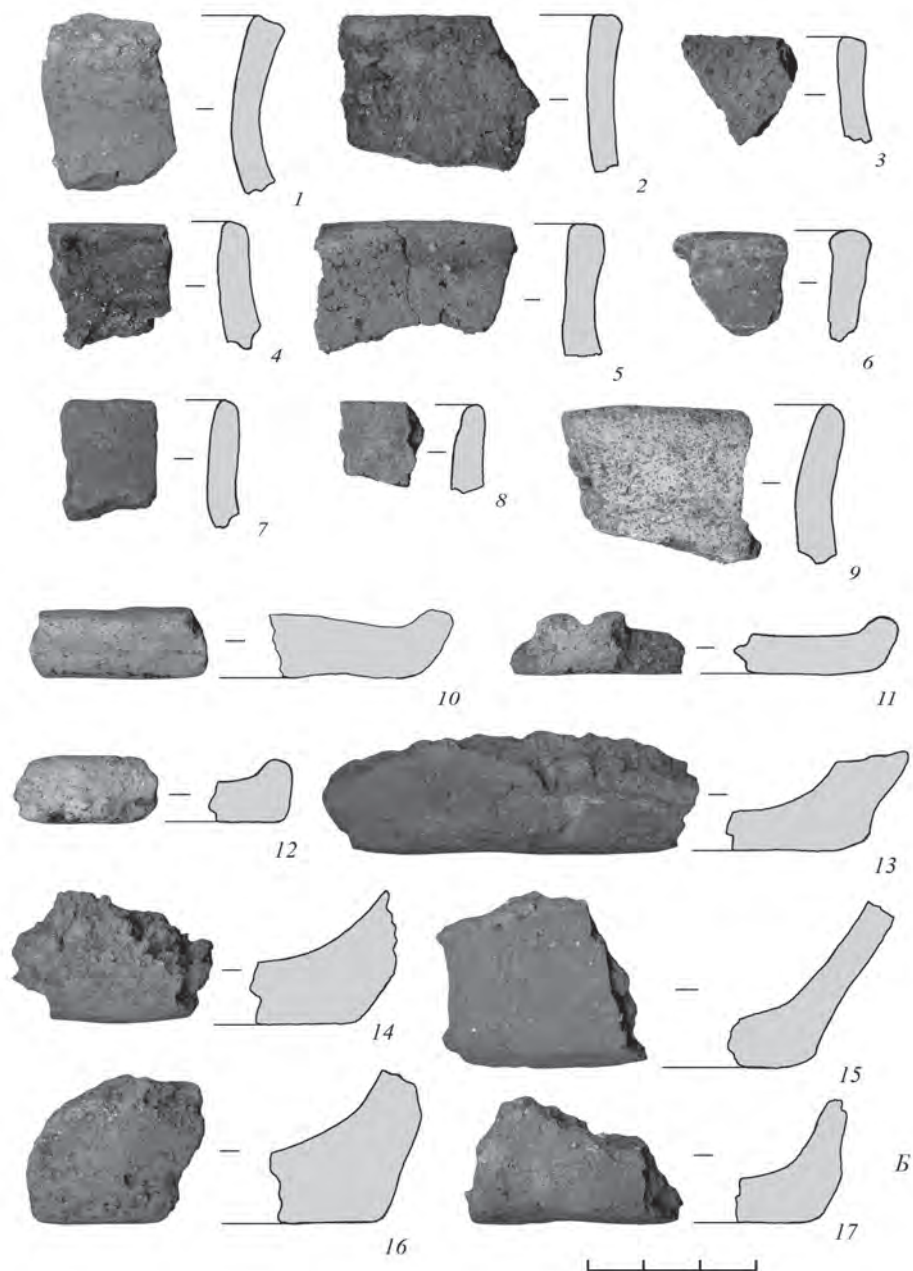

Рис. 7. Лепная керамика из культурного слоя поселения, перекрытого строительным горизонтом середины XII в. церкви Бориса и Глеба в Кидекше.

А: 1–3, 5, 6, 8, 9, 12–16 – раскоп к северу от храма; 4, 7, 11 – шурф 3;

Б: 1, 3, 4, 10, 15, 17 – шурф 3; 2, 5–9, 11–14, 16 – раскоп к северу от храма

ненный, легкий суглинок, бесструктурный с тенденцией к горизонтальной делимости, включения углей, граница ровная, переход постепенный.

AEL 30–40 см. Переходный горизонт, состоящий из переработанного почвообразованием культурного слоя, гумусового и элювиального горизонтов исходной почвы. Серый с светло-бурым, влажный, слабоуплотненный, легкий суглинок, бесструктурный, граница ровная, переход постепенный.

EL 40–50 см. Подзолистый горизонт исходной почвы. Светло-бурый, влажный, слабоуплотненный, супесь, бесструктурный, железисто-марганцевые конкреции, граница языковатая, переход резкий.

BT 50–(60) см. Иллювиальный горизонт исходной почвы. Бурый, влажный, плотный, средний суглинок, ореховатая структура, железисто-марганцевые конкреции.

Колонка 2. Кв. Б-7 (снаружи храма), западный профиль

Описывается погребенная под слоями строительства храма исходная почва.

Рг 0–15 см. Пахотный горизонт, вмещающий культурный слой с лепной керамикой (переработан почвообразованием). Темно-серый, влажный, слабоуплотненный, легкий суглинок, бесструктурный с тенденцией к горизонтальной делимости, включения углей, граница ровная, переход заметный.

Aur 15–25 см. Переходный горизонт, состоящий из переработанного почвообразованием культурного слоя с лепной керамикой и гумусового горизонта исходной почвы. Серый с светло-бурым, влажный, слабоуплотненный, легкий суглинок, бесструктурный, граница ровная, переход ясный. На границе с нижележащим горизонтом отмечаются кротовины с темно-серым материалом вышележащего горизонта (пахотный + гумусовый).

EL 25–40 см. Подзолистый горизонт исходной почвы. Светло-бурый, влажный, слабоуплотненный, супесь, бесструктурный, железисто-марганцевые конкреции, червеходы (заполнение темно-серым материалом вышележащих горизонтов), граница языковатая, переход резкий.

BT 40–85 см. Иллювиальный горизонт исходной почвы. Бурый, влажный, плотный, средний суглинок, ореховатая структура, железисто-марганцевые конкреции, граница ровная, переход постепенный, ниже переходный горизонт к материнской породе.

Исходная почва – дерново-подзолистая лесного генезиса. Верхняя часть профиля имеет антропогенные нарушения (перемешивание с материалом культурного слоя, распашка). Исходную мощность культурного слоя, сформировавшегося до строительства храма, сложно реконструировать, поскольку при строительстве храма часть материала была перемещена (мощность сохранившейся гумусовой части профиля внутри храма – 30 см, тогда как снаружи – 15). Профили внутри и снаружи храма отличаются не только мощностью гумусового слоя. Снаружи храма отмечается наличие пахотного горизонта мощностью до 15 см, характерной для раннего средневековья. Важно, что пахотный горизонт появился уже после образования культурного слоя, содержавшего лепную керамику. В разрезе в центральной части храма следы распашки не найдены. Но здесь диагностика затруднена в связи с тем, что гумусовая толща мощностью 30 см гомогенна, отдельные подгоризонты и слои в ней не выделяются. Такое отмечалось ранее и на других средневековых памятни-

Раскопки в Кидекше: культурный слой и пахотный горизонт под церковью...

как Центральной России, где пахотные горизонты было сложно диагностировать на мощных темных горизонтах культурных слоев.

Между стадией накопления культурного слоя и строительства храма выделяется природная стадия почвообразования под луговой растительностью длительно-стью не менее 100 лет. Кротовины и червеходы с темным гумусовым материалом в срединных горизонтах исходной почвы свидетельствуют о луговом генезисе. Во время этого этапа происходила гомогенизация верхней части профиля, включающей культурный слой с лепной керамикой, формирование гумусового горизонта по культурному слою. Данный горизонт имеет достаточно высокое содержание органического углерода с учетом диагенеза – 3,25% или 5,2% гумуса (табл. 1), на макро уровне отчетливо выражены обломки углей до 0,5 см в диаметре. Этот гумусовый горизонт AUur по механическому составу сильно не выделяется по сравнению с нижележащими горизонтами (за исключением иллювиального горизонта BT, имеющего природные особенности) (табл. 2). Высокие концентрации фосфора – до 0,51% (табл. 1), кальция – в оксиде CaO до 1,9%, цинка – до 94 мг/кг, брома – до 6 мг/кг (табл. 3, 4) свидетельствуют об активной хозяйственной деятельности во время накопления культурного слоя. Повышенные содержания меди и цинка позволяют предположить обработку металлов в ближайшей от исследованных профилей округе.

Наличие карбонатов кальция в профиле почвы связано с их миграцией из строительных горизонтов. Повышенное содержание фосфора в верхней части профиля необходимо соотносить с активным поступлением бытового мусора в период формирования культурного слоя (табл. 1).

Таблица 1. Результаты физико-химических анализов

Горизонт, глубина, см	pH _{водн}	CaCO ₃ , %	C _{орг} , %	P ₂ O ₅ , %
<i>Кидекша, колонка 1 (внутри храма)</i>				
AUur 5	8,00	0,04	3,25	0,44
AUur 15	7,95	0,04	3,54	0,51
AUur 25	7,65	0,40	2,04	0,33
AEL 35	7,75	0,00	0,65	0,16
EL 45	8,05	0,40	0,18	0,06
BT 60	7,90	0,00	0,27	0,13
<i>Кидекша, колонка 2 (снаружи храма)</i>				
P 5	8,20	0,04	2,08	0,21
P 10	8,25	0,04	2,13	0,23
AUur 20	8,35	0,04	1,61	0,18
AY 25	8,40	0,11	0,58	0,08
EL 30	8,30	0,04	0,17	0,05
BT 50	8,10	0,04	0,26	0,17
BC(t) 90	8,15	0,09	0,29	0,13

Таблица 2. Результаты гранулометрического анализа

Горизонт, глубина, см	Гигроскопическая влага	Содержание фракций, % (размер частиц, мм)						Физическая глина, %	
		1,0–0,25	0,25–0,05	0,05–0,01	0,01–0,005	0,005–0,001	<0,001		
<i>Кидекша, колонка 1 (внутри храма)</i>									
AUr 5	2,28	11,04	35,09	34,43	8,06	4,01	7,37	19,44	Суглинок легкий
AUr 15	2,47	12,05	35,08	33,14	8,37	4,39	6,97	19,73	Суглинок легкий
AUr 25	1,72	9,63	34,45	32,97	9,56	5,62	7,77	22,95	Суглинок легкий
AEL 35	0,67	10,73	44,61	25,33	7,93	5,96	5,44	19,33	Суглинок легкий
EL 45	0,30	10,52	51,89	23,55	6,22	3,01	4,81	14,04	Супесь
BT 60	1,20	6,64	39,55	26,85	4,45	6,84	15,67	26,96	Суглинок легкий
<i>Кидекша, колонка 2 (снаружи храма)</i>									
P 5	1,70	10,68	35,81	30,23	8,96	6,91	7,41	23,28	Суглинок легкий
P 10	1,74	10,71	33,52	30,33	10,79	6,43	8,22	25,44	Суглинок легкий
AUr 20	1,34	10,75	38,37	31,54	8,64	4,66	6,04	19,34	Суглинок легкий
AY 25	0,60	11,48	39,43	28,69	5,99	6,24	8,17	20,4	Суглинок легкий
EL 30	0,29	12,28	52,18	23,91	3,33	3,49	4,81	11,63	Супесь
BT 50	2,18	3,70	30,87	28,01	6,06	2,74	28,62	37,42	Суглинок средний
BC(t) 90	3,04	0,13	3,87	45,05	5,94	8,38	36,63	50,95	Суглинок тяжелый

По механическому составу гумусовый горизонт АUur в колонке 1 и пахотный горизонт Р в колонке 2 имеют близкий легкосуглинистый состав, что является дополнительным фактом их общего происхождения из культурного слоя (табл. 2). Нижележащие горизонты имеют характерный максимум физической глины и ила в иллювиальном горизонте ВТ, что связано с природными особенностями почвообразования под лесом.

Палинологический анализ образцов из культурного слоя под храмом

Для палинологического анализа были отобраны образцы из шурфа 3 внутри храма (7 образцов) и из западной стенки раскопа у северного портала (14 образцов). Образцы из данного разреза отбирались непрерывно и оказались более насыщены пылью, чем образцы из шурфа 3 в храме Бориса и Глеба.

Слой темной гумусированной супеси, перекрытый слоем строительного мусора, маркирующим возведение храма, при исследовании под микроскопом оказался насыщен огромным количеством мельчайших угольков и золы, которые и придавали ей темный, почти черный цвет.

Образцы из траншеи и разреза содержали немного пыли и спор, а в образцах из слоев, подстилающих гумусированный суглинок, пыльца и споры отсутствуют.

В целом спорово-пыльцевые спектры обоих разрезов выглядят довольно однородно. Во всех исследованных образцах в общем составе преобладает пыльца травянистых растений (до 70%), пыльца древесных пород составляет в среднем около 20%, споры – 10–15.

Таблица 3. Валовой химический состав (макроэлементы, %). Колонка 2

Горизонт, глубина, см	Na ₂ O	MgO	Al ₂ O ₃	SiO ₂	P ₂ O ₅	SO ₃	K ₂ O	CaO	TiO ₂	MnO	Fe ₂ O ₃
Р 5	1,82	1,18	6,86	75,01	0,51	0,09	1,88	1,90	0,65	0,19	2,36
Р 10	1,44	1,18	6,97	74,16	0,43	0,12	1,91	1,92	0,68	0,24	2,49
AUur 20	1,73	1,12	7,34	77,04	0,36	0,12	1,87	1,55	0,71	0,23	2,26
AУ 25	1,90	0,95	7,32	77,38	0,13	0,07	1,97	0,97	0,66	0,05	2,01
ВТ 50	1,98	2,32	12,91	69,74	0,27	0,09	2,27	0,91	0,86	0,06	4,65

В составе древесных пород доминирует пыльца березы (*Betula*) и ольхи (*Alnus*). Во всех образцах в небольшом количестве присутствует пыльца липы (*Tilia*) и дуба (*Quercus*).

Среди травянистых растений доминирует пыльца разнотравья, среди которого в большом количестве встречается пыльца иван-чая из семейства кипрейных (*Onagraceae*). Присутствие пыли этого растения в таком большом количестве отмечается в спектрах очень редко. Иван-чай – растение-пионер, чаще всего первым появляется на месте пожарниц, за что и получило в народе название «пожарная тра-

ва». Помимо этого в образцах обнаружено большое количество мельчайших угольков, при этом более крупных угольков, которые остаются при сжигании деревьев или кустарников в слое очень мало. Нередко фиксируется темная, обожженная и даже лопнувшая пыльца.

Таблица 4. Валовой химический состав (микроэлементы, мг/кг). Колонка 2

Горизонт, глубина, см	Ni	Cu	Zn	Br	Pb	Rb	Sr	Y	Zr	Nb
Р 5	16	33	90	6	12	60	110	21	306	9
Р 10	20	29	94	6	16	62	102	20	316	8
AUr 20	15	20	54	6	10	56	101	20	306	10
AY 25	15	14	27	–	11	51	106	18	297	10
BT 50	30	12	51	–	16	77	105	23	329	11

Помимо пыльцы иван-чая довольно часто встречается пыльца подсемейств цикориевых (Cichorioideae) и астровых (Asteroideae), в том числе василька (*Centaurea*). Из разнотравья также отмечена пыльца семейств крестоцветных (Brassicaceae), гвоздичных (Caryophyllaceae), яснотковых (Lamiaceae), бобовых (Fabaceae), зонтичных (Apiaceae), гераниевых (Geraniaceae), лютиковых (Ranunculaceae), рода горец (*Polygonum*).

Кроме пыльцы разнотравья во всех образцах присутствует пыльца злаков (Poaceae) (20–30%).

В группе споровых обнаружены споры зеленых (*Bryales*) и сфагновых (*Sphagnum*) мхов, плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*), реже споры гроздовника (*Botrychium*), папоротников семейства многоножковых (Polypodiaceae).

Однородность спорово-пыльцевых спектров на протяжении всего разреза может объясняться сильным перемесом данного слоя, что могло происходить при регулярной его распашке. Наиболее достоверным представляется вариант сжигания стерни с последующей распашкой. Возможно пахота производилась не каждый год, и тогда поле зарастало иван-чаем. Но не исключено, что иван-чай рос по окраине полей.

Палеоботанические материалы из культурного слоя

Археоботанические образцы получены путем флотации двух почвенных проб стандартного объема (10 л каждая), отобранных в раскопе у северного портала храма, в культурном слое, перекрытом строительной прослойкой середины XII в.

Все образцы содержали древние карбонизированные растительные макроостатки: зерна, семена и колосовые фрагменты культурных злаков, семена диких растений и др. Всего в двух образцах выявлено 116 различных макроостатков. Сохранность находок может быть оценена 2–2,5 (реже 3) баллами по пятибалльной шкале. Обращает на себя внимание сильная фрагментация материала. Достаточно сказать, что среди культурных растений лишь пять зерен были це-

лыми, остальные представлены фрагментами, часто сильно деформированными. Фрагментация носит как современное (связанное со сбором образцов), так и древнее происхождение.

Из 116 макроостатков более половины – 71 экз. (61,2%) – относится к культурным растениям, 19 экз. (16,4%) – к сорным. Значительная часть макроостатков (26 экз., или 22,4%) помещена в категорию «прочие», представленную неопределимыми карбонизированными объектами разного происхождения. Часть из них могла быть и фрагментами сильно деформированных зерновок злаков.

До видового уровня удалось определить только 13 зерновок культурных злаков. Из них основную часть составляет ячмень *Hordeumvulgare* – девять зерновок (в том числе и реконструированных по фрагментам); присутствуют также пленчатая пшеница двузернянка *Triticumdicocum* – одна зерновка, голозерная мягкая пшеница *Triticumaestivums.l.* – одна зерновка, рожь *Secalecereale* – одна зерновка, овес *Avenasativa* – одна зерновка. Из 25 колосовых фрагментов 24 принадлежат *Triticumdicocum* и 1 – *Hordeumvulgare*. Также среди макроостатков присутствует один неопределимый фрагмент семени бобового (Fabaceae). В обоих образцах в небольшом количестве зафиксированы также фрагменты соломы.

Что касается диких растений, то в образцах было найдено 19 карбонизированных диаспор. Из них пять семян маревых (Chenopodiaceae), четыре зерновки злаков (Poaceae), в том числе и фрагментированные, четыре семени представителей семейства гвоздичных (Caryophyllaceae), из которых два отнесены к роду *Silenesp.* и два не определены до рода в силу плохой сохранности, также два семени подмаренника (*Galiumsp.*), одно семя паслена черного (*Solanumnigrum*), одно семя мелкосеменного бобового (Fabaceae) и две неопределимых диаспоры.

Естественно, что мы не вправе проводить агроботаническую интерпретацию материалов, полученных всего из двух образцов. Однако следует отметить, что практически на всех ранних (VII–X вв.) поселениях Суздальского Ополья ячмень, как и в Кидекше, занимал весьма заметное место среди археоботанических находок – от 18 до 38%.

Обсуждение результатов

Основываясь на археологических данных, результатах морфологического исследования профилей и физико-химических анализов почв, анализе спорово-пыльцевых и археоботанических материалов, можно реконструировать несколько этапов освоения участка коренного берега Нерли, предваряющих строительство церкви Бориса и Глеба.

До конца I тыс. н.э. в течение не менее 1,5 тыс. лет на рассматриваемом участке происходило формирование дерново-подзолистых почв под лесом. Первые следы освоения человеком коренной террасы – единичные фрагменты сетчатой керамики I тыс. до н.э., найденные в шурфах и раскопе на церковном дворе и в шурфе внутри храма. Очевидно, они отражают непродолжительное заселение участка в начале I тыс. до н.э. или сезонную хозяйственную активность. В конце I тыс. н.э. на коренной террасе возникло стационарное средневековое поселение. Судя по отсутствию в культурном слое стеклянных бус и металличе-

ских украшений, присутствие которых характерно для напластований X в., поселок появился до этого времени, в IX в., а может быть и ранее. В результате формирования культурного слоя гумусовый горизонт исходной почвы был нарушен, верхняя часть исходного гумусового горизонта перемешалась с культурным слоем, богатым органическим материалом. В период существования поселка происходит накопление культурного слоя мощностью не менее 30 см. Основываясь на находках карбонизированных макроостатков, отложившихся в культурном слое, можно полагать, что жители поселка занимались земледелием, преобладающей культурой был ячмень.

Для культурного слоя конца I тыс. н.э. характерно повышенное содержание органического углерода, фосфора, кальция, цинка, брома и др., что указывает на высокую хозяйственную активность во время бытования поселения. Однако археологические находки, документирующие ремесленное производство в этот период, в раскопах не обнаружены.

Не позднее второй половины X в. поселение было заброшено. Антропогенная седиментация сменилась природным почвообразованием, на месте поселения происходит формирование луговой почвы по культурному слою, стирание слоистости, гомогенизация отложений. Судя по составу пыльцы в спорово-пыльцевых спектрах, окружающий ландшафт в этот период был открытым. Спустя не менее 100 лет на луговом участке сформировалась пашня, устройство которой сопровождалось выжиганием растительности, возможно, периодическим выжиганием стерни. Хотя определить длительность использования участка в качестве пахотного поля по имеющимся данным затруднительно, ясно, что распашка территории была многократной и продолжалась как минимум несколько лет.

Таким образом, церковь Бориса и Глеба была построена Юрием Долгоруким на пахотном поле, устроенном на месте давно запустевшего к тому времени поселения. Возможно именно это поселение дало начало историческому селу Кидекша: в процессе развития его местоположение и границы территории, занятой постройками, смещались. Ко времени строительства храма на площадке, отведенной для строительства, не было ни княжеского двора, ни рядовых усадеб, но более ранних церковных построек. Очевидно, участок с застройкой XI – первой половины XII в. находился к югу от церкви. Поскольку в раскопе 2008 г. на южном склоне коренной террасы, обращенном к устью р. Каменка, культурный слой XI – начала XII в. не выявлен, он мог занимать площадь не более 1,5–2 га.

Новые материалы не дают простого ответа на волновавший многих исследователей вопрос о причинах и обстоятельствах выбора Кидекши для строительства одного из первых белокаменных храмов. Сегодня ясно, что местоположение церкви на берегу Нерли не было задано уже сложившейся пространственной организацией княжеской территории. Но отсутствие археологических следов административного центра X – первой половины XII в. под собором, возведенном в 1152 г. в Кидекше, еще не означает, что его строительство не имело предыстории в оформлении здесь одного из центров княжеского управления Суздальской землей. Эта предыстория могла иметь более сложный характер, возможно, она будет прояснена полевыми работами на тех участках поселения, которые остались не затронутыми раскопками.

Литература

- АКР, 1995. Археологическая карта России. Владимирская область / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: ИА РАН. 379 с.
- Воронин Н.Н., 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. I: XII столетие. М.: Изд-во АН СССР. 583 с.
- Историческое..., 2012. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале Анании Федорова. Владимир: Гос. Владимиро-Суздальский музей-заповедник. 303 с.
- Лапшин В.А., 1991а. Лепная керамика Гнездиловского поселения // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси / Отв. ред. М.В. Седова. М.: Ин-т археологии. С. 120–129.
- Лапшин В.А., 1991б. Лепная керамика Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси / Отв. ред. М.В. Седова. М.: Ин-т археологии. С. 129–138.
- Лапшин В.А., 2012. Керамический комплекс селища Кибол (по материалам раскопок 1989–1991 гг.) // Археология Владимиро-Суздальской земли: мат-лы научного семинара. Вып. 4. М.; СПб.: ИА РАН. С. 95–100.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Шполянский С.В., 2010. О датировке средневекового поселения Весь 5 под Суздалем // Диалог культур и народов средневековой Европы: к 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова / Отв. ред. А.Е. Мусин, Н.В. Хвоцинская. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 113–141.
- Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В., 2004. Средневековое расселение в Суздальском Ополе // РА. № 1. С. 19–34.
- Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В., 2005. Сельское расселение в центральной части Суздальской земли в конце I – первой половине II тыс. н.э.: новые материалы // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга / Сост. В.Ю. Коваль, И.Н. Кузин; отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука. С. 196–215.
- ПСРЛ, 1856. Полное собрание русских летописей. Т. VII: Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Э. Праца. 345 с.
- ПСРЛ, 1907. Полное собрание русских летописей. Т. XVII: Западнорусские летописи. СПб.: Тип. М.А. Александрова. 612 стб.
- ПСРЛ, 1908. Полное собрание русских летописей. Т. XXI: Книга Степенная царского родословия. Ч. 1. СПб.: Тип. М.А. Александрова. 342 с.
- Раппопорт П.А., 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 242 с. (МИА; № 105).
- Сабурова М.А., Чукова Т.А., Лапшин В.А., Мошенина Н.Н., 1986. Отчет Владимиро-Суздальской экспедиции за 1986 г. Т. II: Исследования в округе г. Суздаля // Архив ИА РАН. Р-1. № 11963.
- Седов В.В., 1961. Раскопки 1959 г. во Владимирской земле и на Смоленщине // КСИА. Вып. 86. С. 73–77.
- Седов В.В., 2011. Раскопки в церкви Бориса и Глеба в Кидекше [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.archaeolog.ru/?id=2&id_nws=185&zid_nws=9.
- Чукова Т.А., 1988. Отчет о раскопках в с. Кидекша Суздальского р-на Владимирской обл. в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13381.
- Чукова Т.А., 1991. Раскопки на городище с. Кидекша // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси / Отв. ред. М.В. Седова. М.: Ин-т археологии. С. 140–147.
- Шполянский С.В., 2011. Раскопки средневекового поселения Кидекша под Суздалем // Археология Владимиро-Суздальской земли: мат-лы научного семинара. Вып. 3. М.; СПб.: ИА РАН. С. 34–48.

Е.Л. Костылева, А.В. Уткин

МУРОМО-ДРЕВНЕРУССКИЙ КОМПЛЕКС МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ ВАНИНО НА РЕКЕ ЛУХ

Материалы Ванинского многослойного поселения уже изданы отдельной статьей в периферийном сборнике. Тираж сборника ничтожный, поэтому они (материалы) для широкого круга специалистов остались (и остаются поныне) неизвестными. Комплексы эпохи первобытности (неолит – энеолит) в статье охарактеризованы и иллюстрированы достаточно подробно. Домонгольский же комплекс описан предельно кратко (*Уткин, 1989*). В связи с этим мы решили переиздать его вновь, но уже в расширенном варианте.

Поселение (рис. 1, 1) находится между деревнями Ванино и Криковская (Верхнеландеховский р-н Ивановской обл.), на левом берегу р. Лух (бассейн р. Клязьма). Высота поселения над летней меженью воды в реке составляет почти 4 м. Памятник был открыт Г.Ю. Элькиным в 1960 г. и зарегистрирован им как местонахождение домонгольской лепной керамики (*Ерофеева, 1965*). В 1985 г. он вторично открыт П.Н. Травкиным. В 1986–1987 гг. Лухский отряд Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР под руководством одного из авторов провел на поселении раскопки (*Крайнов и др., 1988*). К моменту исследования его западная часть была разрушена осыпью берега, а северная срезана бульдозером при сооружении в 1982 г. съезда в пойму к плавучему деревянному мосту.

Площадка вскрытого участка представляла собой ровную, хорошо задернованную и свободную от растительности и строений поверхность. В конце 1950 – начале 1960-х годов на этом месте находился колхозный птичник (утятник) барачного типа. В настоящее время от него не сохранилось никаких следов, за исключением столбовых ям, прослеженных в процессе раскопок. Их зафиксировано всего 10. В плане ямы имели квадратную или округлую форму, размерами в поперечнике 0,4–0,6 м и глубину 0,7–0,8. Располагались они попарно двумя параллельными рядами с севера на юг. Расстояние между ними равнялось примерно 4 м.

За два полевых сезона на поселении вскрыто 128 м². Стратиграфия раскопа неоднородна. В западной и центральной частях она состояла из следующих напластований:

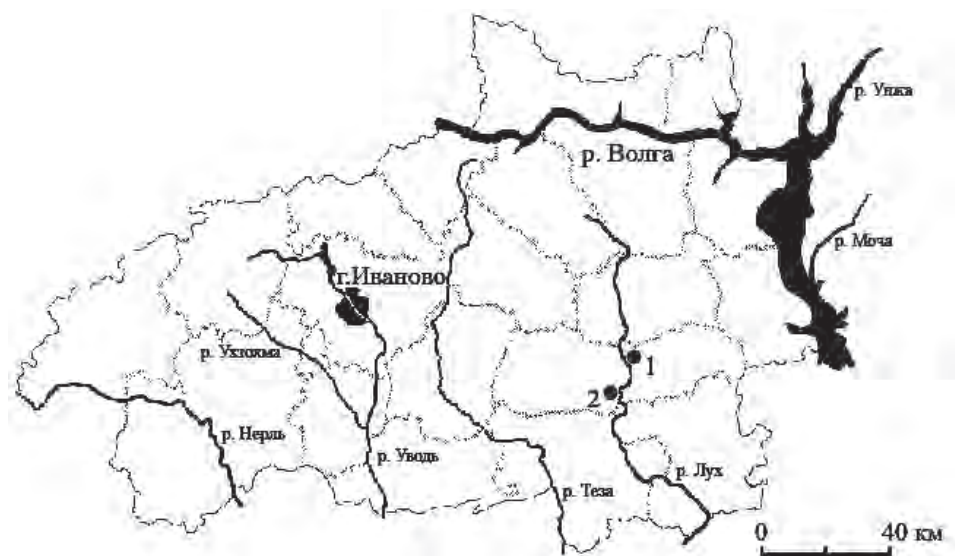

Рис. 1. Карта Ивановской области с указанием отдельных домонгольских памятников в бассейнах рек Увель и Лух. 1 – Ванино; 2 – Рыбино-Стрелка I

- дерн (4–7 см);
- светло-серый песок (пахотный слой) толщиной 12–30 см;
- светло-коричневый песок – культурный слой домонгольского времени (7–10 см);
- черный, сильно гумусированный песок, постепенно светлеющий к низу (нео-энеолитический культурный горизонт); мощность его колебалась от 6 см у северной стенки до 30 см в центре раскопа;
- светло-желтый слоистый песок (материк).

В восточной части раскопа слой черного песка отсутствовал. Здесь материк перекрывался непосредственно светло-коричневым песком. Толщина последнего увеличивалась от центра раскопа к востоку (в глубь берега) за счет резкого понижения его нижнего уровня и по восточной стенке составляла 20–29 см. Данная ситуация объясняется тем, что в восточной половине раскопа вскрыт участок, где находились какие-то (не прослеженные из-за песчаного грунта) строения, при сооружении которых был уничтожен более ранний культурный слой. Подтверждение этому – обнаруженная здесь довольно-таки большая яма, выкопанная в материке. Ее контуры зафиксированы на глубине 0,65–0,7 м от современной поверхности. В плане яма имела овальную форму, вытянутую по длинной оси ВСВ–ЗЮЗ (рис. 2). Северо-восточный конец остался за пределами раскопа. Размеры вскрытой части составляли 2,6 × 2,4 м. До отметки 0,9 м ее заполнение состояло из светло-коричневого песка с незначительным количеством разновременной керамики и кремней, а ниже шел темно-коричневый (влажный) песок и численно возрастала встречаемость находок, состоявших из обломков домонгольской посуды, ку-

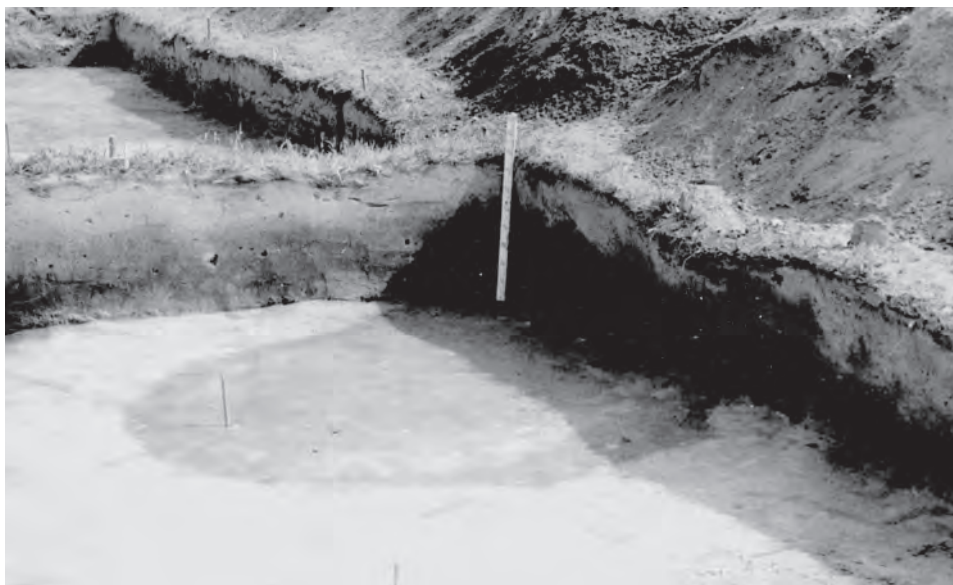

Рис. 2. Поселение Ванино. Контуры остатков ямы-подполья на уровне материка (фото А.В. Уткина).

сков глиняной обмазки и двух неполных развалов сосудов (одного – гончарного¹, другого – лепного; от последнего сохранился полный профиль – см. рис. 3, 19). Максимальная глубина ямы от современной поверхности – 1,4 м. Южная и западная стенки были крутыми, почти вертикальными, северная – более пологая, плавно переходившая в наклонный пол. С южной стороны ямы (по профилю) отмечены два четких клиновидных углубления светло-коричневого песка в материк, которые были, по-видимому, следами наземной постройки над ямой, а сама яма – подпольем жилого строения.

При раскопках памятника найдено 4727 предметов. Из них 91 экз. приходится на обломки русской сероглиняной посуды XVII–XVIII вв. Они очень мелкие, невыразительные и почти все залежали в пахотном слое, куда попали, очевидно, вместе с навозом. К этому же временному отрезку относится и находка бронзовой овальной пуговицы с желтой эмалью от женской верхней одежды.

Следующий комплекс – обломки посуды домонгольского времени (465 экз.) и куски глиняной обмазки, плюс немногочисленные орудия труда и украшения (10 экз.)².

подавляющее большинство их было найдено в светло-коричневом песке, причем примерно две трети керамических черепков собрано в восточной части раскопа. Преобладали фрагменты от лепных сосудов – 401 экз. (86,23%). Судя по наи-

¹ Развал кругового горшка, имевший крупные размеры, располагался в северо-северо-восточном (в недоисследованном) углу ямы, поэтому большинство его фрагментов осталось не выбранным.

² Прочие находки (чуть более 4 тыс.), собранные при раскопках памятника, фиксируют предпоследнюю стадию эпохи первобытности – нео-энеолит.

более выразительным обломкам, главным образом фрагментам венчиков и дниц, лепные горшки были плоскодонными и в массе своей приземистыми, со слабо выраженной шейкой и слегка профилированными стенками (рис. 3, 7–20). Емкости вытянутых пропорций (высота, превышающая диаметр по обрезу края) единичны. По крайней мере зрительно по единичным черепкам от венчиков подобная форма угадывается достоверно только в редких случаях (рис. 3, 15, 16). К данной метрической категории относится и упомянутый выше практически полностью восстановленный сосуд из заполнения ямы-подполья (рис. 3, 19). Обработка поверхно-

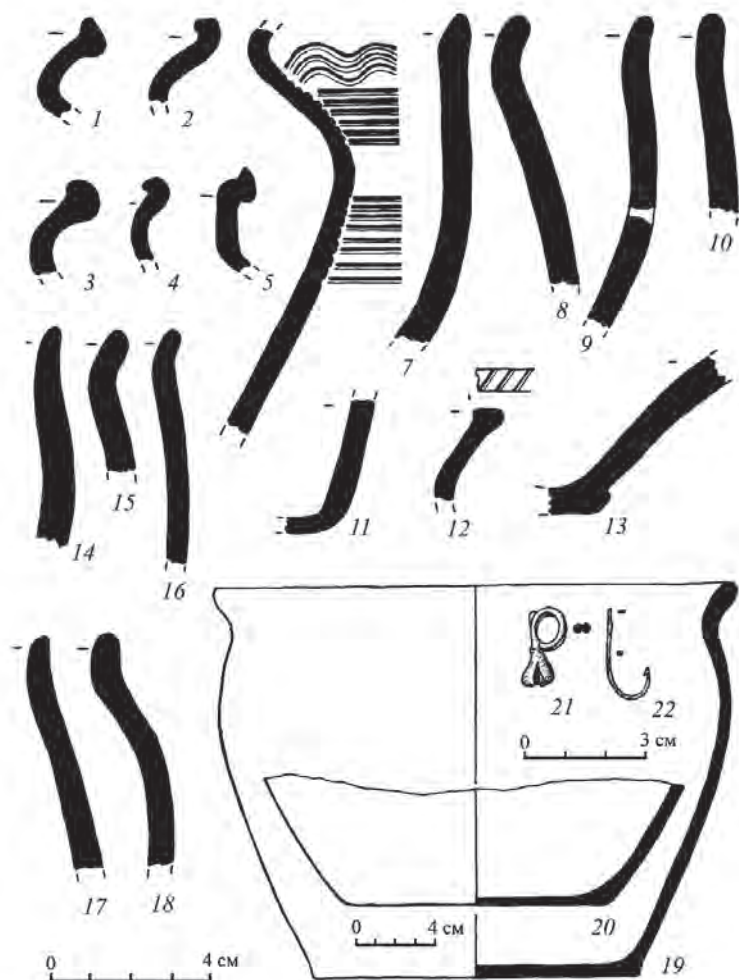

Рис. 3. Поселение Ванино.

1–6 – обломки круговой посуды; 7–18, 20 – обломки лепной посуды; 19 – развал лепного горшка; 21, 22 – бронзовые изделия (рис. А.В. Уткина)

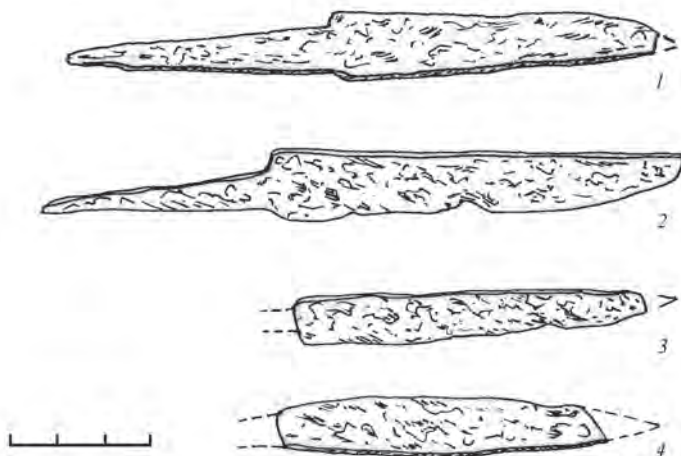

Рис. 4. Поселение Ванино. Ножи железные (1–4).

стей горшков в целом грубая. Исключение составляет небольшая серия обломков, у которых внешняя поверхность имеет относительно тщательное лощение. В качестве примесей использовалась дресва крупных фракций, у некоторых черепков в тесте отмечен мелкий речной песок с золовой пылью. Обжиг сильный, возможно, горновой, фрагменты на слом прочные. Вся лепная посуда не орнаментирована. Только срез одного венчика небрежно декорирован глубокими косыми нарезками (рис. 3, 12).

Обломков гончарной керамики собрано 64 экз. (13,74%). Они происходят от хорошо сформированных горшков с S-видным профилем и четко выраженной шейкой, резко переходящей в верхней трети сосуда в плечо тулова (рис. 3, 1–5). Некоторые фрагменты украшены линейным и волнистым орнаментом (рис. 3, 6).

Гончарная и лепная керамика, судя по стратиграфическим наблюдениям, одновременна. Это как нельзя лучше подтверждает их совместное залегание в заполнении ямы-подполья.

Орудия труда и украшения представлены осколком примитивного сланцевого оселка, бронзовым миниатюрным рыболовным крючком (рис. 3, 22), проволочным кольцом малого диаметра с несомкнутыми концами (назначение неясно), миниатюрным однощелевым бубенчиком с цельнолитой петлей от шумящей подвески (рис. 3, 21) и обрубком трехгранной в сечении проволоки длиной 21 и шириной 2 мм³.

³ Обрубок проволоки был обнаружен в первый год исследования памятника и принят нами за обрывок медной скобы, крепившей («сшивавшей») треснувший сосуд волосовской культуры, подобный скобам, сохранившимся по краям черепков поздневолосовской посуды с Уржумкинской стоянки в Марийском Поволжье (Черных, Кузьминых, 1977). Увы, нашу радость «омрачил» С.В. Кузьминых. Проведенный им спектральный анализ металла показал, что ванинская проволока изготовлена не из неочищенной меди эпохи квазиэнеолита, а из многокомпонентной бронзы средневековья.

Заканчивают коллекцию индивидуальных находок железные ножи. Их всего 5 экз. Все короткие. Один – с прямой спинкой и лезвием, плавно переходящим в черенок (рис. 4, 4). У трех – черенки выделены и со стороны спинки, и стороны лезвия (рис. 4, 1–3). Последний представлен обломком центральной части лезвийного полотна, судить о полной форме которого не представляется возможным.

Как видно из обзора домонгольских материалов Ванино, они немногочисленны и невыразительны. Надежно датирующие вещи отсутствуют, если таковыми не считать бубенчик с цельнолитой петлей и нож с прямой спинкой.

Бубенчик идентичен шумящей бахrome на коньковых подвесках из погребений 9, 15 и 84 Малышевского муромского могильника (*Голубева*, 1979) и из древнерусского мужского захоронения под курганом 6/1926 в урочище Грачки близ д. Киучер на Переславщине (*Комаров*, 1988). И там, и там «коньки» украшали костюмы погребенных X – начала XI в. К несколько более раннему времени (рубежу IX–X вв.) Е.А. Леонтьев (1996) относит бытование коротких ножей с прямой спинкой.

Теперь коротко о керамике. Если гончарная посуда типично древнерусская и ее датировка XII–XIII вв. не вызывает сомнений, то этого с определенной уверенностью нельзя сказать о лепных горшках. По берегам озер Неро, Плещеево и в Суздальском Ополе, по А.Л. Леонтьеву (1996), они получили широкое распространение в IX–X вв. и изготовлялись летописной мерей. На Ванино же обе технико-морфологические керамические группы, как было отмечено выше, залегали совместно, в одной и той же яме-подполье, т.е. сформованные от руки емкости активно продолжали использоваться здесь и в XII–XIII вв.

Финалом изготовление лепных горшков у летописной муромы большинство исследователей называют первую половину XI в., оглядываясь при этом на хронологию Малышевского грунтового могильника, предложенную А.Ф. Дубыниным (1949). Для погребальной посуды данный хронологический репер справедлив, но он, по нашему убеждению, «не работает» для поселенческой керамики. Поясним свою мысль. Почти за 170-летнюю историю изучения древностей муромы к настоящему времени известно порядка 30 неукрепленных поселений (*Бейлекчи*, 2005). Из них стационарные раскопки проводились только на семи-восьми, а более-менее подробно опубликованы материалы лишь одного – Тумовского селища (*Горюнова*, 1961). Практически во всех муромских культурных горизонтах помимо лепных черепков известны и фрагменты круговой древнерусской посуды, и не обязательно только X–XI вв. Так, при внимательном рассмотрении графических рисунков и фотографий обломков керамической тары в полевом отчете А.Ф. Дубынина из ям-подполий, раскопанных на Малышевском селище, хорошо узнаются фрагменты посуды, сформованной на легком гончарном круге в XII–XIII вв., которые залегали вперемежку с лепными (*Дубынин*, 1952)⁴.

При сравнении ванинской лепной керамики с фрагментами мерянской и муромской посуды бросается в глаза их сходство, порой даже тождество по большин-

⁴ Нам пришлось воспользоваться фотографиями и графическими рисунками Малышевской селищенской керамики, выполненных Е.Н. Ерофеевой в 1950 г., так как сами материалы, хранящиеся в фондах Ивановского областного историко-краеведческого музея им. Д.Г. Бурякина, вот уже более 30 лет перманентно не доступны для исследователей.

ству параметров. Однако есть и различия. В частности, на Ванино не фиксируются горшки вытянутых пропорций с достаточно четко выраженной короткой шейкой и ребром и «банковидные» с прямым и «сплюснутым» венчиком по отношению к толщине стенки тулова, которые присутствуют в керамических коллекциях мери, но у муромы они, кажется, неизвестны. Другими словами, ванинский комплекс домонгольской керамики смешанный, сформировавшийся на рубеже XII–XIII вв.

И этому есть объективное объяснение. По мысли А.Ф. Дубынина (1966), низовья рек Тезы и Луха с VII–VIII вв. были северной, слабозаселенной территорией летописной муромы, на что однозначно указывают раскопанные грунтовые могильники – Холуйский и Кочкинский (Голубева, 1987). Позднее редкое муромское туземное население встретилось здесь с древнерусскими колонистами, и было последними постепенно ассимилировано.

Ванинское селище не одиноко. Примерно в 9–10 км вниз по течению Луха расположено другое муромо-древнерусское селище (рис. 1, 2) – Рыбино-Стрелка I (Комаров, 1973)⁵.

Литература

- Бейлекчи В.В.*, 2005. Древности летописной муромы: погребальный обряд и поселения. Муром: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та. 276 с.
- Голубева Л.А.*, 1979. Зооморфные украшения финно-угров. М.: Наука. 112 с. (САИ; Вып. Е1-59).
- Голубева Л.А.*, 1987. Поволжские финны // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука. С. 67–115. (Археология СССР).
- Горюнова Е.И.*, 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья. М.: Изд-во АН СССР. 267 с. (МИА; № 94).
- Дубынин А.Ф.*, 1949. Малышевский могильник: К истории Нижней Оки в I тысячелетии н.э. // КСИИМК. Вып. XXV. С. 134–136.
- Дубынин А.Ф.*, 1952. Археологические экспедиции Ивановского государственного педагогического института: 1939–1950 гг. // Ученые записки ИГПИ. Т. III. Иваново. С. 242–252.
- Дубынин А.Ф.*, 1966. О племенной принадлежности населения северной окраины муромской земли // СА. № 3. С. 67–79.
- Ерофеева Е.Н.*, 1965. Археологические памятники Ивановской области: Материалы к археологической карте. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во. 64 с.
- Комаров К.И.*, 1973. Славянское поселение «Стрелка» на р. Лух // КСИА. Вып. 135. С. 86–89.
- Комаров К.И.*, 1988. Курганный могильник «Грачки» у д. Киучер // Археологические памятники Европейской части РСФСР: Погребальные памятники. М.: АН СССР. С. 72–90.

⁵ К.И. Комаров, публикуя селищенские материалы Рыбино-Стрелки I, по необъяснимым нам причинам интерпретировал их как славяно-мерянские, хотя при этом некоторым индивидуальным находкам он указывает точные аналогии именно среди муромских древностей, в частности, железной остроге. Константин Иванович также пишет в своей заметке, что «лепная керамика составляет незначительный процент» (Комаров, 1973. С. 86). В действительности, если ориентироваться на полевую опись, составленную Л.С. Китициной, то «незначительный процент» приходится, наоборот, на черепки круговой древнерусской посуды.

Муромо-древнерусский комплекс многослойного поселения Ванино на реке Лух

- Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Травкин П.Н., Уткин А.В.*, 1988. Исследования Верхневолжской экспедиции // АО 1986 года. М.: Наука. С. 69–72.
- Леонтьев А.Е.*, 1996. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси // Археология эпохи переселения народов и раннего средневековья. М.: ИА РАН. 340 с.
- Уткин А.В.*, 1989. Многослойное поселение Ванино на р. Лух // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 2. Иваново. С. 21–32.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.*, 1977. О химическом составе металла с волосовских поселений Верхнего и Среднего Поволжья // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола. Вып. 2: Из истории и культуры волосовских и ананьевских племен Среднего Поволжья. С. 88–95.

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Н.А. Кокорина

ДРЕВНЕРУССКИЕ КОЖАНЫЕ ИЗДЕЛИЯ И ОБУВЬ В КОЛЛЕКЦИИ АРХЕОЛОГИИ ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Традиционно считается, что сухой культурный слой Владимира плохо сохраняет органические материалы. Однако в последние годы в ходе охранных раскопок в разных частях исторического ядра города были обнаружены участки с повышенной влажностью грунта, к которым в силу тех или иных обстоятельств был перекрыт доступ воздуха. Хорошо сохранившиеся древние слои на таких участках содержат в числе прочего вещевого материала и органику. Благодаря этому коллекция археологии Владимиро-Суздальского музея-заповедника пополняется интересными и редкими для Владимира древнерусскими предметами из кожи и дерева. Кожаные изделия представлены в основном деталями и фрагментами обуви, а также в небольшом количестве предметами иного назначения.

Изучение русской средневековой кожаной обуви ведется уже давно. Продукция сапожного ремесла таких городов, как Новгород, Псков, Старая Ладога, Тверь, Москва, Смоленск широко представлена в работах многих исследователей (*Изумова*, 1959; *Оятева*, 1962, 1965; *Полонская*, 1991; *Курбатов*, 2004а, б; *Осинов*, 2006). Ими разработана классификация обуви и разных изделий из кожи, проведена систематизация обширного вещевого материала и сделаны общие выводы об эволюции кожевенного и сапожного ремесел на территории Древней Руси.

Теме кожевенного производства во Владимире посвящена статья А.В. Курбатова, в качестве вывода автор констатирует, что «на сегодня во Владимире зафиксирован широкий спектр кожаных изделий от XIII до XVIII–XIX вв.» (*Курбатов*, 2008. С. 185). Однако в основном работа посвящена именно предметам XVIII–XIX вв., и лишь кратко упоминается наличие более ранних находок. Это может объясняться тем, что работа создавалась до публикации материалов раскопок, содержавших большое количество древнерусских кожаных изделий.

В статье Д.А. Кабаева и Л.Л. Гальчук о результатах раскопок 2005 г. по адресу ул. Гагарина, 2 сообщается об обнаружении в одной из ям большого скопле-

ния предметов из кожи, датируемых концом XIII–XVI в. (*Кабеев, Гальчук, 2007*). Подробно эти материалы рассмотрены в работе Д.О. Осипова (2007).

Кожаная обувь более раннего (домонгольского) периода, находящаяся в фондах Владимиро-Суздальского музея-заповедника, исследована Д.Н. Григорьевым в статье, посвященной результатам охранных раскопок, проведенных автором (2008). В своей работе исследователь дал общую характеристику собранной им коллекции и датировал ее XII–XIII вв. Реставрации нескольких предметов из этих раскопок посвящена статья С.А. Шерышевой (2010). Материалы исследований 2006 г. по адресу ул. Большая Нижегородская, 33а, где также были обнаружены предметы из кожи, отнесенные к домонгольскому времени и вошедшие в состав археологической коллекции Владимиро-Суздальского музея-заповедника, нигде не освещались.

Таким образом, можно констатировать, что в современной литературе проблеме кожаного и сапожного производства в древнем Владимире уделяется значительное внимание. Однако опубликованную информацию нельзя считать исчерпывающей, поскольку материалы некоторых раскопок еще не введены в научный оборот, а часть других дана лишь в виде краткого обзора.

Задача настоящей работы – общая характеристика и систематизация древнерусских кожаных изделий, находящихся в фонде археологии Владимиро-Суздальского музея-заповедника, а также введение в научный оборот тех из них, которые еще не опубликованы.

Все рассматриваемые предметы происходят из двух коллекций: раскопок Л.Л. Гальчук 2006 г. (по адресу ул. Б. Нижегородская, 33а) – 27 шт.; Д.Н. Григорьева 2007 г. (по адресу ул. Б. Нижегородская, 27б) – 33 шт.¹ Оба раскопа расположены достаточно близко друг от друга, на высоком берегу бывшей р. Лыбедь, в северной части так называемого Ветчаного города.

Особенность участка состоит в том, что здесь отсутствуют напластования позднего времени, а древние слои оказались законсервированы глиняной насыпью вала (сам вал был срыт в 1960-х годах, но сохранялась его подошва), благодаря чему доступ воздуха к ним был перекрыт и сохранялась влага. В результате на данной территории сложилась редкая для Владимира стратиграфическая ситуация – зафиксирован слой, прекрасно сохранивший органику: кожу, дерево и т.п. Таким образом, вся представленная в коллекции обувь и другие кожаные изделия датируются XII–XIII вв.

В качестве сырья для кожаного производства в этот период использовались преимущественно шкуры крупного и мелкого рогатого скота. Поскольку, как известно, скот в Древней Руси был мелкопородным, то толщина кожаного материала сравнительно невелика (1,5–2 мм). Кроме того, русские кожевники в XII – первой половине XIII в. еще не освоили такую технологию киселеварения, которая позволяла бы дубить более толстые кожи (*Осипов, 2006. С. 58, 59; 2007. С. 141*).

Для этого времени характерна обувь мягкой конструкции без дополнительных деталей. Под дополнительными деталями в данном случае имеются в виду подкладка или поднаряд, способствовавший повышению износоустойчивости и

¹ Материалы раскопок 2005 г. во Владимире на ул. Гагарина, среди которых также содержится много изделий из кожи, на сегодняшний день еще не поступили в музей.

влагонепроницаемости, стелька, рант и супинатор. Все эти элементы появляются постепенно в последующие столетия (Осипов, 2006. С. 55, 56).

Видовой ряд обуви домонгольского времени состоит в основном из моделей низких форм: кожаных лаптей, поршней и туфель. К высокой обуви относятся сапоги, но встречаются они значительно реже (Осипов, 2006. С. 40–46). В коллекции Владимиро-Суздальского музея-заповедника присутствует некоторое количество деталей сапог. Из низких же форм обуви есть только туфли, а лапти и поршни отсутствуют.

Поскольку рассматриваемая коллекция состоит преимущественно из деталей кожаных изделий и относится к достаточно узкому историческому периоду, для ее описания будет использован принцип системного подхода, примененный Д.О. Осиповым при изучении московской обуви (2006), а также обуви из раскопок 2005 г. во Владимире (2007).

Всего в фонде археологии Владимиро-Суздальского музея-заповедника насчитывается 60 предметов из кожи. Большую часть из них (49 ед.) составляет обувь.

Полные формы представлены 6 экз. (рис. 1). Это туфли, собранные из найденных на раскопе 2007 г. деталей реставратором Владимиро-Суздальского музея-заповедника С.А. Шерышевой. Все они асимметричного кроя, с цельнокроеным верхом, отложными берцами и ременным креплением. Пять экземпляров орнаментированы продержкой по оси носка, один – расшивкой, от которой сохранились лишь отверстия, и одна туфля совсем лишена орнаментации. По размеру туфли различаются достаточно сильно: от 16 до 25 см в длину. Таким образом, среди них присутствует как детская, так и взрослая обувь.

Все оставшиеся разрозненные обувные детали можно разделить на три большие группы: детали верха, детали низа и элементы крепления.

К деталям верха относятся голенища, головки и задники сапог, а также цельнокроеные верхние части туфель. Меньше всего (4) голенищ. Три односоставные (рис. 2, *A-I*), а одна деталь представляет собой половину двухсоставного голенища (рис. 2, *A-II*). Формы обрезов различны: одно из цельных голенищ имеет скошенный край верха, деталь двухсоставного – прямой. О форме кроя двух других экземпляров говорить сложно, так как верхний край их оборван. То, что голенища составляют небольшой процент от общего числа находок, вполне типично. Это объясняется тем, что голенище – наименее изнашиваемая часть сапога и чаще других деталей использовалось вторично (Изюмова, 1959. С. 207).

Главным моделирующим элементом средневековой обуви были головки. Поэтому их формы отличались наибольшим разнообразием в сравнении с другими деталями. В числе рассматриваемых изделий имеется пять головок (рис. 2, *B*), длина которых колеблется от 16 до 22 см. Все они различаются формой носка и верхнего среза.

Задников сапог в коллекции семь: четыре цельных (рис. 2, *Г-I*) и три составных (рис. 2, *Г-II*). Среди них присутствуют как наборные, так и однослойные экземпляры.

Целых деталей верха туфель семь (рис. 3, *A*). Кроме того, имеется пять фрагментов разной величины (рис. 3, *B*). Все они относятся к моделям асимметричного кроя с отложными берцами и ременным креплением. В качестве декора – продержж-

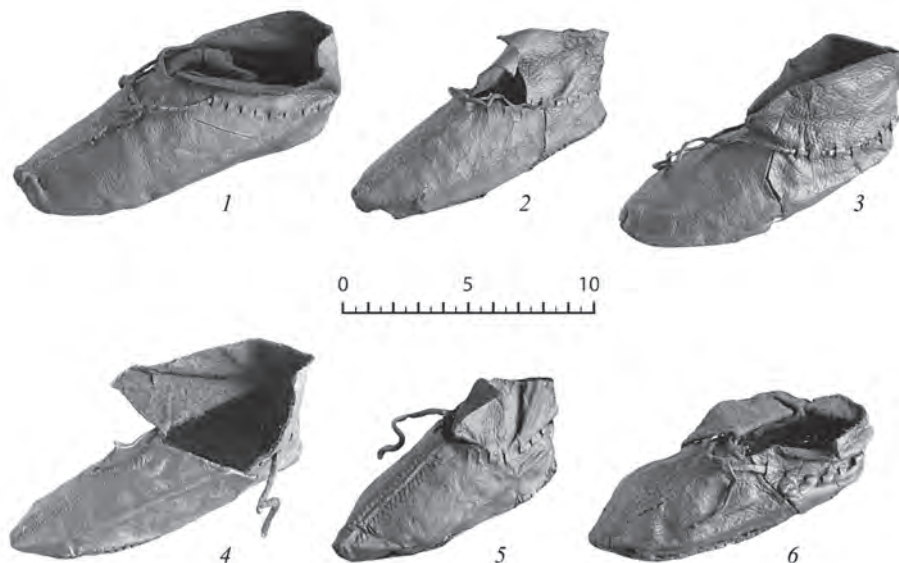

Рис. 1. Туфли из раскопа 2007 г. во Владимире

ка по оси носка. В коллекцию входят также два неорнаментированных экземпляра.

Детали низа в данном случае представлены только подошвами: шестью целыми (рис. 2, *Б-I*) и пятью фрагментированными (рис. 2, *Б-II*). Среди них – как однослойные, так и двухслойные, а также детали, представляющие собой верхний лист двухслойной подошвы. Большинство экземпляров цельнокроеные, но есть и детали составных. По внешнему виду они различаются формой носка и пятки и степенью выраженности геленочной части.

Подошвы – самая изнашиваемая часть обуви, поэтому на них чаще, чем на других деталях, можно проследить следы износа или ремонта. Из всей владимирской коллекции только две подошвы имеют характерные сквозные потертости. Что касается мелких повреждений на других экземплярах, сейчас сложно судить, являются ли они результатом износа или объясняются исключительно состоянием сохранности археологического материала. Как следствие ремонта можно рассматривать наличие деталей составных подошв. Когда только одна половина подошвы была сильно повреждена, ее аккуратно обрезали и подкраивали недостающую часть из подходящей по толщине кожи. Эту работу выполняли в тех же мастерских, которые занимались пошивом новой обуви.

К элементам крепления в рассматриваемой коллекции относятся тонкие кожаные ремешки, представленные в одном экземпляре. Все детали обуви скреплялись между собой при помощи тачного и выворотного швов, характерные следы которых прослеживаются по краям деталей. Более совершенный потайной шов в этот период еще не был известен владимирским сапожникам.

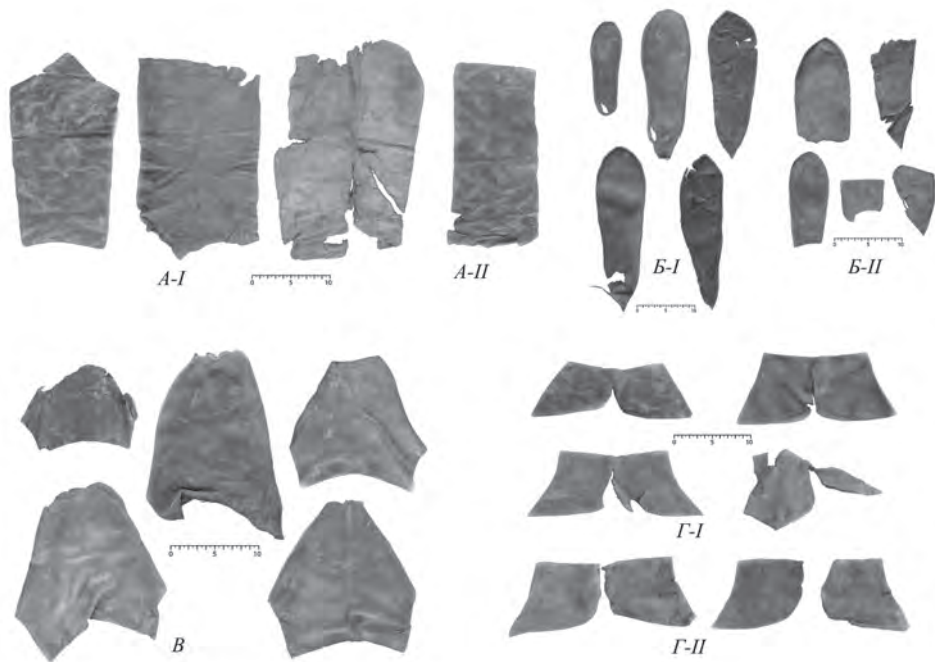

Рис. 2. Детали обуви.

А – голенища; *Б* – подошвы; *В* – головки; *Г* – задники

Что касается материала, то по визуальному осмотру можно заключить, что для изготовления имеющихся в коллекции деталей использована шкура крупного и мелкого рогатого скота. Наиболее толстая кожа (яловка) характерна для однослойных подошв, а также для большинства головок и задников сапог. Голенища, наборные подошвы и верхние части туфель выполнены из кожи меньшей толщины. Особенно гладкой и тонкой кожей отличаются туфли маленького размера, определяемые как детские.

У большого количества обувных деталей наблюдается расслоение кожи в той или иной степени. Это отчасти свидетельствует о низком качестве дубления материала, однако может объясняться и степенью его сохранности.

В целом можно сказать, что в XII–XIII вв. обувь Владимира аналогична обуви других древнерусских городов. Видовой ряд ее несколько меньше: кожаные лапти и поршни в коллекции совсем не представлены. Количество деталей сапог сравнительно невелико. Все туфли относятся к одному и тому же виду кроя (асимметричному со швом на внутренней стороне стопы) с незначительными различиями: со швом, смещенным в сторону головки или расположенным в середине боковой части, полностью цельнокроеные или с одним пришивным берцем. В рассматриваемой коллекции полностью отсутствуют модели симметричного кроя со швом сзади, бывшие достаточно распространенными в городах запада и северо-запада Руси (Изюмова, 1959. С. 202–205; Оятева, 1962. С. 80–83; Полонская, 1991).

Рис. 3. Детали верха туфель.

А – целые; *Б* – фрагменты

Как важную отличительную особенность владимирской обуви нужно отметить скромность ее декора. Наиболее распространенный прием – продержжка, состоящая из двух рядов горизонтальных прорезей, расположенных вдоль оси носка. Из 19 туфель 15 украшено таким образом. Что касается вышивки, столь популярной во многих древнерусских городах, она присутствует лишь на одном экземпляре из владимирской коллекции. Три туфли вовсе лишены орнаментации. Однако такая картина может объясняться и тем, что доступный на сегодняшний день объем материала сравнительно невелик. В Новгороде, Пскове, Москве изучено по несколько мастерских, находившихся в разных частях этих городов и существовавших на протяжении длительного периода. Владимирская же коллекция происходит целиком с одного участка, и ее датировка достаточно ограничена. Вполне вероятно также, что в рассматриваемой коллекции представлена обувь не очень состоятельных горожан. В любом случае провести полноценное сравнение обуви жителей Владимира XII в. с материалом других городов пока затруднительно.

Рис. 4. Кожаные изделия.

А – маска святочная; *Б* – деталь мяча

Из других кожаных изделий наибольший интерес представляет маска (рис. 4, *А*) овальной формы с асимметрично расположенными овальными прорезями для глаз, вытянутой прорезью для рта и полуовальным вырезом для носа, прикрытым клапаном. По краям справа и слева – два отверстия для продевания ремешка или веревочки. Наибольшее количество таких масок (14 штук) найдено в Новгороде (Колчин, Янин, 1982. С. 88). Две маски происходят из Твери (Курбатов, 2004а). По классификации, предложенной Б.Б. Овчинниковой, владимирскую маску можно отнести к типу антропоморфных; подобные маски принято считать скоморошьими, однако они могли также использоваться и в святочных представлениях (Овчинникова, 2011. С. 281–290).

В коллекции также представлена деталь кожаного мяча (рис. 4, *Б*) круглой формы, из двух слоев достаточно тонкой кожи, со следами от шва по периметру. Ее диаметр – 5,5 см. Такие мячи небольшого размера, выкроенные из двух деталей округлой формы и торцевой пластины, равной по длине их окружности, могли использоваться для игры в лапту. Большое количество подобных мячей разных размеров найдено в Новгороде (Изюмова, 1959. С. 216). Встречаются они также в Москве, Пскове и других городах в слоях XII–XV вв. (Векслер, Осипов, 2000. С. 155, 158. Рис. 7) Во Владимире деталь аналогичного мяча обнаружена при раскопках 2005 г. на ул. Гагарина, 2 (Осипов, 2007. С. 141).

Среди имеющихся в коллекции кожаных изделий присутствует предмет, атрибутированный авторами раскопа как поплавок. Он представляет собой длинную узкую полоску кожи, заплетенную в сложный узел. Близких аналогий ему найти пока не удалось, поэтому и точное назначение его остается под вопросом.

Оставшиеся не описанными 10 изделий составляют широкий ремень и 9 трудноопределимых кожаных деталей, со следами от швов по краям. Некоторые такие

находки, вполне вероятно, являются какими-либо составными элементами обуви либо обрезками от раскроя или ремонта. Интересны подчетыреугольные и подовальные кожаные детали со скругленными углами и прорезанными отверстиями разной величины, а также совсем маленькая деталь округлой формы с прямоугольно вырезанным отгибающимся язычком в середине. Возможно все они служили накладками на какие-то составные изделия. Точнее пока судить сложно.

Весь комплекс кожаных предметов, обнаруженных на двух упомянутых выше раскопах 2006 и 2007 гг. в Ветчаном городе, позволяет говорить о наличии на данном участке или где-то поблизости сапожных мастерских. На это указывает значительное количество целых предметов и крупных деталей обуви (более 150 ед. с двух раскопов), сконцентрированных на сравнительно небольшой территории, а также большое число мелких фрагментов и обрезков от раскроя (более 11 тыс.). Местоположение – ближе к городской окраине на берегу реки – больше соответствует специфике кожевенного ремесла как чрезвычайно водоемкого. Тем не менее, никаких следов последнего в раскопках не обнаружено. К тому же известно, что в большинстве древнерусских городов в XII в. сапожное и кожевенное ремесла выделились в самостоятельные отрасли производства, и Владимир, видимо, не был исключением (Изьмова, 1959. С. 195–198; Осипов, 2006. С. 60, 61). Сапожники, чья деятельность не предполагала каких-либо особых условий, старались селиться в наиболее оживленных местах, так как от этого напрямую зависел уровень их дохода. Учитывая, что город на данном участке сильно сужается, предполагаемые мастерские, хотя и располагались у самого Зачатьевского вала, находились при этом сравнительно недалеко от восточного въезда в город – Серебряных Ворот и главной городской магистрали. Таким образом, место расположения мастерских вполне согласуется с соображениями практической выгоды.

В заключении можно сказать, что несмотря на то, что коллекция древнерусских кожаных изделий и обуви Владимиро-Суздальского музея-заповедника сравнительно невелика, она представляет особенный интерес. До недавнего времени говорить о том, что древние владимирцы носили кожаную обувь, можно было лишь предположительно, по аналогии с другими древнерусскими городами. Однако раскопки последнего десятилетия дали зримое подтверждение этих предположений.

Литература

- Векслер А.Г., Осипов Д.О., 2000. Инструменты сапожников и кожаные изделия из раскопок Старого Гостиного двора в 1998 году // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М. С. 153–159. (Тр. Музея истории города Москвы; вып. 10).
- Григорьев Д.Н., 2008. Раскоп 2007 г. на Нижегородской ул. г. Владимира // Археология Владимиро-Суздальской земли: мат-лы научного семинара. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 92–103.
- Изьмова С.А., 1959. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М.: Наука. С. 192–222. (МИА; № 65).
- Кабаев Д.А., Гальчук Л.Л., 2007. Охранные исследования во Владимире на территории «Нового города» в 2005 г. (раскопки на ул. Гагарина, 2) // Археология Владимиро-Суздальской земли: мат-лы научного семинара. Вып. 1. М.: ИА РАН. С. 68–74.

- Колчин Б.А., Янин В.Л.*, 1982. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода / Ред. Б.А. Колчин, В.Л. Янин. М.: Наука. С. 3–137.
- Курбатов А.В.*, 2004а. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. СПб.: Петербургское Востоковедение. 311 с. (Тр. ИИМК; т. 10).
- Курбатов А.В.*, 2004б. Обувная мода в средневековой Руси (по находкам из раскопок в Твери) // Археология, история нумизматики, этнография Восточной Европы: сб. ст. памяти проф. И.В. Дубова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та. С. 102–115.
- Курбатов А.В.*, 2008. Археологические данные о кожевенном ремесле в древнем Владимире // Археология Владимиро-Суздальской земли: мат-лы научного семинара. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 171–190.
- Овчинникова Б.Б.*, 2011. Кожаные маски из раскопок в Новгороде и их интерпретация // Новгородские археологические чтения – 3: мат-лы Международной конф. «Археология средневекового города» (Великий Новгород, 25–28 сент. 2007 г.) / Под ред. Е.А. Рыбиной. Вел. Новгород. С. 281–290.
- Осинов Д.О.*, 2006. Обувь Московской земли XII–XVIII вв. М.: ИА РАН. 200 с. (Мат-лы охранных археологических исследований; т. 7).
- Осинов Д.О.*, 2007. Обувь и другие изделия из кожи, найденные при раскопках в исторической части г. Владимира // Археология Владимиро-Суздальской земли: мат-лы научного семинара. Вып. 1. М.: ИА РАН. С. 134–144.
- Оятева Е.И.*, 1962. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // АСГЭ. Вып. 4. Л. С. 77–94.
- Оятева Е.И.*, 1965. Обувь и другие кожаные изделия Земляного городища Старой Ладogi // АСГЭ. Вып. 7. Л. С. 42–59.
- Полонская М.Ю.*, 1991. Кожаная обувь древнего Смоленска // Смоленск и Гнездово. М.: Изд-во Моск. ун-та. С. 105–124.
- Шерышева С.А.*, 2010. Реставрация археологической кожи XII–XIII вв. // Мат-лы исследований: сб. № 16 / Сост. А.А. Тенеткина; Гос. Владимиро-Суздальский музей-заповедник. Владимир. С. 163–166.

А.В. Уткин, Е.Л. Костылева

ДРЕВНЕРУССКАЯ АКТОВАЯ ПЕЧАТЬ ИЗ ВЛАДИМИРА-НА-КЛЯЗЬМЕ

Летом 2004 г. во время охранных раскопок на «стрелке» коренного берега Клязьмы и Ерофеевского оврага, на «Смотровой» площадке в парке им. А.С. Пушкина г. Владимира, по соседству со знаменитым Успенским собором XII в. одним из авторов была обнаружена уникальная сфрагистическая находка – металлическая «вислая» печать (Уткин, 2007).

Владимирская печать – свинцовая, диаметром 20 и толщиной 2–3 мм (рис. 1–3). Сохранность отличная, видимых механических повреждений практически нет, за исключением единичных мелких вмятин-царапин на оборотной плоскости.

Печать анонимная. На лицевой стороне изображена евангелическая сцена – «Богоматерь на троне с Младенцем на коленях». Оттиск рельефный, большинство деталей «читаются» достаточно четко. Богоматерь показана в позе сидя на низком троне с широким подлокотником. Свободно ниспадающие складки просторного одеяния-рясы полностью укутали левый торец трона с подлокотником и правую туфлю. Из-под подола выглядывает лишь остроносый кончик другой, левой туфли. Обе руки согнуты в локтях, предплечья подняты вверх и ладони нежно, по-матерински прикрывают голову Сына. Лицо и верхняя дуга нимба из-за небрежности при штамповке оказались за пределами окружности печати. Просматриваются только кайма вѣрота, оголенная хрупкая шея и несоразмерно массивный подбородок. Скорее всего по той же причине вне диска осталась часть обязательной монограммы по сторонам Богоматери; оттиснутой оказалась только одна – «фита».

Изображение Младенца миниатюрно. Однако овал его головы, вертикально посаженное тельце, подогнутые в коленях и перекрещенные в голенях голые ножки смотрятся достаточно отчетливо, а при многократном увеличении на компьютере угадываются даже точки-глазки. (Как этого эффекта умудрился добиться древнерусский резчик, думаем, ни один современный ювелир не ответит). Хуже «прописаны» руки. Почти не узнаются поднятая в благословляющем жесте непропорционально длинная правая рука и нимб вокруг головы.

Рис. 1. Древнерусская анонимная печать
(рис. Н.В. Ухтинской)

Рис. 2. Древнерусская анонимная печать: аверс и реверс
(фото Е.Л. Костылевой)

Оборотную сторону моливдовула украшает шестиконечный процветший крест на Голгофской горе. Основание креста, голова праотца Адама и вершина горы срезаны вмятиной.

Печать найдена в нижних отложениях культурного горизонта древнего города, почти на 2-метровой глубине. Она лежала поверх мощного слоя пожарища, под которым был расчищен угол какой-то постройки (рис. 4). Постройка горела, причем в зимнее время. В ее основании прослежены остатки обугленных еловых плах, перекрывавших неглубокое (4–10 см) углубление. В заполнении углубления собрана небольшая, но выразительная коллекция обломков круговой керамической посуды с линейно-волнистой орнаментацией. Из соседней столбовой ямки изъят пережженный стеклянный перстень зеленого цвета. И перстень, и керамика типологически датируются рубежом XII–XIII вв. Черепки горшков по технико-морфологическим показателям однородны и имеют узкий хронологический диапазон. Данный факт позволяет уверенно полагать, что постройка погибла в огне пожара в начале февраля 1238 г., во время разорения стольного града Владимира монгольскими войсками. Если это так, и если связывать печать с функционировавшей постройкой, то рассматриваемую находку следует отнести к началу XIII в.

Рис. 4. Раскоп 2004 г.: место строения начала XIII в. (фото. Д. Моклецова)

Это предположение подтвердило стилистическое изучение изображений на булле, проведенное М.В. Седовой, признанным знатоком владими́ро-суздальских археологических древностей. Ею же высказана мысль, что печать местного (владимирского) происхождения¹. Действительно, в домонгольское время на территории Северо-Восточной Руси, как нигде, было широко распространено почитание Богородицы, нашедшее отражение и в первых каменных храмах Андрея Боголюбского, и в нательных иконках-медальонах.

Другими словами, найденная печать относится к «дому Пресвятой Богородицы», т.е. была оттиснута в канцелярии какого-то церковного иерарха. Какого? Однозначно ответить трудно. Им мог быть первый владимирский епископ Симон (1214–1226 гг.), ближайший сподвижник князя Юрия Всеволодовича, принимавший активное участие в духовной жизни княжества. Им мог быть и сменивший Симона на кафедре епископ Митрофан (1227–1237 гг.). Наконец, матрица печати могла перейти от первого ко второму по наследству.

¹ Итоги атрибуции печати Мария Владимировна Седова сообщила одному из авторов настоящей заметки по телефону за неделю до своей кончины.

Впрочем, не столь важно, кому из них персонально принадлежала булла. Важно другое. В первой трети XIII в. молодая Владимирская епископия, выделившаяся из Ростовской, имела свою печать. Ею владыки скрепляли грозные послания своим духовным чадам. Так, абсолютно аналогичная печать (оттиснутая той же матрицей!) была найдена чуть ранее при раскопках древнерусского поселения Усть-Шексна (левобережный район современного Рыбинска), которое входило в состав Владимиро-Суздальской Земли и выполняло, по-видимому, таможенные функции на транзитном торговом пути из хлебного Ополя в Великий Новгород (*Рыкунова, Рыкунов, Иванов, 2004. С. 205. Рис. 115*).

Отметим также, что небольшой раскоп 2004 г. размерами 6 × 6 м был заложен на месте личных покоев владимирских епископов, существовавших на этом участке (и многократно перестраивавшихся) вплоть до середины 1920-х годов. Таким образом, можно говорить о том, что прослеживается прямая, многовековая преемственность – с XIII столетия. Затем, к сожалению, местные большевики на этом месте устроили пролетарский бульвар. В 1937 г. бульвару присвоили имя великого русского поэта А.С. Пушкина.

Во время Великой Отечественной войны на «стрелке» развернули зенитный расчет, прикрывавший г. Горький и его оборонные заводы от воздушных налетов немецкой авиации. Для зенитчиков здесь же был сооружен блиндаж, глубокий котлован которого окончательно уничтожил культурные горизонты Нового времени и средневековья, до этого пробитые мощными фундаментами епископских строений. Сохранился отдельными пятнами только тонкий горизонт домонгольского культурного слоя и частично яма-кладовка начала XV в., буквально забитая небольшой серией развалов сосудов, в том числе двух краснолощенных кувшинов, изготовленных в московских гончарных мастерских.

По окончании войны и демонтажа зенитных орудий котлован засыпали мусором, поверх которого наспех разбили типовую парковую клумбу. В 2004 г. был капитально укреплен мыс для предотвращения сползания вниз грунта и заложен (в нашем раскопе) фундамент памятника. Сам же памятник возведен в 2007 г. Он являет собой скульптурную композицию из бронзы, изображающую князя Владимира Равноапостольного на коне и предстоящего справа святителя Федора.

Литература

- Уткин А.В.*, 2007. День печати [О находке древнерусской печати во Владимире] // Наша Родина – Иваново-Вознесенск. Иваново. № 1 (7). С. 5–6.
- Рыкунова И.И., Рыкунов А.Н., Иванов Л.М.*, 2004. Тысячелетия вокруг Шексны. Рыбинск: Изд-во ОАО «Рыбинский Дом печати». 272 с.

В.Г. Пуцко

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КАМЕННЫЕ ИКОНКИ ВО ВЛАДИМИРЕ

Древнерусская мелкая каменная пластика, количественно насчитывающая несколько сотен изделий, преимущественно представлена коллекционными экземплярами, а также случайными находками. Поэтому особого внимания исследователя заслуживают произведения, которые обнаружены при археологических раскопках в датированном культурном слое. Даже если это обстоятельство не предопределяет решение вопроса о месте выполнения резных каменных иконок, оно позволяет выявить их связь с определенными историческими и ремесленными центрами. В целом локализация произведений художественного ремесла, особенно с ярко выраженной индивидуальной манерой исполнения, не лишена элемента условности и поэтому открыта для дискуссий (*Рындина*, 1978; *Николаева*, 1983; *Пуцко*, 2009, 2010б). Новые находки порой оказывают существенную помощь в поисках правильного решения наиболее актуальных вопросов.

При раскопках во Владимире в 1992, 1993 и 2007 гг. обнаружены четыре целых, лишь с незначительными утратами, и две фрагментарно сохранившиеся резные каменные иконки, последовательно введенные в научный оборот (*Седова, Мухина*, 1995, 1999; *Жарнов*, 1999; *Жарнов, Жарнова*, 1999; *Кабаев*, 2011). Благодаря этому стало возможным обсуждение характера произведений средневековой мелкой пластики из камня, представленных среди показателей духовной культуры этого столичного города Владимиро-Суздальского княжества. Становление на Руси данной отрасли художественного ремесла реально прослеживается с начала XIII в. (*Пуцко*, 2003). Но в Византии резные стеатитовые иконки известны уже с X в. (*Kalavezou-Maxeiner*, 1985. P. 34-37, 91-94. Pl. 2, 3). Следовательно, образцы греческого камнерезного искусства могли оказаться во Владимире и в XII в.

Пока обнаружена лишь единственная такая иконка, фрагментированная, из светло-серого стеатита, размерами 3,8 × 4,3 см (рис. 1, 1). Она найдена на раскопе у Торговых рядов, на усадьбе «Б» в постройке 3 в подполье жилища. На ней представлена полуфигура святителя в обычном епископском облачении, благословляющего правой рукой и держащего на покрытой краем фелони и омофором

Рис. 1. Стеатитовые иконки.

1 – с изображением св. Иоанна Златоуста; 2 – с изображением Успения, фрагмент, с о. Хиос

левой Евангелие. Резьба выполнена в невысоком живописном рельефе, сохранившем следы позолоты. При издании произведение отнесено ко второй половине XII в. и определено как возможное изображение св. Николая Мирликийского; особо отмечена трактовка одежд в виде спокойно струящихся трубчатых складок (Седова, Мухина, 1999. С. 160, 161. Рис. 1). Среди византийских стеатитовых рельефов стилистически наиболее близким является относящийся к XII в. фрагмент размерами $9 \times 7,3$ см, композиции Успения (рис. 1, 2), в Археологическом музее на Хиосе (Kalavrezou-Maxeiner, 1985. P. 165, 166. Pl. 42. Cat. 71). Что касается образа изображенного святителя, то, судя по открытой шее, скорее можно предположить св. Иоанна Златоуста. В том что во Владимире находились в указанное время произведения элитарной византийской пластики не приходится сомневаться хотя бы потому, что при выполнении белокаменной резьбы, украшающей барабан Дмитриевского собора (Вагнер, 1969. Ил. 184, 244), повторен мотив, отличающий створки константинопольского триптиха из слоновой кости, середины X в., с изображением Распятия, ныне находящегося в Кабинете медалей Национальной библиотеки Франции в Париж (Byzantium, 2008. Fig. 21).

Там же, на упомянутой усадьбе «Б» в подполье постройки 6, найдена еще одна фрагментарно сохранившаяся иконка из светло-серого стеатита, размерами $7,2 \times 3,7$ см, собственно лишь левая часть композиции Воскресения Христова – Сошествия во ад, со славянской сопроводительной надписью (рис. 2, 1). Рельефное изображение обстоятельно охарактеризовано при его первой публикации, где определен и круг изделий, к которому относится эта владимирская находка в по-

Рис. 2. Стеативовые иконки.

1 – с изображением Воскресения Христова, фрагмент; 2 – с изображением прп. Саввы Освященного; 3 – с изображением Раскаяния апостола Петра

стройке, погибшей во время пожара при штурме Владимира татари-монголами в 1238 г. (Седова, Мухина, 1999. С. 161–163. Рис. 2). Сохранились лишь частично изображение Христа, а также фигуры Адама и Евы, моделированные в характерной графической манере. Отличающая резьбу экспрессия находит соответствие в крупной по размерам (30,6 × 23 см) стеатитовой иконе с изображением праздников, хранящейся в соборной ризнице в Толедо (Kalavrezou-Maxeiner, 1985, P. 143–150. Pl. 31–33. Cat. 52). Здесь все соответствует византийскому позднекомниновскому стилю, и датировка резьбы началом XIII в. вполне оправдана. Мастер виртуозно работает резцом, как миниатюрист кистью.

К 1993 г. относится резонансная находка в «Ветчаном городе» в придонной части заполнения подвального помещения центральной жилой постройки усадьбы двух резных с позолотой каменных иконок, опубликованных лишь шесть лет спустя (Жарнов, 1999. Рис. 1–4; Жарнов, Жарнова, 1999. Табл. после с. 456). На первой из них размерами 5,6 × 4,8 см – поясное изображение прп. Саввы Освященного (рис. 2, 2). Резьба отличается тщательностью, возможно, обусловленной следованию живописному оригиналу, с детальной проработкой элементов иконографии. Судя по всему, это дорогостоящая заказная работа и вряд ли мастер мог себе позволить начертать на видном месте, над левым плечом изображенного Преподобного, свое имя (Медынцева, 1999). В устойчивой средневековой традиции понятия «писать» и «сооружать» обычно употребляли применительно к заказчикам. На второй иконке, размерами 3,7 × 2,7 см, представлено Раскаяние апостола Петра (рис. 2, 3). Этот сюжет получил широкую разработку в византийской иконографии, особенно в книжной иллюстрации, с ее разнообразием композиционных схем. И лишь одна деталь выделяет представленный в резной иконке вариант: две высокие колонны, на одной из которых петух, а на другую опирается скорбящий Петр, как в некоторых миниатюрах греческих рукописей рубежа XII–XIII вв. Можно заметить, что

данный атрибут появляется в иконографии евангелистов именно в начале XIII в. (*Galavaris*, 1972. Fig. 1).

Как фрагмент резного Воскресения Христова, так и обе каменные иконки из находок 1993 г. во Владимире входят в состав произведений «группы мастера Распятия», по найденной резной иконе этого стилистического круга на Княжей горе в 1899 г. (*Пуцко*, 1998. Табл. V)¹. Она объединяет почти полтора десятка изделий, обнаруженных в Киеве, Новгороде, Белозерске, Рязани и Владимире, с учетом небольшого, но весьма выразительного фрагмента, найденного в 2005 г. на Рюриковом городище (*Мусин*, 2007). Т.В. Николаева была склонна видеть в этих иконах продукцию южнорусской художественной мастерской, связанной с Киевом (*Николаева*, 1983. С. 22). Сопроводительные «цветистые надписи» на образках были предметом обстоятельного эпиграфического анализа, проведенного А.А. Медынцевой, подтвердившей вывод относительно и датировки первой третью XIII в. (1991. С. 110–125; 2000. С. 170–182)². Было высказано и альтернативное мнение в пользу среднерусского происхождения данной группы изделий (*Рындина*, 1978. С. 30–43). Конечно, одни и те же мастера могли работать в разных русских городах, тем более что для выполнения небольших резных иконок не требовалось ни много места, ни сложных приспособлений. Еще легче в течение последующего времени мигрировали их изделия. Нельзя также отрицать факт воздействия собственного иконам стиля на владими́ро-суздальскую архитектурную пластику (*Пуцко*, 2010а). И в этом нет никаких противоречий. «Мастерская» скорее всего сложилась за пределами Руси, где зарекомендовала себя изящной и оригинальной по манере резьбой, не имеющей аналогов среди ныне известных изделий средневековых греческих ремесленников рубежа XII–XIII вв.

При проведении охранных раскопок в 22-м квартале Владимира в 2007 г. в котловане хозяйственного подполья обнаружен каменный образок, опубликованный как произведение XV в. (*Кабаев*, 2011). Время бытования хозяйственной ямы, в центральной части отложений которой оказалась иконка, указывает лишь, что она в XV – начале XVI в. находилась во Владимире (после переселения в города Северо-Восточной Руси новгородцев). Иконка размерами 5,2 × 4,3 см из серовато-коричневого сланца, прямоугольной формы, двусторонняя. На лицевой стороне в невысоком живописном рельефе в технике резьбы выполнена трехрядная композиция с полуфигурным изображением св. Николая Чудотворца в окружении семи спящих отроков эфесских; на оборотной – в плоскостно-графической манере воспроизведена фигура святителя без сопроводительной надписи (рис. 3, 1). Судя по характеру обработки обеих сторон, иконка была односторонней, а крупное, стилистически отличающееся изображение добавлено позже, и потому оно резко отличается от основного. Их одновременное выполнение исключено.

Изображения св. Николая широко представлены в древнерусский каменной пластике малых форм, преимущественно новгородской, следующей главным об-

¹ Альтернативное определение, как «мастера рельефной каймы» (*Жарнов*, 1999. С. 173), явно не учитывает присутствие такой же типологической детали в новгородских каменных иконках рубежа XIII–XIV вв., с иной стилистической характеристикой.

² Этому материалу посвящена подготовленная к печати статья автора «"Странствующая" мастерская художественной резьбы начала XIII в.».

Рис. 3. Иконки из сланца.

1 – с изображением св. Николая с семьёю спящими отроками эфесскими и св. Иоанна Златоуста; 2 – с изображением Богоматери Умиление с семьёю спящими отроками эфесскими, из собр. П.И. Щукина (ГИМ)

разом иконографии чтимых его икон (Пуцко, 2007). Однако унифицированность иконографической типологии затрудняет группировку общего фонда произведений. Вариативность обычно выражается в пропорциональном построении фигуры и в жестах. Семь спящих отроков, по церковному преданию, были детьми знатного гражданина Эфеса середины III в., скрывшимися вследствие гонения на христиан в пещеру, где оказались погребены заживо. «Проснулись» лишь при императоре Феодосии Младшем (408–450 гг.) и через несколько дней снова почили. Грот, в котором скрылись отроки, позже вошел в состав построенного над ним мавзолея. Иконография эфесских отроков активно разрабатывается в византийском искусстве с IX в. Один из ее вариантов представлен рельефом фасада Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, 1230–1234 гг. (Вагнер, 1963). В данном случае важно учесть иконографическую схему византийских икон-амулетов (Сперанский, 1893; Рындина, 1972), а также новгородских каменных иконок преимущественно XIV в., в которых спящие отроки окружают центральное изображение: Христа, Богоматери с Младенцем, а чаще всего Св. Николая (Пуцко, 2008). Собственно в эту группу образцов мелкой пластики и следует включить владимирскую находку, для которой там оказываются типологические параллели.

Среди новгородских каменных изделий удастся обнаружить ту же самую индивидуальную манеру резьбы: это заключенная в широкую серебряную оправу с гравированными изображениями с чернью, начала XV в., каменная иконка из собрания П.И. Щукина, размерами 10 × 6,2 см, в Государственном Историческом

музее в Москве (*Николаева*, 1983. С. 119, 120. Табл. 49, 2. Кат. 277). Иконка двусторонняя, с изображением Богоматери Умиление и семи спящих отроков на лицевой стороне и св. Николая в житии на оборотной. Композиция на лицевой стороне аналогична представленной во владимирской иконке: по горизонтали разделена на три части, причем верхняя полоса образует дугу над головой Богоматери; сверху два лежащих отрока, головами друг к другу; в среднем ярусе полулежащие, и в нижнем тоже полулежащие, трое, опирающиеся на корзины (рис. 3, 2). В иконке с изображением св. Николая то же самое, но в более обобщенном варианте. Возникает вопрос: не следует ли резьбу обеих иконок рассматривать как принадлежащую резьбе одного мастера. Это выглядит правдоподобно, тем более что серийность таких изделий относительна.

Композиционная схема с центральным изображением в окружении семи спящих отроков эфесских свойственна лишь продукции новгородских резчиков преимущественно XIV в. Обе упомянутые иконки можно датировать около 1300 г., не исключая хронологические отклонения в пределах черты, отделяющей более ранний период резьбы и отличающийся развитостью и существованием различных стилистических манер.

Труднее определить изображение на оборотной стороне иконки, найденной в 2007 г. Совершенно иные принципы исполнения указывают на новый этап в судьбе изделия. Насколько он хронологически удален от рубежа XIII–XIV вв.? Эпиграфические признаки частично сохранившейся сопроводительной надписи указывают на первую треть XIV в. Характер очертания полуфигуры, как бы округленной вверху, с небольшой головой находит аналогии в новгородской пластике конца XIII в. Один из ее образцов – двусторонняя костяная иконка с изображениями св. Георгия и св. Власия из раскопок на Неревском конце Новгорода – отнесен к 1330-м годам, как, возможно, обаянный заказу Варфоломея-Власия Юрьевича, принадлежавшего к роду бояр Мишиничей-Онцифоровичей (*Янин*, 1973). Отождествление изображенного святителя с Николаем неприемлемо из-за типологического несоответствия. Большой лоб, впалые щеки, опущенная линия рта, небольшая борода в отличие от закругленной характерны для облика св. Иоанна Златоуста, одним из лучших изображений которого в византийском искусстве XIV в. является миниатюрная мозаика из монастыря Ватопед на Афоне (*Demus*, 1960. P. 110–119. Fig. 22, 23). Его живописные изображения были хорошо известны в древнем Новгороде, и, надо заметить, представленный в каменной резьбе облик сохраняется в новгородской традиции икон северной провинции еще во второй половине XV в.

Резчик полуфигуры святителя не имел четкого представления об епископском облачении, и потому его принадлежности скрыл в геометрической орнаментике, оставив видимыми только два крупных равноконечных креста, украшавших омофор, очертания которого, как и фелони, неразличимы. Правая благословляющая рука непропорционально велика, что нередко можно видеть в резьбе XIII–XIV вв., тогда как левая практически не выявлена. Несоразмерно мал и кодекс Евангелия, и окружающий голову нимб в виде узкой полоски. Ремесленник не рассчитал пространство, и выполненное им изображение мало напоминает иконописные. Причудливость покрывающей фигуру орнаментики создает впечатление, буд-

то она тщательно плотно оплетена, и потому ее абрис очерчен плавно изогнутой линией, не отражающей строение человеческого тела. Структура складок одежд подчинена декоративному началу. Пучки, очерченные параллельными линиями, плотно уложены в одной плоскости, подобно брускам паркетного пола. И среди столь причудливого плетения с его ковровостью неожиданно возникает рука, тогда как переплет книги с начертанным крестом почти не выделяется. Надо ли в этом видеть декоративную фантазию ремесленника-примитивиста или продуманную художественную систему?

Сравнительный материал невелик. Стилистическая неоднородность ремесленных изделий находит объяснение в динамике развития новгородской каменной резьбы и индивидуальных манерах ее мастеров, прежде всего стильных. Резчик изображения св. Иоанна Златоуста явно не принадлежал к их числу, что доказывает прежде всего неумелое выполнение головы приемами характерными для народного творчества. И все же он должен был работать с оглядкой на определенные образцы, подвергая их произвольному упрощению. Подобные примеры тоже известны, и с их учетом резьбу надо признать современной новгородской двусторонней костяной иконке, датированной 1330-ми годами.

Описанная каменная иконка могла быть завезена во Владимир в любой период своего существования, до того времени, как оказалась на дне хозяйственной ямы: до начала XVI в., не исключая последствий похода Ивана III на Новгород в 1471 г., выразившихся в переселении новгородцев, унесших свои семейные реликвии. Не часто бывает, чтобы одна находка вызывала решение столь различных вопросов.

Найденная в 1992 г. при археологических раскопках во Владимире каменная иконка Богоматери Одигитрии, размерами 4,6 × 3,3 см, опубликована как выполненная здесь же на рубеже XIV–XV вв. (Седова, Мухина, 1995. С. 206–209). Локализацию изделия, найденного в жилище, в котором оказался также начатый, но не заверченный в обработке каменный крест-тельник, из той же породы камня, что и иконка, можно не оспаривать. Хотя трудно объяснить, почему иконка из темно-коричневого сланца, законченная резьбой, с позолоченными нимбами, не достигла заказчика. Столь тщательно исполненные произведения ремесленники обычно не оставляли у себя. И еще надо сказать, что характер произведения производит впечатление более раннего, не позже первой половины XIV в., судя по форме, рисунку изображения и особенно манере резьбы (рис. 4, 1). Кем мог оказаться мастер, обосновавшийся во Владимире, все еще остающемся неизвестным как центр камнерезного искусства малых форм?

В качестве самой близкой стилистической аналогии владимирской находке справедливо указана двусторонняя каменная иконка из Музея древнерусского искусства при Академии художеств, ныне хранящаяся в Государственном Русском музее (Седова, Мухина, 1995. С. 208. Рис. 2). На ее оборотной стороне предсталены архангел Михаил и св. Никита, по предположению Т.В. Николаевой, возможно, епископ Новгородский, скончавшийся в 1108 г. (1983. С. 91. Табл. 30, 3. Кат. 169). Но святой изображен как преподобный, в монашеской мантии, со свитком в руке, с длинной окладистой бородой (рис. 4, 2). Облик св. Никиты Новгородского совершенно иной (Маясова, 1971. С. 29. Табл. 48). Это может оказаться один из византийских иконопочитателей-исповедников: Никита, игумен Мидийской оби-

Рис. 4. Иконки из глинистого сланца.

1 – с изображением Богоматери Одигитрии; 2 – с изображением Богоматери Одигитрии, архангела Михаила и прп. Никиты, из Музея древнерусского искусства при Академии художеств (ГРМ)

тели в Вифинии (скончался в 824 г.) либо Никита из Пафлагонии (скончался около 838 г.). Следовательно, выбор святых явно патрональный и иконка выполнена по заказу. Оба упомянутые изделия входят в состав целой группы произведений новгородской каменной пластики, становление которой приходится на рубеж XIII–XIV вв. (Пуцко, 2003). Данная группа определена Т.В. Николаевой как продукция «мастерской с живописно-пластической лепкой фигур, с символическими и патрональными изображениями» (Николаева, 1983. С. 31). Ее образцы с хорошо моделированными тяжеловесными фигурами, похоже, большей частью сделаны руками одного резчика, ориентированного на более ранние византийские «романизированные» модели (Пуцко, 2002; 2010б. С. 193, 194. Рис. 4). Здесь известны и рельефная кайма, и 12-конечный крест. Поскольку в пластическом характере резьбы еще сохраняются черты предшествующей эпохи, речь может идти лишь о раннем XIV в., когда не существовало никакой московской школы резьбы по камню. В Новгороде в этот период трудились несколько отличавшихся своими индивидуальными манерами мастеров.

Остается предположить, что один из них мог оказаться во Владимире. Нельзя, конечно, совершенно исключать и миграцию самого каменного образца при разных обстоятельствах. Каменные иконки даже в случае, когда они образуют единый типологический ряд, отличаются в деталях, поскольку речь идет об индивидуальной резьбе. С учетом этого рассматриваемая иконка должна быть представлена как относящаяся к новгородской художественной традиции.

Пока очень небольшой фонд средневековых каменных иконок из владимирских археологических находок в будущем может быть пополнен за счет новых открытий. Соответственно появится возможность судить более определенно о тех явлениях в развитии художественных ремесел, о которых сегодня приходится гово-

речь осторожно, полагаясь на известные исторические факты. Их сравнительно немного, но совсем недавно о каменной пластике малых форм в древнем Владимире исследователи не знали ничего.

Литература

- Вагнер Г.К.*, 1963. Легенда о семи спящих отроках эфесских и ее отражение во владими́ро-суздальском искусстве // Византийский временник. Т. XXIII. С. 85–104.
- Вагнер Г.К.*, 1969. Скульптура Древней Руси. XII век. Владимир. Боголюбово. М.: Искусство. 480 с.
- Жарнов Ю.Э.*, 1999. Две каменные иконки домонгольского времени из Владимира-на-Клязьме // РА. № 3. С. 165–174.
- Жарнов Ю.Э., Жарнова В.И.*, 1999. Произведения прикладного искусства из раскопок во Владимире // Древнерусское искусство: Византия и Древняя Русь / Отв. ред. Э.С. Смирнова. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 451–462.
- Кабает Д.А.*, 2011. Каменная иконка из раскопа 2007 г. в 22-м квартале города Владимира // Археология Владимиро-Суздальской земли: мат-лы научного семинара. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 122–125.
- Маясова Н.А.*, 1971. Древнерусское шитье: альбом. М.: Искусство. 40 с., 56 л. ил.
- Медынцева А.А.*, 1991. Подписные шедевры древнерусского ремесла: Очерки эпиграфики XI–XIII вв. М.: Наука. 239 с.
- Медынцева А.А.*, 1999. Мастерская Тудора // РА. № 3. С. 149–159.
- Медынцева А.А.*, 2000. Грамотность в Древней Руси. (По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века). М.: Наука. 291 с.
- Мусин А.Е.*, 2007. Каменная иконка с образом святого всадника из находок на Новгородском (Рюриковом) городище 2005 г.: вопросы интерпретации // У истоков русской государственности: историко-археологический сб.: мат-лы конф. (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород) / Ред.-сост. А.Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 148–165.
- Николаева Т.В.*, 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. М.: Наука. 163 с. (САИ; Вып. Е1-60).
- Пуцко В.Г.*, 1998. Киевское художественное ремесло начала XIII в. Индивидуальные манеры мастеров // Byzantinoslavica. Т. LIX. Prague. С. 317–319.
- Пуцко В.Г.*, 2002. Новгородские каменные иконки XIV в., «романского» стиля // Староладожский сб. Вып. 5 / Отв. ред. А.А. Селин. СПб.: Старая Ладога. С. 87–102.
- Пуцко В.Г.*, 2003. Новгородская каменная резьба на рубеже XIII–XIV вв.: Становление традиции // Новгородский исторический сб. Вып. 9 (19) / Отв. ред. В.Л. Янин. СПб.: Наука. С. 141–152.
- Пуцко В.Г.*, 2007. Русские иконы святителя Николая по данным мелкой каменной пластики XIII–XV веков // Почитание святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве. М.: М-Сканрус. С. 121–131.
- Пуцко В.Г.*, 2008. Новгородские каменные иконки с включением изображений семи спящих отроков эфесских // София (Новгород). № 2. С. 8–12.
- Пуцко В.Г.*, 2009. Древнерусская каменная пластика малых форм: из опыта систематизации // Русское время. СПб.: Кишинев; Одесса; Бухарест: Высшая антропологическая школа. С. 439–448. (Stratum plus. № 5/2005–2009).
- Пуцко В.Г.*, 2010а. Святые целители в каменной пластике Владимиро-Суздальской Руси (иконографические и стилистические параллели) // Славяно-русское ювелирное дело

- и его истоки: мат-лы конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Г.Ф. Корзухиной (10–16 апреля 2006 г., Санкт-Петербург) / Ред.-сост. А.А. Пескова и др. СПб.: Нестор-История. С. 405–410.
- Пуцко В.Г.*, 2010б. Средневековые мастера новгородской каменной резьбы малых форм // Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. II / Ред. Е.Н. Носов, С.В. Белецкий. М.: ЛомоносовЪ. С. 188–199.
- Рындина А.В.*, 1972. Суздальский змеевик // Древнерусское искусство. Т. 6: Художественная культура домонгольской Руси. М.: Изд-во АН СССР. С. 217–234.
- Рындина А.В.*, 1978. Древнерусская мелкая пластика: Новгород и Центральная Русь XIV–XV веков. М.: Наука. 192 с.
- Седова М.В., Мухина Т.Ф.*, 1995. Каменная иконка из Владимира // РА. № 1. С. 209–209.
- Седова М.В., Мухина Т.Ф.*, 1999. Новые находки мелкой каменной пластики во Владимире // РА. № 3. С. 160–164.
- Сперанский М.Н.*, 1893. О змеевике с семью отроками // Археологические известия и заметки, издаваемые Московским Археологическим обществом. Т. 1. С. 49–60.
- Янин В.Л.*, 1973. Патрональные сюжеты и атрибуция древнерусских художественных произведений // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Искусство и культура: сб. ст. в честь В.Н. Лазарева / Ред. В.Н. Гращенко и др. М.: Наука. С. 267–271.
- Byzantium, 2008. Byzantium. 330–1453 / Eds R. Cormack, M. Vassilaki. L.: Royal Academy of Arts. 494 p.
- Demus O.*, 1960. Two Paleologan Mosaic Icons in the Dumbarton Oaks Collection // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 14. Washington. P. 87–119.
- Galavaris G.*, 1972. «Christ the King». A Miniature in a Byzantine Gospels and its significance // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Bd. 21. Wien. S. 119–124.
- Kalavrezou-Maxeiner I.*, 1985. Byzantine Icons in Steatite. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften. 256 S. (Byzantina Vindobonensia; Bd. XV/1–2).

А.Г. Лапшин, А.В. Бисерова

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЕРОГЛИНЯНОЙ КЕРАМИКИ ДРЕВНЕГО ВЛАДИМИРА: ИСХОДНОЕ СЫРЬЕ И СОСТАВ ФОРМОВОЧНОЙ МАССЫ

Вопросы развития керамического производства древнего Владимира входят в широкий круг истории древнерусских городов. К настоящему времени накоплен значительный опыт в изучении гончарства Северо-Восточной Руси эпохи средневековья (*Розенфельт*, 1968; *Лапшин*, 1992; *Кадиева*, 1996, 2003; *Коваль*, 1997, 1999, 2004; *Федорина*, 2007). Среди вопросов истории гончарного производства особое место занимают вопросы отбора исходного сырья и состава формовочной массы сероглиняных сосудов (*Цетлин*, 2010). Настоящая публикация представляет результаты лабораторных исследований материалов, полученных в ходе археологических работ 2009 г. на участке по адресу г. Владимир, ул. Б. Нижегородская, 14–22, расположенного в пределах охранной зоны памятника археологии – культурного слоя XII–XIII вв. древнего Владимира, в южной части «Ветчаного города».

Исходный материал для формирования фокусной группы исследования – фрагменты сероглиняной керамики, обнаруженные в ходе разбора слоя XII–XIII вв.: 13508 фрагментов керамических сосудов и 47 археологически целых форм.

Таблица 1. Распределение фрагментов фокусной группы по типологическим формам

Форма сосуда	Всего фрагментов	Отобрано фрагментов для лабораторных исследований
Горшки	13157	75
Миски	34	4
Мисковидные сосуды	8	2
Блюдца	71	8
Стаканы, банки	232	10
Сковороды	5	5
Корчаги	1	1
Итого в фокусной группе	13508	105

Исследовались фрагменты всех типологических групп сосудов (табл. 1). В малочисленных группах (корчаги, сковороды) для анализа использовались все имеющиеся фрагменты. В многочисленных группах (горшки, стаканы и банки, блюда, миски) были отобраны крупные фрагменты, имеющие венчик, шейку и часть тулова. Из них осуществлена выборка с учетом орнаментации, формы, размера и конструктивных особенностей венчика, расположения фрагментов в слое и поквадратно. Это исключало вероятность попадания в фокусную группу двух и более фрагментов от одного сосуда.

Основной задачей анализа было определение качества и состава исходного пластического сырья и рецептов формовочной массы. Для этого был проведен комплексный анализ керамического материала, включающий:

- визуально-диагностический осмотр (определение цвета поверхности и скола фрагмента; наличие примесей в тесте, визуализируемых глазом; изучение фрагментов и их свежих сколов после обработки в муфельной печи);
- бинокулярную микроскопию с гранулометрией и определением объемов отошителя в тесте;
- петрографический анализ (к настоящему времени не завершен);
- определение степени ожелезненности глины;
- определение физико-механических свойств керамики.

Бинокулярная микроскопия проводилась при помощи микроскопа МБС-1. Осматривалось не менее 8 см² площади свежего скола при увеличении в 10, 20, 40 и 60 раз. Выделена информация:

- об отборе исходного сырья (глина);
- о его предварительной подготовке (признаки высушивания и последующего дробления и перемешивания с добавлением воды, т.е. признаки заготовки впрок и хранения сырья, признаки предварительной отмучки);
- о составлении формовочной массы (рецепты, различные варианты минеральных включений в составе формовочных масс, размеры частиц минеральных включений, количество отошителя в формовочных массах).

В ходе микроскопического исследования материала была проделана работа по определению количества минеральных примесей в формовочных массах по методу А.А. Бобринского (1978, 1991): подсчет зерен примеси в изломе черепка на площади 1 см² для определения объемов отошителя. Для уменьшения погрешности подсчет велся на площади 8 см², а затем вычислялась среднеарифметическая величина для 1 см² площади скола.

Определение степени ожелезненности исходного материала для формовочных масс (глины) проводилось при помощи нагревания фрагментов в муфельной печи до температуры 850° С в условиях окислительной среды и предусматривало визуальное изучение обработанных фрагментов и их свежих сколов после обработки.

Определения физико-механических свойств керамики включало определение плотности в г/см³, пористости (водопроницаемость) в процентах, степень водопоглощения в процентах.

Плотность (удельный вес) керамического материала определялась как отношение массы сухого керамического объекта к его объему и вычислялась в граммах на кубический сантиметр (г/см³) по формуле

$$P = \frac{m_{\text{сух}}}{V}$$

где

- $m_{\text{сух}}$ – масса образца в сухом состоянии в граммах;
- V – объем образца в кубических сантиметрах.

Масса образца ($m_{\text{сух}}$) определялась простым взвешиванием, а объем (V) – гидростатическим взвешиванием по массе вытесненной воды.

Пористость и пустотность – это свойство керамического материала иметь в глиняном тесте между отдельными частицами (зернами шамота, кристаллами дресвы, фрагментами теста, органическими примесями) промежутки – поры, не заполненные формовочной массой. В порах сухого керамического материала находится воздух, масса которого по сравнению с массой материала незначительна. Порами называют мелкие ячейки в керамическом тесте (до 2 мм), а промежутки размером более 2 мм называют пустотами (пустотностью). В проводимом исследовании градация размеров не имеет принципиального значения. Поэтому для характеристики исследуемого материала мы ограничились применением термина *пористость*. Количественно пористость определяется объемом пор в единице объема или массы материала. Пористость оказывает большое влияние на такие свойства керамического материала, как масса, водопоглощаемость, прочность. Керамический материал с незначительной пористостью (до 5%) более тяжелый, прочный, менее водопоглощающий.

Водопоглощение – это способность керамического материала поглощать воду при длительном выдерживании в воде, при нормальном атмосферном давлении и температуре 18-20° С. Водопоглощение позволяет судить о пористости керамики.

Пористость и степень водопоглощения керамики измерялась при помощи водонасыщения. Для определения водопоглощения было взято 105 образцов из фокусной группы, они высушивались до постоянной массы при температуре 105–110° С, охлаждались и взвешивались. Затем образцы погружались в воду на 48 ч. так, чтобы слой воды был на 2 см выше образцов. Через 48 ч. образцы вынимались, вытирались мягкой тканью и сразу каждый отдельно взвешивался.

Количественный показатель пористости керамики измерялся в процентах и вычислялась по формуле

$$V_{\text{пор}} = \frac{m_{\text{вод}} - m_{\text{сух}}}{V} \times 100$$

где

- $m_{\text{вод}}$ – масса образца в насыщенном водой состоянии в граммах;
- $m_{\text{сух}}$ – масса образца в сухом состоянии в граммах;
- V – объем образца в кубических сантиметрах;
- $V_{\text{пор}}$ – пористость в процентах.

Степень водопоглощения измерялась в процентах по массе и определялась по формуле

$$C_{\text{вод}} = \frac{m_{\text{вод}} - m_{\text{сух}}}{m_{\text{сух}}} \times 100$$

где

- $m_{\text{вод}}$ – масса образца в насыщенном водой состоянии в граммах;
- $m_{\text{сух}}$ – масса образца в сухом состоянии в граммах;

В ходе лабораторных исследований получены следующие результаты об исходном сырье и состав формовочной массы сероглиняной керамики древнего Владимира.

Отбор исходного сырья. При бинокулярной микроскопии и гранулометрическом исследовании выявлено, что основным сырьем для производства сероглиняных керамических сосудов является естественно запесоченная глина. В составе природной глины отмечены песок и мелкие включения слюды. В 45 образцах (42,86%) песок представлен пылевидными кварцевыми частицами размером не бо-

лее 0,1 мм. В этих же образцах имеются единичные песчинки размером до 0,5 мм. Размер включений слюды составляет не более 0,1 мм. В 60 образцах (57,14%) при преобладании пылевидного песка зафиксировано незначительное количество мелкого песка (размером 0,1–0,5 мм), равномерно распределенного на всей площади рассматриваемого скола. Размер включений слюды в них не превышает 0,2 мм. Характер всех этих примесей позволяет квалифицировать их как естественные. Песок в 100% случаев присутствует в качестве естественной составляющей сырья. На это указывают данные распределения песка по образцу (равномерное), его формы (окатанная), небольшое количество содержания, окрас идентичный окрасу глиняной массы, размерность (0,05–0,5 мм).

Подготовка исходного сырья. Данные бинокулярной микроскопии позволяют заключить, что глинистое сырье перед использованием обрабатывалось разными способами: высушивание, дробление и перемешивание с водой, отмучивание (отделение крупных частиц от глиняной массы). В 93 образцах (88,57%) признаки предварительной подготовки исходного сырья не выявлены. Предположительно основное исходное сырье чаще использовалось во влажном состоянии сразу или спустя небольшое время после его добычи. В 12 образцах (11,43%) были обнаружены не размокшие куски глины, являющиеся признаками высушивания и дробления природной глины (рис. 1). Вероятно, основное исходное сырье иногда заготавливалось впрок и использовалось по мере надобности (рис. 2). В серии исследованных образцов признаки процедуры отмучивания глин не выявлены.

Составление формовочной массы. Главный компонент в рецептуре формовочной массы – жирная глина. Это влекло за собой необходимость вводить в состав

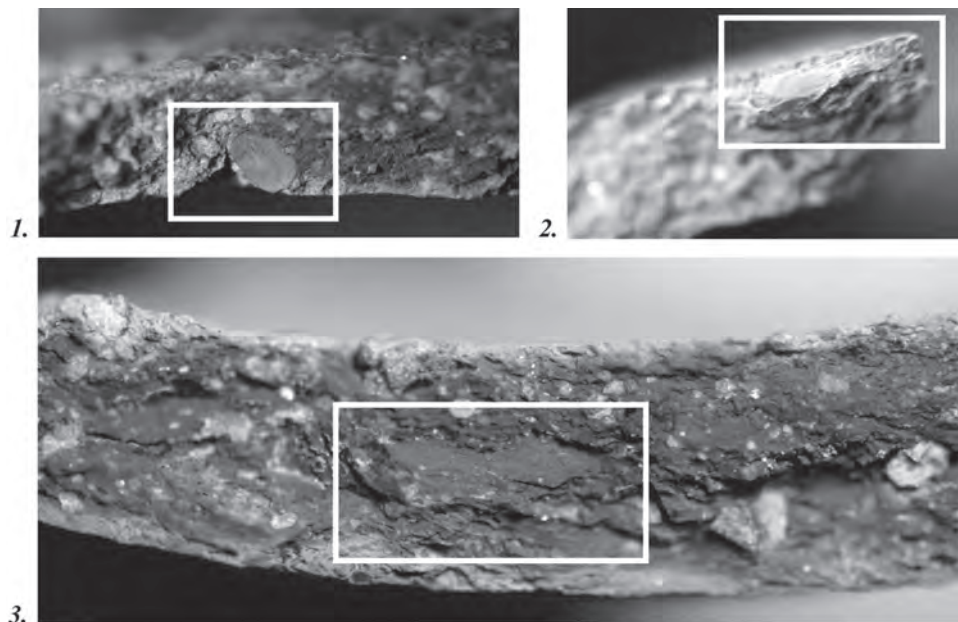

Рис. 1. Кусочки не размокшей глины (1–3)

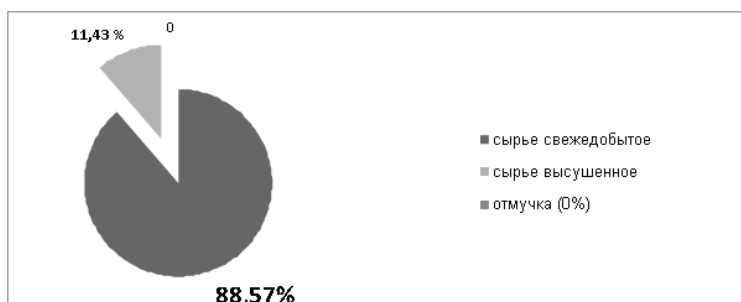

Рис. 2. Диаграмма. Подготовка исходного сырья

теста примеси, называемые отошителями. В осмотренных образцах преобладающими примесями в составе формовочной массы были дресва, шамот, песок, реже встречались органика, кость, слюда (табл. 2).

Таблица 2. Примеси в формовочной массе, используемые в качестве отошителя

Отошитель	Количество фрагментов фокусной групп с данным отошителем	Частота использования, %
Дресва	105	100
Шамот	47	44,76
Песок	24	22,86
Органические добавки	6	5,71

Дресва представлена продуктами дезинтеграции кварцита – кристаллами кварца разной величины. Зерна кварцевой дресвы имеют угловатую изометричную форму размером 0,3–3 мм (рис. 3). Дресва присутствует в формовочных массах в 100% случаев и составляет 6–30% формовочной массы.

Шамот (фрагменты дробленной керамики) представлен в 47 (44,76%) образцах и составляет 1–14% формовочной массы. Размер зерен шамота – 1–5 мм. Форма обломков – неправильная овальная, таблитчатая, угловатая. Цвет зерен шамота имеет разные оттенки терракотового. Состав шамота не аналогичен составу исследуемых образцов керамики. Шамот изготавливался из фрагментов керамики, в которых глина использовалась в качестве моносырья без искусственно введенных примесей. Обследованные зерна шамота имеют характерные оттенки терракотового цвета и равномерный обжиг (рис. 4). Вопрос о том, откуда брали материал для изготовления шамота, остается открытым.

Песок представлен обломками кремнистых и реже кремнисто-слюдистых сланцев. По данным бинокулярной микроскопии, песок в 24 (22,86%) образцах присутствует в качестве искусственной примеси к сырью и составляет 4–16% формовочной массы. Размерность зерен – 0,5–2 мм. Зерна песка сильно окатаны и окрашены. Распределение песка в образцах неравномерное, гнездовидное и слабогнездовидное, что свидетельствует об искусственном введении песка в глинистое тесто (Сайко, Жущиховская, 1990).

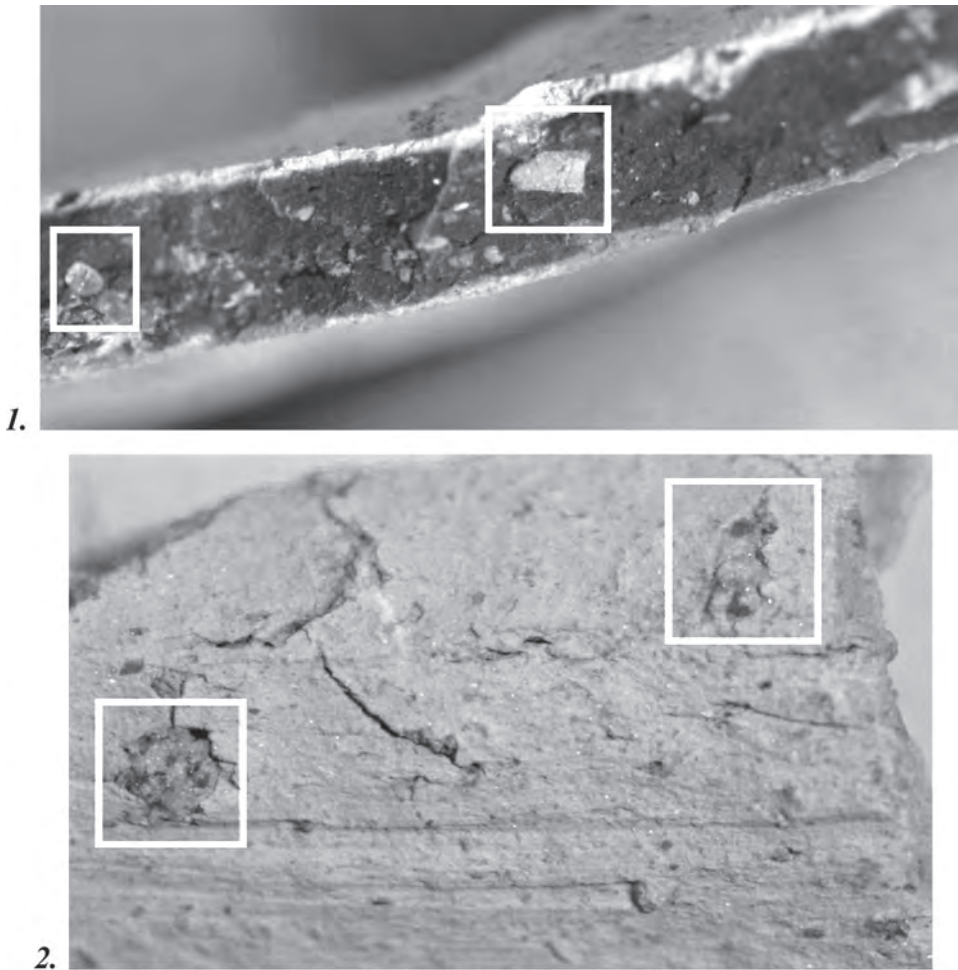

Рис. 3. Компоненты формовочной массы.

1, 2 – дресва

По результатам бинокулярного исследования, органический наполнитель фиксируется в шести (5,71%) образцах. В пяти образцах обнаружены пустоты угловатого характера с продольными параллельными отпечатками на стенках и фрагментированными угольками, вероятно, от органики растительного происхождения – древесных опилок (рис. 4). Эти добавки составляют 1–3% формовочной массы. Опилки могли использоваться в качестве волокнисто-армирующей добавки для улучшения свойств глины и уменьшения усадки при сушке и обжиге. К тому же опилки, будучи выгорающей добавкой, позволяли уменьшить массу изделия без заметного ущерба прочности. В одном образце в тесте были выявлены мелкие фрагменты костей, составляющие до 6% формовочной массы. Возможно, это случайные или единичные естественные примеси в сырье. Однако высокий процент со-

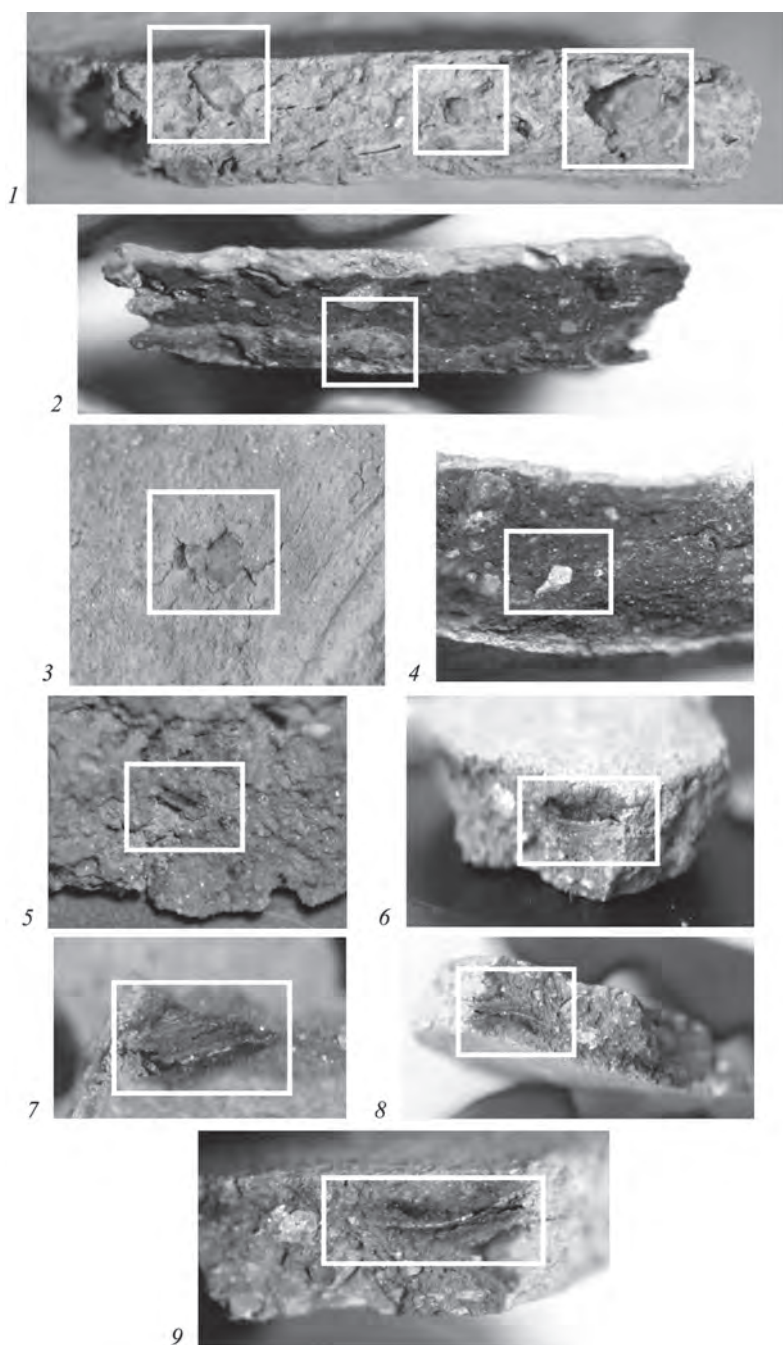

Рис. 4. Компоненты формовочной массы.

1–3 – шамот; 4 – слюда; 5–9 – лакуны с выгоревшим древесным углем

держания добавки в формовочной массе указывает на вероятность искусственного введения данной примеси в тесто. Для уточнения этого предположения требуются дальнейшие исследования.

В девяти фрагментах имеются включения слюды крупных размеров (1–3 мм) в небольшом количестве (рис. 4). Данный элемент фиксируется в виде отдельных чешуек в керамике. Вероятно, крупные фрагменты слюды входили в состав пород камня, используемого для изготовления дресвы, и попадали в керамику непреднамеренно.

В ходе анализа выделено семь рецептурных прописей формовочной массы, использованных гончарами для изготовления сероглиняной керамики (табл. 3).

Таблица 3. Рецепты формовочной массы

№ п/п	Рецептурная пропись	Количество фрагментов фокусной группы	Частота использования рецептурной прописи, %
1	Глина+дресва	44	42
2	Глина+дресва+шамот	34	32
3	Глина+дресва+песок	12	11
4	Глина+дресва+песок+шамот	9	9
5	Глина+дресва+шамот+органика	3	3
6	Глина+дресва+песок+органика	2	2
7	Глина+дресва+шамот+песок+органика	1	1
Всего		105	100

Определение степени ожелезненности исходного сырья для гончарных изделий. Для определения наличия окислов железа (степени ожелезненности) в исследуемой керамике проведен качественный анализ 105 фрагментов. Каждый образец раскалывался на две части: одна часть использовалась для исследования свежего скола и изготовления поперечного и продольного шлифа, другая – для нагревания в муфельной печи в условиях окислительной среды до температуры 800–850° С. В результате нагревания керамического фрагмента до заданных параметров соединения железа, имеющиеся в образце, были окислены до оксида. После нагревания в муфельной печи фрагмент подвергался дополнительному раскалыванию и визуальному осмотру. По окраске образцов после нагревания делался вывод о степени ожелезненности природной глины. Все исследуемые образцы после нагревания в муфельной печи приобретали красный цвет, из чего можно заключить, что в качестве исходного сырья использовалась ожелезненная красножгущаяся глина.

Физико-механические свойства керамики. Определение плотности, пористости и степени водопоглощения сероглиняной керамики проводилось по формулам, приведенным в описании методики исследования. Результаты проведенных лабораторных исследований представлены в табл. 4.

Таблица 4. Физико-механические свойства сероглиняной керамики

Показатели	Диапазон показателей	Средний показатель
Плотность (г/см ³)	1,74–2,10	1,95
Пористость, %	3,23–13,33	8,7
Степень водопоглощения, %	1,85–6,45	4,34

В зависимости от водопоглощения (в % по массе) керамические материалы подразделяются на четыре группы, представленные в *Шкале степени водопоглощения керамических материалов*. Все исследованные фрагменты (табл. 5) относятся ко второй (67%) и третьей группам (33%).

Таблица 5. Степень водопоглощения сероглиняной керамики Владимира

Группы		1	2	3	4
Шкала степеней водопоглощения керамики					
Показатели степени водопоглощения		Более 8%	3–8%	1,5–3,0%	Менее 1,5%
		Очень большая	Большая	Средняя	Малая
Фрагменты фокусной группы, %					
Типологические формы сосудов	горшки	–	48	24	–
	миски	–	2	1	–
	мисковидные сосуды	–	1	–	–
	блюдца	–	7	4	–
	стаканы, банки	–	5	3	–
	сковороды	–	3	1	–
	корчаги	–	1	–	–
Всего		–	67	33	–

На основании изложенного выше можно сделать следующие выводы.

1. В качестве исходного сырья для формовочных масс использовалась ожелезненная глина слабой и средней степени запесочености. Случаи использования илистого сырья не выявлены.
2. Глина не использовалась как моносырье без введения искусственных добавок.
3. Выявлены две схемы подготовки глины для гончарного теста: использование для составления формовочных масс свежезаготовленного сырья; использование высушенной, дробленной и смешанной с водой глиной.
4. Лидирующую позицию в группе отошителей занимает дресва. В составе формовочных масс дресва присутствует в 100% случаев, т.е. это постоянный ингредиент в рецептуре формовочных масс. Варьируют лишь размеры зерен и объемы дресвы в глиняном тесте. Рецептурная пропись **глина+дресва** предпочтительна (частота использования рецепта – 42%). Второе место по частоте использования занимает шамот, третье – песок. Частота использования органических примесей невысока. Использование в качестве искусственно введенных примесей навоза животных, помета птиц и раковин пресноводных моллюсков не выявлено.

5. Стабильная размерность зерен добавок говорит о просеивании с целью удаления фракций размером более 3 мм для дресвы, более 5 мм для шамота и более 2 мм для песка.
6. Зерна дресвы имеют форму, характерную для термической дезинтеграции используемой породы, в данном случае кварцита. При исследовании в керамических фрагментах зерна, возникающие при дезинтеграции гранитоидов – калиево-полевого шпата и плагиоклаза, не выявлены. Таким образом, либо дресва из гранитоидов не использовалась, либо использовалась редко и не попала в исследуемую серию.
7. Гончары применяли разные рецепты формовочной массы в зависимости от исходного сырья. Если брались глины и легкие суглинки, то дресва, песок и шамот добавлялись в большем количестве. Если использовались средние суглинки, то отощители добавлялись в минимальном количестве. Таким образом, чтобы повысить пластичность и формуемость массы, мастера варьировали количество тех или иных добавок.
8. Выбор примесей обусловлен природными запасами возможного отощителя различных видов в регионе.
9. При изучении образцов фокусной группы проведено сопоставление результатов анализов рецептуры формовочной массы с типологическими группами форм сосудов, из которых взяты образцы. Взаимосвязь между типологическими группами сероглиняной керамики и формовочными массами не прослеживается.
10. Все фрагменты относятся ко второй (67%) и третьей группам (33%) шкалы водопоглощения. Фрагменты, имеющие в составе формовочной массы больший процент дресвы, шамота и песка, имеют большую плотность (около 2 г/см³), меньшие показатели пористости (около 3%) и степени водопоглощения (3–4%). Фрагменты, имеющие в качестве отощителя древесные опилки, имеют наименьшую плотность (1,74 г/см³), при том, что показатель степени водопоглощения у них аналогичен показателям фрагментов с дресвой, шамотом и песком. Таким образом, использование древесных опилок в качестве отощителя делало изделие более легким без увеличения степени водопоглощения. Взаимосвязь между типологическими группами сероглиняной керамики и показателями плотности, пористости и степени водопоглощения не выявлена.

Литература

- Бобринский А.А.*, 1978. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.
- Бобринский А.А.*, 1991. Современное состояние и перспективы исследований керамики как исторического источника // Керамика как исторический источник (подходы и методы изучения): тез. докл. конф. (11–16 февраля 1991 г.) / Ред. А.А. Бобринский и др. Куйбышев; Свердловск: КГПИ. С. 4–7.
- Кадиева Е.К.*, 1996. Круговая керамика второй половины X – начала XIV в. центральных районов Ростово-Суздальской земли: дис... канд. ист. наук. М. 261 с.
- Кадиева Е.К.*, 2003. Керамика из усадьбы г. Владимира конца XII–XIII в. (по материалам раскопок 1993–1998 гг. в квартале 22) // Русь в XIII в.: Древности темного

- времени / Сост. В.Ю. Коваль, И.Н. Кузина; отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука. С. 315–339.
- Коваль В.Ю.*, 1997. Керамика средневековой Руси: проблемы археологической типологии // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 2 / Отв. ред. А.Н. Хохлов. Тверь: ТНИИРЦ. С. 207–112.
- Коваль В.Ю.*, 1999. Статистическая обработка археологической керамики средневековой Москвы // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 3 / Отв. ред. А.Н. Хохлов. Тверь: ТНИИРЦ. С. 123–130.
- Коваль В.Ю.*, 2004. Исследование керамического материала // Средневековое поселение Настасьино / Ред.-сост. А.В. Энгватова. М.: ИА РАН. С. 21–39. (Тр. Подмосковной экспедиции ИА РАН; Т. 2).
- Лапишин В.А.*, 1992. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: ИА РАН. С. 90–102.
- Розенфельдт Р.Л.*, 1968. Московское керамическое производство. XII–XVIII вв. М.: Наука. 124 с. (САИ; Вып. Е1-39).
- Сайко Э.В., Жущиховская И.С.*, 1990. Методы микроскопии в исследовании древней керамики (методические аспекты и практика). Владивосток: ДВО АН СССР. 52 с.
- Федорина А.Н.*, 2007. Керамические комплексы средневековых селищ Вишенки 3 и Кистыш 3: сравнительная характеристика // Археология Владимиро-Суздальской земли: мат-лы научного семинара. Вып. 1. М.: ИА РАН. С. 33–42.
- Цетлин Ю.Б.*, 2010. Фундаментальные проблемы изучения гончарства // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин и др. М.: ИА РАН. С. 229–244.

В.В. Бейлекчи

«МУЖСКОЙ» ИНВЕНТАРЬ В КОЛЛЕКЦИИ ИЗ ГРАБИТЕЛЬСКИХ РАСКОПОК 1910 г. НА ПОДБОЛОТЬЕВСКОМ МОГИЛЬНИКЕ МУРОМЫ

Коллекция археологических предметов из грабительских раскопок на Подболотьевском могильнике, хранящаяся в фондах Муромского историко-художественного музея, на данный момент насчитывает 275 предметов. Эти вещи были выкопаны в 1910 г. крестьянами-кладоискателями из д. Подболотня в окрестностях Мурома, до того, как начались спасательные работы на могильнике. Раскопками, связанными со строительством шоссе Муром – Меленки, руководил В.А. Городцов (1914). Известно, что часть вещей была куплена у грабителей местными краеведами – А.Ф. Жадиным, Н.Г. Добрынкиным, а также академиком живописи И.С. Куликовым, принимавшим участие в работах В.А. Городцова. Впоследствии эти вещи были переданы ими Муромскому музею.

Часть вещей поступила в музей из конфискатов у крестьян д. Подболотня после подачи в апреле 1910 г. полицейским приставом 1 стана Робустовым рапорта муромскому исправнику. В рапорте говорилось: «13 числа сего апреля в гор. Муроме было установлено, что крестьяне дер. Подболотни производят раскопки в овраге и там находят много разных старинных вещи, как-то: оружие, ... старинные военные уборы, перстни и даже скелеты людей и лошадей. Вещи эти крестьяне сбывают в гор. Муром Алексею Федоровичу Жадину и еще кому-то...» (Тюрина, 2014. С. 207). В ответ на рапорт сельским старостой была дана подписка приставу «в том, что он своему обществу немедленно объявит что бы не кто не имел право копать и продавать выкопанные вещи а должны представлять г-ну приставу» (Тюрина, 2014. С. 207).

История подболотьевской коллекции Муромского музея достаточно запутана. Например, по описям известно, что изначально коллекция насчитывала 467 предметов. Часть недостающих на данный момент вещей были переданы «по обмену» в Саранск и Екатеринбург, другая часть списана или утеряна. Задачу по исследованию архивных документов и описей поступления вещей в коллекцию взяла на себя хранитель фондов археологии Муромского музея Е.К. Тюрина (2014). Хотелось выразить ей благодарность за возможность поработать с подболотьевской коллекцией

и за оказанное содействие. Также выражаю благодарность дирекции Муромского музея и главному хранителю М.Г. Уколовой.

Подболотьевская коллекция не опубликована, за исключением отобранных Т.А. Пушкиной скандинавских фибул. А.Н. Кирпичниковым были обследованы каролингские мечи из состава коллекции, информация об этих мечах дана в монографии В.В. Бейлекчи (2005. С. 33).

Ввод в научный оборот коллекции грабительских находок из Подболотни разделен на этапы. Часть женских украшений, а также поясная гарнитура уже опубликована (Бейлекчи, 2014). В данной статье публикуются категории вещей, относящихся к мужскому инвентарю (оружие, предметы быта, снаряжение всадника и верхового коня, украшения, торговый инвентарь). В дальнейшем планируется публикация женских головных и шейных украшений, а также предметов женского обихода.

Некоторая часть предметов из коллекции находится в экспозиции, поэтому были использованы фотоматериалы из архива музея. В описании предметов шифр (например, М-13351/232) обозначает номер по коллекционной описи. Размеры вещей даны общие в сантиметрах – максимальная длина, максимальная ширина.

Украшения и элементы костюма. Гривна «глазовского» типа шейная витая с петлей на одном конце и гранчатой головкой на другом (рис. 1, 1). Серебро, ковка, IX–X вв. У муромы серебряные гривны найдены в погребениях мужчин-воинов (военачальников?) с VIII в. Вероятно, такие гривны привезены с Прикамья (Гришаков, Зеленева, 1990. С. 29; Леонтьев, 1996. С. 164).

Основа от застежки с «крылатой» иглой (рис. 1, 2) и «крылатая» игла от застежки (рис. 1, 3) изготовлены из тонкой пластины круглой формы с обломанными стержнями на конце. Серебро, ковка, вторая половина VIII в. по А.К. Амброзу (1971. С. 113), конец VII – первая половина VIII в. по Ю.А. Краснову, соответствует погребениям 4-й стадии Безводнинского могильника (Краснов, 1980; Леонтьев, 1996. С. 170). Аналогии происходят из Сарского городища, Безводнинского, Пановского, Елизавет-Михайловского могильников.

Фибула зооморфная (рис. 2, 1) упландско-готландского типа по М. Стенбергеру (Stenberger, 1958. S. 73, 74. Abb. 9). Цветной металл, литье, размеры – 11,2 × 10,5 × 3,5 см, вторая половина X в. Аналогии известны на о. Готланд (Аустрис Тингстэд, Томта Рона); на территории Восточной Европы не найдены (Пушкина, 1988. С. 163. Рис. 1, 1).

Фибула зооморфная кольцевидная с железной иглой (игла утрачена) (рис. 2, 2). Цветной металл, литье, ковка, орнамент плетеный геометрический, размеры – 6,7 × 5,5 см, вторая половина X в. Распространенный обобщенный тип 227 скандинавских украшений. Аналогии известны в Восточной Европе, «чрезвычайно близкими муромской являются бронзовая фибула из 116 погребения воина с конем в Киевском некрополе и кургана Ц-8 Гнёздовского могильника. Из Гнёздова происходит еще один аналогичный экземпляр, но выполненный более грубо. Можно сопоставить муромскую находку с одной из фибул, найденной в Бирке в погребении с саманидским дирхемом 913–933 гг.» (Пушкина, 1988. С. 163. Рис. 1, 2).

Фибула подковообразная с 9-гранными головками (в виде усеченной пирамиды со срезанными углами) с такими же тремя головками в средней части ду-

ги (рис. 2, 3). Цветной металл, литье, поперечное сечение дуги шестиугольное. Орнамент – полосы из треугольных вырезок, пять кубических выступов с притупленными углами. Размеры – $6,8 \times 6,2 \times 0,9$ см. Датировка – конец IX – первая половина XI в. Фибулы такого типа известны в Прибалтике, Скандинавии, Финляндии, на северо-западе Руси (Мальм, 1967. С. 159, 160; Древняя Русь. Быт и культура, 1997. С. 71).

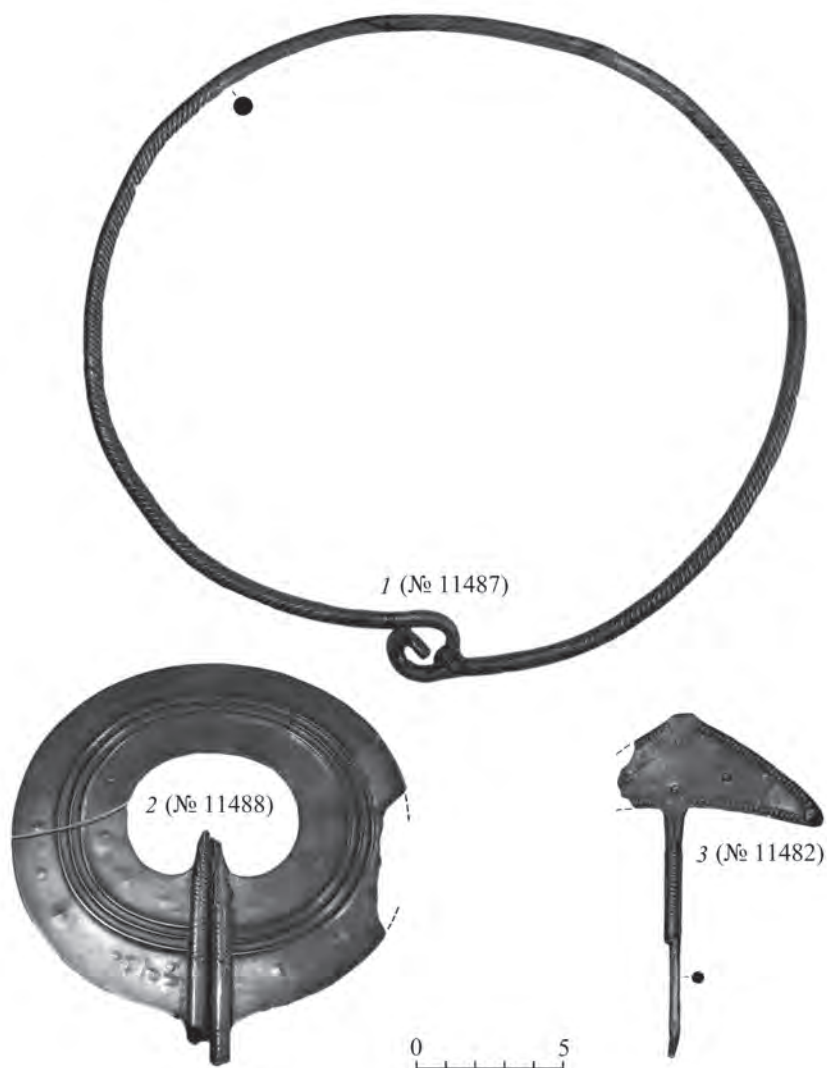

Рис. 1. Серебряные украшения и элементы костюма.

1 – гривна «глазовского» типа (М-1487); 2 – основа от застежки с «крылатой» иглой (М-11488); 3 – «крылатая» игла от застежки (М-11482)

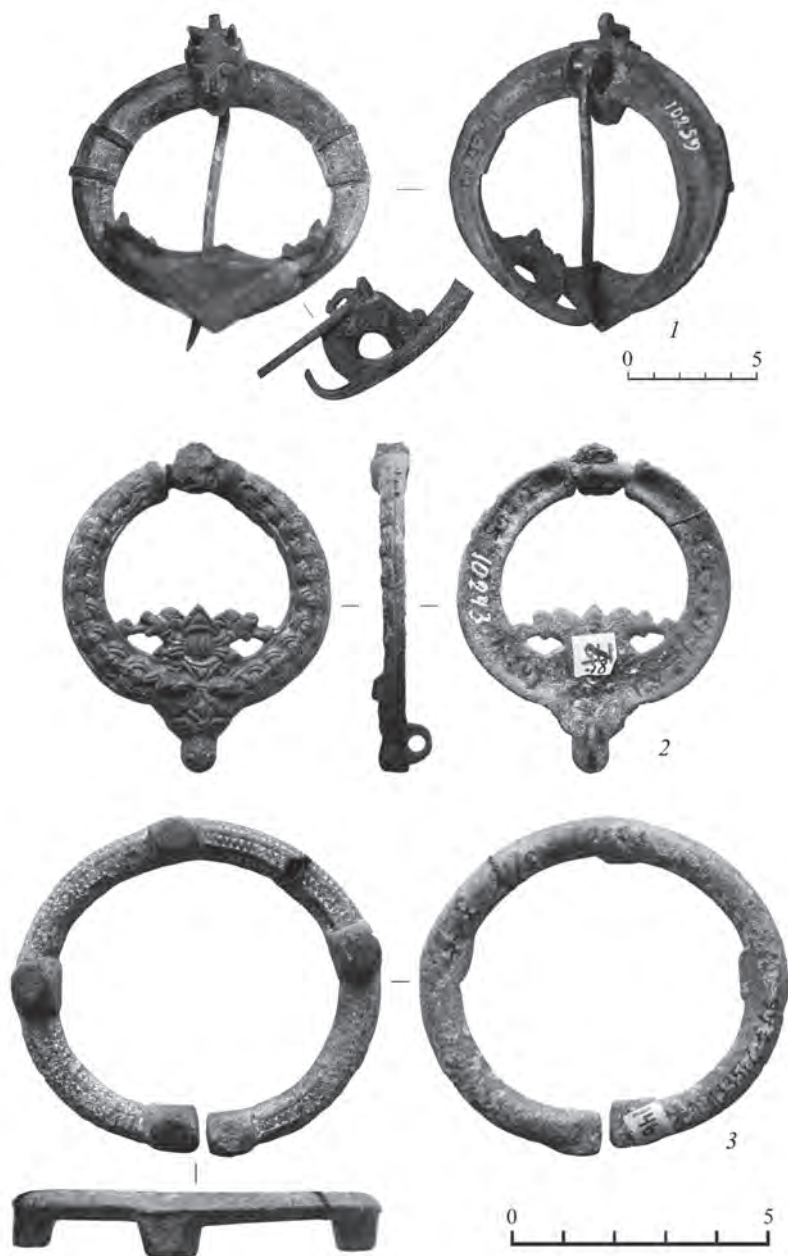

Рис. 2. Фибулы.

1 – зооморфная упландско-готландского типа (М-13351/244); 2 – зооморфная кольцевидная с железной иглой (утрачена) (М-13351/245); 3 – подковообразная с гранеными головками (М-13351/246)

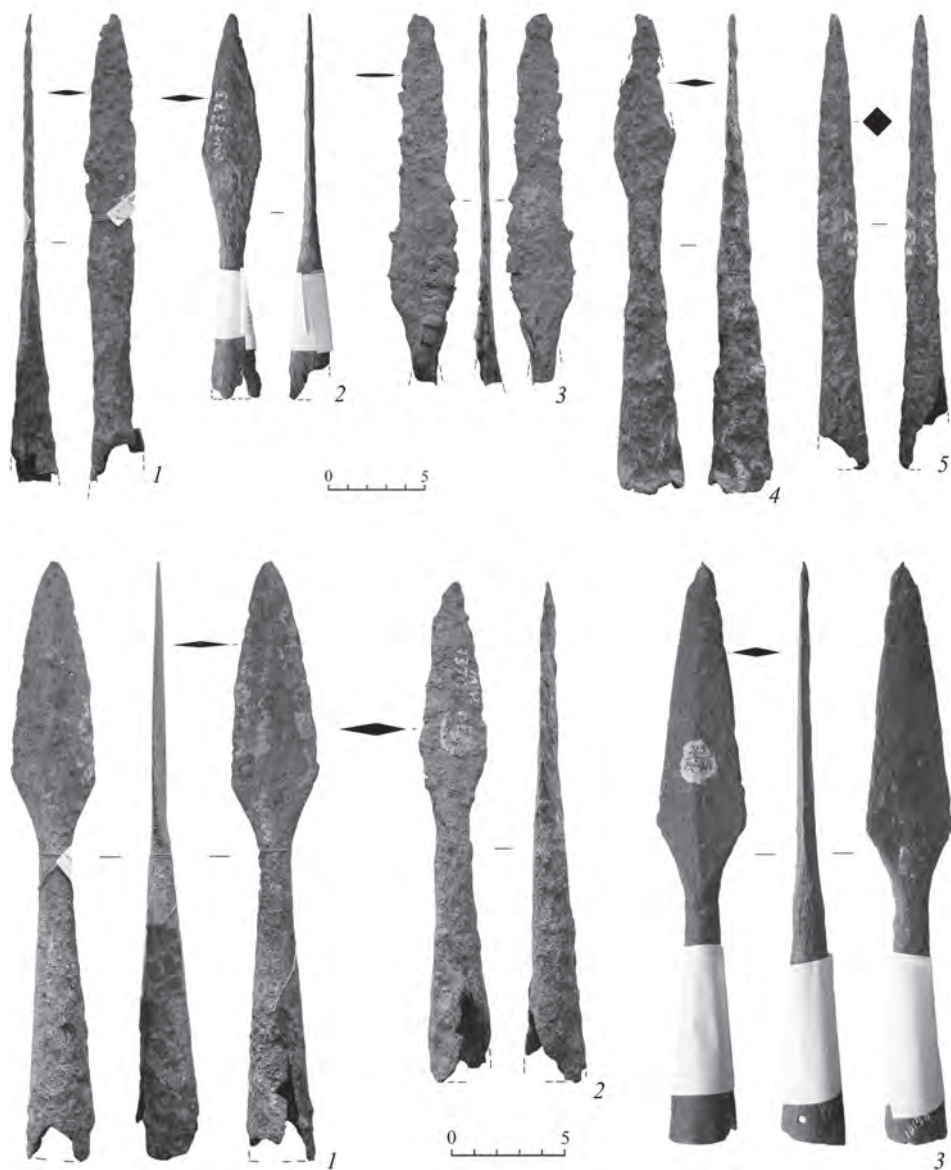

Рис. 3. Наконечники копий.

А: 1 – тип I (М-13351/106); 2 – тип II (М-13351/212); 3 – тип III (М-13351/108); 4 – тип IIIА (М-13351/107); 5 – пиковидный наконечник, тип V (М-13351/222); *Б* (тип IIIА): 1 – М-13351/104; 2 – М-13351/105; 3 – М-13351/232. Типы – по А.Н. Кирпичникову

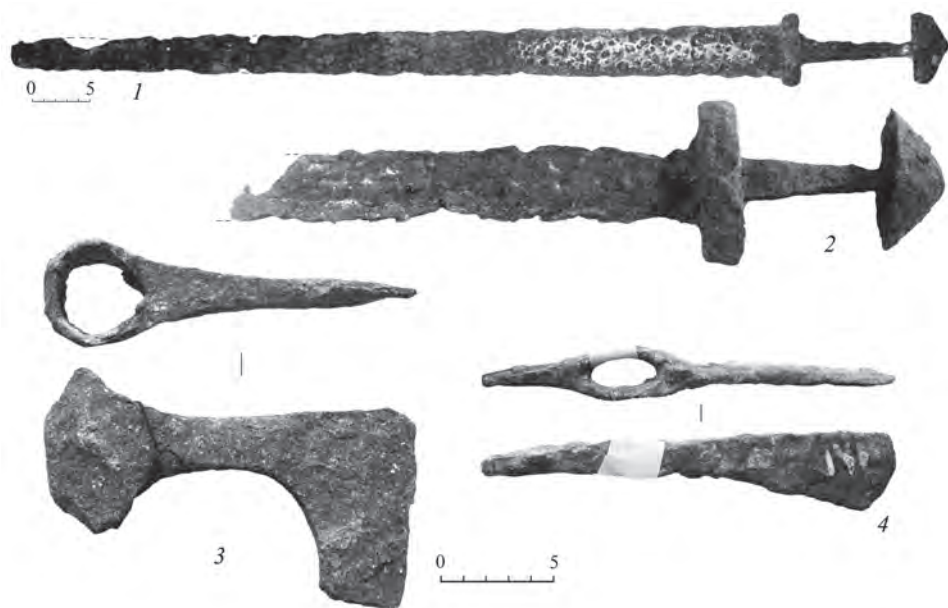

Рис. 4. Мечи каролингские и боевые топоры.

1 – старшая фаза типа Н-I (М-11504/1); 2 – развитая фаза типа Н (М-11504/2); 3 – бородовидный, тип VI (М-13351/189); 4 – чекан, тип I (М-13351/223). 1, 2 – типы по Я. Петерсену; 3, 4 – по А.Н. Кирпичникову

Предметы вооружения. Наконечник копья, с пером ланцетовидной формы, легко суживающимся у шейки и плавно переходящим в тулью (рис. 3А, 1) – тип I по классификации А.Н. Кирпичникова. Возможно, происходит от наконечников лавролистной формы. Черный металл, ковка, размеры – 24 × 2,5 см. Дата – IX – начало XI в. (Кирпичников, 1966. С. 9, 12. Рис. 1).

Наконечник копья с пером ромбической формы и гранью на лезвии (рис. 3А, 2) – тип II по А.Н. Кирпичникову. Черный металл, ковка, размеры – 19,7 × 3,2 см. Дата – IX – начало XI в. (Кирпичников, 1966. С. 9, 12. Рис. 1). Такой тип наконечников характерен для муромских и мордовских древностей.

Наконечник копья с относительно широким пером удлинненно-треугольной формы, выраженными плечиками и расширяющейся тульей (рис. 3А, 3), поперечное сечение лезвия заостренно-овальное – тип III по типологии А.Н. Кирпичникова. Черный металл, ковка, размеры – 19 × 3,2 см. Втулка обломана. Дата – IX – начало XI в. (Кирпичников, 1966. С. 12, 17, 74, 78. Рис. 1).

Три наконечника копья типа IIIА по классификации А.Н. Кирпичникова, с относительно широким удлинненно-треугольным пером с сильно скошенными плечиками, близким по длине тулье (рис. 3Б). Характерны для поволжско-финских древностей. Черный металл, ковка, размеры – 26 × 3,8 см (М-13351/104); 21 × 2,8 (М-13351/105); 25,8 × 4 (М-13351/232). Дата – IX – начало XI в. (Кирпичников, 1966. С. 12, 13, 17, 74, 78. Рис. 1).

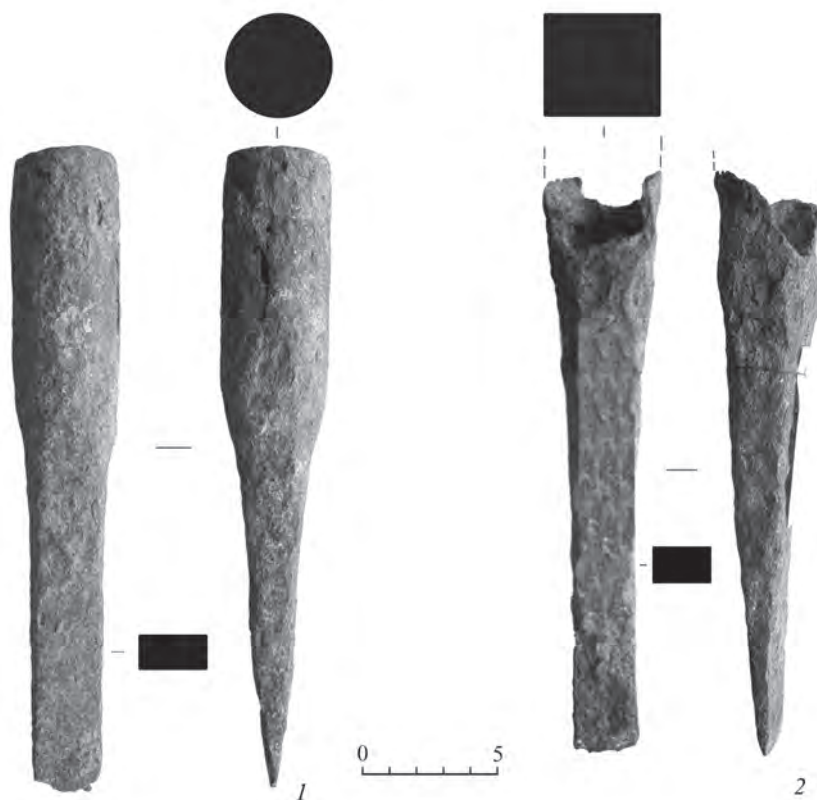

Рис. 5. Пешни.

1 – с круглой втулкой (М-13351/181); 2 – с квадратной втулкой (М-13351/130)

Наконечник копья Тип ШБ по А.Н. Кирпичникову, с узколистным пером (рис. 3А, 4). Черный металл, ковка, размеры – 25 × 3,1 см. Дата – X–XI вв. (Кирпичников, 1966. С. 12, 14, 72, 74. Рис. 1).

Наконечник копья пиковидного, тип V по А.Н. Кирпичникову, с пером в виде четырехгранного стержня и воронковидной тульей (рис. 3А, 5). Поперечное сечение лезвия квадратное. Черный металл, ковка, размеры – 23,7 × 2 см. Дата – IX – начало XI в. Аналогии известны из Пановского, 2-го Старобадиковского мордовских могильников и др. (Кирпичников, 1966. С. 15, 16, 76. Рис. 1; Материальная..., 1969. С. 11, 93. Табл. 9. Рис. 10, 11; Петербургский, 2011. С. 395. Рис. 258, 7).

Меч каролингский (рис. 4, 1). «По очертаниям рукояти и относительно неширокому лезвию, относится к старшей фазе типа Н-1 по типологии Я. Петерсена¹, возможно, IX в. Клейм не обнаружено. Отсутствие клейма наводит на мысль о местной кузнечной работе по общеевропейскому образцу. Мечи старшей фазы типа Н-1 на Руси, да и во всей Европе, достаточно редки. Ручка состоит из

¹ От редактора: *Petersen J. De norske vikingesverd. Oslo: Kristiania, 1919. 238 s.*

Рис. 6. Топоры рабочие.

1 – топор-кельт удлинённых пропорций, по Ю.А. Краснову (М-13351/224); 2 – тип VIII по А.Н. Кирпичникову (М-13351/102); 3 – группа А, тип 3 по С.В. Святкину (М-13351/175); 4 – топор бортный (М-13351/229)

гарт с эллиптическим поперечным сечением, наверху треугольной формы. Все элементы выполнены из черного металла методомковки, не орнаментированы. Общая длина – 87 см. Меч обломан, сильно коррозирован, требует реставрации. Законсервирован в ИИМК РАН в 1998 г. Датируется 800–950 гг.» (*Бейлекчи*, 2005. С. 33, см. также *Кирпичников*, 1966. С. 76. № 11).

Фрагмент клинка с рукоятью меча каролингского (рис. 4, 2). «Относится к типу Н в его развитой фазе, по классификации Я. Петерсена. На клинке с обеих сторон обнаружен трехполосный дамаскированный узор; полосы состоят из расположенных наискось не перекрученных между собой нитей железа и стали. Отрезки железной и стальной проволоки образуют узор «в елочку». Подобные мечи встречаются в разных частях Европы и определяются как высококачественные изделия. Точные места выработки дамаскированных мечей не установлены. Мастерские по их изготовлению могли находиться на территории как Западной, так и Восточной Европы» (*Бейлекчи*, 2005. С. 34; см. также *Кирпичников*, 1966. С. 76. № 12). Все элементы выполнены из черного металла методомковки, не орнаментированы. Основание навершия сбито (вероятно, для приспособления рукояти к руке владельца). Сильно коррозирован. Общая длина (вместе с перекрестием) – 33 см. Законсервирован в ИИМК РАН в 1998 г. Датируется второй половиной X–XI в.

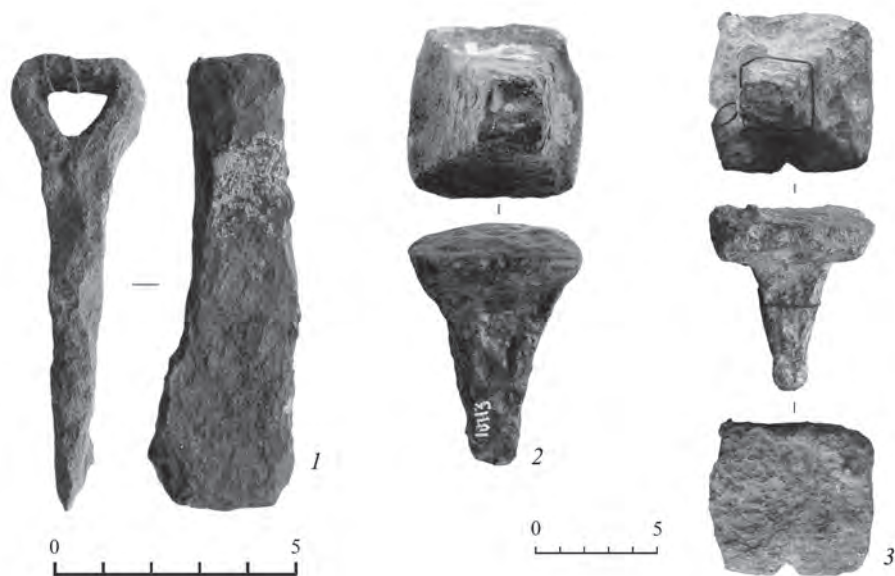

Рис. 7. Производственный инструментарий.

1 – зубило (?) кузнечное или ювелирное (М-13351/132); 2, 3 – наковаленки ювелирные (малые) без рогов (М-13351/129, 180)

Топор бородовидный, тип VI по А.Н. Кирпичникову (1966. С. 37, 38. Рис. 6), с оттянутым книзу лезвием и двумя парами боковых щекавиц (рис. 4, 3). Черный металл, ковка. Дата – X – начало XI в. (Бейлекчи, 2005. С. 38. Рис. 6).

Топор-чекан боевой (рис. 4, 4), тип I по А.Н. Кирпичникову (1966. С. 32, 33. Рис. 6), с узким продолговатым треугольной формы лезвием, с подквадратной в сечении молоточковидной приставкой обуха, без щекавиц (Бейлекчи, 2005. С. 33, 35. Табл. XI, 6). Черный металл, ковка, размеры – 17,7 × 3,6 см. Дата – X – начало XI в. Подобный топорик найден в Большой Бремболе Ярославской обл.

Орудия труда. Девять пешен с круглой втулкой: М-13351/103, 128, 181 (рис. 5, 1), 208, 209, 225, 228. Осевые линии втулки и лезвия совпадают, имеют узкую массивную клиновидную рабочую часть. Черный металл, ковка, размеры – 26 × 3,8 см (М-.../103), 25 × 4,3 (М-.../128), 22,5 × 3,5 (М-.../181), 22,5 × 4 (М-.../208), 27,5 × 4 (М-.../209), 19,5 × 4,5 (М-.../225), 23 × 4 (М-.../228). По хронологии Г.Н. Белорыбкина (2003. С. 79) пещни с круглой втулкой появляются в VII–VIII вв. и бытуют до начала XI в.

Пещня с квадратной втулкой (рис. 5, 2), которая обломана, имеет узкую массивную клиновидную рабочую часть. Черный металл, ковка. По хронологии Г.Н. Белорыбкина (2003. С. 79) появляются в X в. и у муромы бытуют до XI в.

Топор-кельт с цилиндрической втулкой (рис. 6, 1), 2-я группа по Ю.А. Краснову – удлиненных пропорций. Черный металл, ковка, размеры – 17,3 ×

Рис. 8. Производственный инструментарий, снаряжение всадника и верхового коня.
1 – клещи кузнечные (М-13351/210); 2 – удила, тип IV по А.Н. Кирпичникову (М-13351/231)

5,6 см. Появляются с середины I тыс., «доживают» до X–XI вв. (Краснов, 1980. С. 69–71).

Девять экземпляров топоров узколезвийных колуновидных, с боковыми мысиками (щекавицами) обуха и шириной лезвия в 1/3 его высоты: М-13351/101, 102 (рис. 6, 2), 202–207. Относятся к типу VIII по А.Н. Кирпичникову (1966. С. 39, 40. Рис. 6); группе А, типу 3 по типологии С.В. Святкина (2001. С. 40, 41). Черный металл, ковка, размеры – 17 × 5,5 см (М.../101), 22,5 × 7 (М.../102), 23 × 6 (М.../202), 20,5 × 6,5 (М.../203), 19,5 × 7,5 (М.../204), 19,5 × 8,8 (М.../205), 20,5 × 6,4 (М.../206), 22,8 × 7,7 (М.../207). Характерны для культуры населения лесной зоны. Датируются VII–XI вв.

Топор узколезвийный колуновидный, без щекавиц на обухе, ширина лезвия в 1/3 его высоты (рис. 6, 3), группа А, тип 3 по классификации С.В. Святкина (2001. С. 40, 41). Черный металл, ковка, размеры – 16,5 × 5,5 см. Характерен для культуры населения лесной зоны. Датируется X–XI вв.

Топор бортовой (рис. 6, 4) не относится к материальной культуре муромы и попал, по всей видимости, на территорию могильника случайно, где его и нашли крестьяне. Имеет прямую спинку и длинное тело с узким лезвием, на обухе двухсторонние щекавицы. Черный металл, ковка, размеры – 31,5 × 4,7 см. Точные аналогии данному топору не найдены. Относится, вероятно, к позднему средневековью.

Производственный инструментарий. Зубило (?) кузнечное или ювелирное проушное (рис. 7, 1). Имеет конфигурацию топорика, проух треугольный, щекавиц нет, спинка прямая, лезвие слегка оттянуто книзу. Черный металл, ковка, размеры – 9 × 3 см. В литературе аналогии не найдены. Данные современных исследований Подболотьевского могильника (полевые сезоны 2012–2013 гг.) показывают, что подобные инструменты происходят из погребальных комплексов с клещами и наковаленками. Датировка широкая – VII–XI вв., более узкая неясна.

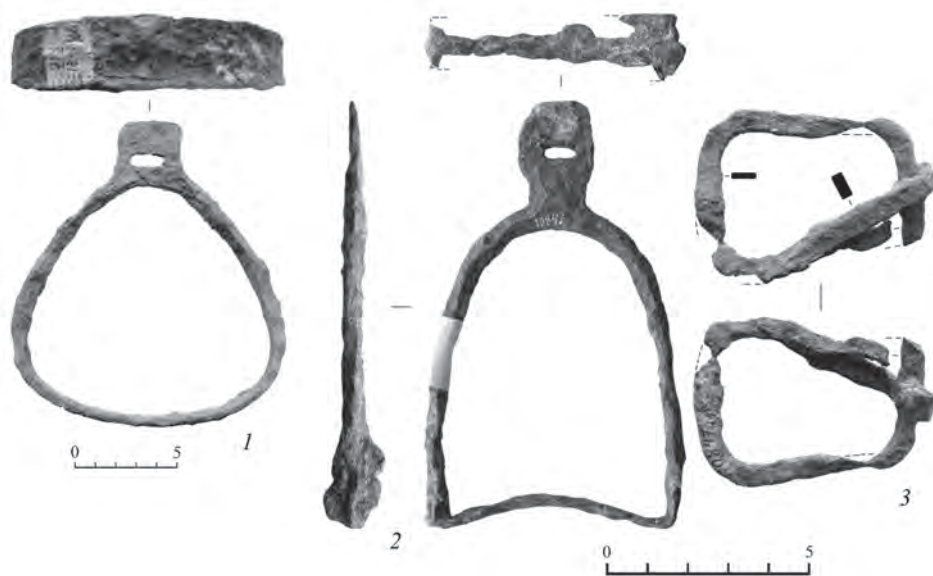

Рис. 9. Снаряжение всадника и верхового коня.

1 – стремя, тип I (М-13351/230); 2 – стремя, тип VI (М-13351/211); 3 – пряжка рамчатая поясная или подпружная (М-13351/182). Типы – по А.Н. Кирпичникову

Две наковаленки ювелирные (малые) без рогов с подквадратной лицевой площадкой и заостряющейся нижней частью (рис. 7, 2, 3). Черный металл,ковка, размеры – 9 × 5,5 см (М.../129); 5,6 × 5,5 (М.../180). Подобные наковаленки найдены при раскопках мерянского слоя городища Попово (Ухтубужское) и марийского Чертова городища (Финно-угры и балты..., 1987. Табл. XXX, 27; XLIX, 21). Датировка – VII–XI вв.

Два экземпляра клещей кузнечных – М-13351/210 (рис. 8, 1), М.../234. Черный металл,ковка, размеры – 48,5 × 5,3 см (М.../210); 46 × 5,2 (М.../234). Известны с VII в., аналогии зафиксированы на Сарском городище (*Леонтьев*, 1996. С. 126; *Белорыбкин*, 2003. С. 78).

Снаряжение всадника и верхового коня. Удила без псалиев (рис. 8, 2), тип IV по А.Н. Кирпичникову (1973. С. 16), отдел Г, тип IV по типологии Г.А. Федорова-Давыдова (1966. С 19), из двух неподвижных колец на конце стержня в виде коротких цилиндров из расплюснутых в пластины концов стержня удил, и двух колец, продетых в них (одно кольцо утеряно). Черный металл,ковка, размеры: длина – 18 см, внешний диаметр кольца – 5. Датировка – IX–X вв.

Стремя (рис. 9, 1), тип I по А.Н. Кирпичникову (1973. С. 56. Рис. 29), отдел Б, тип I по типологии Г.А. Федорова-Давыдова (1966. С. 11), форма округлая, ушко пластинчатое подпрямоугольное, подножка с ребром. Черный металл,ковка, размеры – 15 × 13 см. Известны в печенежских древностях. Аналогии зафиксированы в Саркеле–Белой Вежи, курган 56 и др. Датировка – IX–XI вв.

Стремя (рис. 9, 2), тип VI по А.Н. Кирпичникову (1973. С. 56. Рис. 29), с арочным вытянутым вверх контуром и слегка прогнутой лентовидной подножкой, с подовальным ушком поутлища. В месте соединения с дужкой ушко заужено. Нижняя сторона подножки снабжена усиливающим валиком. Черный металл,ковка, размеры – 20,8 × 12 см. Стремя типично для салтово-маяцких памятников лесостепной полосы. Аналогии известны в салтовских могильниках, Больше-Тарханском могильнике ранних болгар, Южный Урал, у мордвы (Крюково-Кужновский, Лядинский, 2-й Журавкинский могильники), в Древней Руси и др. Датировка – конец VIII – первая половина XI в. (Федоров-Давыдов, 1966. С. 11, 14. Рис. 1).

Пряжка подпружная, с трапециевидной рамкой прямоугольной в сечении, без обоймы (рис. 9, 3). Язычок железный прямой, в сечении прямоугольный, в конце сужается. Черный металл,ковка, размеры – 5,5 × 3,6 см. Аналогии известны в Чулковском могильнике, хазарских, аланских и венгерских древностях. Такие пряжки появились в финно-угорских памятниках в VII в., по-видимому, связаны со степной полосой (Федоров-Давыдов, 1966. С. 76. Рис. 43, 1; Гришаков, 1988. С. 74, 75. Рис. 74, 75. Табл. 12, 7).

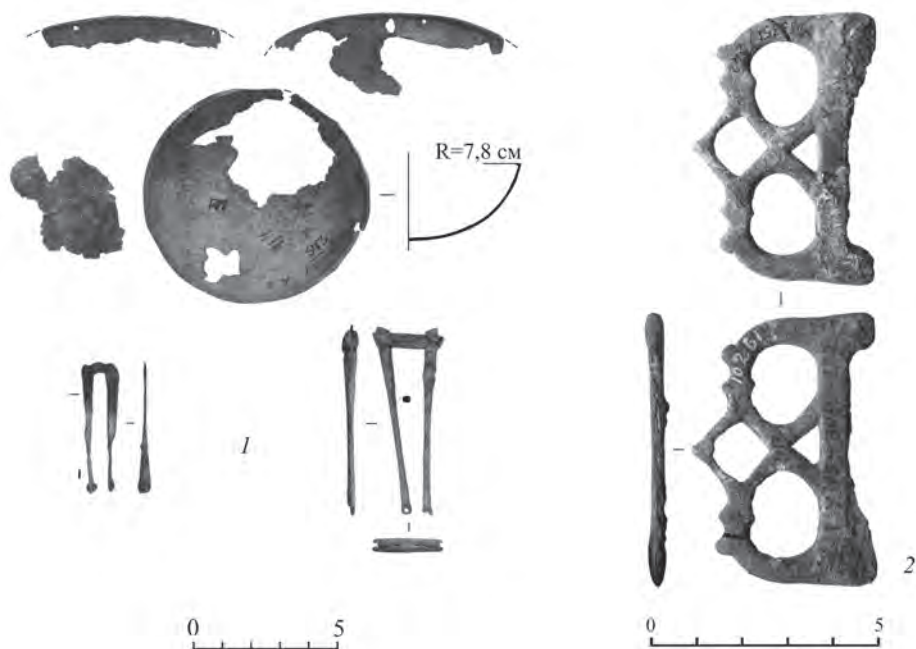

Рис. 10. Торговый инвентарь и предметы быта.

1 – четыре фрагмента чашек и две стойки-коромысла весов рычажных (М-13351/252);
2 – верхняя часть кресала железного с бронзовой рукоятью, группа II, тип 5, вариант 2 по Л.А. Голубевой (М-13351/242)

Торговый инвентарь и предметы быта. Фрагменты чашек (4 шт.) и две стойки-коромысла весов рычажных (рис. 10, 1). Цветной металл, литье,ковка. Не орнаментированы. Реконструируемый диаметр чашки – 7,8 см; размер коромысел – 6,5 × 2,5; 4,6 × 1,3. Аналогии известны в Ярославском Поволжье (Тимеревский, Михайловский могильники), Биляре. Дата – конец IX–XI в. (*Недошивина*, 1963. С. 71. Рис. 42).

Верхняя часть кресала железного с рукоятью (рис. 10, 2). Цветной металл, литье,ковка, размеры – 5,5 × 2,4 см. На рукояти схематизированное изображение двух звериных голов, соединенных раскрытыми пастьми, образующие прорезь в форме ромба. Относится к группе II, типу 5, варианту 2 по типологии Л.А. Голубевой, IX–XI вв. (1964. С. 125, 126). Аналогии известны в Танкеевском, Тимеревском могильниках; Юго-Восточном Приладожье, Белозерье; Бирке и на памятниках бассейна р. Чепец. Датируется второй половиной X в.

Вещевой состав коллекции по датировкам в целом относится к периоду от IX до XI в. Работы Института археологии РАН последних лет на Подболотьевском могильнике позволяют говорить о том, что наиболее ранние захоронения (VII–VIII вв.) сконцентрированы в центральной и центрально-северной частях территории, не подвергавшихся раскопкам грабителей и частично исследованных В.А. Городцовым (*Бейлекчи*, 2013. С. 45, 56. Рис. 1). Таким образом, видимо, публикуемые находки из коллекции были изъяты из периферийных частей могильника, развивавшегося центростремительно.

Данная коллекция интересна еще и тем, что дополняет круг инвентаря давно известного, но плохо опубликованного Подболотьевского могильника муромы.

Литература

- Амброз А.К.*, 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. [Ч. 2] // СА. № 3. С. 106–134.
- Бейлекчи В.В.*, 2005. Древности летописной муромы: погребальный обряд и поселения. Муром: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та. 275 с.
- Бейлекчи В.В.*, 2013. Подболотьевский могильник на пороге новых исследований // Культурный слой. Вып. 2 / Ред. Е.А. Молев. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та. С. 45–58.
- Бейлекчи В.В.*, 2014. Шумящие украшения, украшения рук и поясная гарнитура в коллекции из грабительских раскопок 1910 г. Подболотьевского могильника муромы // Уваровские чтения – IX: Досуг в столице и провинции: мат-лы конф. Владимир. С. 218–239.
- Белорыбкин Г.Н.*, 2003. Западное Поволжье в средние века. Пенза: Изд-во Пензен. гос. пед. ун-та. 199 с.
- Голубева Л.А.*, 1964. Огнива с бронзовыми рукоятями // СА. № 3. С. 115–132.
- Городцов В.А.*, 1914. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г. // Древности. Тр. Имп. Московского Археологического Общества. Т. XXIV. М. С. 40–216.
- Гришаков В.В.*, 1988. К истории населения Правобережья Нижней Оки в конце I тысячелетия нашей эры // Материалы по археологии Мордовии / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордовское кн. изд-во. С. 71–103. (Тр. Мордовского НИИ языка, литературы, истории и экономики; Вып. 85).

- Гришаков В.В., Зеленева Ю.А.*, 1990. Муром VII–XI вв.: учебное пособие. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т. 67 с.
- Древняя Русь. Быт и культура, 1997 / Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука. 368 с. (Археология).
- Кирпичников А.Н.*, 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX–XIII вв. Л.: Наука. 147 с., 34 с. ил. (САИ; вып. Е1-36).
- Кирпичников А.Н.*, 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука. 138 с. (САИ; вып. Е1-36).
- Краснов Ю.А.*, 1980. Безводнинский могильник. (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука. 224 с.
- Леонтьев А.Е.*, 1996. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М. 338 с.
- Мальм В.А.*, 1967. Подковообразные и кольцевидные застёжки // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Сов. Россия. С. 149–190. (Тр. ГИМ; вып. 43).
- Материальная..., 1969. Материальная культура Средне-Цнинской мордвы VIII–XI вв. (По материалам раскопок П.П. Иванова за 1927–1928 годы) / Науч. обработка и введ. А.Е. Алиховой. Саранск: Мордовское кн. изд-во. 175 с.
- Недошивина Н.Г.*, 1963. Торговый инвентарь // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников / Под ред. А.П. Смирнова. М.: Сов. Россия. С. 71–74.
- Петербургский И.М., 2011. Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв. Саранск: Тип. «Красный Октябрь». 407 с.
- Пушкина Т.А.*, 1988. Скандинавские находки из окрестностей Мурома // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси) / Отв. ред. М.В. Седова. М.: ИА РАН. С. 162–169.
- Святкин С.В.*, 2001. Вооружение и военное дело мордовских племен в первой половине II тыс. н.э. Саранск: Мордовский гос. пед. ин-т. 184 с.
- Тюрина Е.К.*, 2014. Из истории комплектования коллекции археологических предметов Подболотьевского могильника // Уваровские чтения – IX: Досуг в столице и провинции: мат-лы конф. Владимир. С. 207–217.
- Федоров-Давыдов Г.А.*, 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. М.: Изд-во Моск. ун-та. 274 с.
- Финно-угры и балты..., 1987. Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука. 510 с. (Археология СССР).
- Stenberger M.*, 1958. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. 1. Stockholm: Almqvist und Wiksell. 383 s.

О.А. Несмиян, В.Г. Несмиян

ШУЙСКАЯ «ГЛАДИЛКА»

При раскопках на территории Шуйской крепости в 2010 г. в слое, датированном монетами XV–XVII вв., найден стеклянный предмет полусферической формы, плоская поверхность слегка сглажена, в центре в небольшом углублении – утолщение. Диаметр находки – 8,5 см, высота – 5, вес – 834 г., цвет зелено-коричневый темный (*рисунком*). В научной литературе данные предметы интерпретируются как «гладилки». Функция гладилок была определена с помощью изобразительных материалов XVII в. и каталогов норвежских, немецких и английских стекольных мастерских XVII–XVIII вв., где они показаны как приспособления для разглаживания кружевных воротников, откуда их название «гладилки». Полуколичественный спектральный анализ стекла шуйской гладилки проведен в Центральном научно-исследовательском институте нерудных полезных ископаемых Федерального агентства по недропользованию РФ (исполнители Н.А. Фролова, И.С. Совитова, Е.А. Булыгина)¹. Анализ установил химический состав стекла – К-Са-Si.

За время работы Археологической службы в Москве было найдено 13 предметов, имеющих шаровидное, усеченное дважды тулово. Они найдены в слоях XVI–XVII вв., отличаются размерами (их диаметр достигает 10 см), имеют дисковидную форму (*Векслер, Лихтер, 2011. С. 429*). Химический состав трех гладилок позволяет отнести две к классу стекол К-Са-Si и одну к бесщелочным, свинцовым стеклам. Авторы датируют находки XVI–XVIII вв. и связывают их с европейским стеклоделием (*Векслер, Лихтер, 2011. С. 430*).

Новые аналитические данные, приведенные Ю.Л. Шаповой, противоречат этой гипотезе: стекла, сваренные на древесной золе, производились не только в Западной Европе, но и в других регионах в разное время. В 1982 г. в слое первой половины X в. в Новгороде найден подобный шуйской гладилке стеклянный предмет полусферической формы, известный в археологической литературе под названием «гладилка». Диаметр находки – 8,3 см, высота – 3,03, вес – 362,4 г. Подобные находки известны в Бирке, Шварце Эрде, Голландии, Дании, Англии, Франции. Все они относятся в основном к X в. (*Шапова, 1989. С. 103*). Следует от-

¹ Авторы выражают благодарность за содействие в проведении полуколичественного спектрального анализа стекла С.И. Валиулиной.

метить, что новгородская гладилка по своему составу также принадлежит к классу калиево-кальциевых стекол. Традиционно вот уже более 50 лет считается, что калиевые стекла – это исключительно специфика западноевропейского стеклоделия с XI по XVIII в., но не исключено, что в IX–X вв. не только в Египте, но и на Ближнем Востоке применяли золу как содержащих натрий растений, так и содержащих калий.

О применении древесной золы в стеклоделии Ближнего Востока до сих пор ничего не известно, хотя время от времени в поле зрения исследователей попадают калиевые стекла. Общеизвестно, что калий концентрируется в древесине, произрастающей в умеренной климатической зоне. Ближний Восток лежит далеко на юг и на восток от нее. Однако в горах Средиземноморья располагаются зоны умеренного климата, где произрастают кустарники и деревья, аккумулирующие калий. Организация стеклоделия в Египте издревле допускала автономное существование особой отрасли стекловарения, функцией которого было изготовление стеклянной массы и создание ее запасов. Возможно, что полуфабрикатам придавалась примерно та же полусферическая форма, что и у гладилок. Кроме того, европейские мастерские X–XI вв. (стекловаренная печь в Хайтхабу (Хедебю), открытая в 1913 г. раскопками Г. Швантеса) относятся к типу мастерских, для которых характерен неполный производственный цикл, т.е. использование полуфабрикатов.

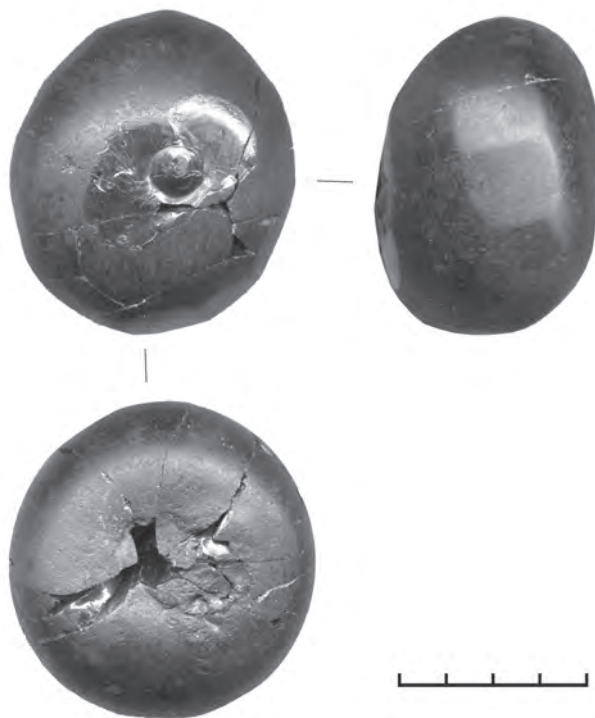

Рис. 1. Шуйская «гладилка»

Из этого следует, что создание собственной школы в стеклоделии – продолжительный исторический процесс (Щапова, 1989. С. 111). Имея одинаковый химический состав, гладилки по своей рецептуре отличаются и от западноевропейских стекол XV–XVII вв.

Как же гладилка оказалась на территории Шуи? Украшения из стекла в Северной Европе, Прибалтике, городах Древней Руси и на ее периферии считались ценностью. Подобная оценка распространялась и на материал. Гладилку, как к материальную ценность, можно было превратить в конкретные полезные и ценные вещи. Возможно, со временем забылось и ценностное значение гладилки и находка оказалась в позднесредневековом слое в результате вторичного использования.

Литература

- Векслер А.Г., Лихтер Ю.А.*, 2011. Стекланные изделия неизвестного назначения, найденные при археологических исследованиях в Москве // Археология Подмосковья: мат-лы научного семинара. Вып. 7 / Ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 429–432.
- Щапова Ю.Л.*, 1989. Некоторые проблемы средневекового стеклоделия в свете новых данных («гладилка» из Новгорода) // СА. № 4. С. 103–114.

Д.В. Абрамов, О.В. Данилов, М.А. Номан, В.Г. Прокошев, К.С. Хорьков

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ХАРАКТЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ИЗГОТОВЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КРАСНОЛОЩЕНОЙ КЕРАМИКИ ПРИ ПОМОЩИ КОМПЛЕКСА УСТАНОВОК МИКРОСКОПИИ ВЫСОКОГО РАЗРЕШЕНИЯ И СПЕКТРОСКОПИИ КОМБИНАЦИОННОГО РАССЕЯНИЯ¹

С определенного этапа развития цивилизации керамика становится немым спутником человека. Наиболее массовым типом керамических изделий является посуда. К какому бы классу керамики не относилось изделие (глиняное обожженное, фаянсовое или фарфоровое), в основе его изготовления лежит материал – глина. Благодаря ярко выраженному отклику на внешние воздействия глина служит хорошим датирующим материалом. Физико-химические процессы, протекающие в керамике при ее изготовлении и на протяжении последующего жизненного цикла, техника и технология производства, состав исходного материала дают важную информацию для датирования археологического материала и анализа развития и взаимодействия исторических культур. Безусловно, наиболее интересны процессы, обеспечивающие возможность абсолютного датирования, например на основе метода термолюминесценции (*Вагнер*, 2006). Но такие подходы достаточно сложны и недоступны не только в полевых условиях, но и в большинстве лабораторий. Поэтому традиционные методы оптической и электронной микроскопии, а также спектроскопии по-прежнему востребованы с точки зрения естественно-научного обеспечения археологической науки. Они позволяют выявить особенности технологии производства изделия, а совокупность приемов изготовления посуды может быть хорошим датирующим материалом. Причем если основные методы

¹ Работы выполнены при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках Федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса на 2007–2012 годы» и Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы».

или материалы уверенно дают достаточно большой временной интервал, то именно технологические нюансы помогут выделить локальный временной период и/или место изготовления предмета. Последний аспект тоже важен, так как позволяет выявить экономические связи между территориями. В результате дополнение или уточнение основных употребляемых методов результатами физического анализа позволит уточнить датировку. В данной работе представлены результаты исследования краснолощеной керамики методами электронной микроскопии и спектроскопии комбинационного рассеяния.

Объект исследования – фрагмент краснолощеного кувшина из культурного слоя города Владимира (рис. 1). Данный тип глиняной посуды относится к периоду конца XIII – начала XVI в. и считается одной из основных групп русской керамики XIV–XV вв. (Розенфельдт, 1968). Во Владимире такую посуду, как правило, относят к концу XV в.

На изломе черепка невооруженным глазом регистрируются пять характерных зон. Центральная зона имеет серо-коричневый цвет. По обе стороны от нее симметрично расположены сначала зоны красного цвета, а затем внешние зоны красно-коричневого цвета. Следует отметить, что граница между красным слоем и внешней зоной четкая, а граница между ним и центральной зоной размыта. Общая

Рис. 1. Реконструированная часть краснолощеного кувшина
(фрагмент его был исследован)

красная составляющая окраса керамики, безусловно, определяется присутствием оксида железа. Считается, что серый оттенок центральной зоны вызван остатками невыгоревшего углерода в результате понижения температуры к центру стенки изделия. Причинами более темного цвета внешних зон черепка принято считать высокую температуру и уплотнение материала в процессе формирования сосуда и лощения его поверхности. В случае исследуемой керамики это вызывает сомнение. Конечно, механическое воздействие на материал сосуда должно привести к его локальному уплотнению, но обработка однородного материала не должна привести к скачкообразному уменьшению его плотности. Аналогично распределение температуры по сечению стенки сосуда не должно иметь резких перепадов.

Исследование фрагмента керамики осуществлялось при помощи растрового электронного микроскопа Quanta 200 3D и системы спектроскопии комбинационного рассеяния комплекса «Зондовая НаноЛаборатория ИНТЕГРА Спектра LS». Для проведения исследований был вырезан образец из стенки сосуда.

С целью захвата полем исследования всего сечения черепка его общий вид регистрировался с небольшим увеличением ($\times 31$). На изображении, полученном при помощи растрового электронного микроскопа (РЭМ-изображении), уверенно выделяется пять структурно отличных друг от друга зон, аналогично результатам наблюдения, основанного на оптических свойствах материала сосуда. Прежде всего слой на внутренней поверхности сосуда толщиной около 0,7 мм и слой на его внешней поверхности толщиной около 2 мм. Эти слои практически лишены крупных кристаллических включений с характерными размерами 0,1–0,2 мм и пор, которые в значительном количестве присутствуют во внутренних зонах. Кроме того, выделяется более высокая плотность внешних слоев. Но последний факт требует исследований с большим увеличением. Результаты таких исследований с увеличением $\times 1000$ приведены на рис. 2., где представлена характерная морфология приповерхностных слоев. Как показали исследования, морфология внутренних зон черепка одинакова, несмотря на разницу в оптических характеристиках; поэтому они представлены одним изображением (рис. 3). Сравнительный анализ показывает, что внутренние зоны сосуда в отличие от внешних содержат значительно большее количество крупных кристаллических включений (порядка 10 мкм). Кроме того, во внешних слоях отмечается заполнение пространства между кристаллитами стеклообразной массой.

Выявленная стратиграфия материала по сечению черепка может иметь следующие причины. Как известно, с одной стороны, изделия из хорошо очищенной от посторонних включений глины (так называемой жирной глины) при термической обработке сильно расположены к деформации из-за возникающих напряжений, вызванных неоднородным нагревом объема материала. Этот факт учитывался и при изготовлении древнерусской глиняной посуды. Использовалась глина с определенной концентрацией разрыхляющих включений, а иногда она специально отощалась добавлением песка, дресвы и других материалов. С другой стороны, использование жирной глины улучшает декоративные характеристики и уменьшает его водопроницаемость.

Анализ полученных РЭМ-изображений показал, что при изготовлении исследуемого сосуда был использован комбинированный подход. Основа сосуда форми-

ровалась из отощенной глины, которая затем подсушивалась до состояния, в котором невозможна произвольная деформация формы. Принципиально после соответствующего обжига данная заготовка превратится в готовое изделие. Но в случае исследуемого сосуда следующим этапом было покрытие заготовки слоем хорошо очищенной глины, вероятно по технологии, приближающейся к ангобированию. На внешней поверхности сосуда этот слой более толстый, так как предусматривает формирование орнамента, а на внутренней поверхности он тоньше, что объясняется как функциональным назначением уменьшения водопроницаемости, так и трудностью нанесения. Присутствие во внешних слоях стеклообразной массы – результат окончательного обжига сосуда в горне, температура в котором может быть порядка 1200° С (Рыбаков, 1958; Розенфельдт, 1968).

Микроскопические исследования структуры красноощенной керамики были дополнены анализом ее химического элементного состава. Для этого использовалась система рентгеновского энергодисперсионного анализа EDAX, входящая в состав растрового электронного микроскопа Quanta 200 3D. Исследования химического состава проводились в соответствии с выделенными выше зонами черепка. Для изучения выбирались области без крупных включений кварца или кремния. Результаты анализа показали идентичность состава глины во всех выделенных зонах сечения че-

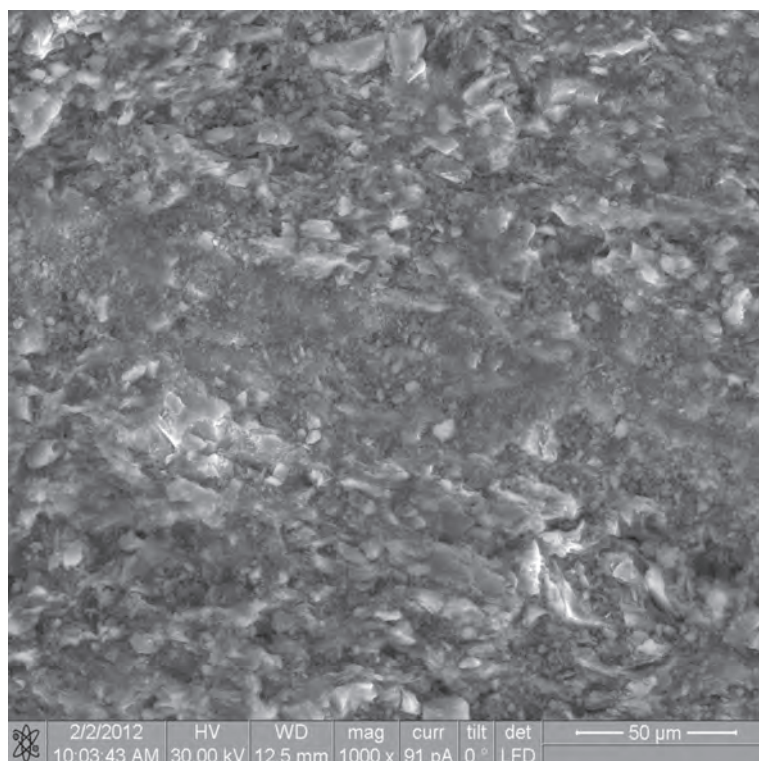

Рис. 2. РЭМ-изображение приповерхностного слоя черепка (×1000)

репка. Таким образом, материал, использованный на различных этапах производства посуды, отличается только особенностями механической подготовки.

В составе глины ярко выделяются основные компоненты (Al_2O_3 и SiO_2), присутствуют оксиды железа и рутил TiO_2 , а также минеральные примеси, содержащие магний и калий. Следует отметить, что концентрация углерода пренебрежимо мала и одинакова по всему сечению черепка, включая центральную серо-коричневую зону. Это означает, что потемнение центральной зоны вызвано не остаточным углеродом, а образованием в ней значительной концентрации закиси железа FeO . Для образования закиси железа необходим восстановительный режим обжига, т.е. атмосфера, обедненная кислородом. Такие условия вполне могут быть обеспечены внутри объема сосуда. В других слоях содержания кислорода достаточно для преобладающего формирования оксида железа Fe_2O_3 , придающего керамике характерный красный цвет.

Химический анализ внешней поверхности черепка выявил присутствие дополнительных элементов Na, Cl, P и значительное количество C. Аналогичный состав имеет и внутренняя поверхность стенки сосуда.

Наиболее простая причина появления данных элементов – их осаждение из почвы, в контакте с которой черепок пролежал несколько сотен лет. Однако химический анализ сечения стенки сосуда, подготовка которого заключалась только в

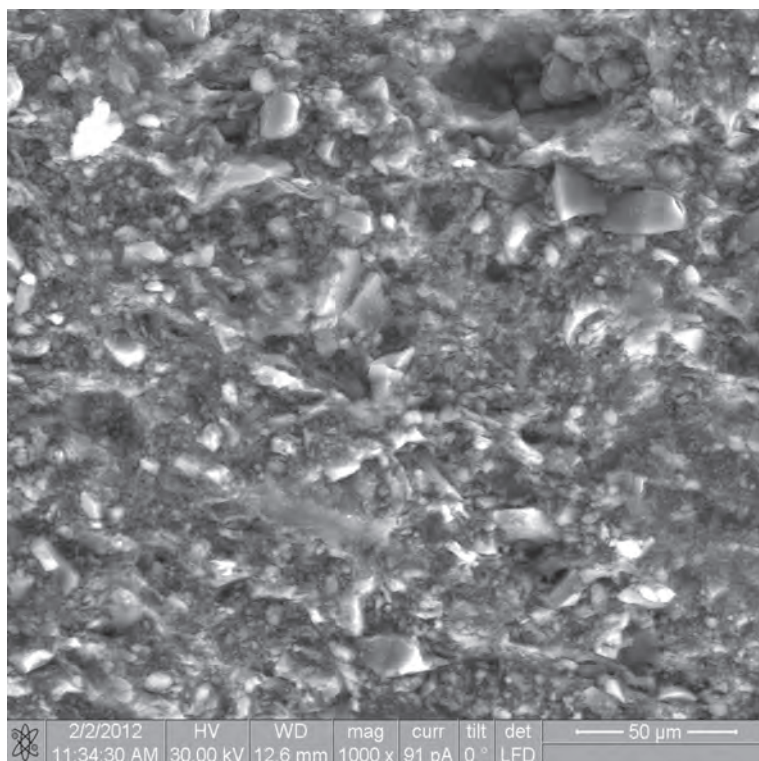

Рис. 3. РЭМ-изображение внутреннего слоя черепка (×1000)

промывке в воде, показал отсутствие натрия и хлора при наличии углерода и фосфора. Таким образом, контакт с почвой объясняет только органическое загрязнение поверхности черепка, но не присутствие NaCl. Вероятно, одним из технологических приемов изготовления данного красноглиняного сосуда была дополнительная обработка раствором поваренной соли, например с целью увеличения плотности материала и эффективности лощения. Проникновение NaCl в объем материала отмечено на глубину, не превышающую 100 мкм. Вероятными приемами нанесение раствора поваренной соли на поверхность посуды могут быть опрыскивание, обмазка кистью или кратковременное окунание в жидкость. В пользу последнего приема выступает присутствие NaCl на внутренней поверхности сосуда. Размеры исследуемого изделия достаточно большие, и его окунание в раствор поваренной соли требует использования значительного количества этого достаточно дорогого в средние века продукта. Реализация такого технологического приема изготовления глиняной посуды возможна в условиях профессионального и достаточно крупного гончарного производства.

Обжиг глиняных изделий в горнах при температуре около 1200° С может привести к формированию муллита. Этот минерал со сложным и непостоянным составом (от $3\text{Al}_2\text{O}_3 \cdot 2\text{SiO}_2$ до $2\text{Al}_2\text{O}_3 \cdot \text{SiO}_2$) интересен в приложении к исследованию средневековой керамики тем, что под действием естественной радиации он постепенно разрушается. Однако этот процесс обратим: отжиг при 1000° С восстанавливает кристаллическую структуру муллита (Справочник..., 1987). Таким образом, определив концентрация муллита в керамике до отжига и после него, можно оценить возраст изделия.

При исследовании образца при помощи растрового электронного микроскопа массовое скопление муллита не обнаружено. Однако отдельные кристаллы и группы кристаллов регистрировались, причем на них просматриваются следы деградации. Идентификации муллита в составе исследуемого материала препятствует не только сложный минеральный состав глины, но существование его в виде разных форм (призм, игольчатых кристаллов, чешуек, сноповидных агрегатов и др.). Таким образом, в данном направлении более перспективно использование спектроскопии комбинационного рассеяния.

Анализ фрагмента краснолощеной керамики был осуществлен, как уже сказано выше, при помощи системы спектроскопии комбинационного рассеяния комплекса «Зондовая НаноЛаборатория ИНТЕГРА Спектра LS». Исследования проводились в пределах слоя, примыкающего к внешней поверхности стенки сосуда, где вследствие наиболее высокой температуры формирование муллита наиболее вероятно. К сожалению, в научной литературе спектр комбинационного рассеяния муллита не обнаружен. Для идентификации муллита на фоне других минеральных форм и соединений был получен спектр комбинационного рассеяния для его игольчатой модификации. Массовые скопления этой формы муллита были зарегистрированы при исследовании материала белоглиняной помадной банки XIX в. По своей структуре эту керамику можно отнести к фаянсу. Общая матрица образована плавленными оксидами кремния и алюминия, в объеме которых сформировались кристаллы муллита. В порах стеклообразной массы кристаллы муллита выходят на поверхность.

Для фрагмента белоглиняной керамики получены два характерных спектра комбинационного рассеяния. Прежде всего, спектр муллита, который представлен в верхней вставке рис. 4. Полученный спектр использовался для идентификации муллита в материале краснолощенной керамики. Кроме того, определен спектр стеклообразной массы. На нем присутствуют пики 290 см^{-1} и 1090 см^{-1} . Подобные пики характерны для стекол (*Mysen et al., 1982; Tournié, Prinsloo, Colomban, 2010*).

При исследовании фрагмента краснолощенной керамики области со спектрами муллита были обнаружены (рис. 4 – основной). В данном случае спектры менее гладкие, так как исследуемый материал имеет значительную дисперсность, а в кристаллах присутствуют дефекты. Наличие пика 290 см^{-1} можно объяснить тем, что в пределы пятна фокусировки зондирующего лазерного излучения попала составляющая материала керамики, отличная от муллита. Вероятно это участок стеклообразной массы, которая заполняет пространство между кристаллитами и имеет соответствующий пик. В итоге можно констатировать, что в процессе обжига древнерусской посуды, подобной исследованному образцу, муллит образуется и может быть использован для датировки.

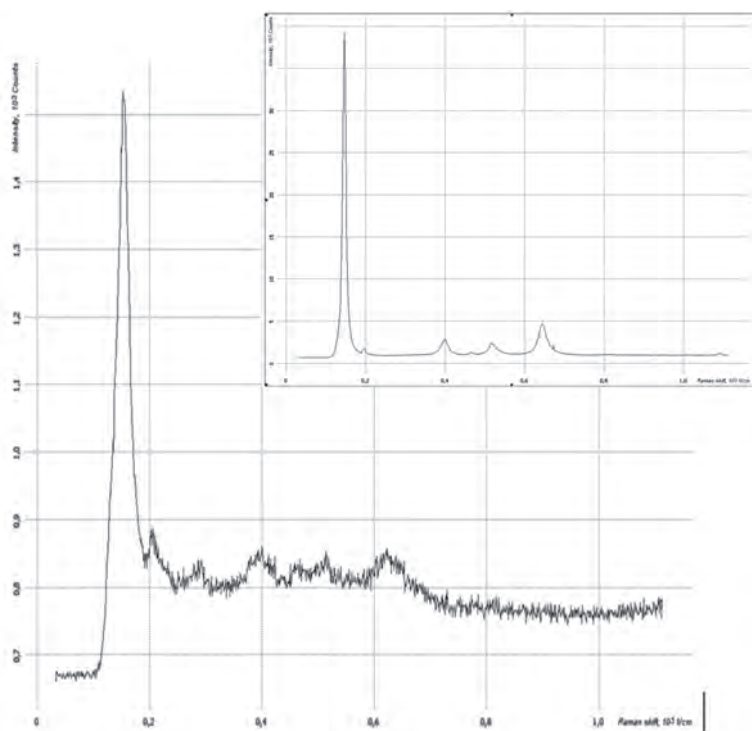

Рис. 4. Спектр области краснолощенной керамики, содержащей муллит (основной рисунок) и спектр кристаллов муллита из фрагмента белоглиняной керамики (верхняя врезка)

Таким образом, комплексные естественно-научные исследования русского краснолощеного средневекового кувшина методами электронной микроскопии, энергодисперсного химического анализа и спектроскопии комбинационного рассеяния позволили выявить характерные особенности технологии ее изготовления и состава. Определено, что при изготовлении данного типа посуды был применен комбинированный подход, заключающийся в чередовании слоев жирной и отощенной глины с целью одновременного уменьшения водопроницаемости и влияния термодформаций. Проанализирован химический состав материала, из которого изготовлена исследуемая керамика. Выявлено, что перед обжигом поверхность изделия обрабатывалась раствором поваренной соли. Показаны возможности локальной спектроскопии комбинационного рассеяния по определению структурного состава материала керамики. Зарегистрирован муллит в составе материала глиняных изделий и рассмотрена возможность проведения на его основе исследований в направлении абсолютного датирования археологических объектов естественно-научными методами.

Литература

- Вагнер Г.А.*, 2006. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М.: Техносфера. 575 с.
- Розенфельдт Р.Л.*, 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. 124 с. (САИ; Вып. Е1-39).
- Рыбаков Б.А.*, 1958. Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР. 784 с.
- Справочник..., 1987. Справочник по электротехническим материалам: в 3 т. / Под ред. Ю.В. Корицкого и др. 3-е изд., перераб. Т. 2. М.: Энергоатомиздат. 464 с.
- Mysen B.O., Finger L.W., Virgo D., Seifert F.A.*, 1982. Curve-fitting of Raman spectra of silicate glasses // *American Mineralogist*. V. 67. P. 686–695.
- Tournié A., Prinsloo L.C., Colomban Ph.*, 2010. Raman spectra database of the glass beads excavated on Mapungubwe Hill and K2, two archaeological sites in south Africa. Pretoria [Electronic resource]. Access mode: https://hal.archives-ouvertes.fr/file/index/docid/543867/filename/Raman_Database_Mapungubwe_beads_South_Africa.pdf.

М.С. Гладкая

КЕНТАВРЫ В РЕЗЬБЕ ДМИТРИЕВСКОГО СОБОРА ВО ВЛАДИМИРЕ: ОСМЫСЛЕНИЕ ОБРАЗА

На фасадах Дмитриевского собора присутствуют три рельефа с изображением кентавра. Два из них размещены на западном фасаде, третий – на северном, все – в малых боковых пряслах.

На первом рельефе, расположенном в подоконном ряду восточного прясла северного фасада, по причине его фрагментарной сохранности (вся правая половина срублена, а нижняя срезана), достаточно хорошо просматривается лишь рука, сжимающая рукоять булавы, конский круп, а также хвост, трактованный в виде раскидистого дерева. Эти характерные детали, а также сопоставление их с достаточно полно сохранившимися сюжетными и иконографическими параллелями западного фасада собора позволяют идентифицировать рельеф как изображение кентавра (рис. 1).

Второй рельеф кентавра расположен в верхней зоне левого (северного) прясла западного фасада, в непосредственной близости от тимпанной композиции, в нижеследующем за ней кладочном ряду, справа от арочной переемычки оконного проема. Здесь изображен кентавр с туловищем коня, конскими ногами (копыто цельное), конским хвостом, торсом и головой человека. Представленный в профиль, он дан в движении от окна и ориентирован вправо, к центру фасада. Человеческий торс его развернут фронтально на зрителя, руки в однообразном жесте раскинуты в стороны. В левой руке кентавр держит за задние ноги висящего вниз головой зайца, предмет в правой руке из-за утрат отчетливо не просматривается. По остаточным следам можно видеть, что он был сравнительно широк. Также по остаточным следам, но уже достаточно отчетливо виден поворот головы кентавра вправо, и читаются волосы длиной до подбородка. По повышению рельефа возможно проследить наличие головного убора. Цементная и известковая подмазки этого участка не позволяют уточнить его форму. Одежда человеческого торса состоит из перепоясанной туники с широким воротом-оплечьем и с еще более широкой полосой *клавуса*, продолженного ниже талии. В фигуре реально соотношение человеческого торса и конского туловища (рис. 2).

Для уяснения утраченных деталей данного рельефа следует обратиться к его сюжетной паре – третьему изображению кентавра, размещенному в противополо-

Рис. 1. Кентавр с булавой.

Рельеф восточного прясла северного фасада Дмитриевского собора во Владимире

Рис. 2. Кентавр с зайцем.

Рельеф северного прясла западного фасада Дмитриевского собора во Владимире

ложном малом (южном) прясле западного фасада в зеркальной позиции. Здесь представлен кентавр с человеческими торсом и головой, с туловищем коня, с характерными цельнокопытными лошадиными ногами, но с хвостом, оканчивающимся крупной листовидной кисточкой, которой в пластике собора наделены звери. Конское туловище кентавра вырезано в профиль. Он шагает право, в сторону окна, к центру прясла. Человеческий торс развернут фронтально к зрителю, голова, повернутая «винтом» назад, в сторону, противоположную движению, дана в профиль, руки однообразно раскинуты в стороны. В правой руке кентавр держит короткий утолщенный меч, заостренный на конус, в левой – свой длинный хвост, поднятый вверх из-под ноги. Человеческий торс покрывает одежда типа простой рубахи (рис. 3).

Мощно крупное лицо кентавра восточного типа, обрамленное тонкими прядями волос длиной до подбородка. Особую выразительность и индивидуальность ему придают огромный, прорисованный фасно глаз красивой миндалевидной формы, обведенный широкими валиками век, отчетливо горбоносый профиль, короткий нос, низкий лоб, скошенный подбородок, наплывающая верхняя губа. На голове кентавра покоится корона прямоугольной формы, напоминающая невысокую шапочку.

Изображение выразительно своей непропорциональностью. Активно укрупнена голова, удлинена хвост, вытянуто и утончено туловище, нарочито преувеличенно выступает грудь, тонки непомерно укороченные ноги. Голова профильного разворота трактована почти в полный объем, лицо отделено от стены и детализировано с обеих сторон. Угол профиля вырезан остро, грани лица показаны сходя-

Рис. 3. Кентавр с мечом.

Рельеф южного прясла западного фасада Дмитриевского собора во Владимире

Рис. 4. Кентавр с секирой.

Рельеф южного портала Георгиевского собора Юрьева-Польского

щимися на конус. Оригинальна единая профильная линия лба и носа с горбинкой, у которого опущен кончик.

Персонаж снабжен отчетливыми восточными характеристиками. В первую очередь это черты лица, а кроме того головной убор, который Г.К. Вагнер назвал «турецкой шапочкой», осмыслив, тем не менее, короной китовраса. Однако, как он тут же заметил, у китовраса должны быть крылья (*Вагнер, 1969. С. 266*).

При сравнении рассмотренных двух рельефов западного фасада обращает на себя внимание идентичность формы человеческого торса: фронтальный разворот плеч, поворот головы вправо от зрителя и один и тот же жест раскинутых в сторону рук. Исходя из тождественности указанных фрагментов, можно уточнить форму утраченных деталей рельефа-визави (рельефа северного прясла). Предмет в правой руке кентавра можно видеть как *занесенный меч*, а головной убор как *корону* в виде прямоугольной невысокой шапочки.

Образ кентавра-китовраса¹ относится к одному из популярных персонажей мирового искусства. Разнообразна его иконография, различны сочетания атрибутов и признаков. Это может быть оружие, корона, крылья, а также предметы, звери или животные в руках. Неизменен конский корпус, ноги же и хвост могут быть как лошадиными, так и звериными. До того, как сюжет дошел до времени возведения Дмитриевского собора, он обогатился разносторонней иконографией.

Известный античный персонаж – кентавр, олицетворение силы и мудрости (кентавр Хирон) – перешел в христианское искусство, став распространенным мотивом западнороманской, византийской и древнерусской иконографии. Многочисленны, например, изображения на ларцах IX, XII вв., происходящих из Италии: ларец из Террачина, IX в., резьба по дереву, музей «Палаццо Венеция»,

¹ По мнению исследователей, древнерусский термин «китоврас» может быть использован для всех изображений кентавра (см. Чернецов, 1975а. С. 114).

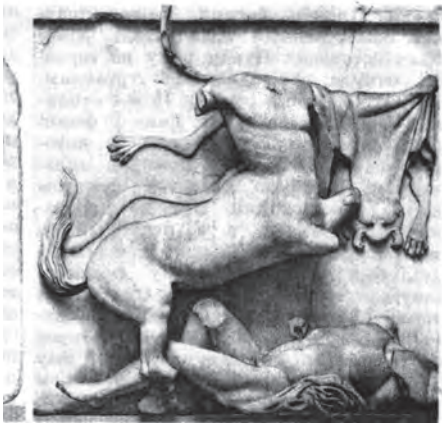

Рис. 5. Кентавр над поверженным лапифом.

Метопы с южного фасада Парфенона

Изображение кентавра и его датировку возводит к кругу древнекиевского искусства, опираясь на Л.А. Динцеса (*Динцес*, 1936. С. 49. Фиг. 13; *Вагнер*, 1969. С. 264). Более поздние произведения подобного рода известны по изображениям на рельефах Георгиевского собора Юрьева-Польского 1230–1234 гг. (*Вагнер*, 1966. Ил. 35) и на серебряных браслетах из Тверского клада XII–XIII вв. (*Рыбаков*, 1951. С. 432. Рис. 215, 1).

Осмысленный христианским сознанием кентавр стал помощником, охранителем. Такая его функция расширила символический смысл кентавра-стрельца, традиционно связывавшегося, согласно А.В. Чернецову, с зодиакальным знаком (1975а. С. 101, 108, 116). В декоре романских церквей нередко встречаются фигуры кентавров, стреляющих из лука на скаку: рельефы бронзовых дверей собора в Аугсбурге, 1065 г. (*Legner*, 1982. Abb. 290), Магдебургских врат собора Св. Софии в Новгороде, 1152–1154 гг. (*Mrusek*, 1972. Abb. 21; *Царевская*, 2001. Ил. 28); рельеф на западном портале монастырской церкви Св. Марии в Вайндберге, XIII в. (*Legner*, 1982. Abb. 110). Можно также указать на изображение стреляющих кентавров в мозаичной композиции Зеленой комнаты Рожера II, 1160–1170 гг., Королевский дворец, Палермо, Сицилия (*Schiro*, 2003. С. 102), а также среди порталной резьбы часовни замка Тироло в Мерано, Италия, XII в. (*Кардини*, 1987. Ил. 11). В ряд кентавров-охранителей встают их изображения и с другим, кроме лука, оружием. Таков, например, кентавр с занесенной палицей в правой руке и со щитом в левой на костяной пластине от кошелька, Псков, XII–XIII вв. (прорисовка: *Плавинский*, 2004. С. 383. Ил. 9 со ссылкой на: *Кирпичников*, 1976. Рис. 19); с булавой или с секирой среди рельефов Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (рис. 4). Известно изображение кентавра, держащего себя за хвост, вырезанное на деревянной колонне из Новгорода (*Даркевич*, 1977. С. 172. Ил. 29).

Рим (*Вагнер*, 1969. С. 266. Ил. 163); ларец из слоновой кости, Италия, XII в., Берлин, Кайзер-Фридрих музей (*Даркевич*, 1975. С. 198. Ил. 308). Распространены изображения кентавра на предметах мелкой пластики византийской работы: ларец из слоновой кости, Византия, XII в., Вюрцбург, ризница собора (*Даркевич*, 1975. С. 197. Ил. 304).

Примеры изображения этой популярной фигуры в древнерусском искусстве обозначены А.В. Чернецовым в статье, где приведен и значительный список литературы (*Чернецов*, 1975б. С. 40, 41. Примеч. 3). Древнейшее изображение кентавра на Руси, согласно ему, находится на резной деревянной колонне XI в. из раскопок в Новгороде (*Арциховский*, 1954; *Чернецов*, 1975б. С. 40). Г.К. Вагнер самое раннее изобра-

Апокрифическая традиция связала образ кентавра с образом царя Соломона: это талмудический апокриф о Соломоне и демоне Асмодее, средневековый – о Соломоне и Морольфе, древнерусский – о Соломоне и Китоврасе (XI – начало XII в.) (Веселовский, 1872; Анисимова, 1994). Русская версия легенды, где кентавр интерпретирован как Китоврас, развила одно из свойств кентавра, заложенное в имени Хирона – умелые руки (греч. χείρ – рука). Согласно русской версии, царь Соломон нуждался в помощи Китовраса, чтобы построить Иерусалимский Храм.

Образ кентавра в целом достаточно полно изучен исследователями². В ряд изобразительных примеров включены и два рельефа западного фасада Дмитриевского собора. Их отмечали С.Г. Строганов (1849), Ф. Халле (Halle, 1929), А.Г. Ромм (1953), В.П. Даркевич (1962, 1975), Г.К. Вагнер (1969), А.В. Чернецов (1975а, б; 1981). Рельеф северного фасада по причине плохой сохранности никем замечен не был. Однако включение рельефов в круг изучаемых памятников имело характер лишь беглого их упоминания и перечисления самых общих характеристик, а также попытки осмысления. Кратко, используя минимальную информацию, но все же подробнее других исследователей их описал А.В. Чернецов (1975а. С. 100, 101).

Диапазон бегло высказанных суждений по поводу кентавров, включенных в резьбу Дмитриевского храма, тем не менее, широк. Ф. Халле отнесла их к мотиву кентавра-стрельца (Halle, 1929. S. 61). А.Г. Ромм видел в одном из рельефов «кентавриху», очевидно, в том, который представлен в южном прясле западного фасада (Ромм, 1953. С. 16). В.П. Даркевич связал изображения кентавров с античным сюжетом подвигов Геракла и указал на их непосредственный иконографический источник – романскую мелкую пластику (Даркевич, 1962. С. 101, 103, 104; 1975. С. 196–200). Г.К. Вагнер символическую составляющую мотива усматривал в апокрифе о Соломоне и Китоврасе (Вагнер, 1969. С. 266). Помимо того Г.К. Вагнер, оспаривая точку зрения С.Г. Строганова о связи изображений кентавра и других мотивов резьбы Дмитриевского собора с македонской монетной геральдикой (Строганов, 1849. С. 9), указывал на них как на особые по семантике и происхождению образы (Вагнер, 1969. С. 8). Он не соглашался с обозначенной С.Г. Строгановым аналогией двух кентавров, представленных в геральдической

Рис. 6. Кентавр-музыкант.
Каменный рельеф. Византийский музей Афин

² В одной из последних работ сюжет рассматривается в контексте тверской монетной символики (Хухарев, 2007).

позе на монете г. Амфиполь (*Вагнер*, 1969. С. 10. Ил. 2). Приведенную им самим аналогию – рельеф кентавра из церкви в Студенице (в целях иллюстрирования взгляда П.П. Покрышкина (1906) на участие сербов в создании владимиросудальской скульптуры) – ученый тут же сам и оспорил, сказав, что «развитой романский характер этой скульптуры» свойственен лишь незначительной части рельефов Дмитриевского собора (*Вагнер*, 1969. С. 18. Ил. 9). Согласно А.В. Чернецову, изображения кентавра с мечом можно возводить к византийским примерам на тему похода Диониса в Индию, тогда как «образ кентавра-охотника со зверьком в руке связан с иконографией Хирона» (*Чернецов*, 1975а. С. 101). Соглашаясь с Г.К. Вагнером, А.В. Чернецов не исключает вероятной связи изображений с апокрифом о Соломоне и Китоврасе (*Чернецов*, 1975а. С. 113). Г.К. Вагнер и А.В. Чернецов возводят изображения кентавров в резьбе владимирского памятника к византийской иконографической традиции (*Вагнер*, 1969. С. 266; *Чернецов*, 1975а. С. 133). В.П. Даркевич, видя непосредственные образцы в западноевропейском искусстве, отнюдь не исключает византийского влияния и вместе с тем справедливо отмечает античную ориентацию изображений (*Даркевич*, 1962).

Наше осмысление рассматриваемых рельефов строится на анализе многоплановой символики этого образа. Полиморфический мотив кентавра, использованный в пластике владимирского храма, обозначает собой целый круг идей и тем, сложившихся еще в античности, существовавших в византийской культуре и широко – в западноевропейском средневековье.

Эти рельефы занимают важное место в убранстве собора. Размещение одного из них в начальном по содержанию прясле, а двух других – в верхних пространственных зонах, недалеко от ведущих образов тимпанных композиций, в том числе Давида и Соломона, заставляет обосновать занимаемое ими место и осмыслить символическое значение этого образа.

Выше было указано, что на рельефе северного фасада в правой занесенной руке кентавр держит булаву, определенного рода оружие. Неизвестно, что было вложено в его другую – левую – руку. Ни собственно рельеф, ни историческое фото (*Бобринский*, 1916. Табл. 17. Рис. 1) не оставили нам даже остаточных следов, поэтому можно лишь с определенной долей условности осмыслить содержательную сторону мотива. Кентавр-охранитель, демонстрирующий силу размахиванием оружия, будучи помещенным в одно прясло с изображением властителя, держащего на коленях отрока, в котором видится в числе других символически осмысленных персонажей и храмоздатель Всеволод III, возможно, вмещает в себя также смысл Китовраса-строителя, зодчего, символического помощника в создании храма. Последнее вероятно в русле идеи Соломонова строительства, которая лежала в основе замысла Всеволода III.

Наделение апокрифической традицией китовраса функцией зодчего, помощника в возведении Иерусалимского храма, позволяет поразмышлять о том, что именно эта символическая связь между Соломоном, реальным строителем храма, и кентавром, мифическим зодчим, лежала в основе замысла создателей подобных мотивов. В таком случае своеобразная идея патроната над мастерами-творцами, которой в этом случае наделяется кентавр, не позволяет отнести изображение к теме противостояния свободолубивого, независимого кентавра Соломону. Это

исключает и иллюстрирование рельефами заключительного эпизода «Сказания о Соломоне и Китоврасе», где Китоврас демонстрирует Соломону свою демоническую силу (такой эпизод изображен на Васильевских вратах, сделанных для Софии Новгородской в 1336 г.). Это несостоятельно, несмотря на то что явление средневекового дуализма позволяло западноевропейскому сознанию наделять кентавра наряду с положительными качествами и демоническим началом (*Bayet*, 1954; *Чернецов*, 1975б. С. 44).

Отображение рельефной пластикой Дмитриевского собора идей высокой имперской византийской культуры и тем догматического христианского богословия делают несостоятельной также точки зрения исследователей о связи дмитриевских рельефов, в том числе и кентавров, «с кругом представлений “Голубиной книги”, т.е. духовных стихов, отреченных книг и связанных с ними ересей» (*Чернецов*, 1975а. С. 119, см. также: *Толстой*, *Кондаков*, 1899. С. 31–37; *Вагнер*, 1969. С. 10, 330, 364, 388).

Более того, классически выверенное изображение кентавра в северном делении западного фасада созвучно античным иконографическим образцам. Такого рода изображения можно найти на многих греческих храмах в составе сюжета победы лапифов над кентаврами. В частности, на метописе южной стороны Парфенона изображен «Кентавр, торжествующий победу над поверженным лапифом» (мрамор, 447–432 гг. до н.э., Лондон, Британский музей) (*Концевич*, 1991. С. 638). Здесь та же поза профильного корпуса лошади и фронтального разворота человеческого торса, тот же жест раскинутых в сторону рук, в одной из которых обычно держится оружие, в другой, непременно той, которая перед грудью, – побежденный зверь или животное. На античном рельефе кентавр держит ею фронтально распластанную шкуру льва, с головой и лапами, висящими вниз, что подчеркивает поверженность зверя (рис. 5).

Остановимся подробно на этом, наиболее символически наполненном рельефе северного прясла западного фасада³. Решающее значение для осмысления замысла данного изображения отведено атрибутам, которыми наделят кентавр. Это меч, заяц и корона. Напомним, что, несмотря на плохую сохранность, судя по парному ему изображению, головной убор кентавра напоминает ту корону, которой снабжены Давид и Соломон. Одно из вариантов присутствия детали царских инсигний – короны – на голове кентавра может лежать в апокрифическом сказании, где отмечена родственная связь китовраса с ветхозаветными царями: согласно «Сказанию», Китоврас был сыном Давида и, следовательно, братом Соломона (*Чернецов*, 1995. С. 225). Однако более реальным представляется тот вариант осмысления, когда рельеф рассматривается как изображение кентавра Хирона, кентавра, олицетворяющего благожелательность, мудрость, знание, героические доблести, кентавра с конским корпусом, человеческим торсом и головой бога (уместна корона!) (*Голосовкер*, 1993. С. 216), но вместе с тем и кентав-

³ В качестве лишь частично совпадающей аналогии можно использовать изображение кентавра – символа созвездия кентавра – на средневековой западноевропейской астрономической рукописи, XI (?) в. (см. *Чернецов*, 1975а. С. 102. Ил. 4). Достаточно приближенную аналогию составляет изображение кентавра на монете (!) Петра Дмитриевича Дмитриевского, конец XIV – начало XV в. (см. *Чернецов*, 1975а. С. 104. Ил. 12).

ра-охотника. На качестве кентавра-охотника Хирона часто заостряет внимание А.В. Чернецов, определенно относящий кентавров со зверьком (зайцем) в одной руке и с оружием в другой, изображенных в резьбе Дмитриевского и Георгиевского соборов, к иконографии Хирона (Чернецов, 1975а. С. 100, 101, 118). Он же приводит цитату из труда Георгия Назианзина, в которой Хирон, учитель героев и охотник упоминается в сочетании понятия «стреляти заяц» (Чернецов, 1975а. С. 117 со ссылкой на: Будилович, 1875. С. 24). На каменном рельефе (Греция, IX в., Афины, Византийский музей), приведенном в труде В.П. Даркевича (1975. С. 200. Ил. 312), короной увенчан именно кентавр Хирон – кентавр-музыкант (рис. 6).

Далее следует сосредоточиться на символических смыслах зайца, который вложен в левую руку кентавра. Поза зайца, висящего вниз головой, и захват его рукой кентавра за ноги говорят о победе над ним, о его побежденности, но никак ни о его самостоятельно значимом символе. Главная роль в изображении отводится кентавру, и собственно кентавр наделяется героической доблестью.

Г.К. Вагнер, осмысляя данный атрибут кентавра (зайца), обращался к западноевропейскому варианту «Сказания», где роль Китовраса играет Морольф, мудрость которого испытывается зайцем (Вагнер, 1969. С. 266). Согласно А.С. Уварову, объяснение лежит в теме христианства, поскольку заяц – древнейший символ этой религии, символ бессмертия души и символ собственно христианина (Уваров, 1908. С. 187, 188). Часто в произведениях уже средневекового искусства заяц включался в композиции с образами святых, например на заставке из Слов Григория Назианзина, конец XII в., Париж, Национальная библиотека (см. Даркевич, 1975. С. 203).

Исходя из характеристик (данных зайцу А.С. Уваровым), воспринятых средневековьем, его поражение, показанное на исследуемом рельефе, может быть символически понято как образ христианина, подверженного нападению демонических сил, христианина, стремящегося посредством священного таинства жертвы достичь вечного блаженства; может рассматриваться как готовность души к принятию вечной жизни путем символической смерти. В этом случае кентавру отводится отрицательная роль гонителя, хищника, а сюжету сообщается ситуация охоты, сводящей символические смыслы к ловцу и уловляемому. Это дает основание для еще одного символического осмысления действия – для возведения сюжета в круг понятий распространенного в разных культурах сюжета терзания, символики победы и поражения; в христианстве позитивная сторона семантики терзания – тема «благого терзания» в значении смерти и нового рождения, обновления жизни (Демирханян, 1985. С. 140). Отметим здесь, что мотив терзания зайца существует в рельефах собора: на южном фасаде использована сцена с орлом, когтящим зайца, в консолях неоднократно показан заяц в лапах льва.

Однако двойственная природа кентавра – он человек и зверь, он персонаж, сочетающий духовное и материальное начала, – вкладывает в этот образ неоднозначность, а сюжету сообщает символику как противопоставления, так и единства (о средневековом дуализме см. Гладкова, 2008. С. 163, 164). На кентаврах-победителях в обоих рельефах западного фасада надета корона, и, вооруженные мечом, они выступают защитниками, воплощением силы. Необходимо признать, что особенности самих изображений заставляют исследователя, минуя апокрифическую

традицию и тему «благотворения», а также и символизацию зайца христианской душой, рассмотреть изображения в ином ключе. Представляется, что данный мотив был использован в качестве своеобразной эмблемы властителя.

В этой связи отметим еще одну символическую грань образа зайца, укоренившуюся в западноевропейской культуре. По Клименту Александрийскому, по Д. Холлу, заяц – символ порока (*Уваров*, 1908. С. 188; *Холл*, 1997. С. 243)⁴. Такая деталь, как поверженный заяц в руке торжествующего кентавра, подводит нас к мысли о том, что данное изображение может быть рассмотрено как образ победы над пороком. Это согласуется и с теми изменениями семантики образа кентавра и собственно самого сюжета, которые он претерпел в эпоху христианского средневековья, когда ему был придан морализующий оттенок.

Помимо того коронованный кентавр, вооруженный мечом, защитник и победитель, искореняющий порок, входит в круг других героических образов фасадной резьбы. Это усиливает тему героя, тему подвигов, совершаемых им, тему, вмещающую в себя ряд символических олицетворений, которые возможно проследить в античной, библейской, древнерусской культурах и которые в дмитриевской пластике использованы для обозначения концепции правителя-победителя. А.С. Уваров приводит примеры изображений на раннехристианских саркофагах гения как олицетворения победы с побежденным зайцем в руке (*Уваров*, 1908. С. 183). Таким образом, рассматриваемые рельефы – это еще один символ из круга княжеской эмблематики, такой же символ побеждающего властителя, как и грифон, попирающий лань. Сила и мудрость кентавра могли быть иносказанием на силу и мудрость князя.

Очевидно, в который раз мы имеем дело с кругом понятий, связанных с символикой власти. Представляется, что в основе замысла отмеченных изображений лежало стремление создателей как можно ярче, привлекая разные символы, поддержать идею богоугодной власти и праведного властителя. Размещение одного из рельефов в непосредственной близости от Давида и Соломона, образцов богопознания правителя, дает этому основание.

Подобного рода суждения можно обнаружить в исследованиях В.П. Даркевича и А.В. Чернецова. Совершенно справедливо замечание В.П. Даркевича о содействии рельефов подобного содержания прославлению силы и могущества князя (*Даркевич*, 1962. С. 92). Исследуя изображения кентавров, обнажающих меч, и отмечая факт их многочисленности на монетах, печатях, знаменах, также и А.В. Чернецов высказывается о том, что подобные изображения кентавра могли носить характер политической – личной и государственной – эмблемы (*Чернецов*, 1975а. С. 114, 118; 1981. С. 60). Все это подтверждает нашу мысль.

Литература

Анисимова О.М., 1994. Сказания о Соломоне и Китоврасе // Литература и культура Древней Руси: словарь-справочник / Под ред. В.В. Кускова. М.: Высшая школа. С. 152–153.

⁴ Заметим, что в дохристианской славянской традиции заяц – представитель недоброго начала, охранитель жизни Кашея, следовательно, смерти (*Новиков*, 1974).

- Арциховский А.В.*, 1954. Колонна из новгородских раскопок // Вестник Моск. ун-та. № 4. С. 65–68.
- Бобринский А.А.*, 1916. Резной камень в России. Вып. 1: Соборы Владимиро-Суздальской области. XII–XIII ст. М.: Синодальная тип. 22 с., 41 л. ил.
- Будилович А.*, 1875. XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи Императорской Публичной библиотеки XI века. СПб.: Отд. русского языка и словесности Имп. Акад. наук. 285 с.
- Вагнер Г.К.*, 1966. Мастера древнерусской скульптуры: Рельефы Юрьева-Польского. М.: Искусство. 66 с., 35 л. ил.
- Вагнер Г.К.*, 1969. Скульптура Древней Руси XII в.: Владимир, Боголюбово. М.: Искусство. 480 с.
- Веселовский А.Н.*, 1872. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб.: Тип. В. Демакова. 350 с.
- Гладкова О.В.*, 2008. Пример средневекового дуализма: Чудо об олене в Житии Евстафия Плакиды и в ранней славяно-русской агиографии // Гладкова О.В. О славяно-русской агиографии: очерки. М.: РФК-Имидж Лаб. С. 162–180.
- Голосовкер Я.Э.*, 1993. Сказания о титанах. М.: Высшая школа. 320 с.
- Даркевич В.П.*, 1962. Подвиги Геракла в декорации Дмитриевского собора во Владимире // СА. № 4. С. 90–104.
- Даркевич В.П.*, 1975. Светское искусство Византии: Произведения художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII века. М.: Искусство. 350 с.
- Даркевич В.П.*, 1977. Древняя Русь X–XIII вв. // Произведения искусства в новых находках советских археологов. М.: Искусство. С. 158–195.
- Демирханян А.Р.*, 1985. К мифопоэтическим истокам геральдических композиций (в связи с интерпретацией урартского рельефа из Кеф-Калеси) // Культурное наследие Востока: проблемы, поиски, суждения / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. Л.: Наука. С. 131–144.
- Динцес Л.А.*, 1936. Русская глиняная игрушка: происхождение, путь исторического развития. М.; Л.: АН СССР. 109 с., 30 л. ил.
- Кардини Ф.*, 1987. Истоки средневекового рыцарства / Пер. с итал. В.П. Гайдука. М.: Прогресс. 360 с.
- Кирпичников А. Н.*, 1976. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука. 104 с., 16 л. ил.
- Концевич Л.П.*, 1991. Кентавры // МНМ. М.: Сов. энциклопедия. Т. 1: А – К. С. 638–639.
- Новиков Н.В.*, 1974. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Наука. 253 с.
- Плавинский Н.А.*, 2004. Из истории восточноевропейских щитов XII–XIV вв. (о времени возникновения и путях развития повезы) // Археология и история Пскова и Псковской земли: мат-лы 50-го науч. семинара. Псков. С. 379–386.
- Покрышкин П.П.*, 1906. Православная церковная архитектура XII–XIII столетия в нынешнем Сербском королевстве. СПб.: Академия художеств. 76 с., 112 л. ил.
- Ромм А.Г.*, 1953. Русские монументальные рельефы. М.: Искусство. 407 с.
- Рыбаков Б.А.*, 1951. Прикладное искусство и скульптура // История культуры Древней Руси. Т. 2: Домонгольский период. Общественный строй и духовная культура. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 396–464.
- Строганов С.Г.*, 1849. Дмитриевский собор во Владимире (на Клязьме). М.: Тип. Александра Семена. 25 с., 23 л. ил.
- Толстой И.И., Кондаков Н.П.*, 1899. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 6: Памятники Владимира, Новгорода и Пскова. СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщения. 196 с.
- Уваров А.С.*, 1908. Христианская символика. Ч. 1: Символика древнехристианского периода. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко. 212 с.

- Холл Д.*, 1997. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М.: КРОН-Пресс. 653 с.
- Хухарев В.В.*, 2007. О зооморфных сюжетах в тверской монетной символике // Тверской археологический сборник. Вып. 6: Материалы третьей Тверской археологической конференции «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Т. 2. Тверь. С. 291–297.
- Царевская Т.Ю.*, 2001. Магдебургские врата Новгородского Софийского собора. М.: Северный паломник. 16 с., 12 л. ил.
- Чернецов А.В.*, 1975а. Древнерусские изображения кентавров // СА. № 2. С. 100–119.
- Чернецов А.В.*, 1975б. К изучению символики новгородских врат 1336 г. // КСИА. Вып. 144. С. 40–46.
- Чернецов А.В.*, 1981. Об изображениях кентавра, обнажающего меч // КСИА. № 166. С. 56–63.
- Чернецов А.В.*, 1995. Китоврас // Славянская мифология: энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак. С. 224–225.
- Halle F.*, 1929. Die Bauplastik von Wladimir-Ssusdal. Russische Romanik. Berlin: Verlag Ernst Wasmuth A.G. 84 S., 69 l. Pl.
- Bayet J.*, 1954. La Symbolisme du cerf et du centaure à la Porte Rouge de Noste-Dame de Paris // Revue Archeologique. Serie 6, XLIV. Paris. P. 21–68.
- Legner A.*, 1982. Deutsche Kunst der Romanik. München: Hirmer. 210 S., 495 S. Pl.
- Mrusek H.J.*, 1972. Romanik. Leipzig: Ed. Leipzig. 233 S.
- Schiro G.*, 2003. Cappella palatina. Palermo. Mistretta. 104 p.

С.Н. Вахтанов

ГРАФФИТИ УСПЕНСКОГО СОБОРА ВО ВЛАДИМИРЕ¹

В течение последних пяти лет на Владимиро-Суздальской земле велась планомерная работа по выявлению, изучению и публикации граффити белокаменных памятников. Автором настоящей статьи совместно с сотрудником ИА РАН д-ром ист. наук А.А. Мединцевой были обследованы Рождественский собор в Суздале, церковь Бориса и Глеба в Кидекше, церковь Покрова на Нерли, Дмитриевский собор, Золотые ворота, а также Успенский собор во Владимире. А.А. Мединцева опубликовала 12 надписей-граффити XV–XVII вв. из Успенского собора (2011).

Предлагаемая работа посвящена древним рисункам-граффити Успенского собора, достаточно многочисленным, но ранее не публиковавшимся. Среди приводимых Н.Н. Ворониным нескольких меток на майоликовых плитках и медных листах кровли главы собора (*Воронин*, 1961. С. 471) также отсутствуют какие-либо упоминания о граффити на белом камне и фресках.

На предмет наличия граффити на Успенском соборе были обследованы доступные (т.е. без использования лесов и другого специального оборудования) участки стен и столбов не только снаружи и внутри здания, но также на хорах и наружной части стеной кладки барабанов глав. Однако в верхней части собора обнаружить ничего не удалось. Все найденные рисунки-граффити располагаются в пределах человеческого роста. На белокаменных блоках наружной части стен храма их имеется 67. В интерьере они единичны (всего обнаружено четыре рисунка).

Говоря о выявленных на Успенском соборе граффити и сопоставляя их с граффити уже обследованных белокаменных памятников Владимиро-Суздальской земли, следует отметить очевидный факт немногочисленности представленных здесь рисунков бытового характера и практически полного отсутствия строительных меток.

Вряд ли к этим двум группам можно отнести изображение круга (рис. 1, 1) на одном из блоков четвертого снизу ряда кладки на восточном прясле южного фасада, так как, скорее всего, в круге был крест такой же, как в четырех подобных кругах (рис. 1, 2), процарапанных на камнях второго западного прясла того же фасада.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 08-01-00469а «Средневековые подписи и рисунки граффити Владимиро-Суздальской земли (XII–XIII вв.)».

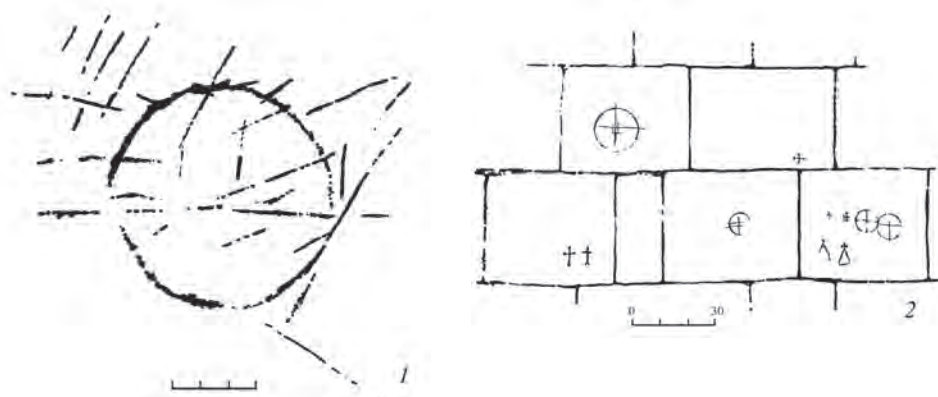

Рис. 1. 1 – рисунок круга на (восточном) пятом прясле; 2 – кресты-граффити на камнях второго прясла южного фасада

К бытовым рисункам может принадлежать, например, изображение корабля (рис. 2, 1), едва различимое на западной грани второго юго-западного столба внутри собора. Но возможна и иная трактовка данного рисунка – как Ковчега Спасения, и в этом случае граффити следовало бы рассматривать как изображение религиозно-мистического характера. В пользу подобного толкования свидетельствуют два креста: один изображен на носу корабля, вторым заканчивается вверх единственная мачта. Корабль напоминает по своему виду ладью. Острый приподнятый нос в его левой части круто загнут к основанию первого креста. Правая часть рисунка неразличима под многочисленными тонкими линиями, которыми был зачеркан этот рисунок, как, впрочем, и находившаяся справа от него надпись, совершенно теперь нечитаемая.

Рис. 2. 1 – изображение корабля; 2 – рисунок кисти руки на западной грани второго юго-западного столба

Рис. 3 Рисунок с городскими башнями и крестами в южной части центральной апсиды.

Есть на южном фасаде еще граффити – погрудное изображение человека (рис. 5). Оно находится на южной грани крайней справа полочки портала на тре-

На той же грани упомянутого столба правее корабля имеется процарапанный рисунок кисти руки (рис. 2, 2). Иконографически она соответствует руке молящегося. Датировка затруднена, хотя ее нижняя граница, как и у находящегося рядом изображения корабля, соответствует 1408 г. – времени создания фрески, на которой были процарапаны оба рисунка.

В южной части наружной стены центральной апсиды виден рисунок с мотивом городской архитектуры (рис. 3). Один из крестов окружен силуэтами островерхих башен. Вторым крестом поменьше увенчан шатер самой левой башенки.

Наконец, последний рисунок, который может относиться к группе бытовых, находится на северной стене прохода в жертвенник (рис. 4, 1). Он представляет собой процарапанные крест-накрест линии, образующие некую фигуру из поставленных один на другой пяти ромбов (уменьшающихся кверху).

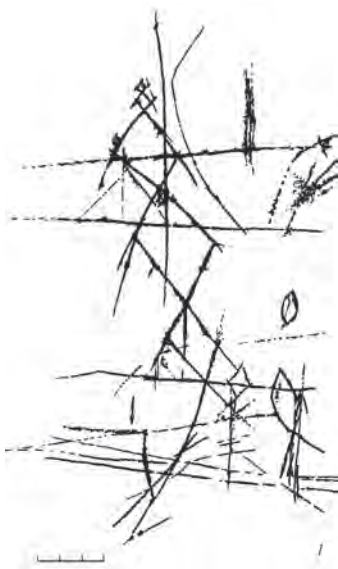

Рис. 4. 1 – перекрещивающиеся линии; 2 – рисунок креста в китце на северной стене алтарного прохода к жертвеннику

Рис. 5. Изображение человека в правой части косяка южного портала

Рис. 6. Голгофский крест на стене южной апсиды

тьем от цоколя блоке. Однако едва различимый нимб вокруг головы свидетельствует о том, что портретируемый не был обычным современником автора рисунка и данное изображение как некое проявление религиозного почтения следует, видимо, отнести не к бытовым, а к граффити религиозного характера. На время создания рисунка указывает явно относящаяся к нему надпись «Олекси(й)», датированная по палеографическим признакам А.А. Мединцевой концом XVI – XVII в. (2011. С. 179) Следует также отметить тот факт, что этот блок с уже имевшимися граффити оказался среди белого камня, из которого были переделаны И.О. Карабутовым в 1888–1891 гг. все порталы собора.

Все остальные рисунки-граффити принадлежат к группе изображений религиозного характера и (за исключением небольшого креста в прямоугольном киотце (рис. 4, 2) на северной стене жертвенника) находятся на фасадах храма. Названный крест по времени совпадает с двухстрочной надписью, в начале которой он расположен.

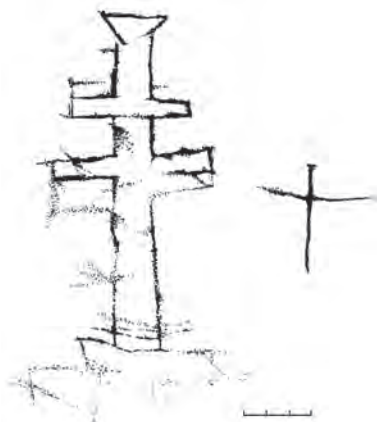

Рис. 7. Кресты-граффити в южной части центральной апсиды

Эту надпись «А се от стана позва попа да дьякона по...» А.А. Медынцева датировала первой половиной XVI в. (2011. С. 178).

Обследование собора показало следующее. Несмотря на то что в ходе реставрации собора в 1888–1891 гг. почти половина старых белокаменных блоков на фасадах была заменена новыми, именно здесь (в основном на восточном и южном фасадах) концентрируется основная масса рисунков-граффити; при этом на северном фасаде они не обнаружены, на западном единичны. Все они представляют собой изображения крестов разного вида и разной степени качества техники исполнения. Точная датировка их затруднена, хотя многие имеют домонгольские аналоги на других белокаменных памятниках.

На восточном фасаде (включая северную и южную стены дополнительного алтарного нефа, возведенного мастерами Всеволода) имеется 27 древних крестов в большинстве своем правильной формы. Из них 19 крестов четырехконечные и по своему типу близки (за исключением трех) к греческому кресту. Шесть крестов Голгофские: по два – на треугольной Голгофе, на одноступенчатой, на двухступенчатой. Один четырехконечный Голгофский крест (рис. 6) имеет на концах лопастей расширения в виде пламени свечи. На двух крестах – традиционное расширение в виде треугольников. Еще на двух крестах лопасти ограничены перпендикулярными черточками. Восемь крестов шестиконечные, причем один из них (рис. 7) процарапан в виде контура. Почти во всех случаях верхняя перекладина меньше нижней и расположены они параллельно, лишь у одного из них (рис. 3) нижняя перекладина короче верхней и имеет наклон справа налево.

Кресты на этом фасаде располагаются не равномерно, а концентрируются в нескольких местах: 1) в северной части фаса-

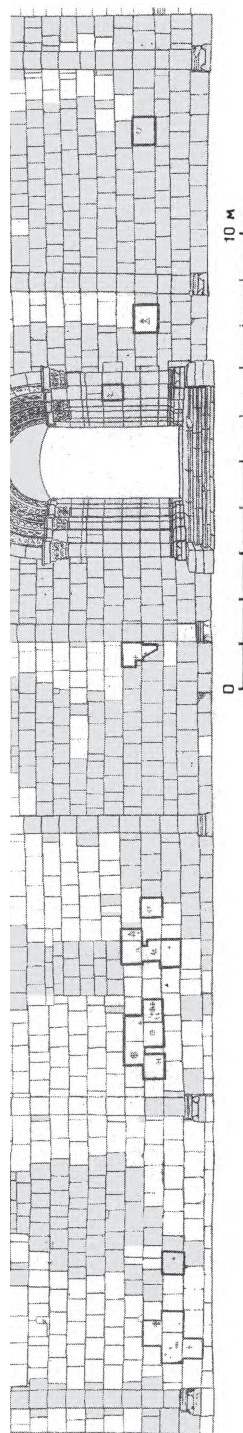

Рис. 8. Схема нижней части южного фасада. Рамкой отмечены блоки с граффити, серым тоном – блоки, замененные И.О. Карабутовым в 1888–1891 гг.

Рис. 9. Кресты-граффити на западном фасаде

Рис. 10. Рельефы Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. 1 – Иисус Христос; 2 – архангел Гавриил

да (на обоих пилястрах и полуколонне северной стены дополнительного алтарного нефа, на северной полуколонне северной апсиды); 2) в угловом секторе между центральной и южной апсидами; 3) на двух блоках первого над цоколем ряда кладки – слева и справа от южной полуколонны южной апсиды.

Такое «выборочное» местоположение процарапанных на камне изображений, разумеется, не может претендовать на какую-либо особую систематичность, хотя замечено на примере уже обследованных памятников, что в большей степени они концентрируются на апсидах и порталах (как и вообще в местах прохождения большого количества людей: на лестницах, в переходах). Это явление не может исключительно объясняться и вполне понятным стремлением авторов этих рисунков и надписей скрыться от посторонних глаз (как известно, священнослужители не приветствовали подобный способ излияния религиозных переживаний верующими), так как, к примеру, на южном фасаде собора граффити достаточно многочисленны и располагаются равномерно. Наиболее достоверным объяснением подобной «избирательности» видится то, что на других участках стен эти рисунки просто не сохранились. Стены белокаменных соборов снаружи покрывались побелками, обмазками, иногда штукатуркой и даже фресковой росписью, поэтому изображения процарапывались как на открытых участках кладки, так и поверх обмазок, впоследствии утраченных. В этом убеждает, например, рисунок неизвестного святого на западном портале Рождественского собора в Суздале (Вахтанов, 2006. С. 106, 109), где сама фигура процарапана непосредственно на поверхности белого камня, а ноги оказались нанесенными поверх фрагментарно сохранившейся древней побелки. Вторая причина того, что на многих участках восточного фасада граффити не сохранились, кроется в значительной переборке древней белокаменной кладки и замене многих блоков новыми во время упомянутой реставрации собора в XIX в.

Как уже было отмечено, на южном фасаде граффити располагаются более равномерно, их плотность значительно выше (рис. 8). Здесь древние рисунки-граффити также представлены в основном крестами. Всего их (четко бесспорно читаемых) 33. Среди них имеются 7 Голгофских крестов, 3 шестиконечных и 30 четырехконечных крестов. Среди последних выделяются 4 креста в кругах, 2 креста в прямоугольниках, 16 – близки по иконографии к греческому кресту.

На западном фасаде граффити обнаружены только на втором от юго-западного угла прясле (рис. 9). Несмотря на значительную выщербленность поверхности, хорошо видны несколько крестов: три Голгофских, по два греческих и шестиконечных (остальные – четырехконечные); два имеют треугольные расширения лопастей, у двух они в виде круглых углублений, у одного концы лопастей ограничены перпендикулярными засечками. Данные кресты имеют достаточно архаичную иконографию и благодаря имеющимся датированным аналогам на стенах церкви Бориса и Глеба в Кидекше, Золотых ворот и Дмитриевского собора во Владимире, Рождественского собора в Суздале, а также в фасадной резьбе 1234 г. Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (рис. 10), без всяких сомнений, могут быть датированы домонгольским периодом.

В целом, древние граффити главного храма Владимира демонстрируют прочно сложившуюся и широко распространенную в Древней Руси традицию остав-

Граффити Успенского собора во Владимире

лять на стенах храма молитвенные обращения к Богу не только посредством надписей, но и в виде рисунков, наделенных сакральным значением.

Как особенность обнаруженных на Успенском соборе граффити (в сравнении с другими белокаменными памятниками Владимиро-Суздальской земли) следует отметить практически полную принадлежность их к религиозной тематике.

Литература

- Вахтанов С.Н.*, 2006. Граффити суздальского Рождественского собора XIII века // *Материалы исследований*. Вып. 12 / Владимиро-Суздальский музей-заповедник. Владимир. С. 103–115.
- Воронин Н.Н.*, 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XI–XV веков: в 2 т. Т. I: XII столетие. М.: Изд-во АН СССР. 583 с.
- Медынцева А.А.*, 2011. Надписи-граффити Успенского собора во Владимире // *Археология Владимиро-Суздальской земли: мат-лы науч. семинара*. Вып. 3. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 171–180.

Е.А. Турова

ИЗРАЗЦЫ ИЗ РАСКОПОК АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА 2005–2011 гг. НА ТЕРРИТОРИИ «ЦАРИЦИНА ДВОРА» АЛЕКСАНДРОВСКОЙ СЛОБОДЫ

С 2005 г. по настоящее время Древнерусская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа ведет исследования дворцового комплекса XVI в. на территории древней Александровской слободы (г. Александров Владимирской обл.). В ходе исследований на участке раскопа 1 (площадью 424 м²) были раскрыты остатки фундаментов и нижних частей каменных зданий, относящихся к двум последовательно существовавшим комплексам на территории части резиденции, именованной «двором царицы и великой княгини» (Турова, 2010. С. 9).

Стратиграфически и по технико-технологическим параметрам кладок наиболее ранний из них датирован началом XVI в. и включал, как минимум, две двух-трех этажные палаты из белого камня и кирпича, соединенные наружной галереей-переходом на белокаменных столбах ромбической в плане формы. Не позднее середины–третьей четверти XVI в. эти здания пострадали в пожаре и были частично разобраны, частично забутованы строительным мусором. Их фундаменты были использованы при постройке новой каменной палаты, также имевшей не менее двух этажей. В начале XVII в. каменные постройки на участке сильно разрушены, а на рубеже XVII–XVIII вв. окончательно разобраны. Вскоре после этого на участке были проведены нивелировки строительным и бытовым мусором и отстроены келейные срубные постройки вновь учрежденного на части территории резиденции Успенского женского монастыря. Кельи из деревянного бруса прекратили свое существование не позднее рубежа XIX в.

В ходе археологических исследований 2005–2011 гг. сформировалась довольно многочисленная коллекция фрагментов печных изразцов XVI–XIX вв. В рамках данной статьи речь пойдет о комплексе изразцового декора построек начала XVI в., связанных с резиденцией Василия III.

В работе сделана попытка начальной систематизации фрагментов изразцов указанного периода, обнаруженных за семь сезонов исследований. Одной из пер-

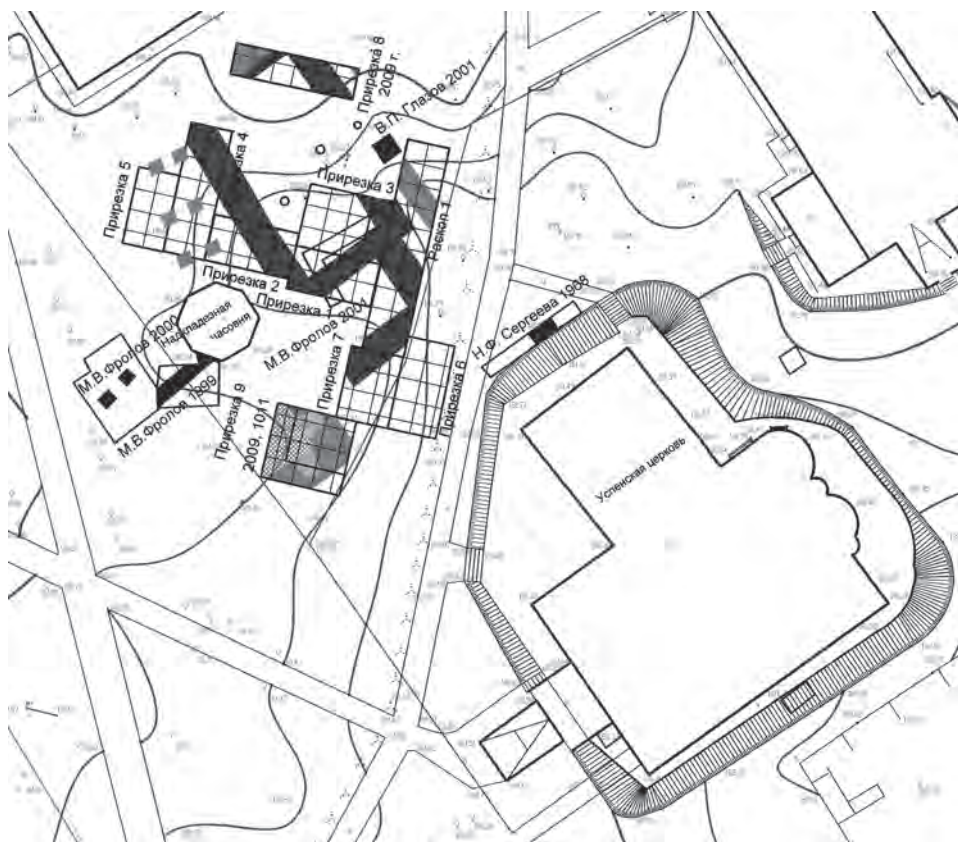

Рис. 1. План-схема раскопа 1 Древнерусской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 2005–2011 гг. на территории «царицина двора» Александровской Слободы

вых встает проблема датировки, поскольку, несмотря на наличие большого количества исследований по классификации и систематизации русских изразцов позднего средневековья, четкая картина происхождения истории и хронологических рамок бытования для многих групп рельефных изразцов до сих пор не создана.

Найденный в ходе раскопок материал был систематизирован по стратиграфическому принципу, а также по материалу, форме и стилистике, что позволило сделать выводы о датировке и принадлежности каждой из групп изразцов к определенной художественной традиции. Результаты, полученные в ходе историко-искусствоведческого и археологического исследований, позволили внести ряд важных корректив в существующие в научной литературе представления об истории изразцового декора Московского царства в начале – середине XVI в.

Вместе с тем часть фрагментов, обнаруженных в напластованиях XVIII–XIX вв., не удалось атрибутировать однозначно, как в силу небольших размеров, так и вследствие отсутствия в научной литературе, посвященной аналогичным материалам, доказательной базы для подобной атрибуции. Ряд аналогий из музейных

собраний, привлеченных в ходе изучения археологического материала, также не имеет однозначной атрибуции.

По месту находки (стартиграфически) изразцы с участка раскопа 1 могут быть разделены на несколько групп. К первой отнесены изразцы, найденные в культурных напластованиях второго строительного периода – начального периода существования резиденции, перекрывающих предматериковый слой со следами распашки. В ходе формирования, а частично с уровня верхней границы этих прослоек были впущены фундаментные траншеи первых каменных построек исследуемого участка, датируемых началом XVI в. (летописная дата окончания строительства 1513 г.) (Летописец Троице-Сергиева монастыря. Л. 4, об.; *Кавельмахер*, 1995. С. 52, 72).

Ко второй группе отнесены изразцы, найденные в напластованиях третьего строительного периода, времени частичного разрушения и перестройки первых белокаменных построек и возведения новых каменных палат, датируемых серединой – третьей четвертью XVI в. К данной группе относятся как фрагменты, найденные в нивелировочных прослойках строительного мусора и имеющие следы пребывания в кладке печей (следы нагара и длительного воздействия высоких температур), так и фрагменты, зафиксированные в архитектурных конструкциях построек третьего строительного периода. Последние, не всегда имевшие следы первоначального использования, потенциально могли попасть в кладки и из разрушенной постройки второго периода, и из брака изразцового декора строительной площадки середины XVI в.

К третьей группе относятся изразцы, обнаруженные в напластованиях, образовавшихся при разрушении каменных построек второго и третьего строительных периодов (четвертый строительный период), связанных с попытками благоустройства и возобновления строительной активности на участке; датируются второй половиной XVII в.

К четвертой группе – фрагменты из напластований рубежа XVII – первой половины XVIII в.

Пятая группа представлена фрагментами изразцов из поздних (XVIII–XX вв.) перекопов.

Находки из напластований начала XVI в., непосредственно предшествовавших возведению первых каменных построек, стилистически и по визуальным оценкам технико-технологических характеристик представляют единую группу. Это фрагментами рельефных изразцов, судя по характеру рельефа, оттиснутых в деревянных формах. К ним относятся красноглиняные неполивные изразцы и белоглиняные поливные с золотисто-желтой, золотисто-коричневой и светло-зеленой поливой. Среди образцов терракоты наиболее многочисленны перемычки витые и «косички»; фрагмент лицевого рамочного изразца с пальметтами и изразец, часть не находящего абсолютных аналогий в пластике XVI в. терракотового пояса, с завитками и четырехлепестковыми цветками; фрагмент порезки «овы» (изразец реконструируется по образцу из фондов музея-заповедника «Александровская Слобода»), а также фрагменты «городков».

Поливные фрагменты из беложгущихся глин представлены перемычками и рамочным лицевым изразцом с цепочкой, обрамляющей центральную композицию.

Рис. 2. Раскоп 1. Прирезки 4, 5 2007 г. Кладка оснований столбов белокаменных галерей-переходов начала XVI в.

К описанной группе примыкает более многочисленная группа фрагментов, найденных в строительном мусоре, образовавшемся при разрушении первой каменной постройки на участке и использованном для строительных конструкций и забутовок сменившего ее здания XVI в. По внешнему (без исследования под микроскопом) виду керамического теста и полив, а также по стилистике орнаментов эта группа практически не отличается от изразцов из ранних прослоек, связанных с возведением того же строения. Часть фрагментов имеет тот же рисунок, возможно, оттиснуты в одной или сходной форме. В этой группе также присутствуют фрагменты как выполненные в неполивной терракоте, так и в беложгущейся глине с поливой золотисто-желтого, золотисто-коричневого и светло-зеленого цветов, но состав фрагментов более разнообразен. Кроме перемычек зафиксировано несколько вариантов лицевых рамочных изразцов с мотивами аканта, бус с катушкой, витого шнура, грифон, розетка и др. Ряд фрагментов сохранил только часть плоского орнаментированного поля. Печной набор также пополнился фрагментами городков и белоглиняного поливного карнизного пояса в форме каблучка с лиственными завитками ренессансной стилистики.

Часть фрагментов, обнаруженных в напластованиях перекопов XVII–XIX в., на основании визуального сходства с ранними образцами были отнесены к той же группе и предположительно датированы началом XVI в.

Рис. 3. Раскоп. 1. Прирезка 9. 2011 г. Кладка восточного угла подвального помещения белокаменной палаты начала XVI в.

Следует отметить, что все фрагменты, скорее всего, относятся к печным изразцам. Признаки, позволяющие однозначно атрибутировать какие-то из фрагментов как архитектурные, не выявлены, хотя некоторые, исходя из размеров орнаментального мотива, могли бы быть частью архитектурного декора.

Более того часть изразцов из красной глины и белоглиняных поливных, несомненно, относится к одному печному набору, выполнявшемуся в двух вариантах: более дешевом, красноглиняном, и более дорогом, белоглиняном поливном (в двух, как минимум, цветах).

Анализ имеющегося материала, датированного XVI в., с учетом аналогий дает основание уверенно относить к одному печному набору исполненные в терракотовом неполивном и белоглиняном, с зеленой и золотисто-желтой поливой, вариантах изразцы ренессансной стилистики стенные «малой руки» с овами в обрамлении центрального поля, городок с розеткой в стрельчатой арке, витые перемычки с определенной долей осторожности, перемычки косички и угловые изразцы, включающие витую перемычку.

Терракотовый пояс с завитками и белоглиняный с золотисто-коричневой поливой карнизный пояс-каблучок, несмотря на однозначно ренессансную стилистику и визуальную идентичность по цвету и качеству глины и поливы, могут с равной долей вероятности как входить, так и не входить в данный печной набор.

При этом не подлежит сомнению их датировка началом XVI в. Правда, ширина терракотового карнизного пояса с завитками соотносится со стороной квадрата лицевой поверхности терракотовых изразцов «малой руки», что может говорить об их потенциальной совместимости в одной композиции.

Немаловажный дополнительный фактор, позволяющий уверенно выделять изразцы начала XVI в. в отдельную группу, – качество поливы, которая не под-

Рис. 4. Фрагменты изразцов начала XVI в., найденные на участке раскопа 1.

1, 2, 7–9, 15, 16, 21, 24, 26, 27 – изразцы из напластований второго строительного периода (начало XVI в.); 3, 6, 10–12, 14, 18, 19, 23, 28, 29, 31 – изразцы из напластований и архитектурных конструкций третьего строительного периода (середина–третья четверть XVI в.); 4, 5, 22, 30 – изразцы из напластований четвертого строительного периода (вторая половина XVII в.); 13, 17, 20, 25 – изразцы из напластований пятого строительного периода (конец XVII – начало XVIII в.)

верглась никаким изменениям, несмотря на длительное пребывание в неблагоприятных условиях, включая откровенно агрессивную среду (заливки известковым раствором). Поверхность поливы имеет только механические повреждения.

Все фрагменты, сохранившие декор, имеют орнаменты, выполненные в стилистике итальянского ренессанса, чрезвычайно близкие орнаментам архитектурного декора Михайловского собора Чудова монастыря (1501–1503 гг.) и Архангельского собора Московского кремля (1505–1508 гг.), возведенных итальянскими мастерами.

Следует обратить особое внимание на прямоугольные отверстия для крепления с помощью кованых железных стержней, зафиксированные на части белоглиняных поливных изразцов. Такой тип крепления применялся в белоглиняных поливных плитках пола кремлевского Архангельского собора.

Высокий уровень исполнения, точность рисунка и широкий диапазон ренессансной орнаментики фрагментов изразцов из напластований второго, третьего строительного периодов, как по мотивам, так и по характеру рельефа, находят прямые аналогии в деревянной резьбе, украшающей образцы мебели эпохи Высокого Возрождения, известные в российских и европейских музейных собраниях. Это дает основания говорить об изготовлении изразцовых форм мастером резчиком, принадлежащим европейской ренессансной традиции.

Результаты технико-технологических исследований, проведенных В.Н. Ярош и Р.В. Лобзовой, Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (*Ярош, Лобзова, Турова*, в печати), практически по всем представленным красноглиняным образцам, стратиграфически и стилистически датированным началом XVI в., обнаружили чрезвычайно близкое сходство технико-технологических параметров с терракотой декора собора Чудова монастыря (1501–1503 гг.). Это дает дополнительные кроме очевидных стилистических параллелей основания отнести изразцовый декор одной из первых каменных построек Александровской слободы к работе мастеров-итальянцев.

Более противоречивыми оказались результаты исследований для атрибуции белоглиняного поливного изразцового декора. Наиболее важным результатом на сегодняшний день можно считать присутствие в части образцов глазури, ранней стратиграфической датировки (начало XVI в.) глушителей цвета, характерных для европейских и, в частности, итальянских технологий, что на несколько десятилетий удревняет принятую в научной литературе дату появления в Московском царстве европейского поливного белоглиняного изразцового декора. Но большинство глазурей александровских изразцов прозрачные, и при изготовлении их глушители не применялись.

Наличие нескольких абсолютно полных аналогий в изразцовом декоре, обнаруженном в напластованиях времени строительства (начало XVI в.), разрушения (середина – третья четверть XVI в.) и изразцов из собрания музея-заповедника «Александровская Слобода» с печными изразцами, обнаруженными в ходе археологических работ 1995–1998 г. на части комплекса великокняжеского дворца под руководством Б.Л. Альтшуллера и С.С. Подъяпольского, заставляют вернуться к проблемам датировки и атрибуции керамического поливного декора из собрания музеев Московского кремля. К сожалению, опубликована лишь часть изразцово-

го комплекса, найденного в ходе исследований, а именно детали архитектурного декора. Мы приносим благодарность А.В. Гращенкову, предоставившему возможность ознакомиться с неопубликованной частью коллекции.

Авторы раскопок (*Евдокимов, Рузаева, Яковлев, 2003*) (под рук. С.С. Подъяпольского) указывают в качестве прослойки, из которой происходят данные изразцы, засыпку строительного мусора, содержащую обломки строительных материалов XV – начала XIX в. и датируемую реконструкцией дворца 1840 г.

Для датировки этого керамического комплекса в качестве ближайших аналогов авторами работ в Кремле приводятся два известных на сегодняшний день комплекса поливной архитектурной керамики, относимых к XVI в., комплекс «старицко-дмитровских» керамических икон, начиная с публикации А.В. Филиппова относимых исследователями к одной технологической и стилистической группе, и фрагменты поливного белоглиняного керамического декора, найденные в ходе разведочной шурфовки 1977–1979 гг. территории снесенного Борисоглебского собора в Старице В.В. Кавельмахера и М.Б. Чернышева (2008).

Наличие среди архитектурной пластики, обнаруженной разведкой в Старице фрагмента керамического фриза, обнаружившего «буквальное тождество» (*Евдокимов, Рузаева, Яковлев, 2003*. С. 126.) с аналогичным элементом из раскопок в Московском кремле, дал основание авторам кремлевских раскопок для датировки всего комплекса кремлевского поливного декора ренессансной стилистики середины XVI в. Эта дата воспроизведена и в публикации указанной группы архитектурных изразцов в каталоге музейного собрания (Гращенков, 2010. Кат. 381–457).

Нельзя не согласиться с выводами исследователей о сходстве кремлевской и старицкой деталей¹. Тем не менее основания для атрибуции и датировки самих изразцов из культурного слоя Старицкого городища представляются не столь однозначными.

Отметим лишь основные проблемы изучения этого комплекса, от решения которых во многом зависят и ответы на вопросы, возникающие при изучении изразцового декора Александровской Слободы.

Поскольку факты изготовления поливного керамического декора уникальны для Московского царства начала XVI в., не представляется корректным изучение каждого из них без учета остальных. Наличие нескольких абсолютных аналогий, причем как в терракотовом, так и в поливном белоглиняном вариантах, среди изразцового материала из Александровской слободы и московского великокняжеского дворца, датируемого XVI в., неизбежно ставит вопрос о связи Александра и Старицы.

Обнаружение кремлевского комплекса изразцов целиком в напластованиях позднего периода и отсутствие подобной поливной пластики *in situ* на наружной поверхности стен и в интерьерах сохранившейся исследованной части великокняжеского кремлевского дворца дают авторам раскопок основание для придания большого значения датировке по чрезвычайно близкой аналогии. Но рассмотрим, насколько обоснована сама датировка этой аналогии.

¹ Сравнительные технико-технологические исследования образцов кремлевской и старицкой поливной керамики были предприняты в лаборатории Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, но до конца доведены не были.

В комплекс поливной керамики, относимый на сегодняшний день исследователями к Борисоглебскому собору 1558–1561 г. в Старице, имеет весьма сложное происхождение. Он состоит из шести керамических полихромных икон: две из которых (Распятие и круглая икона Спас Нерукотворный) находятся в Старицком Борисоглебском соборе 1820 г. постройки, три – в стенах Успенского собора в Дмитрове (две композиции Распятия и круглая икона Св. Георгий), и одна, фрагментарно сохранившаяся композиция Распятия – в Тверском музее; и некоторого количества фрагментов полихромных иконных изображений, найденных при археологических раскопках. Вторую часть комплекса составляет сохранившаяся во фрагментах двуцветная поливная храмозданная надпись, датирующая Борисоглебский собор 1558–1561 гг. и относящая возведение храма ктисторству Владимира Андреевича Старицкого. Третью часть коллекции изразцов, происходящих со Старицкого городища, составляют многочисленные фрагменты поливной рельефной архитектурной керамики, выполненные в одноцветной поливе с орнаментацией ренессансной стилистики.

Исследования В.В. Кавельмахера и М.Б. Чернышова убедительно доказали как факт появления икон в Успенском соборе в Дмитрове в 1780–1800-х годах, так и факт не вполне корректного их монтажа в стенах собора, нарушившего первоначальные формы храма. Вряд ли можно оспорить и то, что источником этого перенесения, как и перенесения двух других икон на стены нового (1820 г.) Старицкого Борисоглебского собора, стал разобранный в 1804 г. собор XVI в. Факт размещения фрагмента из Тверского музея на стенах Борисоглебского Старицкого собора также достаточно обоснован многими исследователями.

Вместе с тем необходимо отметить, что ни факт нахождения керамических икон на момент разборки Борисоглебского собора на его стенах, ни факт их перенесения, ни факт наличия обломков иконных изображений на территории вокруг храма не является доказательством их Старицкого происхождения. Здесь возникает ряд серьезных вопросов и обнаруживается ряд противоречий.

Первое из них – посвящение икон. Старицкий храм 1558–1561 гг. был посвящен Борису и Глебу, придел – Николаю Великорезцкому. Если керамические иконы были созданы для Борисоглебского Собора в Старице, иконографическая программа иконного комплекса не могла не быть связана с его посвящением. Между тем иконы Св. Бориса и Глеба и Св. Николая отсутствуют среди керамических икон, и никакие данные о существовании их когда-либо не зафиксированы, равно как в этом храме не зафиксированы престолы с посвящениями, соответствующими посвящению керамических икон. Учитывая статус храма, его программа не могла носить случайного характера. Самое монументальное из имеющихся – изображение Св. Георгия. Масштаб его явно предполагал отведение этому изображению одного из главных мест. Нет объяснения тому, что это никак не отражено в программе храма, если только не считать, что иконные изображения изготовлены по другому поводу и включены в уже сформированный храмовый контекст Борисоглебского собора позднее.

Кроме того, совершенно очевидно, что орнаментальная часть керамических икон весьма вольно интерпретирует ордерную стилистику, орнаменты имеют искривления и помятости. Это в значительной степени не соответствует поливной

чисто архитектурной пластике Старицкого городища. Здесь рельеф практически не отличается от лучших образцов ренессансной европейской пластики. Кроме того, вся эта группа керамики выполнена в одноцветной глазури. Тем не менее обе группы изразцов априори относятся исследователями одной мастерской и датируются одним периодом.

Более того, в имеющихся публикациях не приведен ни один тезис, аргументирующий принадлежность этого декора именно собору, кроме того, что декор обнаружен в строительном мусоре вокруг собора. При этом ни в обобщении археологических исследований 1970-х годов, ни в публикации по результатам работ под руководством А.М. Салимова (*Салимов, Романов, Салимова, 2007*) нет данных о стратиграфическом положении обнаруженных фрагментов керамики: найдены ли они в напластованиях, связанных со строительством собора, или только в нивелировках, образовавшихся после разрушения. Из стратиграфии площадки, зафиксированной В.В. Кавельмахером и М.Б. Чернышевым (2008. Ил. 37), следует, что можно было вычленить эти напластования в стратиграфии участка. Не проанализирован вопрос о возможности попадания декора как на стены собора (если это имело место), так и в строительный мусор из другой постройки. Старицкий кремль функционировал как административный центр удельного княжества и до постройки Борисоглебского собора. На территории его располагались княжеский дворец и несколько храмов, зафиксированных раскопками 1903 г. (Отчет о раскопках..., 1903; *Крылов, Шебякин, 1905; 1906; Крылов, 1907; Кавельмахер, Чернышев, 2008*).

Принимая датировку кремлевского комплекса поливных изразцов и аналогичного старицкого комплекса концом 1540 – началом 1560-х годов и версию об изготовлении их неизвестными «иностранными мастерами» (*Евдокимов, Рузаева, Яковлев, 2003. С. 127*), мы сталкиваемся с еще одним очевидным противоречием. Строительство собора в Старице велось практически параллельно с начатым за три года до этого в 1555 г. возведением собора Покрова на рву. Оба храма создавались в ознаменование успешного окончания Казанского похода (*Ильин, 1980. С. 95; Баталов, 1996. С. 132*). При этом если допустить указанную датировку и атрибуцию имеющегося изразцового материала, для храма в удельной Старице мастерами, только что работавшими по великокняжескому заказу на великокняжеском кремлевском дворце в Москве, изготавливается разноплановая монументальная ренессансная архитектурная поливная пластика. В самой же Москве для заветного храма, прославляющего то же событие и подвиг московского государя в общерусском масштабе, на украшении шатра, венчающего главный престол, подвизаются мастера-керамисты, создающие поливные изразцы, весьма примитивные по форме и довольно низкие по технологическому качеству. Немногочисленные образцы, сохранившиеся от первоначального декора центрального шатра, переданные в музейное собрание² при реставрации храма под руководством А.М. Павлинова в 1890-х годах (*Баталов, Успенская, 2004. С. 56*), дают представление об этом декоре. Плоские, прямоугольной или упрощенной балясиновидной формы плитки с прямой коробчатой румпой и неряшливо заглаженной лицевой декоративной

² В настоящее время находятся в собрании музея-заповедника «Коломенское». Приношу глубокую благодарность С.И. Барановой за возможность ознакомиться с этими материалами.

поверхностью неравномерно, с затеками, покрыты желтой, бирюзовой, зеленой и коричневой глазурью. При этом попытка создания полихромного изразца ограничивается декорацией из четырех треугольных полей, образованных двумя перекрещенными линиями на гладком прямоугольном поле; на границах полей полива то и дело заходит на соседнее поле, образуя рваную линию.

Такое технологическое несовершенство вполне объяснимо, учитывая прерванную традицию производства русских поливных изразцов в начале – середине XVI в., когда известны лишь редкие случаи опытов подобного рода (Дзвонковский, 1993. С. 195–206). Но его чрезвычайно сложно объяснить, если допустить, что в это же время, как минимум, несколько иностранных мастеров поливной архитектурной пластики высочайшей квалификации работают в Старице. Это еще более маловероятно при известной практике контроля над иностранными мастерами в этот период. Технично-технологические исследования, позволяющие сопоставить данные по глинам и поливам изразцов из декора ц. Покрова на Рву, великокняжеского дворца в Московском кремле и изразцы из Старицы, до конца доведены не были.

Отдельно следует сказать о белоглиняных поливных плитках Архангельского собора. В ноябре 1962 г. были проведены работы по вскрытию и исследованию древних полов Архангельского собора Московского кремля, в южном делении алтаря собора и частично в алтаре и в приделе Иоанна Предтечи. В ходе работ, как следует из археологического отчета Б.Л. Альтшуллера (1962), было найдено большое количество белоглиняных поливных треугольных плиток пола, образовавших звездчатый орнамент и покрытых полупрозрачными глазурями коричневого, зеленого и желтого цветов. Плитки пола имели значительный износ. Исследователь датировал пол как «с большой долей достоверности» современной постройке здания Алевизом Новым. Среди аргументов в пользу этой даты приводился тот факт, что одна из поливных плиток с коричневой поливкой со следами износа попала в гробницу царевича Иоанна и была в ней замурована раствором в момент захоронения. Это давало основание полагать, что к 1581 г. сильно изношенный пол уже был разобран. Кроме того, к моменту захоронения царевича Ивана и переустройства в связи с этим придела в нем уже существовал новый пол из белокаменных плит. Замену мозаичного пола на белокаменный Б.Л. Альтшуллер связывал с работами после пожара 1947 г.

Эта датировка была принята исследователями. Плитки Архангельского собора с той же датировкой фигурируют в обобщающей статье Е.Л. Хворостовой (2002). Тем не менее, никак не опровергая эту датировку, авторы исследований кремлевского великокняжеского дворца просто забывают о ее существовании. По непонятным причинам, обобщая результаты археологических работ в траншее 2001 г. у южного фасада Архангельского собора, ученые уже относят и подобные плитки пола также ко второй половине XVI в., что находит отражение в публикации каталога музейного собрания (Гращенков, 2010. С. 280–282. Кат. 902–912).

Заметим, что авторы работ 1995–1998 гг. в великокняжеском кремлевском дворце также зафиксировали на керамике следы пожара. Но отнесение этого пожара к 1547 г. не давало возможности связать найденный изразцовый декор со Старицким собором 1569 г. Пришлось бы признать, что мастера изразечники вы-

сочайшей европейской квалификации работали несколько десятилетий, не оставив никаких свидетельств этих работ и никаких учеников, и никак не эволюционировали. В связи с этим у исследователей кремлевского великокняжеского дворца возникло предположение о том, что архитектурные изразцы, часть из которых имеет следы пожара, образовавшиеся уже после извлечения изразцов из кладки, могли быть изъяты со своих мест в середине XVIII в., до 1800 г. По предположению исследователей, детали могли храниться в подклетах дворца, после чего уже поврежденные обгорели в пожаре при взятии Москвы Наполеоном. Весьма возможно, что все было именно так, но никаких аргументов тому, что изразцы горели, будучи извлеченными из кладки до пожара, а не, например, обрушились вместе с горевшими частями кладки в 1547 г. и продолжали обгорать уже в разрушенном состоянии, авторы не приводят.

Таким образом, комплекс изразцов из прослоек второго, третьего строительных периодов на участке каменных палат царицына двора Александровской слободы может быть отнесен к работе итальянских мастеров, работавших под руководством Алоизо де Карезано с 1508 по 1513 г. Поливная белоглиняная часть изразцового комплекса Александровской слободы является одним из самых ранних примеров поливных изразцов в искусстве послемонгольской Руси. Обнаружение этого комплекса заставляет пересмотреть основания датировки двух стилистически и технологически близких групп изразцов великокняжеского дворца Московского кремля и изразцов части архитектурного изразцового комплекса из материалов раскопок в Старице.

Литература

- Альциуллер Б.Л.*, 1962. Московский Кремль. Архангельский собор. Отчет об археологических исследованиях в южном делении алтаря собора и приделе Иоанна Предтечи. Ноябрь 1962 г. Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль» // Отдел рукописей Гос. историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». Ф. 20. Оп. 1962 г. Д. 76. Л. 10–15.
- Баталов А.Л.*, 1996. Московское каменное зодчество конца XVI в.: Проблемы художественного мышления эпохи. М.: Изд. фирма «Мейкер». 432 с.
- Баталов А.Л., Успенская Л.С.*, 2004. Собор Покрова на Рву (Храм Василия Блаженного). 2-е изд. М.: Северный паломник. 96 с.
- Граценков А.В.*, 2010. Архитектурные детали и фрагменты сооружений: Каталог собрания Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». М.: Голден-Би. 368 с.
- Дзвонковский С.Л.*, 1993. Новые археологические данные об изразцовом производстве в Москве конца XIV–XVI в. Коломенское: Материалы и исследования. Вып. 5. Ч. 2 / Ред. Л.А. Беляев, В.Е. Суздаев. М. С. 195–212.
- Евдокимов Г.С., Рузаева Е.И., Яковлев Д.Е.*, 2003. Архитектурная керамика в декоре московского великокняжеского дворца в середине XVI в. // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век / Отв. ред. А.Л. Баталов. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 120–128.
- Ильин М.А.*, 1980. Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI века: Проблемы и гипотезы, идеи и образы. М.: Искусство. 144 с.

- Кавельмахер В.В.*, 1995. Памятники архитектуры древней Александровой Слободы. Владимир: Золотые ворота. 112 с.
- Кавельмахер В.В., Чернышев М.Б.*, 2008. Древний Борисоглебский собор в Старице. М.: Московские учебники–СиДиПресс. 112 с.
- Крылов И.П.*, 1907. Археологические раскопки в бывшем Старицком кремле, произведенные в 1903 году. Старица: Тип. И.П. Крылова. 50 с. (Беспл. прил. к газ. «Тверское Поволжье»; Кн. 6, июнь).
- Крылов И.П., Шебякин А.П.*, 1905. Раскопки в Старице 1903 года // Материалы для истории города Старицы Тверской губернии. Вып. 1. Старица: Тип. И.П. Крылова. С. 64–87.
- Крылов И.П., Шебякин А.П.*, 1906. Раскопки в Старице 1903 года // Труды Второго Областного Тверского археологического съезда (10–20 августа 1903 г.). Отдел II: Областная история. Памятники гражданской старины. Тверь: Тип. губернского правления. С. 447–464. (Раздельная пагинация).
- Летописец Троице-Сергиева монастыря // Отдел рукописей ГБЛ. Ф. 304. Ед. хр. 647.
- Отчет о раскопках..., 1903. Отчет о раскопках, представленный в Археологическую комиссию // Архив ИИМК. Ф. ИАК. 1903 г. Д. 93.
- Салимов А.М., Романов В.В., Салимова М.А.*, 2007. Борисоглебский собор в Старице по материалам последних исследований // *Seminarium Bulkinianum*. 2: К 70-летию со дня рожд. В.А. Булкина / Отв. ред. Т.В. Ильина. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 118–157.
- Турова Е.А.*, 2010. Архитектурно-археологические исследования древнерусской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа на территории «Александровской Слободы» в 2005–2008 гг. // *Зубовские чтения*. Вып. 5: Памяти выдающегося российского ученого А.И. Комеча (15–17 октября 2008 г.) / Отв. ред. В.Д. Назаров. Александров: Графика. С. 8–21.
- Хворостова Е.Л.*, 2002. Керамические покрытия полов XIV–XVII вв. (Москва и Московская область) // *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья*. Вып. 4 / Ред. А.Н. Хохлов. Тверь: Старый город. С. 195–203.
- Ярош В.Н., Лобзова Р.В., Турова Е.А.*, в печати. Опыт технологического исследования образцов археологической керамики из Александрова для решения атрибуционных задач // *Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства: XVII науч. конф.* (23–25 ноября 2011 г.) / Гос. Третьяковская галерея, Объединение «МАГНУМ АРС». М.

К статье Н.А. Макарова
«А.С. Уваров и начало археологического
изучения Северо-Восточной Руси»

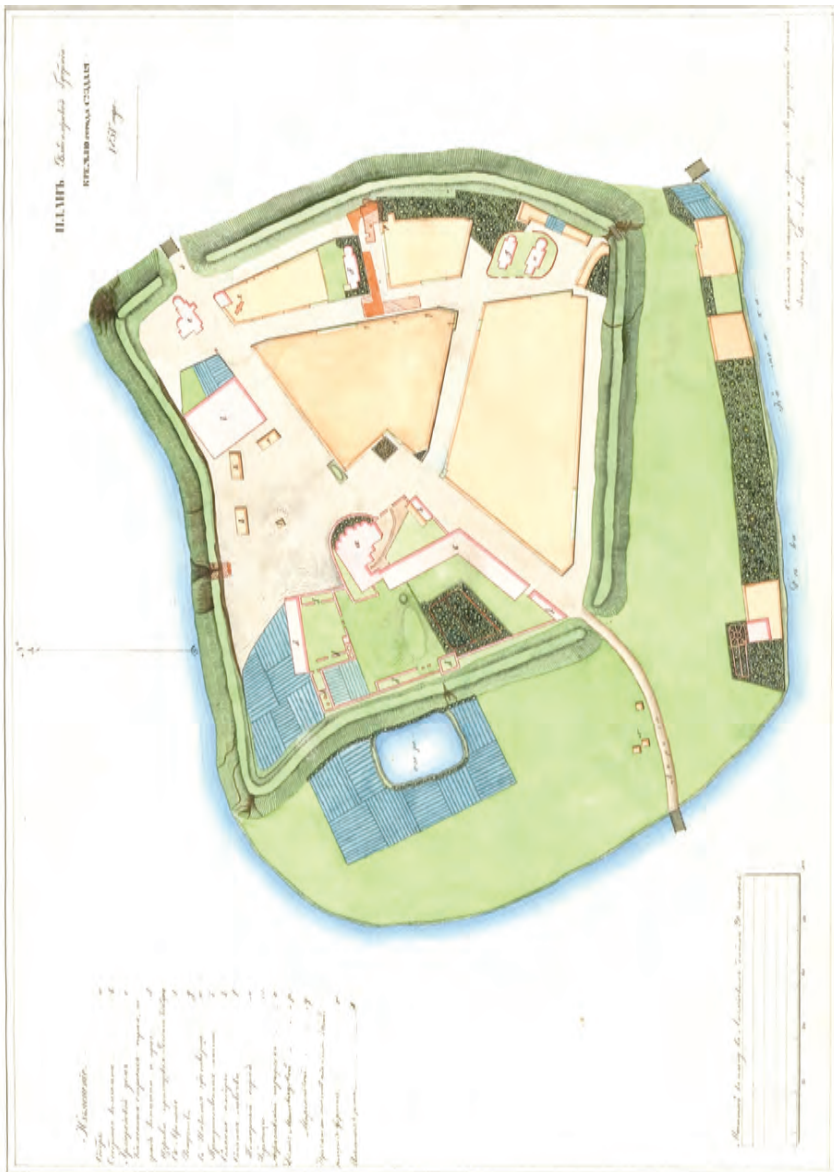

Рис. 1. «План Владимирской губернии Кремлю города Суздаля 1851 года». Альбом «Суздаль. Планы и карты. 1851–1852.» (по: ГИМ, отдел картографии, фонд I гр. № 65397, ТО № 3662)

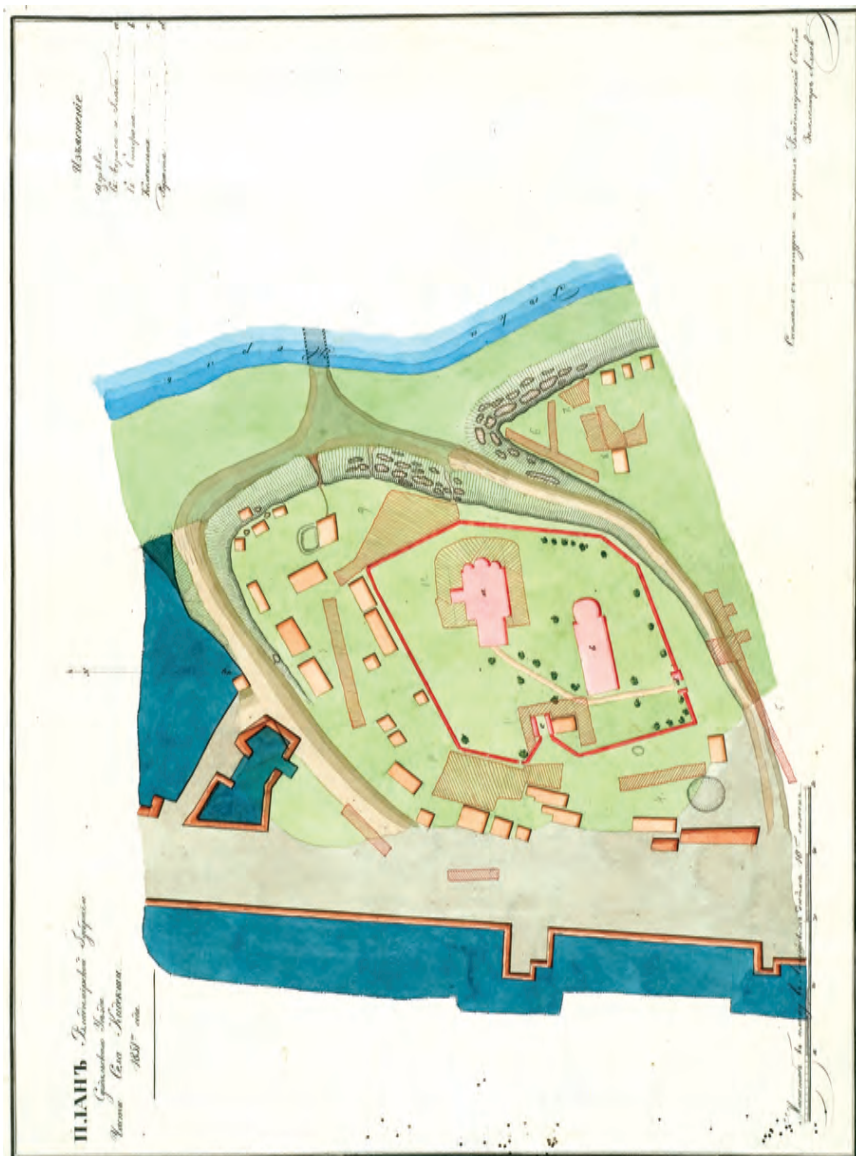

Рис. II. «План Владимирской губернии Суздальского уезда части села Кидекши. 1851 года»
Альбом «Суздаль. Планы и карты. 1851–1852» (по: ГИМ, отдел картографии, фонд I гр. № 65397, ТО № 3662)

Рис. III. «План курганам в кустарнике села Менчакова. 1851 года»
 Альбом «Суздаль. Планы и карты. 1851–1852» (по: ГИМ, отдел картографии, фонд I гр.
 № 65397, ТО № 3662)

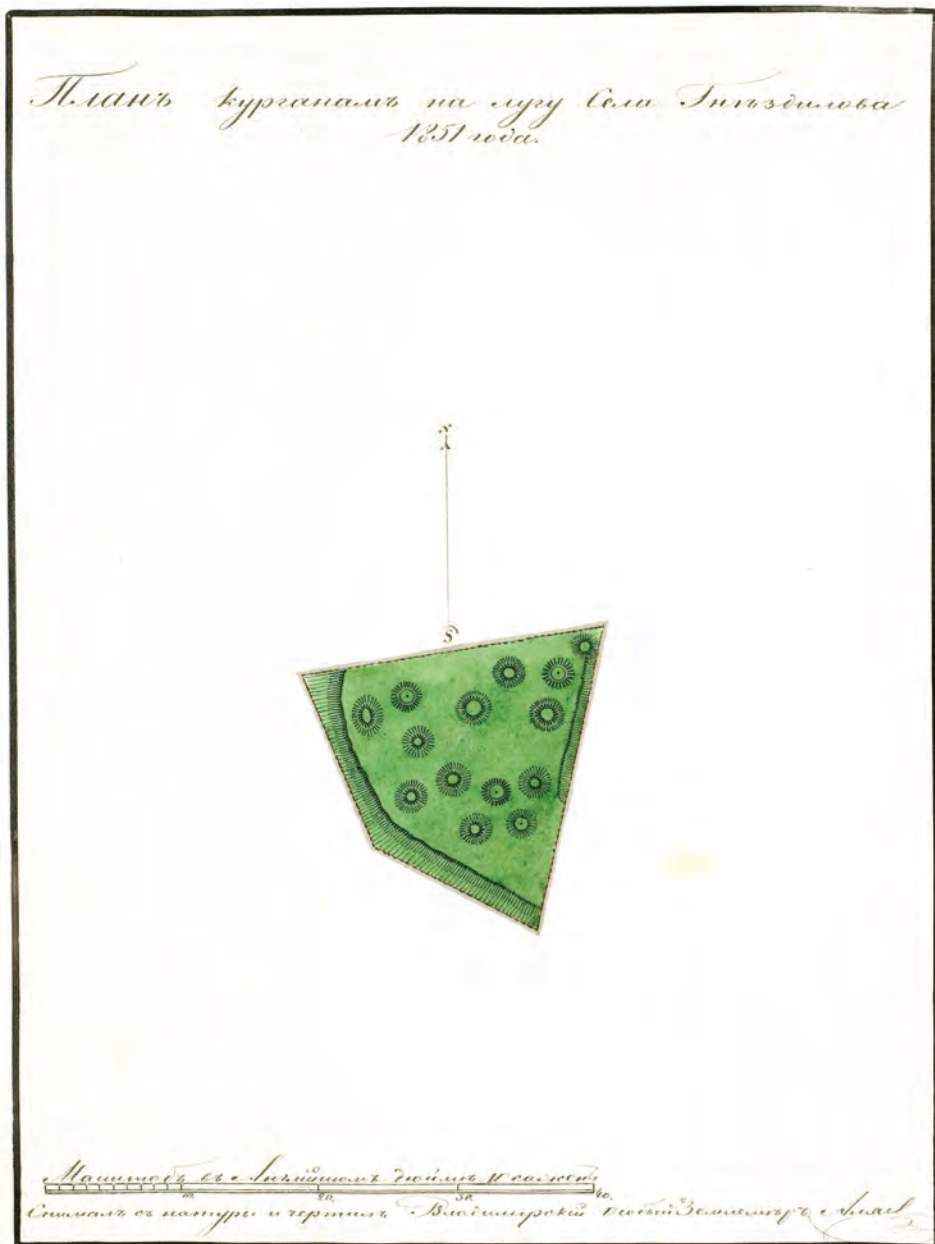

Рис. IV. «План курганам на луку села Гнездилова 1851 года»
Альбом «Суздаль. Планы и карты. 1851–1852» (по: ГИМ, отдел картографии, фонд I гр.
№ 65397, ТО № 3662)

К статье А.Н. Федориной, А.М. Красниковой
«Средневековое расселение
в Шекшовском микрорегионе»

Рис. V. Селище Б. Давыдовское 2. Сводный план раскопа 1. Пространственное соотношение объектов разных хронологических периодов.

Условные обозначения: *a* – конец X – XI в.; *b* – XII в.; *v* – вторая половина XII – XIII в.

Рис. VI. Селище Шекшово 2. Раскоп 2007–2011 гг. Находки из заполнения ям X–XI вв. 1–37 – стекло; 38–42 – цветной металл; 43 – рог; 44, 45, 47 – кость; 46 – железо

Рис. VII. Селище Б. Давыдовское 2. Находки из заполнения ямы 1.
 1-5 – цветной металл; 6-21 – стекло; 22 – глина; 23, 24 – кость; 25-29 – железо

Рис. VIII. Селище Шекшово 2. Подъемный материал X–XI вв.

1, 3–7 – цветной металл; 2 – серебро; 8, 9 – стекло; 10, 11 – кость; 12–18 – железо

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО – Археологические открытия. М.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., СПб.
БАН. ОР – Библиотека Академии наук. Отдел рукописей
ВГСК – Владимирский губернский статистический комитет
ВУА – Военно-ученый архив
ВУАК – Владимирская ученая архивная комиссия
ГАВО – Государственный архив Владимирской области
ГБЛ – Государственная библиотека им. В.И. Ленина
ГВСМЗ – Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник
ГИМ – Государственный Исторический музей
ГРМ – Государственный Русский музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАК – Императорская Археологическая комиссия
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
М., Л.
МАО – Московское археологическое общество
МАР – Материалы по археологии России. СПб.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МНМ – Мифы народов мира. М.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников. М.
УРИЯ – Управление реконструкции исторического ядра г. Владимира

СОДЕРЖАНИЕ

Макаров Н.А.	
А.С. Уваров и начало археологического изучения Северо-Восточной Руси	3
АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ	
Милованов С.И.	
Начальный этап освоения восточной части Печерного города Владимира-на-Клязьме	14
Зеленцова О.В., Кузина И.Н.	
Опыт радиоуглеродного датирования археологических комплексов из раскопок в Печерном городе Владимира.	30
Зоц С.А.	
Раскопки в квартале № 13 г. Владимира в 2006–2007 гг. Комплексы XIV – начала XV в.	40
Кабаев Д.А., Гальчук Л.Л.	
Археологические раскопки в квартале 22 исторического ядра г. Владимира (ул. Златовратского, 1)	52
Очеретина С.В., Юртаев А.А.	
Этапы освоения склонов левого берега р. Клязьма в окрестностях древнего Владимира (на примере археологически изученного в 2011 г. участка)	60
Гончарова Н.Н.	
Анализ антропологического материала из захоронения на ул. Златовратского в г. Владимире	67
Тимофеева Т.П.	
Княжеские и государевы дворы во Владимире и Суздале (к постановке вопроса)	74
Мазур Л.Д.	
Архитектурно-планировочное состояние Юрьева-Польского в XVII столетии (по данным документов писцового дела)	87
Томсинский С.В.	
Древнерусский город Мстиславль (предварительные результаты археологического изучения посада и письменные источники)	111

Денисов С.А.	
Результаты археологических наблюдений за очисткой реки Каменка в Суздале (2008–2010 гг.)	129

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ

Лапшин В.А.	
Две группы построек селища Гнездилово 2 под Суздалем	139
Федорина А.Н., Красникова А.М.	
Средневековое расселение в Шекшовском микрорегионе	145
Макаров Н.А., Шполянский С.В., Долгих А.В., Алешинская А.С., Лебедева Е.Ю.	
Раскопки в Кидекше: культурный слой и пахотный горизонт под церковью Бориса и Глеба	157
Костылева Е.Л., Уткин А.В.	
Муромо-древнерусский комплекс многослойного поселения Ванино на реке Лух	178

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Кокорина Н.А.	
Древнерусские кожаные изделия и обувь в коллекции археологии Владимиро-Суздальского музея-заповедника	186
Уткин А.В., Костылева Е.Л.	
Древнерусская актовая печать из Владимира-на-Клязьме	195
Пуцко В.Г.	
Средневековые каменные иконки во Владимире	199
Лапшин А.Г., Бисерова А.В.	
Технологические особенности сероглиняной керамики древнего Владимира: исходное сырье и состав формовочной массы	209
Бейлекчи Вал.В.	
«Мужской» инвентарь в коллекции из грабительских раскопок 1910 г. на Подболотьевском могильнике муромы	220
Несмиян О.А., Несмиян В.Г.	
Шуйская «гладилка»	234
Абрамов Д.В., Данилов О.В., Номан М.А., Прокошев В.Г., Хорьков К.С.	
Определение характерных особенностей изготовления средневековой краснолощенной керамики при помощи комплекса установок микроскопии высокого разрешения и спектроскопии комбинационного рассеяния	237
Гладкая М.С.	
Кентавры в резьбе Дмитриевского собора во Владимире: осмысление образа	245
Вахтанов С.Н.	
Граффити Успенского собора во Владимире	256
Турова Е.А.	
Изразцы из раскопок археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 2005–2011 гг. на территории «царицина двора» Александровской Слободы	264
Цветная вклейка	277
Список сокращений	285

Научное издание

Археология Владимиро-Суздальской земли
Материалы научного семинара
Вып. 5

Редактор: *Г.Г. Король*
Верстка: *С.В. Кожушков*

Подписано к печати 05.05.2015. Формат 70×100/16
Усл.печ.л. 23,4. Уч.-изд.л. 22,1. Тираж 400 экз.

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095 СПб., ул. Розенштейна, 21. Тел. (812)622-01-23

ISBN 978-5-94375-187-5

9 785943 751875